The person charging this material is responsible for its return on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

University of Illinois Library

MAR 13 1970

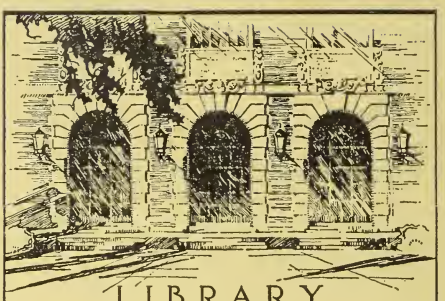
MAY 19 1984

MAY 8 1984

JAN 17 1985

APR 10 1985

L161—O-1096



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

947.08405
IS
v.3

Историкъ
и
Современникъ

Историко-литературный сборникъ

III.

Содержаніе:

Кн. *С. П. Мансыревъ,* Мои воспоминанія о Государственной Думѣ. (1912—1917 г.) (Окончаніе.) *Морисъ Палеологъ,* Императорская Россія въ эпоху Великой Войны. Мемуары. (Продолженіе.) *Ник. Бережанскій,* Полско-совѣтскій миръ въ Ригѣ (Окончаніе.) *Н. В. Герасименко,* Махно. *Е. Н. Шелькингъ,* Самоубійство монархій. Императоры Вильгельмъ II и Николай II. (Продолженіе.) *Александръ Лясковскій,* М. Е. Салтыковъ въ ссылкѣ. *Левъ Урванцовъ,* Театральныя воспоминанія. (Комиссаржевская, Савина, Миронова.) Актъ разслѣдованія о взрывѣ бомбы на параходѣ „Ріонъ". М. Г., Петръ Конашевичъ-Сагайдачный.

Б Е Р Л И Н Ъ 1 9 2 2

Оглавленіе:

стр.

1. Кн. С. П. МАНСЫРЕВЪ — Мои воспоминанія о Государственной Думѣ (1912—1917). (Окончаніе) 3
2. МОРИСЪ ПАЛЕОЛОГЪ — Императорская Россія въ эпоху Великой Бойны. Мемуары. (Продолженіе) 45
3. НИК. БЕРЕЖАНСКІЙ — Польско-совѣтскій миръ въ Ригѣ. (Изъ воспоминаній бывш. редактора. (Окончаніе) 109
4. Н. В. ГЕРАСИМЕНКО — Махно 151
5. Е. Н. ШЕЛЬКИНГЪ — Самоубійство монархій. Императоры Вильгельмъ II и Николай II. (Продолженіе) 202
6. АЛЕКСАНДРЪ ЛЯСКОВСКІЙ. М. Е. Салтыковъ въ ссылкѣ 249
7. ЛЕВЪ УРВАНЦОВЪ — Театральныя воспоминанія. (Комиссаржевская, Савина, Миронова) 279
8. Актъ разслѣдованія о взрывѣ бомбы на параходѣ „Ріонъ“ 299
9. М. Г. Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. . . . 302

947.08405
I6
V.3

Князь С. П. Мансыревъ.

Мои воспоминанія о Государственной Думѣ.

(Окончаніе.)

VII.

Какъ извѣстно, нормальная работа 4-ой Думы продолжалась лишь полтора года — съ ноября 1912 по іюнь 1914 года и за этотъ, непродолжительный срокъ чисто законодательная ея дѣятельность была незначительна. Всѣ, сколько-нибудь важные, законопроэкты еще разрабатывались въ комиссіяхъ, въ общія же собранія поступали или запросы, или мелкіе законопроэкты. Первый мѣсяцъ заняли выступленія фракцій въ отвѣтъ на декларацію правительства, затѣмъ послѣдовалъ рядъ засѣданій по разсмотрѣнію наказа, который, былъ разработанъ еще въ 3-ей Думѣ, принятъ ею, но не распубликованъ Сенатомъ изъ-за несогласія его признать за министрами обязанность отчитываться передъ Думою по ея требованію. Несомнѣнно, наказъ при нормальной парламентской жизни играетъ большую роль и правильное составленіе его весьма важно — но лично для меня это дѣло представляло мало интереса.

О запросахъ я уже говорилъ; въ огромномъ большинствѣ они служили поводомъ лишь для партійныхъ выступленій соціалъ-демократовъ и частью трудовиковъ; лишь два имѣли сколько-нибудь общее значеніе — о Ленскихъ разстрѣлахъ и о гимназіи Витмеръ. Оба они вызвали выступленія всѣхъ фракцій, были приняты и повлекли за собою объясненія министровъ, вновь сопровождаемыя преніями.

Безспорно, что разстрѣлъ рабочихъ на Ленскихъ пріискахъ былъ явно незаконнымъ дѣйствіемъ со стороны мѣстныхъ властей, поступавшихъ такъ съ вѣдома и молчаливаго согласія центральнаго правительства; несомнѣнно также, что полицейскіе обыски и аресты подростковъ — учениковъ Витмеровской гимназіи также являлись и незакономѣрными, и безосновательными; но для особливой сенсаціи обоихъ запросовъ, для того шума, который они вызвали на цѣлые

мѣсяцы въ Думѣ, печати и общественныхъ кругахъ — все-таки не было основанія. Эта сенсація была на мой взглядъ вызвана искуственно, съ цѣлью лишній разъ поднять оппозиціонное настроеніе нашей общественности, инертной до тѣхъ поръ, подчеркнуть дефекты правительственнаго аппарата и поддерживающихъ его правыхъ группъ. Другими словами, все сводилось къ партійной борьбѣ и революціонированію населенія.

Въ значительной степени то-же самое можно сказать и о преніяхъ по декларації, съ самаго же начала принявшихъ формы и значеніе партійной пропаганды и борьбы. Объ интересахъ государства и народа мало думали и съ этой точки зрѣнія наиболѣе яркія рѣчи давали очень немного. Для меня гораздо интереснѣе были двукратныя бюджетныя пренія (по смѣтамъ 1913 и 1914 года), въ которыхъ развертывалась дѣятельность всѣхъ органовъ власти въ совокупности и попутно освѣщались различныя стороны жизни народа и его потребности. Изъ этихъ преній, помимо извѣстнаго ознакомленія съ государственной жизнью въ полномъ объемѣ можно было сдѣлать и правильный, не односторонній выводъ для дальнѣйшей политической дѣятельности, воспитать опредѣленное политическое credo, котораго, какъ я говорилъ раньше, не было у большинства членовъ Думы. Дѣйствительно, уже послѣ первыхъ бюджетныхъ преній чувствовалось, что непроницаемыя перегородки между отдѣльными фракціями, образовавшіяся при открытіи сессій, начинаютъ ослабѣвать, что духъ крайней нетерпимости и полнаго отчужденія, царившій первые мѣсяцы, понемногу уступаетъ мѣсто нѣкоторому взаимному пониманію, что объяснялось именно постепеннымъ ростомъ политической сознательности. Въ особенности это можно сказать про группы крестьянъ и духовенства. Тѣмъ не менѣе, партійность до самой войны была весьма сильна и совершенно заслоняла собою идею государственности, а тѣмъ болѣе народности.

Послѣдній упрекъ я дѣлаю не только лѣвымъ, но, въ такой же степени и правымъ группамъ. Не можетъ быть настоящаго націонализма, искренняго чувства и пониманія у тѣхъ, которые, несмотря ни на какіе факты, упорно стоятъ на неприкосновенности всего, существующаго уклада, и, вопреки истинѣ, отрицаютъ за нимъ какіе-либо недостатки, а также всячески и всегда противодѣйствуютъ внесенію въ народную жизнь какихъ бы то ни было улучшеній или исправленій, иначе говоря, отрицаютъ всякій прогрессъ въ дѣятельности государства. Мертвенный застой, а не истинное желаніе послужить народу, жизнь котораго неизмѣнно шла впередъ и выдвигала новые и новые запросы, былъ идеаломъ правыхъ; насильственное же удушеніе всякихъ попытокъ удовлетворить эти запросы неизмѣнно приводило лишь къ одному результату: торжеству крайнихъ взглядовъ, стремящихся разрушить всѣ преграды на пути своихъ требованій и не останавливающихся передъ разрушеніемъ даже самой государственности. Какъ 3-я, такъ и 4-я Государственныя

Думы, съ ихъ партійностью, отсутствіемъ политическаго центра, небреженіемъ къ народнымъ интересамъ, съ атрофированнымъ и справа и слѣва чувствомъ государственности не только не противодѣйствовали уже начавшемуся и быстро шедшему впередъ развалу государственнаго организма, но, вольно или невольно, ему содѣйствовали. Такое положеніе вещей неминуемо должно было привести къ кризису, который война и всѣ связанныя съ ней потрясенія только приблизили.

Моментъ объявленія войны наступилъ для большинства думцевъ неожиданно, также, какъ и для всего народа. О близости и неизбѣжности ея и въ Думѣ и внѣ ея говорили всего меньше — не смотря на такіе, казалось бы, серьезные признаки, какъ упоминавшееся мною совѣщаніе съ военнымъ вѣдомствомъ о перевооруженіи арміи. Въ іюнѣ 1914 года мы спѣшно доканчивали разсмотрѣніе бюджета, и, покончивъ съ нимъ, въ концѣ мѣсяца въ самомъ беззаботномъ и спокойномъ настроеніи разъѣхались по домамъ.

Объявленіе войны меня застало въ деревнѣ, куда 20-го іюля вечеромъ пріѣхалъ изъ волости нарочный съ приказомъ о мобилизаціи. На слѣдующій же день я собрался и выѣхалъ въ нашъ уѣздный городъ (Темниковъ), и далѣе, черезъ Рязань, въ Петербургъ.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ уже послѣ пріема членовъ Думы въ Зимнемъ Дворцѣ и поспѣлъ какъ-разъ къ началу «историческаго» засѣданія 26 іюля. Оно меня глубоко потрясло и порадовало. Нѣсколько дней послѣ него я жилъ даже отрѣшившись отъ своего пессимизма и чуть не увѣровалъ въ оздоровленіе нашей общественности. Дѣйствительно, картина засѣданія была поразительна. Вмѣсто прежней угрюмой отчужденности, недовѣрчиво-злобнаго отношенія однихъ группъ къ другимъ, взаимнаго непониманія — искренній, единодушный и горячій патріотическій подъемъ. Ни одной фальшивой ноты въ рѣчахъ, всеобщіе апплодисменты выступавшимъ ораторамъ, горячая готовность всѣхъ рука объ руку добиваться побѣды и служить родинѣ. Соціалъ-демократы сидѣли смирно, молча и какъ-бы старались стушеваться, но двое изъ нихъ, видимо, были увлечены общимъ настроеніемъ. Это — Маньковъ, полу-бурятъ изъ Иркутской губ., который даже вышелъ на кафедру съ коротенькимъ, нескладнымъ, но вполнѣ подходящимъ заявленіемъ и Бурьяновъ, — Плехановецъ. Этотъ хотя и не говорилъ съ кафедры, но и со мною, и съ другими оживленно бесѣдовалъ въ духѣ совершенно патріотическомъ, все жалуясь, что его сотоварищи никакъ его не хотятъ понять. На бѣднаго Бурьянова послѣдующее поведеніе эсъ-эровъ, въ особенности знаменитой «пятерки», (большевиковъ Петровскаго, Бадаева, Шагова, Муронова и Самойлова), оказало такое сильное вліяніе, что онъ впалъ сначала въ мрачную задумчивость, потомъ сталъ путаться въ мысляхъ и кончилъ форменнымъ сумасшествіемъ еще до революціи.

Кстати о нашихъ соціалъ-демократахъ. Болѣе безнадежной тупости, узкости мысли, бездарности и безличія, какія

наблюдались у большинства изъ нихъ, нельзя было себѣ представить. Живыми людьми являлись только Малиновскій, полякъ съ большимъ темпераментомъ, оказавшійся провокаторомъ и скрывшійся за границу еще до войны, Чхеидзе — неглупый отъ природы, но больше хитрый, себѣ на умѣ, заносчивый и честолюбивый, совершенно невѣжественный, притомъ абсолютно не знавшій Россіи (впослѣдствіи «фельдмаршалъ революціи») — и, наконецъ, тотъ-же Бурьяновъ, полуграмотный и бездарный, но искренній. Изъ прочихъ — одинъ бездарнѣе и тупѣе другого, всѣ только пѣшки въ рукахъ тѣхъ, которые стояли за ихъ спиною. Ихъ рѣчи были сплошнымъ наказаніемъ для членовъ Думы; очевидно, написанныя подъ чужую диктовку, читаемыя по тетрадкѣ безъ малѣйшаго подъема, сплошь трафаретныя, для умственно-здороваго человѣка даже непонятныя — онѣ всегда наводили лишь скуку и уныніе. Слушали только Малиновскаго и иногда Чхеидзе, но почти каждая рѣчь послѣдняго кончалась большимъ или маленькимъ скандаломъ.

Для меня было, есть и, вѣроятно, навсегда останется загадкою, какимъ образомъ такой косноязычный тупица и невѣжда, какъ М. Скобелевъ могъ быть при Временномъ Правительствѣ министромъ труда, а теперь является какимъ-то «финансовымъ агентомъ» большевиковъ въ Парижѣ; вѣдь онъ даже двухъ словъ ни на какомъ языкѣ кромѣ русскаго, сказать не можетъ. Или г. Петровскій, полуграмотный и бездарный рабочій — играющій у большевиковъ очень крупную роль — что-то вродѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Чѣмъ онъ прельстилъ ихъ? Вѣдь большевики, надобно отдать имъ справедливость, умѣютъ выбирать способныхъ, даже талантливыхъ людей; Чичеринъ, Красинъ, Радекъ, Іоффе, да и многіе другіе комиссары — несомнѣнно, люди выдающіеся (разумѣется я не говорю про моральную ихъ сторону).

VIII.

Послѣ засѣданія 26 іюля Дума быстро опустѣла: многіе или по призыву, или добровольно вступили въ ряды войскъ, другіе сейчасъ же примкнули къ земской организаціи кн. Львова, третьи — просто разъѣхались по мѣстамъ. Я тоже послалъ князю Львову телеграмму съ предложеніемъ своихъ услугъ, и тотчасъ-же получилъ отъ него отвѣтъ съ благодарностью... и только. Ждалъ я, ждалъ болѣе реальнаго привлеченія къ дѣятельности, но ничего такъ и не дождался. Тогда это меня повергло въ большое недоумѣніе, впослѣдствіи же, когда я познакомился съ характеромъ огромнаго большинства пристроившихся въ Земскомъ Союзѣ — для меня это стало вполнѣ понятнымъ: недовѣряли моему направленію, такъ какъ изъ кадетскаго штаба не было дано достаточно убѣдительнаго отзыва о моей благонадежности.

Дѣйствительно, съ фракціей кадетъ у меня чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе обнаруживался разладъ. Дѣло, конечно, было не въ программѣ, (ее я какъ и прежде, принималъ всецѣло,

кромѣ аграрнаго пункта), а въ тактикѣ, въ особенности въ вопросѣ о позиціи по національнымъ вопросамъ. Нѣкоторое время я думалъ, что объявленіе войны на многое раскроетъ глаза, многое принудитъ измѣнить, но съ каждымъ днемъ все больше и больше убѣждался, что «историческое» засѣданіе было лишь горячимъ порывомъ — и никакой внутренней почвы подъ собою не имѣло. Во фракціи, по прежнему, господствовали вопросы деклараціонно-программнаго характера, живого дѣла не было; горячо принимались къ сердцу всякія мелочи, касающіяся нѣкоторыхъ излюбленныхъ инородцевъ, но національное чувство не проявлялось. Въ особенности это сильно сказалось въ вопросѣ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія и въ нѣкоторыхъ прибалтійскихъ обстоятельствахъ. Такъ какъ и съ тѣмъ и съ другимъ я оказался тѣсно связаннымъ, то долженъ остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе.

Очень скоро послѣ начала войны, подъ вліяніемъ свѣдѣній объ отношеніи нѣмцевъ къ застрявшимъ въ ихъ предѣлахъ русскимъ туристамъ и пробудившагося въ массахъ національнаго движенія, благодаря некультурности быстро обратившагося въ шовинистическое — горячо трактовался во многихъ общественныхъ кругахъ и въ части прессы вопросъ о «нѣмецкомъ засильѣ». Появились извѣстныя статьи Ренникова, во множествѣ печатались соотвѣтствующія брошюры и цѣлыя книги. Я находилъ, что источникъ возникновенія движенія – безспорно искренній и патріотическій — сразу же былъ направленъ по ложному руслу. Движенію старались придать характеръ шовинистической травли, включительно до погромовъ (напр. извѣстныя Московскія происшествія); это было и опасно, и отвратительно — и иначе, какъ съ осужденіемъ ко всему этому я не могъ отнестись.

Но, съ другой стороны, по своему исторически-направленному, природному міросозерцанію, я не могъ не признать, что такое «засилье» безспорно существуетъ. Послѣднія двѣсти лѣтъ, начиная съ Петра Великаго, и государственная, и общественная жизнь Россіи проходила подъ все усиливающимся вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ и лозунговъ, русскому народу несвойственныхъ и непонятныхъ — и эта черта послужила причиною все усиливающейся розни въ интересахъ, мышленіи, образѣ жизни, степени культуры, наконецъ даже языкѣ между низами народа — 150 милліонной массою и ничтожно численными верхами — правительствомъ, интеллигенціей и полуинтеллигенціей. Рознь эта превратилась съ теченіемъ времени въ настоящую пропасть и во всей силѣ обнаружилась ко времени революціи 1905 г. ввидѣ застарѣлой, непобѣдимой и стихійной вражды массы ко всему, выше ея стоящему. Къ какимъ послѣдствіямъ привело это позже — всѣмъ извѣстно; тогда же (въ 1914—1915 г. г.) этого никто почти не хотѣлъ видѣть и никакихъ послѣдствій въ ближайшемъ будущемъ отъ этого не ожидалось.

Но западно-европейское вліяніе шло къ намъ не изъ Англіи, не изъ Франціи или Италіи — оно было почти всецѣло германскимъ. Оттуда мы заимствовали еще при Екатеринѣ II насажденіе феодальныхъ началъ въ видѣ указовъ о «вольности дворянства»; попытки устроить наше землевладѣніе по феодальному образцу вылились въ возмутительные эксцессы крѣпостного права; по чужому образцу введена была бюрократическая система управленія — но, плодотворная и истинно-государственная въ Германіи — она превратилась у насъ въ чисто-полицейскій режимъ внизу и въ бездушную, безучастную канцелярщину наверху. Наша дипломатія, 200 лѣтъ пѣвшая съ чужого голоса, систематически пренебрегала русскими интересами, да вѣроятно ихъ и не знала. Нелѣпое стремленіе обратить необъятную по пространству, чисто земледѣльческую страну въ промышленную, по слѣпому подражанію сдѣлавшей это во второй половинѣ XIX вѣка Германіи, отъ земледѣлія много отняло, а мощной промышленности такъ и не создало. Наконецъ, самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ русскихъ золъ, самымъ пагубнымъ по послѣдствіямъ, самымъ чуждымъ исторіи и характеру страны явился соціализмъ, этотъ сколокъ съ ученія Маркса, уроженца Германіи, страны капиталистическаго производства и ярко-выраженной классовой борьбы. И у насъ его усердно прививали, насильственно притягивая выводы чуждаго ученія къ совершенно инымъ условіямъ производства, выдумывая искусственно классовую борьбу, которой въ Россіи, по историческимъ условіямъ не было и быть не могло! Наконецъ, наша промышленность и торговля! Кто же станетъ отрицать что вслѣдствіе нашей экономической отсталости, обѣ отрасли постепенно, но неуклонно уходили изъ рукъ русскихъ въ иностранныя, въ частности — Германскія; и этому не только не препятствовалось, но даже всячески поощрялось.

Вотъ историческая картина постепеннаго денаціонализированія нашихъ верховъ и полнаго пренебреженія къ низамъ — и противъ того, и другого, каждый мыслящій, любящій родину человѣкъ долженъ былъ возстать всѣми силами. Какъ возстать? Конечно, не призывами къ погромамъ или человѣконенавистничеству, но разъясненіемъ создавшагося положенія, призывомъ къ самосознанію и самодѣятельности, къ мирной эмансипаціи отъ чуждыхъ по духу и несвойственныхъ нашимъ интересамъ, чужеземныхъ прививокъ и наростовъ.

Всѣ эти мысли я излагалъ своимъ сотоварищамъ по фракціи — но, за исключеніемъ весьма немногихъ ея членовъ (крестьянъ и 4—5 интеллигентовъ) ни въ комъ никакого сочувствія не находилъ. Прогрессисты мнѣ сочувствовали и со мной соглашались, но увы, только на словахъ; октябристы большею частью относились равнодушно — я уже говорилъ, что общіе вопросы были большинству ихъ чужды, за то горячо поддерживали меня всѣ правые думцы, начиная съ центра. Но здѣсь, въ свою очередь, я съ горестью видѣлъ не столько проникновеніе моими идейными настрое-

ніями и выводами, сколько взрывъ шовинизма (иногда даже искусственнаго) и чисто-практическія, близкія къ «ограбнымъ», вождѣленія, главнымъ образомъ у крестьянъ. Итакъ, въ отношеніи своихъ думцевъ, я испыталъ полное фіаско, и, пользуясь перерывомъ думскихъ засѣданій, рѣшилъ перенести свою дѣятельность и пропаганду въ сферу общественную. Я старался проникать во всѣ общественныя организаціи, гдѣ только могъ встрѣтить малѣйшее сочувствіе своимъ идеямъ и одно время состоялъ членомъ 38 обществъ въ одномъ Петроградѣ, причемъ почти въ каждомъ изъ нихъ дѣлалъ доклады, сообщенія, вступалъ въ пренія и руководилъ ими, какъ предсѣдательствующій. Помимо того, я развилъ широкую лекціонную дѣятельность и, съ декабря 1914 года по январь 1917 года, т. е. за два года, прочелъ соотвѣтствующія лекціи въ 22 губернскихъ городахъ, кромѣ Москвы (4 лекціи) и Петрограда (3 лекціи), помимо 120 слишкомъ выступленій не лекціоннаго характера.

Мой лекціонныя поѣздки дали мнѣ богатѣйшій матеріалъ для сужденій о провинціальной общественности, а также и административныхъ порядкахъ того времени; но объ этомъ здѣсь не мѣсто распространяться; сообщу только два вывода: 1. систематически-враждебное отношеніе, выражавшееся не въ критикѣ, а въ замалчиваніи большинства провинціальной прессы, и 2. абсолютное отсутствіе сознательнаго, идейнаго мышленія, а также здороваго, прочнаго національнаго чувства у слушателей.

Публики на лекціяхъ всегда было много, апплодировали усердно, включительно до овацій — но до настоящаго, внутренняго воспріятія сущности сказаннаго было весьма далеко. Какъ и всегда главную сенсацію производили хлесткія слова и пикантныя подробности — напр. о причинахъ военныхъ неудачъ; но это, конечно, меня не удовлетворяло.

Относительно же Петербургскихъ обществъ я убѣдился, что въ русской интеллигенціи началъ общественности (кромѣ партійной кружковщины), нѣтъ и долго еще не будетъ. На моихъ глазахъ всѣ общества, въ которыхъ я участвовалъ, несмотря на, казалось бы, горячій порывъ къ дѣятельности, ими овладѣвавшій по временамъ — кончали неизмѣнно однимъ изъ трехъ исходовъ; или превращались въ безжизненныя говорилки и тихо угасали; или быстро становились ареной для личныхъ пререканій, пикировокъ и распрей между отдѣльными лицами и умирали со скандаломъ; или же, наконецъ, достигнувъ очень большого размѣра и широко развитой дѣятельности, обращавшей на себя вниманіе кружковыхъ, главнымъ образомъ, соціалистическихъ организацій, поддавались ловкой провокаціи со стороны послѣднихъ и радикально измѣняли свой обликъ и направленіе. Такой исходъ постигъ, между прочимъ нѣкое «Общество 1914 г.», объединявшее до 8000 членовъ, преимущественно изъ демократическихъ круговъ населенія.

Подъ вліяніемъ общественнаго настроенія, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ издало въ началѣ 1915 г. временныя

правила о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, а затѣмъ вскорѣ внесло въ Думу соотвѣтствующій законопроэктъ. Для разсмотрѣнія его была основана особая комиссія, по поводу которой были сильные дебаты въ кадетской фракціи. Нѣкоторая, притомъ наиболѣе вліятельная часть ея, стала на точку зрѣнія бойкота комиссіи, т. е. невхожденія въ нее; но, тѣмъ не менѣе, большинство, къ которому принадлежали, между прочимъ, Родичевъ, Александровъ, Маклаковъ, я и др.— стали доказывать необходимость участія, и мы побѣдили. Тогда Милюковъ пожелалъ самъ записаться въ члены комиссіи, но его участіе ограничилось лишь первымъ ея засѣданіемъ, въ которомъ онъ, взявъ слово, заявилъ, что дѣятельность комиссіи вызвана шовинистическимъ настроеніемъ извѣстной части населенія, преслѣдуетъ недопустимыя, съ точки зрѣнія равноправія національностей, цѣли и, кромѣ того, тенденція ликвидаціи цѣлаго ряда земельныхъ собственниковъ можетъ повлечь за собою весьма серьезныя правовыя осложенія въ будущемъ, почему онъ и считаетъ своимъ долгомъ выйти изъ состава комиссіи; послѣ этого онъ покинулъ засѣданіе.

Однако, работы комиссіи продолжались, подъ предсѣдательствомъ г. Скоропадскаго, и нѣкоторое время я принималъ въ нихъ близкое участіе, пока не убѣдился, что все болѣе и болѣе крѣпнетъ тенденція ликвидировать не только недопустимую въ военно-политическомъ смыслѣ колонизацію, но и давнее, вполнѣ законное, упрочившееся и никому не мѣшавшее землевладѣніе такихъ группъ, какъ саратовскіе колонисты и таврическіе меноніты. Я пытался доказывать, что относительно этихъ группъ нужно лишь стараться уничтожить ихъ правовую и экономическую особенность отъ прочихъ земледѣльческихъ элементовъ, упразднить ихъ привиллегированное положеніе, ставившее ихъ въ положеніе государства въ государствѣ, отнюдь не затрагивая самаго факта ихъ землепользованія, но, подъ вліяніемъ группы крестьянъ, я остался въ меньшинствѣ и отъ дальнѣйшаго участія въ комиссіи отказался (уже въ 1916 г.). Впрочемъ работъ своихъ она такъ и не успѣла закончить.

Другое обстоятельство, вліявшее на мое расхожденіе съ кадетами, вытекало изъ совершенно недопустимаго, граничившаго съ государственной измѣной, поведенія нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ, прибалтійскихъ дворянъ, въ связи съ войной. Спѣшу добавить, что таковыхъ было абсолютное меньшинство, притомъ развившее свою дѣятельность, главнымъ образомъ, въ Курляндіи и, въ нѣсколькихъ единичныхъ случаяхъ, на югѣ Лифляндіи. Образъ дѣйствія этихъ лицъ, (примѣры чему мною приведены въ статьяхъ моихъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», февраль и мартъ 1915 года) съ несомнѣнностью доказывалъ не только ихъ симпатіи къ тогдашнимъ нашимъ военнымъ противникамъ, но и прямое содѣйствіе намѣреніямъ и военнымъ планамъ послѣднихъ. Всего же преступнѣе и ужаснѣе было то, что такія дѣйствія покрывались и даже принимались подъ защиту мѣстною высшею администраціею, въ особенности генералъ-губернаторомъ Кур-

ловымъ и Курляндскимъ губернаторомъ С. Набоковымъ. Такого рода явленія я изобличалъ постоянно — и въ печати, и въ лекціяхъ и докладахъ, причемъ добился въ концѣ концовъ удаленія съ постовъ и Курлова и Набокова. Въ Думѣ на эту тему я выступалъ въ общемъ собраніи два раза — 28 іюля и 3 августа 1915 г. Рѣчи мои повлекли за собою цѣлую сенсацію и привѣтствовались бурными апплодисментами всей залы, включительно даже до нѣкоторыхъ трудовиковъ; равнодушными оставались лишь эсъ-деки, половина же кадетской фракціи, съ ея вождями — отнеслась къ моимъ рѣчамъ отрицательно.

IX.

Между тѣмъ разруха въ правительственныхъ сферахъ шла гигантскими шагами впередъ. Началась уже пресловутая «министерская чехарда» — безсмысленная, безсистемная перетасовка министровъ, притомъ въ самыхъ важнѣйшихъ по моменту вѣдомствахъ. Казалось, что какая-то невидимая рука съ твердою послѣдовательностью, не встрѣчая никакого отпора, ведетъ государство къ гибели, уничтожая возможность планомѣрныхъ дѣйствій власти и подрывая ея авторитетъ.

Въ Думѣ также настроеніе было пестрое. Значительная часть думцевъ относилась къ событіямъ съ инертно-обывательской точки зрѣнія, интересуясь лишь фарсовой стороной ихъ; болѣе серьезная и вдумчивая часть съ половины 1915 года стала нервничать, волноваться и обнаруживала рѣзко-оппозиціонное настроеніе. Послѣднее настроеніе крѣпло съ каждымъ новымъ, неудачнымъ назначеніемъ, съ каждой оплошностью правительства, съ каждымъ ухудшеніемъ продовольственнаго и транспортнаго дѣла. Но, въ большинствѣ случаевъ, эта оппозиціонность проявлялась по обывательски: рѣзкими рѣчами, негодующими выпадами по адресу того или другого лица, негодованіемъ противъ Распутина и его кружка, наконецъ даже тихими разговорами о возможности революціи. Но осмысленно, съ исторической точки зрѣнія, къ ходу событій огромное большинство не относилось; оно не понимало, что исторія Россіи довершаетъ свой неизбѣжный, двухсотлѣтній кругъ: что оторванный отъ массъ, пропитанный косностью, лишенный творческихъ силъ и глубоко антинаціональный государственный механизмъ, жившій и дѣйствовавшій уже цѣлыя десятилѣтія по инерціи — находится въ агоніи, лишенный притока свѣжихъ, здоровыхъ силъ; что питающій этотъ механизмъ интеллигентный общественный слой также антинаціоналенъ, также оторванъ отъ народа и чуждъ ему, ударился въ партійность и кружковщину, атрофировался въ чувствахъ патріотизма и государственности; что вся масса народа — некультурная, полудикая, съ анархическими расовыми инстинктами, никѣмъ не руководимая и никому не довѣряющая — живетъ безсознательно и инертно лишь до того момента, пока существуетъ подобіе твердой

власти надъ ней; если же власть уйдетъ (а можно было предвидѣть, что это и неизбѣжно, и близко) — то неминуема анархія.

Но весьма немногіе въ Думѣ уясняли себѣ все это; руководящіе, въ это жуткое время, круги дѣлами «политику», сводившуюся, въ сущности, къ простому стремленію: «ôte toi que je m'y mette». Это, какъ нельзя болѣе, проглядывало въ болѣе или менѣе оппозиціонныхъ выступленіяхъ, нападкахъ на отдѣльныхъ министровъ, постоянныхъ противопоставленіяхъ съ правительствомъ: «мы» и «они». Это же выявилось, съ моей точки зрѣнія, съ совершенною ясностью въ созданіи «прогрессивнаго блока», этомъ дѣтище П. Милюкова, В. Шульгина и С. Шидловскаго. Къ подготовительнымъ работамъ по организаціи этого блока я былъ совсѣмъ не причастенъ и ничего, поэтому, объ нихъ сказать не могу, да признаться, и мало интересовался ими, какъ съ моей точки зрѣнія, абсолютно безполезнымъ начинаніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ какой смыслъ и значеніе могъ имѣть блокъ? Устроители его были умные и свѣдущіе люди, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи несравненно больше данныхъ о положеніи власти и общественныхъ круговъ, чѣмъ напр. я. Они не могли не понимать, они должны были знать, что оппозиція власти растетъ съ каждымъ днемъ, что соціалистическіе главари открыто говорятъ «вы, буржуи, приблизьте революцію, а ужъ тамъ мы поработаемъ». Они знали, въ свою очередь, что государственная власть находится въ состояніи почти полной прострації, что руководители совершенно потеряли сознаніе того, что происходитъ кругомъ. Съ другой стороны, для нихъ должно было быть ясно, что какое бы то ни было касательство къ власти соціалистовъ, по причинѣ отсутствія у послѣднихъ всякаго инстинкта государственности, замѣняемаго партійными стремленіями, неминуемо повлечетъ за собою самыя трагическія послѣдствія для страны.

При такомъ соотношеніи силъ, въ этотъ моментъ былъ только одинъ выходъ: забывъ и извинивъ все, закрывъ временно глаза на всѣ недостатки и даже пороки верховной власти — всячески поддерживать ея авторитетъ, чтобы этотъ правящій огонекъ во что-бы то ни стало донести до окончанія войны. Послѣ видно будетъ — но теперь необходимо идти вмѣстѣ — не съ Штюрмеромъ, не съ Протопоповымъ или Хвостовымъ — а съ властью вообще. Если же уже всякая надежда на укрѣпленіе власти потеряна, если совершенно исключена возможность измѣненія ея тактики, а, слѣдовательно, и поддержки — то оставался другой выходъ — настойчивое требованіе отвѣтственнаго передъ Думой министерства не для проведенія, совмѣстно съ нимъ, программныхъ свободъ или коренныхъ реформъ, — а исключительно для дѣловой работы въ цѣляхъ скорѣйшаго и удачнаго окончанія войны. Это было бы, по крайней мѣрѣ, логично и послѣдовательно.

При образованіи прогрессивнаго блока не былъ избранъ ни тотъ, ни другой выходъ. Съ одной стороны, при объединеніи большинства Думы отъ лѣвыхъ націоналистовъ до кадетъ во внушительную по численности группу, задачею была поставлена борьба противъ правительства; съ другой стороны, въ этой борьбѣ намѣченъ былъ путь крайне неопредѣленный и компромиссный; была отвергнута мысль объ отвѣтственномъ министерствѣ и выдвинутъ совершенно непонятный юридически, а практически ничего не стоившій лозунгъ «министерства довѣрія». Что этотъ терминъ долженъ былъ обозначать? Чьего довѣрія: солдатъ, крестьянства, соціалистовъ, придворныхъ круговъ или думцевъ; если послѣднихъ, то какихъ: правыхъ, лѣвыхъ, центра?.. Это никогда не было выяснено, также какъ осталось непонятнымъ и то, кто будетъ судить о степени довѣрія къ опредѣленному лицу. Вѣдь довѣріе — совершенно субъективное чувство у каждаго человѣка. Напр. при смѣнѣ Горемыкина Штюрмеромъ, П. Н. Милюковъ, въ собраніи т. н. прогрессивнаго кружка, гдѣ, среди сотни лицъ изъ выдающихся общественныхъ и научныхъ дѣятелей, было довольно много и думцевъ, доказывалъ, что это уже крупная побѣда прогрессивнаго блока. Какъ и тогда было извѣстно очень многимъ, а скоро оказалось яснымъ для самаго Милюкова, о «побѣдѣ» блока при появленіи у власти Штюрмера, пользовавшагося довѣріемъ лишь очень тѣснаго придворнаго круга, говорить отнюдь не приходилось. А назначеніе Протопопова; вѣдь тогда печатью всѣхъ почти направленій — отъ «Рѣчи» и «Дня» до «Новаго Времени» это назначеніе привѣтствовалось, круги же, руководившіе назначеніемъ, вправѣ были сказать лидерамъ блока: видите, мы сдѣлали по вашему; онъ — вашъ избранникъ, онъ пользуется и долгое время пользовался вашимъ довѣріемъ. Наконецъ программа дѣйствій блока: она была сплошнымъ компромиссомъ, гдѣ на ряду съ дѣловыми вопросами, стояли и чисто программные, но ни тѣ, ни другіе не были выдержаны въ строгой послѣдовательности. Было типичнѣйшее соглашательство, съ довольно прозрачными кивками то направо, то налѣво: прототипъ и образецъ той тактики, которую такъ блистательно проводило въ жизнь Временное Правительство, за время своего жалкаго, 8-ми мѣсячнаго существованія.

Первоначально партія прогрессистовъ вошла въ блокъ; но когда составлена была его программа, въ частности введенъ пунктъ о «министерствѣ довѣрія», то эта партія настаивала на замѣнѣ его опредѣленнымъ терминомъ «отвѣтственнаго министерства». Происходили горячіе дебаты, въ результатѣ которыхъ было рѣшено разсмотрѣть вопросъ по-фракціонно. Какъ и слѣдовало ожидать, націоналисты, центръ и группа независимыхъ (Карауловцы) отнеслись къ лозунгу отвѣтственности отрицательно. Октябристы, видимо, колебались: вѣдь они всегда терялись въ обще-политическихъ вопросахъ и выжидали, что скажутъ кадеты. Послѣдніе, какъ извѣстно, въ своей программѣ имѣли въ числѣ главнѣйшихъ пунктовъ и требованіе отвѣтственности министровъ; въ сущ-

ности безъ этого требованія они даже теряли свое лицо, какъ по преимуществу партіи парламентарной, каковое свойство свое они всегда подчеркивали. Выходовъ было два: или отказаться отъ этого пункта открыто или настаивать на немъ. При очень горячихъ преніяхъ во фракціи опять получился компромиссъ: не исключая пункта изъ программы, отказаться нынѣ отъ его осуществленія и примкнуть къ желающимъ «министерства довѣрія». При голосованіи сторонниковъ компромисса оказалось огромное большинство; противъ голосовали лишь 6 человѣкъ: Гладышъ, Алмазовъ, я и трое крестьянъ: Леванидовъ, Дуровъ и Кабановъ. Некрасовъ и близко къ нему примыкающіе воздержались отъ голосованія, потому что принципъ отвѣтственности «поддерживали» трудовики... Послѣ результатовъ голосованія, октябристы также отказались отъ требованія отвѣтственности — и блокъ окончательно остановился на «министерствѣ довѣрія».

Для меня же компромиссное положеніе кадетъ сыграло рѣшающую роль: это было окончательнымъ толчкомъ къ выходу изъ фракціи, что я и рѣшилъ сдѣлать при первомъ же удобномъ случаѣ незамедлившемъ представиться. Какъ я уже упоминалъ, 3 августа я говорилъ въ Думѣ рѣчь связанную съ прибалтійскими обстоятельствами; кадеты отнеслись къ ней холодно и, въ то-же время, Милюковъ и другіе главари съ жаромъ рукоплескали возражавшему мнѣ бар. А. Мейндорфу, который съ большимъ искусствомъ обошелъ всѣ приведенные мною факты и поставилъ вопросъ о безпощадной травлѣ мною всего невиннаго нѣмецкаго населенія края по побужденіямъ человѣконенавистничества и чернаго націонализма. Рѣчь Мейндорфа весьма многіе изъ различныхъ думскихъ партій нашли въ высокой степени неприличною, такъ какъ онъ счелъ въ ней возможнымъ коснуться даже моихъ личныхъ и семейныхъ обстоятельствъ, по существу же не возразилъ ровно ничего. Меня настойчиво уговаривали выступить съ контръ возраженіемъ, но я рѣшительно отъ этого отказался, находя ниже своего достоинства съ думской кафедры пускаться въ изобличенія антипарламентарныхъ и противуобщественныхъ пріемовъ своего противника. Однако во фракціи я рѣшилъ вовсе не оставаться, тѣмъ болѣе, что я еще ранѣе запасся согласіемъ на выходъ изъ нея своихъ рижскихъ избирателей, которые, по выслушаніи моего доклада о фракціонной дѣятельности, главнымъ образомъ, по прибалтійскимъ вопросамъ, предоставили мнѣ свободу дѣйствій.

Въ тотъ-же вечеръ было назначено фракціонное собраніе, въ которомъ я категорически поставилъ вопросъ о томъ, чтобы фракція признала ошибочность своего одобренія рѣчи бар. Мейндорфа; когда же нѣкоторые члены стали говорить, что этотъ вопросъ нужно подробно обсудить, собрать матеріалы и т. д., то я заявилъ о своемъ выходѣ. Черезъ нѣсколько дней я вошелъ во фракцію прогрессистовъ, по направленію бывшую мнѣ гораздо симпатичнѣе и ближе.

X.

Съ первыхъ же шаговъ «прогрессивный блокъ» заявилъ себя съ несовсѣмъ выгодной стороны: онъ сталъ домагаться популярности и въ Думѣ, и внѣ ея, не слишкомъ стѣсняясь демагогическими пріемами. Однимъ изъ доказательствъ этого служила постановка въ ближайшую очередь законопроэкта о трезвости.

Какъ извѣстно, сейчасъ же послѣ объявленія войны повсемѣстно была запрещена продажа водки. Мѣру эту, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, хотя-бы даже какъ временную, въ тотъ моментъ, можно было только привѣтствовать отъ всей души. — Трудно было спорить и противъ продолженія запрещенія на все время затянувшейся войны — хотя бы уже потому, что призывы военнообязанныхъ продолжали производиться безпрерывно, и огромная часть этихъ призванныхъ направлялась не на фронтъ, а скоплялась въ городахъ глубокаго тыла, якобы для предварительнаго обученія, въ сущности-же представляла собой одурѣвающую отъ бездѣлія, слонявшуюся по улицамъ толпу людей, оторванныхъ отъ домашняго очага, родной деревни и обычнаго уклада жизни. Но одно дѣло — временное запрещеніе для даннаго момента, совершенно другое — постоянный законъ, разсчитанный на продолжительное время.

Всѣмъ извѣстно, что пьянство было однимъ изъ величайшихъ золъ русской народной жизни, въ особенности въ деревнѣ; предстояла, несомнѣнно, настоятельная необходимость съ нимъ бороться всѣми силами и даже, во всякомъ случаѣ, отказаться отъ системы, проводимой министерствомъ финансовъ цѣлыхъ четверть вѣка — строить государственный бюджетъ на народномъ горѣ. Противъ этой системы говорилось много, выступалъ въ Думѣ и я, указывая на примѣръ насильственнаго спаиванья народа въ цѣляхъ фискальныхъ, а въ этихъ примѣрахъ недостатка не было. Слѣдовательно законодательнымъ путемъ нужно было бороться и съ самимъ пьянствомъ, и съ причинами, его поддерживающими и даже поощряющими. И если-бы въ этомъ смыслѣ Дума проявила иниціативу, то спорить отнюдь не приходилось-бы, хотя, все-таки, можно было бы усумниться, умѣстно ли заниматься именно этими дѣлами тогда, когда у всѣхъ должна была быть одна забота, одно дѣло: путемъ охраненія власти способствовать успѣшному окончанію войны; вѣдь до этого момента достаточно было бы простого продленія запрещенія на водку. Но, по иниціативѣ «прогрессивнаго блока», Дума заняла совсѣмъ иную позицію: она своимъ законопроэктомъ боролась не съ пьянствомъ, а съ потребленіемъ напитковъ, не съ водкой, а со всѣми напитками, въ которыхъ находилась хотя бы малѣйшая доза алкоголя; она стремилась н а в с е г д а воспретить какое бы то ни было нормальное потребленіе ихъ, а слѣдовательно производство пива, меда, вина, независимо отъ его крѣпости; она забывала, что многія мѣстности Россіи живутъ виноградарствомъ и винодѣ-

ліемъ, что такимъ абсолютнымъ запрещеніемъ вызывается весьма серьезный кризисъ во многихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Наконецъ, Дума совершенно не задавалась вопросомъ, возможно ли однимъ росчеркомъ пера упразднить на вѣки тысячелѣтнюю привычку народа къ потребленію крѣпкихъ напитковъ, не есть ли это безполезное и неосуществимое насиліе надъ живыми людьми, притомъ въ условіяхъ нашего климата, при некультурности массы, при почти полномъ отсутствіи полезныхъ и разумныхъ развлеченій у народа въ деревнѣ. Все это было забыто, все это даже и не затрагивалось въ преніяхъ; усилія ораторовъ были направлены къ тому, чтобы чисто-демагогическими пріемами склонить на сторону блока думское духовенство и крестьянъ, какъ-то сторонившихся блока и считавшихъ его первоначально «пустой барской затѣей». При этомъ не обошлось и безъ нѣкоторой передержки: какъ извѣстно, крестьянинъ называетъ «виномъ» — водку; настоящее виноградное вино въ большей части Россіи очень немногимъ въ деревнѣ извѣстно и потребленіе его тамъ совершенно ничтожно. И вотъ, ораторы, требуя абсолютнаго запрещенія «вина» и пользовались этой неясностью въ крестьянской терминологіи. Мнѣ лично, въ самый день принятія пресловутаго закона о трезвости пришлось говорить съ нѣкоторыми изъ думскихъ крестьянъ — и я убѣдился, что, дѣйствительно, они были введены въ заблужденіе и считали, что запрещается только водка и пиво.

Всѣмъ извѣстно до какой степени нужно было такое произвольное насиліе надъ свойствами и потребностями народа: вмѣсто крѣпкихъ напитковъ сразу же появилась самогонка, кокаинъ, денатуратъ. А послѣ революціи — разбитіе винныхъ погребовъ и складовъ, самые ужасные изъ всѣхъ, пьяные бунты, и т. д. Ужъ на что большевики — мастера до конца проводить свои опыты и расправляться съ противящимися имъ; а вѣдь и они, въ концѣ концовъ, возстановили потребленіе крѣпкихъ напитковъ; я не говорю уже про дѣйствія въ этомъ смыслѣ всѣхъ добровольческихъ войскъ въ раіонахъ ими занимаемыхъ.

Но зато законъ о трезвости имѣлъ другое значеніе, которое также нельзя упускать изъ вида: это была первая попытка законодательнымъ путемъ регулировать частный бытъ населенія, регулировать по трафарету, съ полнымъ забвеніемъ и оригинальныхъ особенностей, и мѣста, и окружающихъ условій, и уклада жизни; попытка, которая явилась первою ласточкой тѣхъ регламентацій, которыя, какъ изъ рога изобилія посыпались со дня владычества большевиковъ, и отъ которыхъ вся частная жизнь людей превратилась въ сплошную каторгу, даже помимо всякихъ террористическихъ актовъ и репрессій.

Но, конечно, не одинъ законъ о трезвости лежалъ на совѣсти блока; ему можно было поставить на видъ нѣчто гораздо худшее — а именно полное пренебреженіе къ самому наболѣвшему для населенія вопросу — вопросу земельному.

Конечно, во время войны нельзя было и думать приступить къ коренной реформѣ нашихъ аграрныхъ порядковъ, — но высказаться по этому вопросу, заявить свой взглядъ и свои намѣренія — было совершенно необходимо и это приблизило бы народную массу и къ Думѣ, и къ правительству несравненно больше, чѣмъ всѣ другія начинанія. А вмѣсто земельнаго вопроса пошли нудныя, никому, въ сущности, неинтересныя заявленія и пренія по мелкимъ дѣламъ, съ вѣчно компромиссными выводами и заключеніями.

Штюрмера обыкновенно изображаютъ какъ образецъ административной бездарности и тупости; съ первымъ нужно согласиться, но со второмъ — едва-ли. Окончательный тупица не могъ бы сразу же вѣрно оцѣнить всю никчемность блока и отсутствія въ немъ какой-либо опасности для правительства и лично для него самаго; а Штюрмеръ это сдѣлалъ. Съ самаго начала онъ обнаружилъ нѣкоторое поползновеніе къ содружеству съ блокомъ, причемъ посредникомъ взялся быть тогдашній митрополитъ Питиримъ. Содружество не наладилось — и Штюрмеръ просто пересталъ обращать на блокъ вниманіе, пренебрегая имъ во всѣхъ вопросахъ внутренней политики. Онъ споткнулся лишь на внѣшней политикѣ и вынужденъ былъ въ ноябрѣ 1916 года уйти, но уже здѣсь блокъ былъ рѣшительно не причемъ; можно было только говорить о единоличной роли П. Милюкова и его рѣчи «о глупости или измѣнѣ», съ массою неопровержимыхъ и непріятныхъ для Штюрмера фактовъ.

Вся тактика блока неудовлетворяла фракцію прогрессистовъ — и наконецъ, былъ поставленъ вопросъ: оставаться-ли ей въ блокѣ или выйти изъ него. Послѣ долгихъ преній, подавляющимъ большинствомъ было принято рѣшеніе — выйти, чему я лично могъ только сочувствовать. Однако нѣсколько человѣкъ, несогласныхъ съ рѣшеніемъ, сочли нужнымъ перейти въ кадеты (М. Калугинъ, Е. Евсеевъ, гр. А. Н. Орловъ-Давыдовъ).

XI.

Во время своей дѣятельности въ разныхъ общественныхъ организаціяхъ, я убѣждался съ каждымъ днемъ, что пропаганда соціалистическихъ партій, въ особенности соціалъ-демократовъ меньшевиковъ и соціалистовъ-революціонеровъ, дѣлаетъ неустанно свое дѣло; на моихъ глазахъ у людей, ничего общаго ранѣе съ соціализмомъ не имѣвшихъ, въ рѣчахъ стали проскальзывать разные партійные лозунги и пожеланія, противъ которыхъ рѣдко кто рѣшался возражать: такое «обновленіе» было въ модѣ. Но всякіе лозунги еще туда-сюда; гораздо больше поражалъ явный упадокъ національнаго чувства. Уже взглядъ на нашихъ враговъ былъ совсѣмъ иной, чѣмъ приблизительно годъ тому назадъ; уже безъ негодованія начинали говорить даже объ отдѣльныхъ случаяхъ братанія на фронтѣ, уже явно чувствовалась усталость отъ войны и растущее равнодушіе къ успѣхамъ или неуспѣхамъ нашей арміи.

Въ широкихъ кругахъ оборонческое настроеніе видимо слабѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ большій и большій успѣхъ пріобрѣтали призывы къ «свободѣ, братству, равенству» и т. д. На моихъ глазахъ росла страшная опасность не только отъ развала власти, но и отъ увеличивающагося обезличенія русской интеллигенціи въ смыслѣ національномъ и проникновенія въ массы соціалистическаго «всечеловѣчества». Необходимо было съ этимъ всячески бороться; но какая группа могла оказаться пригодной для этой цѣли?

Въ 1916 году ясно видѣлось, что у правыхъ кредита въ массахъ нѣтъ почти никакого; октябристовъ народъ совсѣмъ не знаетъ; можетъ быть кадеты? — но не они-ли всѣмъ своимъ предъидущимъ поведеніемъ содѣйствовали такому повороту общественной идеалогіи? Оставалась наша группа прогрессистовъ (куда примыкали т. н. радикалы-демократы) и Карауловцы; но у послѣднихъ только и было два интеллигентныхъ думца — самъ Карауловъ, да нѣкій Савватѣевъ, совершенно непригодный по своимъ свойствамъ для пропаганды и широкихъ выступленій.

Я рѣшилъ попытаться дѣйствовать среди прогрессистовъ. Въ одномъ изъ фракціонныхъ собраній нашихъ я изложилъ свою программу дѣйствій. Отмѣтивъ, что всѣ мы должны считаться съ возможностью и даже неизбѣжностью революціи въ близкомъ будущемъ, я указывалъ на настоятельную необходимость теперь же принять всѣ мѣры къ тому, чтобы эта революція оставалась только политическою, безъ всякаго уклона въ сторону соціальнаго переустройства. Для этого необходимо всячески бороться со всѣми проявленіями интернаціональной идеологіи, стараться поднять въ широкихъ массахъ сознаніе народнаго значенія войны, доказать необходимость ея успѣшнаго исхода для будущаго широкаго развитія Россіи и въ экономическомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ, разъяснить всю пагубность для насъ пораженія, всю ошибочность и преступность того взгляда, что война возникла по волѣ имперіалистовъ и капиталистовъ и служитъ только для удовлетворенія ихъ вождѣленій, принося народу лишь смерть и разореніе, т. е. бороться съ пораженчествомъ. Наконецъ, при неизбѣжной критикѣ промаховъ и недочетовъ правительства, направлять растущее негодованіе не въ сторону требованія теперь же всяческихъ программныхъ «свободъ», а исключительно въ сторону требованій болѣе рѣшительной, реальной и дѣятельной помощи нашей арміи, изобличая безпощадно безобразія тыла, въ значительной мѣрѣ происходящія съ вѣдома и попустительства правительства. Такимъ путемъ можно было бы, не идя противъ растущаго оппозиціоннаго настроенія — это было въ данное время немыслимо — направить его по патріотическому пути и, въ противовѣсъ соціалистическимъ группамъ, создать изъ непримыкающихъ къ нимъ слоевъ, группу прогрессивно-національную.

Какъ реальныя средства я рекомендовалъ: во первыхъ, немедленное же основаніе газеты въ противовѣсъ полу-

соціалистическому «Дню» и партійно-кадетской «Рѣчи»; во вторыхъ — рядъ лекціонныхъ поѣздокъ въ разныя мѣстности Россіи и попутное образованіе на мѣстахъ центровъ или ячеекъ, для борьбы съ соціалистическими, и интернаціонально-кадетскими организаціями; въ третьихъ — упорная пропаганда изложенныхъ идей въ Петербургскихъ кругахъ и интеллигентскихъ и рабочихъ, рекомендуя для этого расширеніе и усиленіе дѣятельности уже существующихъ, вполнѣ пригодныхъ для того организацій — т. н. «Прогрессивнаго кружка» и «Общества 1914 года».

Мои тезисы произвели впечатлѣніе; послѣдовало очень оживленное ихъ обсужденіе и всѣ они были единогласно одобрены и приняты; но... тѣмъ дѣло и ограничилось; прогрессисты остались вѣрными себѣ. Начну съ газеты. Какъ разъ къ этому времени пріѣхалъ въ Петербургъ В. Л. Бурцевъ, съ которымъ я и поспѣшилъ повидаться. Къ моей радости онъ, давній и послѣдовательный противникъ существующаго строя, политическій эмигрантъ и ярый изобличитель провокаціи со стороны и полицейскихъ агентовъ, и партійныхъ Азефовъ — совершенно согласился со мной и съ увлеченіемъ ухватился за мысль о соотвѣтствующей газетѣ. Вопросъ былъ, конечно, въ деньгахъ — но, къ счастью, у прогрессистовъ недостатка въ богатыхъ людяхъ не было: вѣдь нашими софракціонерами были А. Коноваловъ и гр. А. А. Орловъ-Давыдовъ, про которыхъ шутя говорили, что они вмѣстѣ взятые, могутъ купить всю Думу, да и Государственный Совѣтъ въ придачу... Начались переговоры, въ которыхъ принималъ близкое участіе и нашъ лидеръ, И. Н. Ефремовъ. Говорили, говорили и кончилось дѣло тѣмъ, что гр. Орловъ-Давыдовъ, уже ранѣе бывшій въ сношеніяхъ съ Керенскимъ при женитьбѣ своей на Пуарэ, вмѣсто нашей газеты сталъ снабжать крупными деньгами эсъ-эрскіе кружки (вѣдь надобно же было ихъ задобрить на всякій случай — онъ былъ обладателемъ чуть не 150 000 десятинъ), а Коноваловъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, далъ деньги на газету М. Горькому, интернаціональный и пораженческій обликъ котораго былъ уже тогда вполнѣ ясенъ.

Такъ Бурцевъ и не добился ничего — и его газета «Общее Дѣло» осуществилась лишь черезъ годъ слишкомъ — въ сентябрѣ 1918 года.

Съ лекціонными поѣздками также ничего не вышло. Я уже упоминалъ, что мнѣ за время войны пришлось много разъѣзжать съ лекціями, но это случалось всегда по приглашенію какихъ-нибудь мѣстныхъ кружковъ или организацій; я и теперь не отказывался ѣхать куда угодно, но просилъ только, чтобы эти поѣздки осуществлялись-бы подъ флагомъ фракціи, а для этого было недостаточно какое-нибудь письменное полномочіе; нужны были сношенія съ мѣстными дѣятелями, намъ сочувствующими, которые бы и приняли на себя заботы по подготовкѣ лекцій на мѣстахъ. На повѣрку вышло, что ни у кого изъ фракціи такихъ мѣстныхъ дѣяте-

лей нѣтъ, и писемъ писать абсолютно некому. Тѣмъ не менѣе, въ 1916 году, лѣтомъ я читалъ рядъ лекцій въ Николаевѣ, Кіевѣ, Кременчугѣ, Житомірѣ, Витебскѣ — но дѣлалъ это за свой личный страхъ, безъ малѣйшей поддержки фракціи, и, конечно, результатъ былъ вовсе не тотъ, какъ если-бы за мною опредѣленно стояла извѣстная общественная группа. Кромѣ меня, ни одинъ изъ членовъ фракціи съ мѣста не тронулся, да и въ Петроградѣ лекцій никто не читалъ, а недостатка въ лекторахъ у насъ также не было.

Поучительна исторія нашей дѣятельности въ двухъ указанныхъ мною общественныхъ организаціяхъ. «Прогрессивный Кружокъ» возникъ еще въ началѣ 1915 года изъ нѣсколькихъ лицъ, отдѣлившихся отъ, бывшаго ранѣе, политическаго салона А. Н. Брянчанинова. Въ числѣ другихъ основателей его были М. П. Чубинскій, М. П. Федоровъ Е. П. Семеновъ и я. Вскорѣ къ намъ примкнулъ извѣстный всему Петрограду Д. Н. Шубинъ-Поздѣевъ (избранный, но не утвержденный столичнымъ городскимъ головой), проф. М. М. Ковалевскій, нѣсколько городскихъ дѣятелей (симпатичнѣйшій городской голова гр. И. И. Толстой, предсѣдатель Думы С. В. Ивановъ и др.) и многіе члены Государственной Думы, по преимуществу изъ прогрессистовъ и октябристовъ, но были и кадеты и нѣкоторые націоналисты. Собранія, съ политическими докладами и преніями происходили по любезному приглашенію Шубина-Поздѣева, у него въ домѣ. Предсѣдателемъ кружка былъ И. Ефремовъ, товарищемъ я; въ числѣ членовъ совѣта былъ, между прочимъ, и А. Зарубинъ. Кружокъ привился и съ каждымъ разомъ его собранія бывали все оживленнѣе и многолюднѣе. Уже у насъ стали бывать очень многіе ученые, литераторы, адвокаты, — вообще сливки столичной интеллигенціи; бывали и нѣкоторые сановники — изъ либеральныхъ. Послѣ сдѣланнаго мною во фракціи тактическаго предложенія, я, И. Ефремовъ, В. Ржевскій и др. стали въ кружковыхъ собраніяхъ вести опредѣленную пропаганду по намѣченному пути; казалось, что всѣ участники собраній были нашими сторонниками и все шло какъ будто бы хорошо: пропаганда нашла для себя благодатную почву. Но, въ концѣ 1916 года, въ кружкѣ стали чаще и чаще появляться другія лица: Керенскій, извѣстный рабочій Гвоздевъ, (одно время бывшій министромъ труда во Временномъ Правительствѣ) и даже М. Горькій, который свое двухчасовое выступленіе посвятилъ всяческому оплеванію всего русскаго народа и непомѣрному восхваленію еврейства. И что-же? «Наша» публика — та, которую мы уже считали проникшейся нашими мыслями, надежный оплотъ прогрессивнаго націонализма, только что привѣтствовавшая наши выступленія — бѣшенно апплодировала и Горькому, и истерическимъ воплямъ Керенскаго, угрожавшаго близящейся «классовой борьбой», и другимъ субъектамъ, откровенно восхвалявшимъ параженчество. Я вскорѣ понялъ, что общественно-національное чувство въ нашихъ высоко-интеллигентскихъ кругахъ — миражъ, обманъ зрѣнія, а скрывается

за ними въ дѣйствительности — голая, мертвая пустыня. Такъ оно, при воспріятіи ими нашей «великой, безкровной» — и оказалось въ скоромъ времени.

Чтобы довершить обликъ нашей интеллигенціи того времени долженъ провести еще маленькій штрихъ. Въ 1915 году мы съ покойнымъ Б. Б. Глинскимъ задумали основать еженедѣльникъ «Русская Будущность» по типу когда-то процвѣтавшей «Недѣли». Мы были полными единомышленниками и стали вербовать сотрудниковъ. Пришлось мнѣ, между прочимъ, говорить о сотрудничествѣ съ однимъ очень извѣстнымъ профессоромъ — криминалистомъ, съ которымъ мы работали въ разныхъ организаціяхъ и были близки.

«Ну, а ваша платформа?», спрашиваетъ онъ.

«Платформа вамъ хорошо извѣстная: государственность, національность, демократизмъ, прогрессъ.»

«Видите-ли, все это такъ: конечно, ни про государственность, ни про демократизмъ или прогрессъ никакого спора быть не можетъ; но что такое — національность? Я понимаю національные вопросы польскій, армянскій, еврейскій; но, вѣдь, не ихъ вы будете освѣщать; причемъ-же здѣсь національность?..»

И какъ я не старался доказать почтенному профессору, что и русскій народъ имѣетъ право на національное самоопредѣленіе, также какъ поляки и евреи, такъ онъ и не понялъ, — все смахивалъ на «государственность». Ничего не подѣлаешь, дальтонизмъ своего рода.

А другіе, изъ болѣе лѣвыхъ, совсѣмъ откровенно заявляли мнѣ: «ну, разъ вы націонализмъ ставите въ программу, такъ сотрудникомъ приглашайте не меня, а Маркова 2-го; вы ошиблись дверью».

Или вотъ: разговорился я какъ-то о прибалтійскихъ дѣлахъ съ однимъ думцемъ-кадетомъ, при томъ не изъ «лѣвыхъ». Спрашиваетъ меня: почему же я не пишу о томъ, что разсказываю? Отвѣчаю, что, наоборотъ, все это было мною напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ». «Ну, вотъ, нашли гдѣ: Историческій Вѣстникъ, — суворинское изданіе. Да кто его читаетъ.» А между тѣмъ, и мнѣ, и многимъ было извѣстно, что «Ист. Вѣстникъ» имѣлъ такой тиражъ (до 15000), какого ни одинъ ежемѣсячный журналъ ни до него, ни при немъ не имѣлъ никогда; онъ же былъ единственнымъ журналомъ, который при полной безпартійности училъ всѣми статьями своими любви къ Россіи, ея прошлому и настоящему.

Также печально кончилось мое намѣреніе воздѣйствовать на низшіе классы населенія. Въ самомъ началѣ 1915 года въ Петроградѣ образовалось «Общество 1914 г.», имѣвшее подзаголовкомъ «Общество борьбы съ нѣмецкимъ засиліемъ». Къ участію въ немъ пригласилъ меня думецъ М. Судіенко и я принялъ предложеніе. Когда я вошелъ въ Общество, то сразу же мнѣ стало казаться что оно стоитъ на ложномъ пути. Предсѣдателемъ его былъ В. П. Кочубей, членами совѣта — очень видныя лица частью изъ аристократическаго, частью изъ купеческаго міра — не только ультра-правые, но

даже болѣе того — въ прямомъ смыслѣ черносотенные. Вели они общество по линіи травли лицъ, именъ, почти что къ погромамъ. Мнѣ, конечно, это претило и я рѣшилъ было отказаться отъ всякаго соприкосновенія съ ними, но изъ разспросовъ узналъ, что въ члены общества записывается очень много мелкой буржуазіи, прикащиковъ, ремесленниковъ, даже рабочихъ. Это былъ какъ разъ тотъ элементъ, съ которымъ я стремился сблизиться — и я рѣшилъ что моя обязанность не умывать руки, а всячески стараться направить общество на иной путь.

Вскорѣ мнѣ пришлось убѣдиться, что мракобѣсническое направленіе совѣта вовсе не соотвѣтствуетъ настроенію большинства членовъ, а ихъ числилось уже около 1500 человѣкъ. Вся эта масса была инертна и неразвита въ политическомъ смыслѣ; она готова была къ воспріятію всякой пропаганды, — но у совѣта умѣлыхъ пропагандистовъ и опытныхъ ораторовъ вовсе не было. Въ результатѣ двухмѣсячной своей дѣятельности я достигъ того, что самые ярые изъ членовъ совѣта ушли, онъ пополнился иными лицами, примыкавшими ко мнѣ, а благодаря моей роли предсѣдателя общихъ собраній, весьма многолюдныхъ — я видѣлъ, что крайніе правые совсѣмъ потеряли всякое вліяніе и мнѣ предстоитъ обширное поле дѣйствій. Не могу безъ умиленія и высшаго наслажденія вспомнить, какъ цѣлые полтора года члены, число которыхъ дошло уже до 8000 человѣкъ, жадно схватывали и горячо поддерживали мои выступленія, въ которыхъ я развивалъ мысли о необходимости активной, а не покорной любви къ родинѣ, призывалъ къ самодѣятельности, указывалъ на долгъ каждаго — сплотиться для общей борьбы за народные интересы, предостерегалъ отъ увлеченій соціализмомъ и интернаціоналомъ.

Конечно наши интеллигентскіе круги сторонились отъ общества: вѣдь ни подъ какую рамку партійнаго трафарета его подвести нельзя было; его усердно замалчивали, но это меня не смущало, по крайней мѣрѣ — противодѣйствія нѣтъ. На призывъ мой къ прогрессистамъ поддержать общество откликнулось два-три человѣка, да и тѣ являлись только для того, чтобы помолчать; изъ прочихъ думцевъ горячо отозвался только М. А. Карауловъ, который никогда никакими условностями или рамками не стѣснялся, а дѣйствовалъ всегда непосредственно. Онъ былъ все время моимъ драгоцѣннымъ и очень популярнымъ въ обществѣ сотрудникомъ. Но — увы! стоило только мнѣ и Караулову на короткое время уѣхать изъ Петрограда — какъ обнаружилось, что зданіе мы строили на пескѣ.

Вернувшись въ августѣ 1916 года, послѣ двухмѣсячной отлучки, я замѣтилъ, что въ обществѣ видную роль играютъ какія-то новыя лица, и роль эта — идетъ совсѣмъ въ разрѣзъ съ прежними заданіями. Приглядѣвшись, я увидѣлъ, что въ члены попало нѣсколько человѣкъ эсъ-дековъ, стремящихся устроить настоящую провокацію въ цѣляхъ распада общества. На мое счастье, одинъ изъ такихъ провокаторовъ

былъ вскорѣ изобличенъ въ растратѣ общественныхъ денегъ, исключенъ изъ общества и съ нимъ вмѣстѣ ушли его единомышленники; пропаганда ихъ была непродолжительна и послѣдствій не имѣла. Но сейчасъ-же обнаружилось то-же устремленіе уже съ другой стороны. Къ моему удивленію, наши трудовики съ самимъ Керенскимъ, ранѣе только издѣвавшимся надъ обществомъ, вдругъ обнаружили къ нему особливый интересъ, а вскорѣ въ члены записался нѣкій Н. Кулябко-Корецкій, сѣдовласый старецъ, слѣпой, съ весьма внушительной патріархальной наружностью и недурной ораторъ. Онъ постарался вкрасться въ довѣріе къ совѣту, очень ухаживалъ за мною, а подъ шумокъ вводилъ цѣлыми партіями въ общество всевозможныхъ эсъ-эровъ, съ которыми имѣлъ партійныя связи.

И вотъ, на моихъ глазахъ, тѣ тысячи человѣкъ, которые какихъ-нибудь 3 мѣсяца передъ тѣмъ съ довѣріемъ слушали меня, казалось, уже понимали, что такое государственные и національные интересы — стали быстрѣе и быстрѣе склоняться въ сторону эсъ-эровской идеологіи и очутились во власти партійно-кружковыхъ организацій. Нѣкоторая болѣе устойчивая часть членовъ старалась этому препятствовать, начались распри, несогласія, скандалы — и общество передъ самой революціей потеряло всякій смыслъ и значеніе. Эсъ-эры могли торжествовать побѣду: они взорвали изнутри единственную для нихъ опасную, чисто-народную организацію.

Такъ плачевно кончились всѣ попытки, во первыхъ — оживить дѣятельность фракціи прогрессистовъ, а во вторыхъ — сплотить кого-либо для защиты государственно-національныхъ интересовъ при близящейся революціонной грозѣ.

А гроза, дѣйствительно, приближалась, Сверху разруха продолжалась и, послѣ убійства Распутина, дошла до апогея. Сильно сталъ обостряться продовольственный вопросъ, говорили о небываломъ разстройствѣ транспорта. За единичными исключеніями всѣ общественные круги открыто бранили правительство. Толки объ измѣнѣ были у всѣхъ на языкѣ. Возникало нѣсколько забастовокъ. Протопоповъ превосходилъ самаго себя безтактностью и нелѣпостью своихъ распоряженій, — а Дума, вѣрнѣе, прогрессивный блокъ, дѣлалъ «политику». Почти сплошь послѣдній мѣсяцъ передъ революціей былъ занятъ въ Думѣ принципіальными пререканіями между А. Шингаревымъ и министромъ земледѣлія А. А. Риттихомъ по вопросу о хлѣбной торговлѣ: твердыя ли цѣны на хлѣбъ (иначе монополія) или свобода торговли.

Шингаревъ, при сочувствіи блока, видимо побѣждалъ, но правда была не на его сторонѣ, что и обнаружилось почти сейчасъ-же послѣ революціи, когда хлѣбная монополія была введена и цѣны на хлѣбъ сдѣлали бѣшенный скачекъ вверхъ, а недостатокъ въ хлѣбѣ сталъ повсемѣстнымъ.

Еще 25 февраля, т. е. за два дня до революціи, происходило, вечеромъ, въ Думѣ соединенное засѣданіе двухъ комиссій — городской и сельско-хозяйственной по этому вопросу. А въ тотъ же самый день Императоромъ былъ подписанъ указъ о роспускѣ Думы...

Волненія въ Петроградѣ, какъ извѣстно, начались 23 февраля, но, насколько помню, ни въ широкихъ думскихъ кругахъ, ни въ обществѣ имъ особеннаго значенія не придавали. Нормальнаго хода жизни они не нарушали — а мечь надъ Россіей висѣлъ уже на волоскѣ. Такъ, 24-го я былъ въ засѣданіи «общества помощи военноплѣннымъ», разговоръ былъ все время сосредоточенъ на подготовкѣ приближавшагося общаго собранія, а утромъ на улицахъ была стрѣльба; 25-го назначено было очередное собраніе у Брянчанинова, на которое я не попалъ, такъ какъ былъ въ думской комиссіи — но знаю, что тамъ былъ поставленъ вопросъ о Тріестѣ и Фіуме; а 26-го, менѣе чѣмъ за 12 часовъ до революціи, было мирное общее собраніе членовъ «Общества славянской взаимности», гдѣ читался годовой отчетъ и происходили выборы совѣта... О событіяхъ почти ни слова. Только когда я съ этого собранія возвращался домой пѣшкомъ, меня поразила какая-то жуткая тишина и пустота на обычно-оживленныхъ улицахъ — Литейномъ, Бассейной, Знаменской. Встрѣчались одинокіе конные патрули.

Господи, думалъ-ли кто-нибудь, что этотъ вечеръ будетъ послѣднимъ въ нормальной жизни несчастной Россіи!

XII.

Въ 11 часовъ утра, 27 февраля было назначено очередное засѣданіе бюджетной комиссіи по разсмотрѣнію смѣты тюремнаго управленія. Не предвидя ничего чрезвычайнаго, около 11 часовъ я вышелъ изъ дома — я жилъ очень близко отъ Думы по Кавалергардской улицѣ — и уже подходилъ къ Таврическому Дворцу, когда столкнулся съ П. К. Граномъ, начальникомъ тюремнаго управленія; онъ шелъ мнѣ навстрѣчу.

«Вы куда же», — спросилъ я, — «развѣ засѣданіе отмѣнено?»

«Да что, вы развѣ не знаете: Дума распущена, около входовъ стоитъ полиція и во дворецъ не пускаетъ; я пришелъ, но меня не пустили.»

Я былъ совершенно пораженъ и молчалъ — и, какъ разъ въ эту минуту, на недалекомъ разстояніи отъ насъ, послышались одинокіе ружейные выстрѣлы, скоро перешедшіе въ оживленную перестрѣлку и сопровождавшіеся смутнымъ гуломъ, какъ будто отъ криковъ толпы. Мы смотрѣли другъ на друга.

«А вѣдь это недалеко, какъ будто на Кирочной» — сказалъ Гранъ и прибавилъ: «ну, надо спѣшить домой, а то тамъ могутъ перепугаться».

Онъ быстро направился къ себѣ на уголъ Кирочной и Таврической, я-же поспѣшилъ въ Думу, съ бокового входа — на Таврической. Тамъ полиціи не оказалось; я вошелъ свободно и сейчасъ же встрѣтился съ нѣкоторыми думцами, которые меня забросали новостями: войска отказались отъ повиновенія офицерамъ, въ казармы явилась толпа рабочихъ, офицеръ пробовавшій ихъ недопустить, убитъ на мѣстѣ; толпа съ вооруженными солдатами вышла изъ казармъ, пошла къ Литейному; по пути къ ней присоединяются войсковыя части...

Извѣстій было такъ много и такъ они сбивчиво и противорѣчиво сообщались, что я былъ совершенно сбитъ съ толку и не зналъ, кому и чему вѣрить. Меня поразило, что между членами Думы, бывшими во дворцѣ въ большомъ числѣ, не было ни одного сколько-нибудь значительнаго по руководящей роли: ни членовъ президіума, ни лидеровъ партій, ни даже главарей прогрессивнаго блока. Остальные были столько же освѣдомлены, сколько и я — и, несмотря на то, что, въ теченіи еще по крайней мѣрѣ двухъ часовъ, во дворецъ пришло еще много думцевъ — всѣ они сообщали лишь со словъ другихъ, сами не были очевидцами и потому положеніе дѣла въ нашихъ глазахъ ничуть не выяснилось.

Въ Думѣ царило общее смятеніе и растерянность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное недоумѣніе и негодованіе передъ неожиданнымъ роспускомъ. Повидимому, этотъ роспускъ и для самихъ членовъ правительства былъ долгое время секретомъ: вѣдь указъ о роспускѣ помѣченъ былъ 25-ымъ — между тѣмъ 25-го, до поздней ночи вмѣстѣ съ нами сидѣли министръ земледѣлія А. Риттихъ и одинъ изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ только что встрѣченный мною П. Гранъ... какъ же онъ не зналъ ничего о томъ, что стало фактомъ за два дня передъ тѣмъ. Къ чему этотъ роспускъ. Чѣмъ онъ вызванъ и зачѣмъ объявленъ съ такимъ запозданіемъ? Чувствовалось всѣми, что во всей этой загадочной исторіи есть и какое-то колебаніе власти, и ея растерянность, и, даже, трусость.

Наконецъ, уже во второмъ часу дня явился въ Думу секретарь И. И. Дмитрюковъ; отъ него мы впервые услышали послѣдовательное повѣствованіе о событіяхъ съ утра 27-го, а также о посылкѣ двухъ телеграммъ М. Родзянко Государю, съ настойчивымъ требованіемъ немедленнаго образованія отвѣтственнаго министерства и съ указаніемъ на крайне тревожное положеніе дѣлъ въ столицѣ. Отвѣта ни на первую, ни на вторую телеграмму не получено. Совѣтъ Министровъ бездѣйствуетъ, предсѣдатель его Кн. Голицынъ въ полномъ смятеніи, а усмиреніе безпорядковъ возложено на ген. Хабалова. Тѣмъ не менѣе, Дмитрюковъ считаетъ, что безпорядки будутъ скоро подавлены, потому что приняты мѣры.

Какъ разъ въ это время вбѣгаютъ два думца изъ крестьянъ, фамилій не помню и кричатъ, что солдатами и рабочими взятъ арсеналъ, оружіе разграблено и имъ вооружены рабочіе, разросшіеся въ громадную толпу... Эти два вѣстника, по ихъ словамъ, были очевидцами происшедшаго и съ большимъ трудомъ пробрались въ Думу, такъ какъ половина Шпалерной и весь Литейный полны народомъ. По ихъ словамъ, часть толпы, покончивъ съ арсеналомъ, стала громить окружный судъ, большинство же, съ крикомъ: «въ Кресты», направилась по Александровскому мосту...

Между думцами была полная растерянность; революціи ждали почти всѣ, но, что она разразится теперь — не ожидалъ никто, ни даже наши думскіе соціалисты; по крайней мѣрѣ между нами все время было три-четыре трудовика и эсъ-деки — Бурьяновъ и Хаустовъ; всѣ они недоумѣвали вмѣстѣ съ нами... Чувствовалась у всѣхъ совершенная неподготовленность какимъ-либо дѣйствіямъ и совершенное отсутствіе плана; даже оживленные разговоры прекратились, а вмѣсто нихъ слышались вздохи и короткія реплики, вродѣ: «дождались» или-же откровенный страхъ за свою особу.

Вдругъ меня требуютъ въ думскую пріемную. Иду туда и нахожу тамъ двухъ рабочихъ, моихъ единомышленниковъ по обществу 1914 года. Они мнѣ сообщаютъ, что настроеніе толпы очень возбужденное; большая часть настаиваетъ идти въ Таврическій дворецъ и требовать указаній отъ Думы, что имъ дѣлать, а также просить ее взять въ свои руки власть, такъ какъ правительство ничего не дѣлаетъ. Другая, меньшая часть — мои собесѣдники сказали даже «отдѣльные горланы» — говоритъ, что и съ Думой надобно «расправиться», потому что тамъ сидятъ одни «цензовые элементы». Слово «буржуй», очевидно, еще не получило въ тотъ день общепризнаннаго «права гражданства».

Удручающе подѣйствовала на меня бесѣда съ рабочими: они ищутъ нашего указанія, они пришли къ намъ съ полной вѣрой въ нашу силу — а мы? Мы не только не готовы къ дѣятельной роли, но даже и не знаемъ ничего толкомъ. Кое-какъ успокоилъ своихъ собесѣдниковъ и сказалъ имъ, что какъ разъ теперь думцы «совѣщаются» о томъ, что дѣлать, а при этомъ спросилъ: «да что же сами рабочіе, развѣ не готовились къ сегодняшнему выступленію. Вѣдь, помнится, еще около мѣсяца тому назадъ начались толки о выборахъ въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ на случай волненіи?»

Отвѣтили мнѣ, что никакихъ выборовъ до сихъ поръ не было, поговорили только о томъ и замолчали и что рабочіе въ массѣ совсѣмъ не организованы; держатся сплоченно, но особнякомъ отъ другихъ только соціалъ-демократы; «да развѣ ихъ большинство» — прибавили рабочіе. Замѣчу, что одинъ изъ собесѣдниковъ былъ путиловецъ, а другой съ завода Парвіайненъ.

Простившись съ ними, я вернулся въ Екатерининскій залъ, а тамъ уже была опять новость: Кресты взяты толпой, выпущены всѣ арестанты, толпа направилась въ Литовскій замокъ... Окружный же судъ, также какъ и домъ предварительнаго заключенія, освобожденный отъ арестантовъ, пылаетъ въ огнѣ. Думцы съ нескрываемымъ возмущеніемъ говорятъ объ исчезновеніи нашихъ главарей...

Но вотъ въ половинѣ третьяго начинаютъ появляться и они: прибылъ Родзянко, Милюковъ, С. Шидловскій и другіе... Но увы, намъ отъ этого опять мало пользы: быстро прошли они всѣ мимо, говоря на ходу, что спѣшатъ на совѣщаніе старшинъ (такъ называлось засѣданіе президіума съ лидерами фракцій; туда-же приглашались члены президіума блока).

Наконецъ, въ четвертомъ часу выходитъ Родзянко и торжественнымъ голосомъ приглашаетъ всѣхъ членовъ Думы на частное совѣщаніе въ полуциркульномъ залѣ. Быстро направляемся туда — всего набралось до 200 человѣкъ — и Родзянко беретъ слово. Онъ очень кратко сообщаетъ, что волненія въ столицѣ, возникшія на почвѣ продовольственнаго недостатка, въ теченіи четырехъ дней усиливались, пока не вылились сегодня въ вооруженный бунтъ; что правительство совершенно бездѣйствуетъ и какъ-бы отказалось отъ власти, что на двѣ телеграммы свои къ Государю отвѣта не получилъ и что медлить съ подавленіемъ бунта невозможно. Члены Думы должны обсудить положеніе и намѣтить мѣры къ прекращенію безпорядковъ. Первымъ высказывается Н. В. Некрасовъ, въ общемъ представленіи крайній лѣвый между кадетами и неизмѣнно кокетничающій съ трудовиками. Онъ соглашается, что положеніе очень серьезно и что, поэтому, президіумъ Думы (въ который входилъ и онъ самъ) долженъ не медля ни минуты ѣхать къ предсѣдателю Совѣта Министровъ, кн. Голицыну и, указавъ на одного изъ популярныхъ генераловъ, напр. Поливанова или Маниковскаго — просить о надѣленіи ихъ диктаторскими полномочіями для подавленія бунта...

Ему рѣзко возражаетъ М. А. Карауловъ:

«Я совершенно не понимаю Некрасова: почти вся Дума, въ особенности его фракція, вотъ уже полгода честитъ членовъ правительства дураками, негодяями и даже измѣнниками — а теперь онъ предлагаетъ ѣхать къ этимъ «измѣнникамъ» и просить помощи... у кого? Вѣдь вы слышали, что они всѣ перепугались и попрятались; что-же, кн. Голицына изъ-подъ кровати будемъ мы вытаскивать? Надобно, чтобы мы сами перестали болтать, а что-либо сдѣлали; съумѣемъ — хорошо, а не съумѣемъ, тогда насъ надобно всѣхъ отсюда вонъ.»

Потомъ говорилъ октябристъ Саввичъ: рѣчь долгая, нудная и безъ всякаго практическаго вывода; въ переводѣ на обыкновенный языкъ: «съ одной стороны нельзя не признать, съ другой — надо сознаться...»

Еще два-три оратора — почти съ тѣмъ же результатомъ.

Потомъ говоритъ В. Дзюбинскій (трудовикъ). По его мнѣнію, моментъ очень отвѣтственъ, бунтъ все усиливается, правительство окончательно дискредитировано и даже, по слухамъ, нѣкоторые его члены уже арестованы. Если Дума, дѣйствительно является народнымъ представительствомъ, то ея прямой долгъ дѣйствовать самой. Она должна образовать какой-нибудь комитетъ, съ надѣленіемъ его неограниченными полномочіями для возстановленія порядка. Этого ждетъ именно отъ нея, а не отъ другихъ большинство населенія.

За нимъ проситъ слово П. Милюковъ, на котораго и устремляются съ упованіемъ всѣ взоры. Онъ не согласенъ ни съ Некрасовымъ, ни съ Дзюбинскимъ. «Конечно ѣхать къ представителямъ правительства не нужно, да и безполезно — они сами выпустили изъ рукъ власть. Но брать эту власть въ свои руки, Дума также не можетъ. Она является учрежденіемъ законодательнымъ и какъ таковое, не можетъ нести функцій распорядительныхъ (слѣдуетъ краткая, но точная экскурсія въ область государственнаго права). Но, главное — мы уже потому не можемъ сейчасъ принимать никакихъ рѣшеній, что размѣръ безпорядковъ намъ неизвѣстенъ также, какъ неизвѣстно и то, на чьей сторонѣ стоитъ большинство мѣстныхъ войскъ, рабочихъ и общественныхъ организацій. Надобно собрать точныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ и тогда уже обсуждать положеніе, а теперь еще рано.»

Милюковъ не кончилъ еще говорить, какъ въ залъ вбѣгаетъ Керенскій, ранѣе отсутствовавшій, въ сильномъ возбужденіи. Онъ говоритъ, что громадныя толпы народа и солдатъ идутъ къ Таврическому Дворцу и намѣрены требовать отъ Думы, чтобы та взяла власть въ свои руки. Онъ проситъ дать ему автомобиль, на которомъ онъ, по уполномочію Думы, поѣдетъ въ толпу, попытается ее успокоить и сообщитъ ей рѣшеніе Думы...

Общее недоумѣніе и растерянные взгляды: вѣдь у насъ все еще разговоры, а никакого рѣшенія пока нѣтъ.

Не успѣваетъ Керенскій кончить, какъ его прерываетъ вбѣжавшій въ перепугѣ думскій служитель; онъ кричитъ, что передовыя части солдатъ уже подошли къ Дворцу, хотѣли войти въ него, ихъ не пустилъ отрядъ караула, всегда находящійся около подъѣзда — и что начальникъ караула тяжело раненъ выстрѣломъ и унесенъ въ пріемный покой. Керенскій поспѣшно убѣгаетъ. Начинаются безпорядочные разговоры о «думскомъ комитетѣ».

Я беру слово и говорю, что мы дѣлаемъ шагъ исторической важности и что, раньше, чѣмъ мы придемъ къ окончательному рѣшенію, намъ необходимо откровенно спросить самихъ себя: съумѣемъ-ли мы справиться съ властью, которую на себя принимаемъ и достаточно-ли въ насъ самихъ для того силы и твердости. Во время моихъ словъ изъ круглаго зала доносятся крики и бряцаніе ружей; оказывается,

что солдаты уже вошли во Дворецъ. Родзянко на спѣхъ ставитъ вопросъ объ образованіи комитета — крики «да». Онъ спрашиваетъ, довѣряетъ-ли совѣщаніе образованіе комитета Совѣту Старѣйшинъ — вновь утвердительные крики, но уже немногихъ оставшихся въ залѣ, такъ какъ большинство успѣло разойтись по другимъ заламъ. Совѣщаніе закрылось — Рубиконъ перейденъ.

XIII.

Я вышелъ въ круглый залъ и первое, что мнѣ бросилось въ глаза — это группа въ 7—8 оборванныхъ человѣкъ, стоявшихъ въ сторонѣ и о чемъ-то оживленно говорившихъ между собою. Я спросилъ кто это такіе; мнѣ отвѣтили, что это — выпущенные изъ Крестовъ. Я съ нѣкоторыми другими подошелъ и сталъ прислушиваться къ разговору: оказывается идетъ рѣчь о «совѣтѣ рабочихъ депутатовъ». Вскорѣ къ группѣ стали подходить еще разныя личности, изъ которыхъ кое-кого я узналъ, какъ бывавшихъ иногда въ «Обществѣ 1914 года», во время его развала, а также нѣкоторые изъ думскихъ эс-дековъ: Хаустовъ, Ягелло... Уже говорили о томъ, что совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ слѣдуетъ считать сформированнымъ, по преемству съ 1905 года и Хрусталевъ-Носарь долженъ считаться его предсѣдателемъ. Группа, возросшая уже человѣкъ до 30, направилась изъ зала по корридору и остановилась у дверей обширной комнаты, служившей для засѣданій бюджетной комиссіи; кто-то сказалъ: «вотъ здѣсь будетъ удобно» — и всѣ вошли въ комнату. Стоявшій у дверей служитель ихъ безмолвно туда пропустилъ. Но черезъ нѣсколько минутъ, изъ дверей показались двое, быстро направившіеся въ кабинетъ Родзянко, гдѣ засѣдалъ Совѣтъ Старшинъ. Вернулись они скоро и я слышалъ, какъ отворивъ дверь въ комнату, гдѣ продолжали сидѣть всѣ остальные, пришедшіе объявили: «сказалъ, что можно».

Оказывается, сами собравшіеся усумнились въ возможности захватнымъ правомъ воспользоваться комнатой во дворцѣ и послали спросить о томъ предсѣдателя Думы, который имъ отвѣтилъ: «пускай сидятъ».

Такимъ образомъ съ первыхъ же часовъ допущено было постоянное присутствіе въ зданіи Думы организаціи, ничего общаго съ Думой не имѣющей, а самочинно присвоившей себѣ наименованіе «совѣта депутатовъ», но фактически бывшей лишь сбродной кучкой подозрительныхъ субъектовъ. Итакъ, начало двоевластію было положено, съ нашего же собственнаго благословенія.

Между тѣмъ залы дворца все больше и больше наполнялись солдатами и народомъ; уже въ Екатерининскомъ залѣ разбивались кучками, кто-то влѣзалъ на стулъ, что-то кричалъ, чего въ суматохѣ нельзя было разобрать; слышались возгласы: «довольно, такъ его, правильно...» Что

дѣлалось въ совѣщаніи старшинъ — мнѣ не извѣстно, но было ясно, что никакого шага для того, чтобы установить хоть какой-нибудь порядокъ въ зданіи предпринято не было; члены Думы затерялись въ толпѣ пришлыхъ, служители куда-то исчезли, а изъ «главарей» никто не показывался. Кавардакъ былъ полный и, главнымъ образомъ, въ буфетѣ. Его брали съ боя пришлые и, въ какой-нибудь часъ растащили все, что имѣлось на лицо — конечно, безплатно. Поминутно слышны были новости: арестованъ Щегловитовъ, Треповъ, Раевъ... Протопоповъ скрылся... громятъ полицейскіе участки... сжигаютъ всѣ дѣла... тамъ-то и тамъ-то убили того или другого полицейскаго...

Я рѣшилъ сходить домой посмотрѣть, что тамъ дѣлается, такъ какъ недалеко отъ моей квартиры было охранное отдѣленіе, которое также могли разгромить. На улицахъ толпы; появились красные флаги, здѣсь и тамъ слышалась русская марсельеза, въ ужасномъ безпорядочномъ исполненіи; еще не научились.

Въ 7 часовъ вечера я опять пошелъ въ Думу. Картина мало измѣнилась, только едва я вышелъ на улицу, какъ меня сразу же озарилъ свѣтъ отъ пожара: горѣло охранное отдѣленіе, около котораго весь тротуаръ и часть улицы была забросана разорванными и цѣлыми бумагами и дѣлами въ синихъ обложкахъ, а кругомъ то и дѣло слышались одиночные выстрѣлы. Большею частью стрѣляли впустую, просто въ воздухъ: какой-то хулиганъ выстрѣлилъ въ землю изъ револьвера мнѣ подъ ноги.

Въ Думѣ я нашелъ прежнія толпы; появились на колонахъ великолѣпнаго Екатерининскаго зала какіе-то огромные плакаты, большею частью написанные крупными буквами отъ руки; поминутно бросались въ глаза девизы: «Въ борьбѣ обретешь ты право свое», «Пролетаріи всѣхъ странъ, и т. д.». Прочія же помѣщенія (кабинеты, комиссіонныя комнаты, канцеляріи) буквально всѣ кишѣли народомъ. Я сунулся было въ кабинетъ секретаря, но продраться между солдатами не удалось; оказывается тамъ помѣстилась военная комиссія Думы, руководимая нашимъ сочленомъ Б. А. Энгельгардомъ. Пошелъ въ финансовую комиссію — тамъ возсѣдаютъ М. Карауловъ, М. Пападжановъ и М. Аджемовъ: заняты пріемомъ поминутно приводимыхъ солдатами арестованныхъ, опросомъ ихъ, снятіемъ показаній съ приведшихъ и — безапелляціонными распоряженіями о дальнѣйшемъ: отпустить или заключить подъ стражу. Пригласили и меня къ нимъ присоединиться; я сѣлъ и началъ «опросъ».

Безтолочь невообразимая: солдаты и рабочіе походя хватаютъ на улицахъ того или другого за какое-нибудь слово, а иногда и просто по виду — если не понравится. Вся процедура снятія показаній сводилась ни къ чему: надобно было всѣхъ «захваченныхъ» просто освободить, а Энгельгарду (разъ онъ уже принялъ на себя какъ-бы главное командованіе гарнизономъ) — строжайше запретить эти без-

смысленные аресты при помощи надежно настроенныхъ войсковыхъ частей, въ которыхъ тогда, какъ и черезъ нѣсколько дней, еще недостатка не было. Но это хулиганство не прекращалось, а, наоборотъ, солдатамъ, приводящимъ арестованныхъ, говорились комплименты и непремѣнно увѣщанія — трудиться для «закрѣпленія революціи».

Помню, напримѣръ, какъ въ вестибюлѣ дворца, уже часовъ въ 10 вечера, появился какой-то сѣдовласый типъ, на костыляхъ, одѣтый въ мундиръ поручика; онъ, съ помощью нѣсколькихъ солдатъ, привелъ человѣкъ 30 обезоруженныхъ, но въ формѣ жандармскихъ офицеровъ и полицейскихъ чиновниковъ. Остановившись въ кругломъ залѣ онъ громогласно возвѣстилъ, что проситъ доложить о себѣ «руководителю революціи, депутату Керенскому». Пошли за нимъ; Керенскій явился и съ горделивой осанкой остановился передъ старикомъ. Тотъ вытянувшись елико возможно, держа руку у козырька, рапортуетъ: «Имѣю честь доложить, что мною схвачены въ разныхъ мѣстахъ, обезоружены и приведены 30 враговъ народа. Головы ихъ передаю въ ваше распоряженіе». Принявъ «рапортъ», Керенскій внушительно отвѣтилъ: «Благодарю, поручикъ, разсчитываю на васъ и впредь... Уведите ихъ!» — и важно удалился. Ни одинъ вопросъ: за что, при какихъ обстоятельствахъ были схвачены злополучные, заданъ «руководителемъ» не былъ; куда увести ихъ — тоже никто не зналъ. Но толпа поняла по своему это приказаніе: набросилась на приведенныхъ и стала ихъ неистово избивать кулаками и прикладами, такъ, что нѣкоторые изъ «враговъ народа» здѣсь-же повалились замертво, а другихъ вытолкали за двери и куда-то дѣйствительно повели... — судьба ихъ осталась неизвѣстной...

Два дня я просидѣлъ въ «слѣдственной» комиссіи — но потомъ, это безсмысленное занятіе мнѣ такъ опротивѣло, что больше я туда не приходилъ. Черезъ нѣсколько дней и сама комиссія прекратила свое существованіе, не оставивъ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности, ибо никакого правильнаго производства не было, — допросы писались на клочкахъ бумаги, которые тутъ же въ безпорядкѣ и валялись, а потомъ выбрасывались вонъ. Я захватилъ себѣ домой четыре такихъ клочка и жалѣю, что они погибли въ моемъ архивѣ — это были любопытные документы.

Между тѣмъ, уже съ пяти часовъ стало извѣстнымъ изъ отпечатанныхъ экстренно летучекъ, что комитетъ Думы избранъ; въ него вошли представители всѣхъ фракцій, входящихъ въ прогрессивный блокъ, а кромѣ того и члены фракцій соціалъ-демократовъ, трудовиковъ и прогрессистовъ. Остались не вошедшими только крайніе правые, правые націоналисты и польское коло. Прочтя составъ комитета, я сразу-же пришелъ въ уныніе; это были тѣ-же главари и дѣятели архи-компромисснаго блока, сдобренные Чхеидзе и Керенскимъ, которымъ, несомнѣнно, до комитета и дѣла никакого не будетъ. Ни одного лица съ твердой волей, мало-

мальски активнаго и способнаго водворить порядокъ въ комитетъ не попало. Чхеидзе, дѣйствительно, сразу отказался отъ участія въ комитетѣ, а Керенскій, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, заявилъ, что онъ въ него входитъ, какъ представитель «демократіи» (т. е. въ сущности для контроля дѣйствій остальныхъ). Нѣкоторые члены комитета въ первые три дня революціи очень мало показывались, — можетъ быть, они были заняты и очень важными дѣлами (не мнѣ судить), но знаю, что никого изъ нихъ въ стѣнахъ Думы я почти не видалъ и какого-нибудь порядка въ самой, «пріявшей власть» Думѣ, никто и не думалъ возстанавливать.

Зато самозванный «совѣтъ рабочихъ депутатовъ» (надобно отдать ему справедливость), работалъ во всю. Уже къ вечеру 27 февраля отъ него были разосланы посланцы на петербургскіе заводы, а также и въ войсковыя части для спѣшныхъ выборовъ депутатовъ и, уже на слѣдующій день явились болѣе 120 человѣкъ избранныхъ, главнымъ образомъ, съ заводовъ и фабрикъ. Совѣтъ сталъ превращаться изъ самозваннаго въ реальное, основанное какъ ни какъ на волеизъявленіи рабочихъ, учрежденіе. Пребываніе-же въ зданіи Думы для него было въ высшей степени выгоднымъ: Дума кишѣла народомъ, поминутно являлись депутаціи отъ всевозможныхъ общественныхъ организацій и войсковыхъ частей, приходившихъ не только для привѣтствій съ избавленіемъ отъ «стараго режима», но и за указаніями, что имъ дѣлать, и за разъясненіями насчетъ ближайшаго будущаго. Нѣкоторыя, но очень немногія изъ этихъ депутацій, послѣ долгаго ожиданія проникали въ Думскій Комитетъ, но огромное число такъ и не могло этого добиться; зато въ «совѣтѣ», засѣдавшемъ безпрерывно, и днемъ и ночью, являвшіеся находили самый радушный пріемъ, съ ними подробно бесѣдовали, ихъ снабжали инструкціями, имъ разъясняли настоящее и наводили на будущее — конечно, съ соотвѣтствующей точки зрѣнія; и создавалось общее впечатлѣніе, что указанія получены отъ самой Думы «возглавившей революцію», съ вѣдома и согласія которой «разъяснители» сидѣли рядомъ съ ней, въ одномъ и томъ-же домѣ. А помимо того, цѣлый день разъѣзжали посланцы изъ совѣта въ качествѣ пропагандистовъ на заводы и въ войсковыя части; повсюду шли спѣшные выборы депутатовъ, число которыхъ росло весьма быстро, а депутаты выбирались, конечно, сообразно полученнымъ отъ совѣта инструкціямъ.

А комитетъ, говорятъ, дѣлалъ «высшую политику», совершенно забывъ о пропагандѣ и ни 27, ни 28 февраля отъ него не было командировано ни одного лица для бесѣды или пропаганды на мѣста, въ которыхъ въ эти дни чувствовалась особенная необходимость. Въ распоряженіи комитета было болѣе сотни думскихъ же членовъ, которые слонялись безъ дѣла и никуда не могли приткнуться. Только перваго числа раскачался комитетъ — уже въ то время, когда плоды совѣтской, притомъ явно п о р а ж е н ч е с к о й

пропаганды стали обнаруживаться. Но и съ того же дня стало безусловно ясно, что комитетъ совершенно закрывалъ глаза на вполнѣ реальную и очевидную опасность непомѣрнаго роста соціалистической пропаганды, а намѣревался бороться исключительно съ фантомомъ контръ-революціи справа. Это была роковая недальновидность и, я сказалъбы, даже — политическая тупость.

Н. Николаеву и мнѣ, перваго марта были даны именно въ этомъ смыслѣ инструкціи при командировкѣ насъ въ село Ивановское, верстахъ въ 30-ти, по Шлиссельбургскому шоссе, гдѣ была расположена автомобильная часть. Оттуда явилось нѣсколько солдатъ, заявившихъ о контръ-революціонномъ настроеніи своихъ офицеровъ. Намъ сказали (именно Некрасовъ), что надлежитъ совершенно ликвидировать это настроеніе, не останавливаясь даже передъ арестами офицеровъ. Пріѣхавъ туда мы сейчасъ-же выяснили, что никакого контръ-революціоннаго настроенія нѣтъ, а за таковое солдаты принимаютъ желаніе офицеровъ поддержать дисциплину, офицерство же само встрѣтило насъ громкимъ «ура» въ честь новой власти. Изъ разспросовъ оказалось, что и здѣсь уже побывали пораженческіе агитаторы, но были встрѣчены холодно. Пользуясь случаемъ, мы съ Николаевымъ въ рѣчахъ своихъ рѣзко подчеркивали, что вся полнота власти послѣ революціи перешла къ Думскому Комитету, а имъ уже передано составленному Временному Правительству и что никакія другія организаціи, въ томъ числѣ и совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, къ этой власти касательства имѣть не могутъ. Кромѣ того, оба мы предостерегали отъ неизвѣстно кѣмъ посланныхъ агитаторовъ и убѣждали не поддаваться ихъ интернаціонально-пораженческой пропагандѣ. Послѣ нашихъ рѣчей послѣдовало братаніе солдатъ съ офицерами, вся часть была выставлена шпалерами по нашему пути, въ стройномъ порядкѣ и мы уѣхали, провожаемые овраціями.

Такой же результатъ былъ достигнутъ въ тотъ-же день вечеромъ, при поѣздкѣ моей съ депутатомъ Милютинымъ и Симоновымъ въ 1, 2 и 3 запасные пулеметные полки, расквартированные на Охтѣ; и про эти полки насъ также въ Думѣ предупреждали, что тамъ ведется офицерами злостная агитація за возстановленіе стараго режима. Бѣдные члены комитета, опасаясь реставраціи сами своими дѣйствіями всецѣло способствовали укрѣпленію той силы, которая позже ихъ-же и смела.

То-же повторилось и на слѣдующій день, 2 марта. Въ Думѣ я говорилъ рѣчи 86 и 88 дружинамъ, а потомъ ѣздилъ въ Петроградскій полкъ. Настроеніе солдатъ вездѣ было хорошее, радостное и дружное. Вечеромъ я побывалъ въ канцеляріи Измайловскаго полка, куда меня просили заѣхать офицеры. Здѣсь-же находилось человѣкъ 5 присланныхъ изъ совѣта рабочихъ депутатовъ, а также избранные депутаты полка. Мнѣ разсказали, что незадолго явились какіе-то два субъекта, которые назывались членами совѣта

рабочихъ депутатовъ и вели пропаганду между солдатами въ смыслѣ требованія окончанія войны, читали «приказъ № 1» и убѣждали не повиноваться офицерамъ и зорко слѣдить за ихъ поведеніемъ. Солдаты сами усумнились, привели агитаторовъ въ канцелярію и тамъ потребовали отъ нихъ полномочій, но таковыхъ не оказалось и ихъ вытолкали вонъ. Меня просили разъяснить, какой смыслъ и значеніе имѣетъ этотъ приказъ № 1. Я, разумѣется, сдѣлалъ все возможное, чтобы опорочить его въ глазахъ солдатъ и добавилъ, что, насколько извѣстно мнѣ, совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и самъ къ приказу относится отрицательно. Двое изъ бывшихъ здѣсь-же членовъ совѣта подтвердили мои слова и заявили, что не только лично имъ ничего не было извѣстно о составленіи этого приказа, но что въ ихъ присутствіи, нѣсколько часовъ тому назадъ, въ засѣданіи совѣта, самъ Чхеидзе (избранный предсѣдателемъ вмѣсто Носаря) категорически утверждалъ, что приказъ исходитъ не отъ совѣта, а отъ нѣкоторой его части, не посчитавшей нужнымъ при составленіи, выслушать мнѣніе совѣта, а потому и принявшей за него отвѣтственность только на себя. Тогда меня стали спрашивать и офицеры, и солдаты: «а что-же смотритъ военный министръ Гучковъ? Какъ онъ тотчасъ-же не запретилъ печатаніе и распространеніе приказа». Вотъ на этотъ вопросъ, признаюсь, мнѣ было стыдно и больно отвѣчать — и все, что я могъ сказать, это то, что Гучковъ, вѣроятно, не успѣлъ этого сдѣлать...

Но, тѣмъ не менѣе, изгнанные изъ полка агитаторы успѣли достигнуть своего. На слѣдующій день (3 марта) я и членъ Думы св. Д. Поповъ, поѣхали для бесѣды въ тотъ-же Измайловскій полкъ. Въ 1, 2 и 3 ротахъ, а также въ учебной командѣ дѣло сошло вполнѣ благополучно; насъ внимательно слушали, апплодировали и даже выносили на рукахъ. Но въ 4-ой ротѣ мы замѣтили, что рѣчи наши воспринимаются нѣсколько иначе: слушали, но кое-гдѣ слышались реплики недоброжелательнаго свойства. А послѣ насъ на эстраду вышелъ какой-то оборванецъ-солдатъ, уже среднихъ лѣтъ (типичный дезертиръ) и сталъ убѣждать слушателей не вѣрить намъ — мы-де подосланы «капиталистами», начавшими войну и являемся врагами народа...

Произошла суматоха; большинство, все-таки, было на нашей сторонѣ, но и сочувствующихъ оборванцу оказалось достаточно. Раздались крики: «вонъ, буржуи»... — и даже два-три возгласа объ арестѣ. Это былъ первый признакъ начавшагося разложенія арміи.

XIV.

Въ моихъ воспоминаніяхъ я намѣренно не касаюсь главныхъ историческихъ фактовъ русской революціи: отреченія Царя и В. Кн. Михаила, образованія Временнаго Правительства и первыхъ его дѣйствій, взаимоотношеній совѣта рабо-

чихъ и солдатскихъ депутатовъ съ Правительствомъ и Думой, наконецъ — военныхъ и матросскихъ бунтовъ на фронтѣ и положенія послѣдняго. Во-первыхъ, это уже достаточно освѣщено другими, а во-вторыхъ — обо всемъ я могъ бы писать лишь по наслышкѣ, такъ какъ, слава Богу, къ руководящимъ въ то время сферамъ я никакого касательства не имѣлъ. Цѣль моя — охарактеризовать и выяснить роль Думы во время переворота и послѣ него, а дѣйствій Временнаго Правительства касаюсь лишь постольку, поскольку онѣ имѣли отношеніе къ той-же Думѣ и ея комитету, изъ нѣдръ котораго первое Временное Правительство и вышло.

Первое, что я могу сказать о сумбурныхъ двухъ недѣляхъ послѣ революціи — это то, что общее впечатлѣніе получалось такое — все столичное населеніе, весь Петроградскій гарнизонъ, а также всѣ сколько-нибудь сознательные общественные круги внѣ столицы всѣми своими помыслами стремились къ Думѣ; она была популярна, какъ никогда, авторитетъ ея стоялъ необычайно высоко и именно въ ней, а не въ комъ-либо другомъ — видѣли панацею исцѣленія Россіи отъ всякихъ золъ и бѣдъ.

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ нигдѣ никакимъ авторитетомъ, кромѣ партійныхъ соціалистическихъ организацій не пользовался и роль его внѣ Думы была мало замѣтна; бороться съ захватомъ имъ власти было еще очень легко, тѣмъ болѣе, что и совѣтъ, разросшійся чуть не до 1500 человѣкъ, изъ которыхъ двѣ трети были солдаты, а только треть рабочіе, далеко не представлялъ собою однороднаго цѣлаго. Съ первыхъ же послѣреволюціонныхъ дней антагонизмъ этихъ двухъ группъ высказался весьма наглядно. Первое — въ вопросѣ объ общей забастовкѣ, начавшейся 27 февраля. Рабочая часть совѣта, хотя далеко не вся, настаивала на продолженіи забастовки, въ цѣляхъ углубленія и укрѣпленія революціи. Всѣ солдаты стали на дыбы, указывая на себя, что разъ они не лодырничаютъ, такъ и другихъ къ тому не допустятъ. Забастовка прекратилась, пошли трамваи, открылись магазины, заработали всѣ промышленныя предпріятія — а, благодаря твердому, дѣльному и очень внушительному воззванію (скорѣе приказу) комиссара путей сообщенія А. Бубликова — желѣзныя дороги не только не забастовали, а стали работать даже лучше, чѣмъ въ послѣдній мѣсяцъ. Второе — въ вопросѣ о всеобщемъ и безусловномъ рабочемъ восьмичасовомъ днѣ. Несмотря на всѣ усилія партійныхъ эсъ-дековъ въ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, несмотря на дѣятельную ихъ поддержку и другими соціалистическими элементами — требованіе восьмичасового рабочаго дня также провалилось въ общемъ собраніи совѣта; противъ него возстали солдаты. Тогда партійныя организаціи, использовавъ свое вліяніе и давленіе на безпартійныхъ рабочихъ, явочнымъ порядкомъ ввели свое требованіе о восьмичасовомъ днѣ на заводахъ (и то не на всѣхъ), министръ же торговли и промышленности А. И. Коноваловъ принялъ это къ свѣ-

дѣнію и исполненію, и абсолютно никакихъ энергичныхъ мѣръ съ его стороны къ прекращенію самочинства не послѣдовало... Трудно понять, какъ онъ, крупнѣйшій фабрикантъ, не понялъ всю гибельность этой мѣры для промышленности въ военное время. Мнѣ кажется, что онъ отлично это понималъ, но преодолѣло не то кокетливое ухаживаніе за партійными рабочими, не то просто трусость. Наконецъ, третье въ вопросѣ о землѣ. Соціалъ-революціонеры распинались въ совѣтѣ за соціализацію земли, имѣющую быть отобранной отъ помѣщиковъ, церквей и удѣловъ. Солдаты къ отнятію отнеслись, конечно, очень благосклонно, но когда дѣло дошло до «соціализаціи», т. е. до перевода самихъ крестьянъ изъ положенія собственниковъ на какое-то, для нихъ неясное положеніе пользователей, то въ совѣтѣ поднялся такой шумъ и гамъ, что вопросъ сняли съ очереди, а предсѣдатель Чхеидзе заявилъ, что земельная программа «недостаточно разработана».

Тотъ-же Чхеидзе потерпѣлъ полное фіаско, когда въ переполненномъ солдатами и народомъ Екатерининскомъ залѣ, впервые въ своей рѣчи пустилъ мысль о захватѣ помѣщичьихъ земель. Правда, ему апплодировали, но замѣчалось какое-то смущеніе; а когда вышелъ Родзянко и энергично возражалъ ему, указавъ, что разрѣшеніе земельнаго вопроса должно быть отложено до Учредительнаго Собранія, то его рѣчь вызвала бурю рукоплесканій и Чхеидзе незамѣтно стушевался.

Не только не лучше, но и гораздо хуже обстояло дѣло въ военномъ вѣдомствѣ. Я уже упоминалъ про преступное бездѣйствіе А. Гучкова по поводу приказа № 1. А кто, какъ не онъ, по требованію бунтовавшей кучки кронштадтскихъ матросовъ уничтожилъ въ морскомъ вѣдомствѣ погоны у офицеровъ — этотъ символъ дисциплины и замѣнилъ ихъ какою-то странной формой, скопированной съ англійской. А кто въ теченіи двухъ мѣсяцевъ безучастно любовался на самовольное прибытіе на фронтъ тысячъ интернаціональныхъ юношей, несшихъ туда проповѣди братанья съ врагами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подозрительно косился на всякую попытку петербургскихъ офицеровъ съорганизоваться?...

Въ Таврическомъ Дворцѣ, на моихъ глазахъ, въ первыхъ числахъ марта, въ присутствіи одного изъ пришедшихъ полковъ (кажется Московскаго), какая-то двѣица еврейскаго типа, влѣзла на эстраду и, окруженная нѣсколькими членами совѣта рабоччихъ и солдатскихъ депутатовъ, произнесла пламенную рѣчь о необходимости кончать войну и о братаніи на фронтѣ. Но сами солдаты подняли такой угрожающій шумъ и такъ на нее набросились, что ее едва-едва уволокли, избитую и находящуюся подъ прямой угрозой смерти. Правительство же, Думскій комитетъ и руководящіе круги пережили паническій ужасъ и не знали куда дѣваться — первый разъ при слухѣ о приближеніи къ столицѣ отряда георгіевскихъ кавалеровъ, подъ командой ге-

нерала Н. І. Иванова, а второй, уже 6 марта — при слухахъ объ энергичномъ и мужественномъ поведеніи Колчака въ Севастополѣ... Всѣхъ охватила боязнь за себя, за то, что не удастся удержаться на захваченныхъ мѣстахъ. И это называлось борьбою противъ контръ-революціонныхъ выступленій!...

Тотъ самый Некрасовъ, который въ совѣщаніи 27 февраля рекомендовалъ умолять кн. Голицына о назначеніи диктатора для подавленія безпорядковъ, будучи министромъ путей сообщенія, съ перваго же слова согласился на невѣроятное увеличеніе содержанія и различныя льготы всѣмъ желѣзнодорожникамъ и тѣмъ уготовалъ путь къ соотвѣтствующимъ домогательствамъ всѣхъ прочихъ: тутъ пошли и почтово-телеграфные и курьеры всякихъ присутственныхъ мѣстъ, водопроводные рабочіе и монтеры и т. д., безъ конца... Бюджетъ и государственный и городской трещалъ по всѣмъ швамъ, а г. г. остальные министры, также какъ и Думскій комитетъ — наслаждались зрѣлищемъ «удовлетворенія насущныхъ нуждъ демократическихъ работниковъ».

Наконецъ преступныя и непростительныя дѣйствія въ вопросахъ окраинныхъ. Категорически утверждаю, что у большинства нынѣ возникшихъ окраинныхъ государствъ, до середины марта 1917 года и мысли не возникало о какомъ бы то ни было отдѣленіи отъ Россіи. Хорошо помню многочисленныя совѣщанія по польскому вопросу въ 1916 году, на большинствѣ которыхъ я присутствовалъ. Дѣйствительно, между польскими ораторами было теченіе за независимость Польши — но очень многіе изъ нихъ стояли за личную унію съ Россіей; другая часть, пожалуй большинство, останавливалась на уніи реальной, а нѣкоторыя отдѣльныя лица довольствовались даже широкой мѣстной автономіей.

А Временное Правительство, исповѣдуя принципъ самоопредѣленія народовъ, само возвѣстило о полномъ отдѣленіи Польши отъ Россіи, притомъ въ такихъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, которыя давали основаніе домогаться присоединенія къ Польшѣ и мѣстностей съ большинствомъ русскаго населенія — что, какъ извѣстно, нынѣ и произошло.

Лично я всегда стоялъ и продолжаю стоять, на томъ, что существовавшія съ 1830 года отношенія Россіи къ Польшѣ были безусловно выгодны лишь для послѣдней, а для русскихъ они были не только невыгодны въ экономическомъ смыслѣ, но и весьма тягостны въ военномъ и въ политическомъ отношеніи. Кромѣ того и по своей численности, по пространству страны, по ископаемымъ и другимъ природнымъ ея богатствамъ, поляки вполнѣ имѣютъ право на самостоятельное историческое существованіе.

Но Литва, Латвія и Эстонія: здѣсь вопросъ обстоитъ совсѣмъ иначе. Для этихъ небольшихъ по численности, невысокихъ по культурѣ, съ крайне скудными природными

условіями народовъ — полная самостоятельность совершенно немыслима, и до революціи объ ней и разговора не поднималось.

Было бы тяжело, да, пожалуй и безполезно перечислять теперь всѣ роковыя ошибки, сдѣланныя Временнымъ Правительствомъ въ теченіи перваго же мѣсяца его существованія и, на мой взглядъ, систематически шедшія навстрѣчу соціалистическо-интернаціональной идеологіи, неминуемо приведшей къ большевизму. Но я считаю нужнымъ еще разъ подчеркнуть, что и продолжавшій существовать Думскій комитетъ не только не боролся противъ этихъ ошибочныхъ шаговъ, не только не воздѣйствовалъ на правительство, хотя бы предостерегающимъ образомъ, но или держался въ рамкахъ полнаго бездѣйствія, или безпомощно плелся въ хвостѣ событій, обсуждая ихъ уже post factum.

Напримѣръ отношеніе къ фронту. Приказъ № 1 тотчасъ по его изготовленіи былъ, конечно, цѣлыми тюками отправленъ на фронтъ; за нимъ туда нахлынула масса агитаторовъ и, уже въ началѣ марта, на ближайшемъ къ Петербургу, сѣверо-западномъ фронтѣ, ярко высказались послѣдствія этого: паденіе дисциплины, отказъ войскъ отъ наступленія, нескончаемые митингованія по ничтожнымъ поводамъ, наконецъ, смѣщенія и аресты офицеровъ. Необходимо было немедленно же принять мѣры. Но комитетъ въ это время занятъ былъ другимъ: онъ распредѣлялъ всѣхъ, сколько-нибудь активныхъ членовъ Думы на комиссарскія мѣста въ столичныя учрежденія и въ провинцію — конечно, въ первую голову изъ тѣхъ, которые входили въ прогрессивный блокъ или склонны были ему сочувствовать; прочіе оставались подъ подозрѣніемъ. А про фронтъ впервые вспомнили лишь 12 марта, и только 15-го немногіе, оставшіеся на лицо думцы, были приглашены на совѣщаніе о планѣ фронтовыхъ поѣздокъ; въ дѣйствительности, онѣ были осуществлены еще позже, напримѣръ на западный фронтъ меня, въ числѣ прочихъ, командировали лишь 18-го, на юго-западный — нѣсколько группъ депутатовъ отправлены были только съ 5 по 10 апрѣля, а на румынскій — такъ и не былъ посланъ никто: всѣ пригодныя для того лица оказались занятыми другими, болѣе спокойными дѣлами. Тотъ же фронтъ жаждалъ и газетнаго освѣдомленія о событіяхъ; тамъ царила полная неизвѣстность о происходящемъ, всѣ были сбиты съ толку и терялись въ массѣ сбивчивыхъ, разнорѣчивыхъ и часто ложныхъ извѣстій. За газетами стали въ Думу пріѣзжать съ фронта и офицеры, и солдаты уже 3—4 марта. А комитетъ удосужился и этотъ вопросъ поставить только 13-го, и на слѣдующій день было образована газетная комиссія, на которую возложено снабженіе и Петроградскихъ и фронтовыхъ частей газетами — уже тогда, когда и тѣ, и другія были завалены разными изданіями, зачастую подпольными, отъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ...

Скоро въ Петербургѣ объявился Ленинъ со своими присными; пошли митинги у дворца Кшесинской, большевистская опасность проявилась наглядно; а спустя почти мѣсяцъ (5 апрѣля), при командированіи меня и св. Филоненко на юго-западный фронтъ, предсѣдатель комитета, С. Шидловскій далъ намъ слѣдующую инструкцію: мы обязаны были находиться въ постоянномъ контактѣ и дѣйствовать въ полномъ единомысліи съ одновременно ѣдущими съ нами четырьмя представителями совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, отнюдь не обнаруживая какихъ-либо разногласій съ ними. Послѣ полученія такого напутствія оба мы хотѣли было отказаться отъ почетной миссіи, но послѣ рѣшили, что все-таки наше присутствіе будетъ въ извѣстной мѣрѣ полезно и мы сможемъ воспрепятствовать кое-какимъ эксцессамъ нашихъ спутниковъ.

Отправились мы 9 апрѣля, причемъ сопровождавшіе насъ «товарищи» предупредительно заѣхали за нами на квартиру, сопровождали до вокзала и сѣли вмѣстѣ съ нами въ вагонъ; съ этого дня и до возвращенія нашего (21 апрѣля) они не на минуту не покидали насъ: мы все время были какъ бы подъ конвоемъ. Впрочемъ, въ этомъ была и своя хорошая сторона. Желѣзныя дороги были уже въ значительной мѣрѣ «демократизованы» — и если бы не наши спутники, мы бы, во-первыхъ, не могли бы найти мѣста (несмотря на то, что намъ было дано отдѣльное купэ), ни избѣгнуть опасности быть изъ него прогнанными. Въ первую же ночь въ наше купэ стали ломиться какіе-то солдаты, а такъ какъ имъ не отворяли, то они стали ломать двери прикладами, грозя покончить съ засѣвшими «буржуями». Но одинъ изъ сопровождавшихъ насъ (нѣкій Іоффе, юный ротный фельшеръ), вышелъ и сталъ уговаривать ломившихся; онъ долго съ ними говорилъ, но, все-таки, убѣдилъ и насъ оставили въ покоѣ.

За время пути до Каменецъ-Подольска мы разговорились «по душѣ» — и я убѣдился, что, въ сущности, наши охранители — ребята вовсе не плохіе; у нихъ была и душа, и даже нѣкоторый здравый смыслъ: но эти качества совершенно исчезли передъ ихъ абсолютнымъ невѣжествомъ и затверженными партійными формулами: какіе-то попугаи, которыхъ физически нельзя заставить говорить по иному... На многихъ митингахъ мы выступали совмѣстно. Выйдетъ одинъ изъ нашихъ товарищей и начинаетъ нести ахинею: «безъ аннексій и контрибуцій... капиталисты начали войну... пьютъ нашу кровь...» и т. д. Выступаешь послѣ него, понятно, совсѣмъ въ иномъ стилѣ. Послѣ рѣчи подходитъ говорившій и, горячо пожимая руку, выражаетъ полное согласіе со сказаннымъ. Ну, думаешь — переубѣдилъ его — и начинаешь исподволь натаскивать его на правильныя мысли, для будущаго выступленія; онъ соглашается вполнѣ — и вотъ на слѣдующемъ митингѣ даже самъ заявляетъ: «ну теперь слушайте, я буду говорить солидарно съ вами». Дѣйствительно, сначала идетъ какъ будто хоро-

шо, но затѣмъ бѣдняга запутается и опять: «буржуи... контръ-революціонная гидра... война дворцамъ...» И такъ въ теченіи двухъ недѣль нашей совмѣстной поѣздки.

Но я долженъ сказать по справедливости, что въ то время юго-западный фронтъ далеко не представлялъ собою ту картину разложенія, которую мы видѣли въ Петроградѣ и ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ. Мы посѣтили свыше 25 полковъ, не считая отдѣльныхъ небольшихъ отрядовъ, а также разныхъ митинговъ, составлявшихся по пути изъ солдатъ и мѣстныхъ жителей; въ общемъ, впечатлѣніе получилось очень благопріятное: настроеніе патріотическое, полная готовность къ наступленію, недурная дисциплина и даже отсутствіе рѣзкаго антагонизма между солдатами и офицерами; бывали кое-какіе недоразумѣнія — но мы ихъ сравнительно легко ликвидировали. А въ другихъ полкахъ — 328 и 444, какъ сейчасъ помню — мы встрѣтились съ необычайною популярностью полковыхъ командировъ, притомъ вовсе не на демагогической подкладкѣ. Въ 328-мъ, напримѣръ, полку, послѣ нашихъ рѣчей, вышелъ изъ рядовъ солдатъ и, обращаясь къ намъ, сказалъ: «вы видите, что мы помнимъ свой долгъ передъ отечествомъ и готовы умереть въ бою; и этому насъ научилъ нашъ славный командиръ, полковникъ Соболевъ: ура ему!» Весь полкъ грянулъ такое оглушительное ура, что мы даже прослезились...

Во всѣхъ, безъ исключенія полкахъ, во всѣхъ отдѣльныхъ отрядахъ, послѣ нашихъ рѣчей намъ неизбѣжно задавались два вопроса, повидимому очень мучительные для вопрошавшихъ: «да скажите намъ прямо, кто правитъ Россіей: Временное Правительство, или совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ?» и второй: «какъ въ Петроградѣ мерзавцу Ленину позволяютъ говорить открыто, а не повѣсятъ его?» И приходилось въ соотвѣтствіи съ данной отъ комитета инструкціей, съ краской стыда на лицѣ и съ жгучей болью въ сердцѣ, отвѣчать, что правитъ-де, конечно, Временное Правительство, а совѣтъ — это необходимый общественный контроль, который, впрочемъ, всегда идетъ согласно съ Правительствомъ; если же и бываютъ кое-какія мелкія несогласія между ними, то они скоро ликвидируются. А что говоритъ Ленинъ открыто — такъ на то, товарищи, теперь свобода слова; вѣдь жандармовъ теперь нѣтъ, всякій воленъ высказываться, а ужъ слушатели сами поймутъ, гдѣ правда.

Въ Каменецъ-Подольскѣ, на засѣданіи мѣстнаго совѣта солдатскихъ депутатовъ, наши спутники коснулись того-же вопроса о взаимоотношеніи Правительства и совѣта и, по обыкновенію, понесли свое — что, дескать, Правительство — власть исполнительная, а совѣтъ — и законодательная, и распорядительная, а потому совѣтъ выше и Правительство должно ему подчиняться. Тутъ я ужъ вышелъ изъ предѣловъ «инструкціи» и въ очень рѣзкомъ тонѣ сталъ

возражать; говорилъ я долго и, къ моему удовольствію, а также удивленію видѣлъ, что всѣ присутствующіе на моей сторонѣ; а когда я кончилъ и предложилъ резолюцію въ томъ смыслѣ, что правительство — единственная въ странѣ власть и что всѣ обязаны подчиняться только его распоряженіямъ — то она была единогласно принята, а мой злополучный оппонентъ, подойдя ко мнѣ, заявилъ: «правильно, совершенно правильно; вѣдь и я это самое хотѣлъ сказать».

Въ Каменецъ-Подольскѣ мы познакомились съ Брусиловымъ, тогдашнимъ главнокомандующимъ фронтомъ и сообщили ему наши наблюденія. Онъ подтвердилъ, что, дѣйствительно, въ общемъ его фронтъ пока благополученъ, но что хуже другихъ настроеніе въ VIII арміи, которою командовалъ Калединъ и просилъ насъ отправиться туда. Мы въ тотъ же день поѣхали въ Черновицы, гдѣ былъ штабъ арміи. Каледина я засталъ весьма озабоченнымъ и какъ-то удрученнымъ. Онъ жаловался, что ему сильно портитъ сосѣдняя IX армія, откуда за послѣдніе дни начинаютъ въ большомъ числѣ проникать агитаторы и, несмотря на всѣ мѣры, онъ не можетъ этому воспрепятствовать, такъ какъ встрѣчаетъ мало поддержки и въ комитетахъ, и въ нѣкоторыхъ начальникахъ отдѣльныхъ частей; онъ жаловался, что появились между офицерами, въ особенности между вновь присылаемыми изъ столицы, новые типы, склонные подлаживаться къ солдатамъ, заискивающіе въ нихъ и не только не поддерживающіе дисциплину, но содѣйствующіе ея упадку. Онъ особенно былъ недоволенъ такъ называемою Поливановскою комиссіей, дѣйствовавшей тогда по иниціативѣ Гучкова и явно игравшей на «демократизаціи» арміи, т. е. на поддержкѣ розни между офицерами и солдатами.

Въ предѣлахъ VIII арміи мы объѣхали до 12 полковъ и отдѣльныхъ частей; дѣйствительно, настроеніе было нѣсколько хуже, чѣмъ встрѣченное нами до тѣхъ поръ; попадались полки (напр. 443), въ которыхъ антагонизмъ между командованіемъ и нижними чинами принималъ довольно рѣзкія формы; но, по справедливости, долженъ сказать, что если въ этомъ агитація сыграла извѣстную роль, то не менѣе виновато въ данномъ случаѣ было и начальство: полковой командиръ производилъ очень невыгодное впечатлѣніе своимъ безучастнымъ отношеніемъ къ подчиненнымъ и какъ-то совершенно стушевывался въ жизни полка; отдѣльные офицеры также далеко не соотвѣтствовали своему призванію, но, повторяю, это было не общее явленіе и въ массѣ юго-западный фронтъ производилъ впечатлѣніе хорошее. Такое же заключеніе вынесли и два другихъ думца — кн. Шаховской и Кузьминъ, которые объѣзжали VII армію и съ которыми мы встрѣтились въ Кіевѣ уже на обратномъ пути.

Всѣ мы были согласны, что фронтъ самъ по себѣ еще здоровъ, но что его систематически и непрерывно портитъ центръ, т. е. Петроградъ, своими колеблящимися, нерѣши-

тельными и явно играющими въ руку соціалистамъ, дѣйствіями и распоряженіями. Намъ казалось, что будь хоть немного болѣе властной энергіи и патріотизма наверху военная обстановка была-бы поправима.

XV.

Мы пріѣхали въ Петроградъ 21 апрѣля — какъ разъ въ тотъ самый день, когда Ленинъ и его присные сдѣлали свою первую пробу — демонстрацію на Маріинской площади и сразу окунулись въ разлагающуюся, смрадную атмосферу столичныхъ соглашательствъ. До какой степени поразительна была разница, между здоровою, стойкою обстановкой на фронтѣ, въ которой мы отдыхали около двухъ недѣль — и безсмысленнымъ, преступнымъ политиканствомъ, нескончаемой болтовнею и жадной погоней за властью и вліяніемъ, которыя мы нашли здѣсь. Когда мы въ самый день пріѣзда пытались увидѣть членовъ комитета для доклада о поѣздкѣ, никого изъ нихъ въ Думѣ не оказалось; на слѣдующій день мы удостоились кое-кого лицезрѣть, но нашъ докладъ ихъ, очевидно, совсѣмъ не интересовалъ: всѣ ихъ помыслы были сосредоточены на назрѣвающемъ министерскомъ кризисѣ и на гаданіи: какой составъ министерства можетъ образоваться въ близкомъ будущемъ. Лишь черезъ 4 дня удосужились созвать совѣщаніе членовъ Думы для выслушанія докладовъ лицъ, ѣздившихъ на разные фронты.

А черезъ два дня, 27 апрѣля, состоялось торжественное засѣданіе членовъ Думы всѣхъ четырехъ созывовъ: предполагалось подвести итоги «сильныхъ», 11-ти лѣтъ дѣятельности Думы, поднять ея явно клонившійся къ упадку престижъ и авторитетъ, говорилось много рѣчей — все прекрасными ораторами, но правдива и откровенна была изъ нихъ только одна рѣчь, косноязычнаго М. Скобелева: «Дума уже умерла, мы имѣемъ дѣло съ призракомъ и, такъ какъ мы люди съ трезвыми взглядами, то ни пугаться этого призрака, ни даже считаться съ нимъ — не стоитъ».

Жестокія, но правдивыя слова: возражать на нихъ было нельзя... Захвативъ выпущенную изъ рукъ прежнимъ строемъ власть, Дума въ лицѣ своего комитета, а потомъ Временнаго Правительства, обнаружила полное непониманіе задачъ момента, полное отсутствіе воли и энергіи къ удержанію этой власти, совершенную безплодность и никчемность безсистемныхъ, противорѣчивыхъ и чисто деклараціонныхъ потугъ законодательства; она совершенно проглядѣла съ самаго-же перваго момента настоящую, грозную опасность отъ партійно-соціалистическаго натиска, черпавшаго силы въ безграничной темнотѣ народной и въ сплоченности бывшихъ подпольныхъ дѣятелей, которые выплыли наверхъ при новой обстановкѣ; вмѣсто борьбы съ этими темными силами — она все время стремилась къ соглашательству и компромиссу съ ними, и съ ними-же, (къ явной гибели для всего

государства), все время занималось Донъ-Кихотской борьбою съ призраками контръ-революціи, послѣдовательно сметая и дезорганизуя все то, что стояло на пути къ осуществленію идеаловъ Циммервальда и соціальной перестройки общества. Она съ величайшимъ усердіемъ уготовала путь для побѣдоноснаго пришествія большевиковъ — и, по справедливости, ей принадлежитъ крупная доля заслуги въ подготовкѣ превращенія когда-то великой и обильной страны въ пустыню, полную ужасовъ неописуемыхъ и невѣроятныхъ.

А, вѣдь, Дума — это наша интеллигенція, со всѣми ея развѣтвленіями, настроеніями и партіями; та интеллигенція, которая оторвалась отъ народной массы, не знала ея и не желала знать, пошла по пути «всечеловѣчества» и совершенно утратила правильное понятіе о своей родинѣ; интеллигенція, которая жила, мыслила и чувствовала по указкѣ западно-европейскихъ образцовъ, искуственно подтягивая подъ нихъ все русское, самобытное, исторически развившееся. Впрочемъ — къ чему фразы: достаточно желающимъ прочесть «Исторію русской революціи» П. Н. Милюкова; изъ этой очень дѣльно и даже учено написанной книги читатель можетъ наглядно убѣдиться, какими путями пошла наша интеллигенція и, въ частности, Партія Народной Свободы съ самаго рокового дня переворота; чѣмъ было занято Временное Правительство за все время своего существованія, какъ чисто парламентарными, хитроумными на европейскій манеръ комбинаціями, политическіе дѣятели того времени «налаживали» компромиссы съ демагогическими совѣтскими дѣятелями, какъ и на основаніи какихъ соображеній выдвигались кандидатуры на тотъ или иной министерскій постъ. Изъ этой же книги наглядно усматривается, что единственно организованная и дѣйственная интеллигентская партія того времени (к. д.) очень заботилась о томъ, чтобы историческая отвѣтственность за погибель Россіи не упала на нее, и партійные главари старательно вырабатывали декларацію за декларацією, платформу за платформой, отнюдь въ то же время не отказываясь отъ участія во власти, полная несостоятельность которой была и для нихъ самихъ совершенно ясна...

Въ сущности, здѣсь мои воспоминанія о Государственной Думѣ и заканчиваются. Съ образованіемъ, въ началѣ мая 1917 года, министерства «Спасенія революціи» (не Россіи) всякое ея значеніе въ жизни страны кончается и дальше идетъ полъ года агоніи, полуживого прозябанія. Всѣ, сколько-нибудь видные думцы разъѣхались по мѣстамъ, другіе цѣпко держались за «властные» посты и, хотя вполнѣ сознавали, что ихъ дѣятельность не только безполезна, но даже при данныхъ условіяхъ вредна, не желали и не могли разстаться съ преимуществами своего положенія. Комитетъ гдѣ-то существовалъ, не обнаруживая себя абсолютно ничѣмъ; совѣщанія членовъ, предполагавшіяся сначала еженедѣльно, собирались все рѣже и рѣже, участниковъ въ нихъ было меньше и меньше, говорилось и обсуждалось

на нихъ то, что давнымъ-давно было извѣстно маленькимъ дѣтямъ на улицѣ; а когда, въ началѣ іюня, въ Горьковской пораженческой газетѣ «Новая Жизнь» появились ехидные намеки на то, что въ Думѣ-то именно контръ-революція и кроется — то господа изъ Комитета совсѣмъ перепугались и совѣщаній больше не созывали...

За полною безполезностью Думы, въ газетахъ, одно время все чаще и чаще, писалось о необходимости ея формальнаго роспуска; это-же говорилось и въ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Потомъ писать и говорить перестали: уже не стоило. Сочли болѣе удобнымъ просто физически выдворять Думу изъ Дворца: сначала заняли одну комнату, потомъ нѣсколько, потомъ объявили, что всѣ залы (Екатерининскій, полуциркульный, круглый) находятся исключительно въ ихъ распоряженіи, потомъ упразднили буфетъ, почтовое отдѣленіе, взяли всю лѣвую половину зданія, дальше заняли канцеляріи, кабинетъ предсѣдателя, выселили служащихъ изъ квартиръ и, наконецъ, въ распоряженіи Думы оставили только библіотеку и маленькую комнату для распорядительнаго комитета. Впрочемъ и послѣднему угрожала ежедневная опасность: каждый день являлось нѣсколько неизвѣстныхъ субъектовъ, всегда вооруженныхъ и одинъ за другимъ требовали, чтобы мы убирались куда знаемъ. Приходилось убѣждать, доказывать, просить.

Наконецъ, вся совѣтская орава рѣшила перекочевать въ Смольный; уѣхали, очистили зданіе — и оставили всѣ комнаты загаженными, заплеванными, съ выломанными дверьми, раскраденною мебелью, ободранными гобеленами, разбитыми люстрами. Во дворцѣ стало свободно — и пусто. Изъ членовъ Думы на лицо оставалось только не болѣе 10 человѣкъ, которые бродили, какъ сонныя мухи, по опустѣвшимъ заламъ; хозяевами положенія были немногіе оставшіеся сторожа, которые диктовали свои условія распорядительному комитету. Къ несчастью, я былъ членомъ этого комитета еще съ 1915 года и съ іюля, послѣ большевистскаго выступленія, оставался совсѣмъ одинъ; мнѣ пришлось на себѣ испытать всю прелесть ежедневныхъ объясненій съ «товарищами-сторожами», все наровившими добраться до нашего несгораемаго шкафа, гдѣ хранились деньги и цѣнности, не только думскія, но и частныя, положенныя туда уѣхавшими думцами и служащими. Кое-какъ, все-таки, отстаивалъ его, но о какихъ-нибудь занятіяхъ мнѣ и моему дѣлопроизводителю и мечтать не приходилось.

Во время большевистскаго переворота я въ Петербургѣ не былъ и пріѣхалъ только послѣ возстановленія желѣзнодорожнаго движенія 5-го ноября. На слѣдующій день пошелъ въ комитетъ — и, черезъ полъ часа, былъ не совсѣмъ вѣжливо выпровоженъ оттуда вмѣстѣ съ дѣлопроизводителемъ. Мы были послѣдними, покинувшими Таврическій Дворецъ. Прощай, Государственная Дума. Мы отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть.

Императорская Россія въ эпоху Великой Войны.

(Продолженіе.)

VIII.

Пятница, 1 января 1915 года.

Въ дружеской бесѣдѣ съ Сазоновымъ и Бьюкэненомъ мы обсуждаемъ тѣ перспективы, которыя сулитъ наступающій 1915 годъ нашему общему дѣлу. Всѣмъ изъ насъ очевидно, что война заставитъ насъ проявить еще громадныя усилія и что мы не имѣемъ ни возможности, ни права отклонить этого, такъ какъ рѣшается вопросъ нашей національной жизни.

— Опытъ послѣднихъ мѣсяцевъ войны, — сказалъ я, — а въ особенности послѣднихъ недѣль долженъ былъ бы по моему служить очень полезнымъ урокомъ и было бы преступнымъ съ нашей стороны если бы мы имъ не воспользовались.

— Какой урокъ? — спросилъ Сазоновъ.

— Ввиду того, что блокъ германскихъ государствъ почти неуязвимъ, мы должны были бы прибѣгнуть путемъ силы или нравственнаго воздѣйствія къ тому, чтобы оторвать Австрію отъ союза съ Германіей, — сказалъ я, подчеркивая, что это является моимъ личнымъ мнѣніемъ. — Мнѣ кажется, что этого было бы не такъ трудно достигнуть. Императоръ Францъ Іосифъ очень старъ и мы знаемъ, что война его очень разстраиваетъ и что онъ только и помышляетъ о томъ, чтобы умереть въ мирѣ и спокойствіи. Вы нанесли Австріи одно за другимъ многочисленныя пораженія; Сербы только что одержали блестящую побѣду подъ Вальево; Румынія занимаетъ угрожающую позицію по отношенію Австріи; позиція Италіи совершенно не выяснена. Ни въ 1859, ни въ 1866 г. г. монархія Габсбурговъ не находилась въ такомъ критическомъ положеніи, между тѣмъ тогда Императоръ Францъ Іосифъ пошелъ на крупныя территоріальныя уступки для того, чтобы спасти тронъ. Вѣдь, между нами говоря, если бы Вѣнскій кабинетъ согласился уступить вамъ Гали-

цію, а Сербіи Боснію и Герцоговину, развѣ вамъ это не показалось бы достаточнымъ, чтобы заключить съ Австріей сепаратный миръ?

— А Богемія? А Кроація? — спросилъ Сазоновъ недовольнымъ голосомъ. — Вы оставили бы ихъ въ теперешнемъ положеніи? — Это невозможно...

— Ввиду того, что мы съ вами говоримъ частнымъ образомъ, позвольте вамъ замѣтить, что въ томъ грандіозномъ испытаніи, которое навязано Франціи чешскій и юго-славянскій вопросы мнѣ представляются второстепенными.

Сазоновъ недовольно покачалъ головой.

— Нѣтъ, необходимо расчленить Австро-Венгрію.

Я снова возвращаюсь къ своимъ первоначальнымъ аргументамъ и развиваю ихъ. Я высказываю, что разгромъ Австро-Венгріи будетъ имѣть значительныя послѣдствія, какъ съ точки зрѣнія стратегической, такъ и нравственной; первая Россія получитъ отъ этого выгоды; все же наши наступательныя и разрушительныя усилія должны быть направлены на Германію, если же впослѣдствіи, австро-венгерскій кабинетъ предложилъ намъ пріемлемыя условія мира, то съ нашей стороны было бы чрезвычайной ошибкой отклонить ихъ. Мы могли бы потребовать широкой автономіи для чеховъ и кроатовъ; это была бы большая побѣда Славянства.

Сазоновъ видимо поддается моей настойчивости.

— Дѣйствительно надъ этимъ слѣдуетъ подумать, — говоритъ онъ.

Вернувшись въ посольство я немедленно увѣдомилъ Делькассэ о нашемъ разговорѣ, напоминая при этомъ о неопровержимыхъ преимуществахъ, которыя представляетъ для Франціи сохраненіе крупной политической единицы въ Придунайской области.

Вторникъ, 5 января.

Русскіе разгромили турокъ подъ Саракамышемъ на путяхъ отъ Карса къ Эрзеруму.

Этотъ успѣхъ, тѣмъ болѣе выдающійся, такъ какъ наступленіе велось въ гористой мѣстности, по высотѣ почти достигающей Альпъ, пересѣченной пропастями и высотами достигающими 2500 метровъ. Въ настоящее время тамъ стоятъ страшные морозы и постоянныя снѣжныя метели. Кромѣ того во всей этой опустошенной мѣстности нѣтъ никакихъ дорогъ. Кавказская армія совершаетъ ежедневно удивительные подвиги.

Четвергъ, 7 января.

Въ теченіи девяти дней, на лѣвомъ берегу Вислы, въ секторѣ между Бзурой и Равкой, происходятъ упорнѣйшіе бои. 2 января германцамъ удалось занять важную позицію у Боржимова. Германскій фронтъ слѣдовательно находится въ 60 км. отъ Варшавы.

Это положеніе вызываетъ серьезное недовольство въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ таково впечатлѣніе одного англійскаго журналиста, который еще вчера обѣдалъ въ Славянскомъ Базарѣ.

— Во всѣхъ салонахъ и кружкахъ Москвы, — сказалъ онъ мнѣ, — царитъ чрезвычайное раздраженіе тѣмъ оборотомъ военныхъ событій, которое наблюдается въ настоящій моментъ. Общество не отдаетъ себѣ отчета въ причинахъ, повлекшихъ за собой пріостановленіе наступленія и начавшійся отходъ, которому, какъ кажется, нѣтъ конца... Однако въ этомъ обвиняютъ не Великаго Князя Николая Николаевича, а Государя и еще больше Императрицу.

Относительно Александры Ѳеодоровны распространяютъ самые нелѣпые слухи; Распутину приписываютъ то, что онъ продался непріятелю, а Государыню иначе, какъ «нѣмка» не называютъ.

Мнѣ уже много разъ приходилось слышать, что Государыня яко-бы сохранила симпатіи, предпочтеніе и массу нѣжности по отношенію къ Германіи, однако несчастная женщина ни въ коемъ случаѣ не заслужила этихъ обвиненій, которыя ей извѣстны и которыяя ее очень огорчаютъ.

Хотя Александра Ѳеодоровна и нѣмка по рожденію, но ни умомъ, ни сердцемъ никогда не была таковой. По рожденію, по крайней мѣрѣ со стороны отца великаго Герцога Гессенскаго Людовика IV, она нѣмка, но мать ея принцесса Алиса дочь Англійской Королевы Викторіи. Въ 1878 году, въ возрастѣ 6 лѣтъ она потеряла мать и съ тѣхъ поръ почти неизмѣнно жила при англійскомъ дворѣ. Ея образованіе, воспитаніе и умственное, и нравственное развитіе совершались слѣдовательно подъ вліяніемъ англійскаго духа. И въ настоящее время у нея видъ англичанки, какъ внѣшностью, такъ и повадкой, твердостью и оттѣнкомъ пуританства характера, непреклонной суровостью нравственныхъ понятій, а также домашними привычками. Этимъ ограничивается все, что у нея сохранилось отъ ея западнаго происхожденія.

Прежде всего, несмотря на образовавшіяся вокругъ нея легенды, я ни одной минуты не сомнѣваюсь въ ея патріотизмѣ. Она любитъ Россію горячей любовью. Да и возможно ли, чтобы она не была привязана къ своей новой родинѣ, которая олицетворяетъ для нея всѣ интересы: супруги, царицы и матери.

Еще при вступленіи ея на тронъ въ 1894 году было извѣстно, что она не любитъ Германію и въ особенности Пруссію. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, говорятъ, она возненавидѣла личность Императора Вильгельма, считала его единственнымъ виновникомъ войны — «этой ужасной войны, которая заставляетъ обливаться кровью сердце Христа».

Однако нравственное перерожденіе Императрицы еще глубже. Вслѣдствіе удивительной способности къ нравственной воспріимчивости, она, мало по малу восприняла всѣ самыя глубокія, самыя специфическія черты русской души,

всѣ эти смутные бездоказательные и туманные элементы на которыхъ зиждется мистическая религіозность. Я уже указывалъ на тѣ болѣзненныя наклонности, которыя у Александры Ѳеодоровны проявляются въ отношеніи наслѣдственности, передаваемой дѣтямъ мужского пола, у Елизаветы Ѳеодоровны — въ ея экзальтированности, а у ихъ брата великаго Герцога Гессенскаго, — въ неестественныхъ наклонностяхъ. Эти наслѣдственныя предрасположенія, которыя могли бы быть сглаживаемы при жизни въ положительныхъ и уравновѣшенныхъ западно-европейскихъ кругахъ, встрѣтили въ Россіи крайне благопріятную почву для дальнѣйшаго развитія. Нравственное неспокойствіе, хроническая грусть, безпредѣльная тоска, чередующіеся возбужденіе или упадокъ силъ, мучительныя мысли о потустороннемъ и невидимомъ мірахъ, суевѣріе — всѣ эти черты, которыя такъ ярко проявляются во всей личности Государыни, развѣ эти черты не являются характерными чертами русскаго народа. А то смиреніе, съ которымъ Государыня поддается вліянію Распутина развѣ не менѣе знаменательно. Вѣдь въ томъ, что она, видя въ Распутинѣ «божьяго человѣка», признавая въ немъ даръ предвидѣнія, творенія чудесъ и заклинаній ставитъ въ зависимость отъ его благословенія успѣхъ политическаго акта или военной операціи — развѣ въ этихъ случаяхъ она не дѣйствовала, какъ древняя московская царица? Она вернулась къ временамъ Іоанна Грознаго, Михаила Ѳеодоровича, она какъ бы облекалась въ византійскую оболочку древней архаической Руси.

Пятница, 8 января.

Я получилъ отъ Делькассэ отвѣтъ на мою телеграмму датированную 1 января, въ которой я сообщалъ ему о моемъ разговорѣ съ Сазоновымъ о возможности привлеченія Вѣнскаго кабинета къ заключенію сепаратнаго мира. Въ этой телеграммѣ Делькассэ настоятельно предлагаетъ мнѣ никогда не произносить по этому поводу ни одного слова, дабы Русское Правительство не могло бы подумать, что мы ему не предоставили полную свободу дѣйствій по отношенію къ Австро-Венгріи.

Когда мой совѣтникъ Дульсэ окончилъ чтеніе этого отвѣта я сказалъ:

— Если бы вы мнѣ сообщили о нашемъ полномъ военномъ разгромѣ я бы не былъ болѣе опечаленъ чѣмъ сейчасъ.

Воскресенье, 10 января.

Столь ли религіозенъ Русскій народъ, какъ объ этомъ постоянно говорятъ? Я часто ставилъ себѣ подобный вопросъ, но не всегда находилъ на него точный отвѣтъ. Прочитавъ вчера нѣсколько страницъ Мережковскаго о религіи и революціи, а снова оказался въ необходимости еще разъ задать себѣ этотъ вопросъ.

Мережковскій разсказываетъ, что около 1902 года, нѣсколько глубоко вѣрующихъ русскихъ, ощутившихъ нѣкоторое безпокойство, организовали въ Петербургѣ засѣданія въ которыхъ священники засѣдали совмѣстно съ лицами свѣтскими подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Сергія, ректора Духовной Академіи. «Впервые» — пишетъ онъ — «русская церковъ находилась лицомъ къ лицу съ свѣтскимъ обществомъ, съ міровой культурой не для того чтобы склонить ихъ къ наружному сліянію, а для того, чтобы испробовать путь дружественнаго и свободнаго сближенія... Впервые были поставлены вопросы, которые съ эпохи аскетическаго отдѣленія христіанства отъ мірской суеты, никогда не поднимались столь рѣзко въ самосознаніи и съ такимъ искреннимъ страданіемъ... Казалось, что стѣны зала засѣданій раздались и открылись безконечные горизонты. Это маленькое собраніе походило на предверіе Верховнаго Священнаго Совѣта, произносимыя на немъ рѣчи напоминали молитвы и проповѣди, въ немъ создалась такая атмосфера, что все казалось возможнымъ вплоть до чуда... Надо отдать справедливость высшимъ чинамъ русскаго духовенства, они пришли на совѣщаніе съ открытыми сердцами, со святымъ смиреніемъ, съ жаждой понять насъ и помочь намъ и спасти заблуждающихся... Но черта, разграничивавшая оба лагеря оказалась болѣе глубокой, чѣмъ это можно было предполагать. Между нами и ими образовалась пропасть, черезъ которую оказалось невозможнымъ проложить мостъ. Мы стали рыть ходы одни въ направленіи другихъ, которые могли бы насъ сблизить, но мы не могли встрѣтиться, потому что мы рыли въ разныхъ плоскостяхъ. Для того, чтобы церковь могла намъ отвѣтить необходимо было гораздо большее чѣмъ реформы-нужна была революція; нужно было не новое толкованіе, а новое откровеніе; не продолженіе Новаго Завѣта и начало Третьяго; не обращенію къ Христу перваго пришествія, но устремленіе ко Второму Христу. Въ результатѣ этого создалось безвыходное, полное недоразумѣній положеніе. Для насъ вѣра была предметомъ восхищенія, для священниковъ - долга; слова Священнаго писанія намъ казались громовыми, для нихъ же заученными наизусть текстами катихизиса; мы хотѣли, чтобы ликъ Христа сіялъ подобно солнцу, они же довольствовались темнымъ пятномъ въ ризѣ старинной иконы.»

Въ этомъ заключается великая редигіозная трагедія Русскаго народа. Самъ народъ болѣе вѣруетъ или по крайней мѣрѣ болѣе христіанинъ, нежели его церковь. Въ благочестіи массъ больше спиритуализма, мистицизма и близости къ Евангельскимъ ученіямъ, чѣмъ въ Православной теологіи и уставахъ церкви. Покорившись самодержавію церковь сдѣлалась административнымъ и полицейскимъ органомъ и, какъ таковая, съ каждымъ днемъ все теряетъ и утрачиваетъ господство надъ душами.

Яркій разрывъ Толстого съ Православною церковью, лѣтъ 15 тому назадъ, во всей полнотѣ выявилъ тотъ нравственный кризисъ, которымъ страдаетъ Россія. Когда Святѣйшій Синодъ провозгласилъ его отлученіе отъ причастія, въ Ясную Поляну посыпались выраженія сочувствія и восхищенія. Даже священники протестовали противъ этого постановленія, семинаріи начали бастовать и всеобщее возмущеніе было настолько велико, что Митрополитъ Петербургскій счелъ необходимымъ написать графинѣ Толстой гласное письмо, въ которомъ онъ изображалъ постановленіе Святѣйшаго Синода «актомъ любви и милости» по отношенію къ ея вѣроотступнику-мужу.

Русскому народу очень близко Евангельское ученіе. Почти вся его вѣра резюмируется Нагорной Проповѣдью. Въ его христіанскомъ міросозерцаніи первое мѣсто занимаетъ тайна милосердія исходящая отъ Господа и искупившая грѣхи міра. Основныя тезисы его вѣры суть слова: «Возлюбите другъ друга... Любите враговъ вашихъ, молитесь за ненавидящихъ васъ... Не противьтесь злу, которое вамъ хотятъ причинить... Мнѣ нужна не жертва а любовь...» Отсюда истекаетъ безконечное состраданіе мужика къ бѣднымъ, несчастнымъ, униженнымъ и обиженнымъ судьбою. Это и придаетъ произведеніямъ Достоевскаго яркій характеръ національной правдивости; они кажутся проникнутыми призывомъ Христа: Прійдите ко мнѣ всѣ несчастные...

Милостыня, благотворительность, гостепріимство чрезвычайно развиты въ обычаяхъ жизни русскихъ всѣхъ классовъ. Мнѣ пришлось путешествовать по всему свѣту и ни въ одной другой расѣ я не усмотрѣлъ столько милосердія.

Въ то же время у мужика неутолимая жажда въ томъ, чтобы и къ нему примѣнялось милосердіе, которое онъ оказываетъ другимъ. Его лицо становится трогательнымъ, когда онъ съ вѣрою, осѣняя себя широкими крестными знаменьями произноситъ: Господи помилуй...

Мнѣ представляется, что кромѣ состраданія наиболѣе дѣйственное чувство въ народномъ самосознаніи занимаетъ представленіе о грѣхѣ. Русскій, какъ бы постоянно, встревоженъ идеей совершеннаго грѣха и слѣдуемаго за него наказанія. Онъ постоянно повторяетъ: «Боже милостивый буди мнѣ грѣшному.» Въ Христѣ онъ главнымъ образомъ видитъ того, который сказалъ: «Сынъ Человѣческій пришелъ спасти души грѣшниковъ»..., а также: «Я пришелъ посѣтить не праведниковъ, а грѣшниковъ...»

Вопреки установившемуся мнѣнію русскіе очень далеки отъ того, чтобы придавать обрядной сторонѣ первенствующее значеніе. Конечно, обрядная сторона службы, таинства, благословенія, иконы, реликвіи, мощи, пѣснопѣнія, свѣчи, крестныя знаменія, колѣно-преклоненія и проч. играютъ большую роль въ ихъ вѣрѣ, такъ какъ ихъ живое во-

ображеніе заставляетъ ихъ быть очень чувствительными къ зрительнымъ эффектамъ. Но значительно сильнѣе дѣйствуетъ чистая вѣра отрѣшенная отъ всякой метафизики. Это вѣра въ справедливость Бога и въ ужасъ Его гнѣва, это постоянная мысль о Спасителѣ и, наконецъ, размышленіе о страданіи и смерти, туманное представленіе о сверхъестественномъ мірѣ и о тайнѣ, которая насъ окружаетъ.

При такомъ представленіи о вѣрованіи Русскаго народа приходится разрѣшить сложную задачу: какимъ образомъ русскій мужикъ, одоренный душой столь близко воспринимающей евангельскія ученія, въ настоящее время охваченъ злобой и жестокимъ гнѣвомъ? Ибо убійства, мученія, поджоги и грабежи ознаменовавшіе волненія 1905 года свидѣтельствуютъ о томъ, что Русскій народъ и нынѣ способенъ на тѣ же ужасы, какъ и во времена Пугачева, Ивана Грознаго и прочія эпохи уже отошедшія въ область исторіи.

Я вижу этому два объясненія. Первое то, что русскіе въ громадномъ большинствѣ остались совершенно примитивными, т. е. находящимися подъ непосредственнымъ вліяніемъ инстинктовъ и не владѣющими своими импульсами. Христіанство захватило только нѣкоторыя стороны личности русскихъ: оно совершенно не задѣло ихъ разсудка и говоритъ гораздо меньше ихъ совѣсти чѣмъ воображенію и чувствительности. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что какъ только гнѣвъ мужика проходитъ онъ сейчасъ же снова становится мягкимъ и христіански покорнымъ: онъ плачетъ надъ своими жертвами, служитъ панихиды объ ихъ упокоеніи, публично кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ, ударяетъ себѣ въ грудь и искренно жалѣетъ о сдѣланномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ особое удовлетвореніе въ этомъ состояніи покаянія.

Вторая причина та, что Евангеліе содержитъ много положеній изъ которыхъ можно сдѣлать выводы, противоположные нашимъ современнымъ понятіямъ о Государствѣ. Образъ богача, горящаго въ аду только за то, что онъ былъ богатъ въ то время, какъ Лазарь покоится на лонѣ Авраамовомъ только потому, что онъ былъ бѣденъ-безусловно приводитъ къ опаснымъ понятіямъ въ примитивномъ умѣ русскихъ крестьянъ и пролетаріевъ. Точно такъ же, когда ихъ жизнь бываетъ слишкомъ тягостна и они слишкомъ ясно ощущаютъ убожество ихъ соціальнаго положенія они любятъ повторять слова Христа: «первые да будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми»... Имъ также извѣстны роковыя слова: «Я пришелъ принести огонь на землю. Тѣмъ лучше если она сгоритъ...» Наконецъ тенденція къ коммунизму, находящаяся въ глубинѣ души каждаго мужика находитъ не мало основаній въ Евангельскомъ текстѣ. Толстой, который столь краснорѣчиво истолковалъ Евангеліе «въ русскомъ духѣ» не колеблясь объявилъ, что частная собственность несовмѣстима съ христіанскимъ ученіемъ, что

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

каждый человѣкъ имѣетъ права на всѣ произведенія земли, какъ онъ имѣетъ право на солнечный свѣтъ и, что земля должна принадлежать исключительно тѣмъ, кто собственнымъ трудомъ ее обрабатываетъ.

Четвергъ, 14 января.

Сегодня по Грегоріанскому календарю первый день 1915 года. Въ два часа дипломатическій корпусъ отправляется въ Царское Село съ поздравленіями Его Величеству.

По обыкновенію пріемъ поздравленій обставленъ большимъ церемоніаломъ свидѣтельствующимъ о богатствѣ, могуществѣ и пышности Русскаго Двора, не имѣющаго себѣ равнаго.

Экипажи останавливаются передъ подъѣздомъ огромнаго дворца, построеннаго по приказанію еще Императрицы Елисаветы, стремившейся затмить дворъ Людовика XV. Насъ вводятъ въ зеркальныя галлереи, при яркомъ освѣщеніи сверкающія позолотой и хрусталемъ. Дипломатическій корпусъ строится по старшинству, причемъ, за каждымъ посломъ или посланникомъ размѣщаются чины посольствъ.

Почти одновременно появляется и Государь окруженный блестящей свитой.

Онъ хорошо выглядитъ, его взглядъ открытъ и спокоенъ. Передъ каждой миссіей онъ недолго задерживается.

Когда Царь приблизился ко мнѣ, я принесъ мои поздравленія и пожеланія подкрѣпляя ихъ тѣми завѣреніями, которыя генералъ Жоффръ просилъ передать Верховному Главнокомандующему. Я прибавилъ, что въ послѣднемъ выступленіи правительства передъ законодательными палатами Франціи, оно торжественно объявило о своемъ рѣшеніи продолжать войну со всѣмъ упорствомъ и что это рѣшеніе служитъ намъ гарантіей побѣды.

— Я читалъ это заявленіе вашего правительства, сказалъ Государь, и порадовался всѣмъ сердцемъ. Мое рѣшеніе не менѣе твердо. Я буду продолжать войну столько времени, сколько будетъ необходимо, чтобы обезпечить полную побѣду. Вамъ извѣстно, что я только что закончилъ объѣздъ своей арміи и нашелъ ее преисполненой усердія и порыва; армія полна желанія сражаться и увѣрена въ побѣдѣ. Къ сожалѣнію недостатокъ въ снарядахъ задерживаетъ наши операціи. Но надо проявить немного терпѣнія, это только временная задержка и планъ великаго князя ни въ коемъ случаѣ не будетъ измѣненъ. При первой возможности моя армія снова начнетъ наступленіе и до тѣхъ поръ, пока наши враги не запросятъ мира, борьба будетъ продолжаться. Путешествіе, которое я только что совершилъ по всей Россіи свидѣтельствуетъ о томъ, что я нахожусь въ тѣсной близости съ моимъ народомъ.

Я поблагодарилъ Государя за эти слова. Послѣ минутнаго молчанія онъ вдругъ выпрямился и вибрирующимъ, но твердымъ голосомъ, котораго я еще доселѣ никогда не слышалъ, произнесъ:

— Хочу еще сказать вамъ, господинъ посолъ, что мнѣ извѣстны нѣкоторыя попытки, которыя предпринимались даже въ самомъ Петроградѣ, стремящіяся распутить слухи, что я утратилъ увѣренность, и не вѣрю въ возможность сокрушенія Германіи, и даже, наконецъ, думаю о заключеніи мира. Это безчестные люди, или непріятельскіе агенты распускаютъ подобные слухи. Но всѣ эти выдумки не имѣютъ никакого значенія. Только моя воля имѣетъ значеніе и вы можетъ быть увѣрены, что она будетъ непреклонна.

— Правительство республики, — отвѣтилъ я, — питаетъ къ Вашему Величеству полнѣйшее довѣріе и пренебрежительно относится къ безчестнымъ интригамъ, на которыя вы изволили намекнуть. Тѣмъ не менѣе Правительство Франціи будетъ тронуто тѣми завѣреніями, которыя я ему передамъ отъ имени Вашего Величества.

Отходя отъ меня и пожимая мнѣ руку Государь прибавилъ:

— Вамъ лично, господинъ посолъ, я выражаю мои самыя дружественныя пожеланія.

Пятница, 15 января.

Сегодня чудная, солнечная погода. Несмотря на сильный морозъ, я отправляюсь пѣшкомъ прогуляться по островамъ.

Я размышляю надъ словами, произнесенными вчера Государемъ, которыя дополняютъ то прекрасное нравственное состояніе Государя отъ котораго онъ ни на шагъ не отошелъ отъ самаго начала войны. Сознаніе имъ своего долга безусловно очень высоко и полно потому, что оно безпрестанно поддерживается, оживляется и освѣщается въ немъ его религіознымъ чувствомъ. Относительно остального я могу сказать: съ точки зрѣнія позитивной науки и практическаго осуществленія верховной власти онъ безусловно не на высотѣ своего положенія. Впрочемъ, я долженъ прибавить, что ни одинъ человѣкъ не могъ бы быть на высотѣ подобнаго положенія, такъ какъ оно выше человѣческихъ силъ.

Соотвѣтствуетъ ли самодержавіе характеру Русскаго народа и состоянію его цивилизованности? На этотъ вопросъ не рѣшаются дать отвѣта самые свѣтлые умы; но что не оставляетъ никакихъ сомнѣній это то, что оно несовмѣстимо съ территоріальнымъ протяженіемъ Россіи, разнообразіемъ народностей и развитіемъ экономическаго могущества Россіи. По сравненію съ Россійской Имперіей нашего времени со 180 милліонами населенія и 22 милліонами кв. клм. поверхности, что представляла собою Россія при Иванѣ Грозномъ, Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ II и даже при Николаѣ I?

Для того, чтобы управлять такой колоссальной страной, для того чтобы регулировать всѣ двигатели и системы этого грандіознаго механизма, для того чтобы объединять и ,координировать столь сложные, разнородные и различные элементы необходимо обладать государственнымъ геніемъ не меньшимъ чѣмъ былъ у Наполеона, а поэтому, каковы бы ни были внутреннія преимущества самодержавнаго режима онъ представляетъ собой географическій анахронизмъ.

Суббота, 16 января.

Вчера г-жа Вырубова оказалась жертвой желѣзнодорожной катастрофы, при отъѣздѣ ея изъ Царскаго Села. Ее подняли съ переломленнымъ бедромъ, свихнутымъ плечомъ и серьозными пораненіями въ области головы. Она была перенесена въ военный госпиталь Государыни, которая немедленно прибыла къ своему больному другу.

Раненая находилась въ состояніи такого истощенія и остолбенѣнія, что хирурги не признали возможнымъ предпринять какую либо операцію до того времени, когда она немного возстановитъ свои силы; они рѣшили дать ей отдохнуть до завтра, наложивъ только временныя повязки.

Однако, по распоряженію Государыни немедленно было послано за Распутинымъ, который въ это время обѣдалъ въ веселомъ обществѣ въ Петроградѣ. Черезъ часъ, спеціальнымъ поѣздомъ, онъ прибылъ въ Царское.

Когда его ввели къ Вырубовой, та еще находилась въ совершенно безсознательномъ состояніи. Онъ осмотрѣлъ ее спокойнымъ взоромъ, какъ это могъ бы продѣлать врачъ, затѣмъ рѣшительно положилъ руку на лобъ страдалицы, прочиталъ короткую молитву и трижды произнесъ: — Аннушка!

При третьемъ зовѣ Вырубова пріоткрыла глаза и тогда онъ приказалъ ей повелительнымъ голосомъ: — Теперь проснись и встань.

Она широко раскрыла глаза. Онъ повторилъ: — Встань!

Опираясь на свободную руку она сдѣлала попытку приподняться. Тогда онъ съ нѣжностью произнесъ: — Говори со мной...

Она начала говорить слабымъ голосомъ, который, однако, съ каждымъ словомъ крѣпъ.

Воскресенье, 17 января.

Маіоръ Ланглуа, служащій офицеромъ связи между русскимъ и французскимъ верховнымъ командованіемъ, прибылъ изъ Барановичей и отправляется завтра въ Парижъ черезъ Швецію.

Онъ оставилъ великаго князя Николая Николаевича «полнымъ стремленій и рѣшимости возобновить наступленіе, какъ только армія будетъ снабжена снарядами». Нравственное состояніе войскъ отличное, но личный составъ частей нѣсколько слабъ вслѣдствіе недавнихъ, крупныхъ потерь.

Понедѣльникъ, 18 января.

Я говорилъ сегодня о русскомъ крестьянинѣ съ графиней П., которая ежегодно проводитъ долгое время въ своихъ имѣніяхъ и очень благородно осуществляетъ тамъ роль «барыни». Кромѣ того, по своимъ наклонностямъ, по своей прямотѣ и чувству милосердія она больше всего любитъ находиться въ средѣ простыхъ.

— На западѣ, — сказала она, — совершенно не понимаютъ нашихъ мужиковъ. На томъ основаніи, что большинство изъ нихъ не грамотно ихъ считаютъ ограниченными, озвѣрѣлыми, почти что варварами. Что за ошибка. Они дѣйствительно не просвѣщены, т. е. они себя не знаютъ, себя не понимаютъ и у нихъ недостаетъ позитивныхъ основъ, ихъ школьное образованіе чрезвычайно слабо, почти ничтожно, но, тѣмъ не менѣе ихъ умъ замѣчателенъ своей понятливостью воспріимчивостью, мягкостью и даже дѣятельностью.

— Какъ, даже дѣятельностью?

— Да конечно. Ихъ умъ всегда въ дѣйствіи. Мужики не много разговариваютъ, но они думаютъ размышляютъ и мечтаютъ непрестанно.

— О чемъ же они думаютъ. Въ чемъ ихъ мечтанія?

— Прежде всего о своихъ матеріальныхъ интересахъ, объ урожаѣ, о скотѣ, о нуждѣ, которая ихъ прижимаетъ или имъ угрожаетъ, о цѣнахъ на одежду и чай, о бремени налоговъ и податей, о будущей земельной реформѣ и т. д. Но ихъ занимаютъ также значительно болѣе высокія мысли, которыя гораздо глубже затрагиваютъ ихъ внутренній міръ, въ особенности зимой во время безконечныхъ дремъ въ избѣ или хожденія по однообразнымъ снѣжнымъ равнинамъ. Ихъ тогда всецѣло охватываетъ тихая и меланхоличная мечтательность; они думаютъ о назначеніи человѣка, о смыслѣ жизни, объ евангельскихъ притчахъ, объ долгѣ милостыни, объ искупленіи грѣховъ страданіемъ, о справедливости, которая въ концѣ концовъ возсіяетъ на землѣ. Вы себѣ не можете представить сколько, порою, бываетъ силы размышленія и поэтической чувствительности въ душѣ мужика. Замѣтьте себѣ еще, что они очень ловко пользуются своимъ умомъ. Они очень сильны въ спорахъ, они аргументируютъ свои мысли очень ловко и гибко, у нихъ часто бываютъ очень остроумныя возраженія, очень лукавые намеки и очень тонкія иронія.

Вторникъ, 19 января.

Лидеръ группы крайне правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, министръ юстиціи Щегловитовъ, самый радикальный изъ всѣхъ реакціонеровъ, пришелъ ко мнѣ поблагодарить меня за оказанную ему незначительную услугу. Мы говорили о войнѣ, причемъ я указывалъ на затяжной характеръ, который она принимаетъ.

— Намъ больше нельзя, — сказалъ я, — предаваться иллюзіямъ. По всѣмъ признакамъ испытаніе только теперь начинается и чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ становиться тяжелѣе и тяжелѣе. Намъ нужно вооружиться большимъ запасомъ силъ, какъ матеріальныхъ, такъ и моральныхъ подобно тому, какъ снаряжается большой корабль отправляющійся въ продолжительное плаваніе.

— Конечно, то испытаніе, которое Провидѣнію было благоугодно намъ ниспослать, представляется чрезвычайно серьезнымъ и мы стоимъ теперь лишь у порога его. Но съ Божьей помощью и при содѣйствіи нашихъ вѣрныхъ союзниковъ мы его преодолѣемъ. У меня нѣтъ никакихъ сомнѣній въ конечной побѣдѣ... Однако, г. посолъ, позвольте мнѣ остановиться на тѣхъ словахъ, которыя вы только что произнесли. Вы совершенно правильно замѣтили, что мы должны вооружиться моральными силами такъ же какъ и орудіями, винтовками и снарядами, такъ какъ война готовитъ намъ еще много страданій и потребуетъ такихъ жертвъ, что я содрагаюсь отъ ужаса. Въ томъ же что касается силъ моральныхъ, то для Россіи этотъ вопросъ относительно довольно простъ. Если въ Русскомъ народѣ не будетъ поколеблена вѣра въ Государя, то этотъ народъ вынесетъ все и совершитъ чудеса героизма и самопожертвованія.

Но не забудьте, что въ понятіи русскихъ, я подразумѣваю настоящихъ русскихъ, Государь олицетворяетъ собою не только верховную власть, но и вѣру и отечество. Повѣрьте мнѣ, что внѣ монархіи не будетъ спасенія потому, что не будетъ больше Россіи. Царь помазанникъ Божій, ниспосланный Богомъ для того, чтобы быть верховнымъ покровителемъ церкви и неограниченнымъ властелиномъ Имперіи. Въ глазахъ народа онъ представляется даже образомъ Христа на землѣ. Разъ эта власть ему вручена отъ Бога, то только передъ Богомъ онъ и отвѣтственъ. Божественное происхожденіе его власти имѣетъ и другое слѣдствіе: самодержавіе и національнизмъ нераздѣльны... Проклятіе же тѣмъ безумцамъ, которые смѣютъ поднять руку на эту догматы. Конституціонный либерализмъ есть прежде всего ересь, а потомъ уже химера и абсурдъ. Внѣ рамокъ самодержавія и Православія нѣтъ національной жизни. Если политическія реформы и нужны, то онѣ могутъ быть производимы только въ духѣ самодержавія и Православія. —

— Изъ всего того, что вы мнѣ только что сказали, ваше превосходительство, — отвѣтилъ я, — я главнымъ образомъ усвоилъ, что необходимымъ условіемъ сильной Россіи является тѣсное единеніе Государя съ его народомъ. Исходя изъ другихъ основаній, я прихожу къ тѣмъ же выводамъ, что и вы и непрестанно проповѣдую это единеніе.

Когда Щегловитовъ ушелъ, я размышлялъ надъ этой цѣльной доктриной самодержавія, такой, какую двадцать лѣтъ тому назадъ, знаменитый оберъ-прокуроръ Синода Побѣдоносцевъ преподовалъ своему ученику, цесаревичу

Николаю, а также надъ тѣмъ, какъ опредѣлялъ идею самодержавія Мережковскій въ своемъ наброскѣ о революціонныхъ волненіяхъ 1905 года, въ которомъ находится слѣдующая вызывающая страница:

«Въ домѣ Романовыхъ, также какъ и домѣ Атридовъ, таинственное проклятіе переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Петръ I убиваетъ сына, Александръ I убиваетъ отца, Екатерина II убиваетъ мужа и среди этихъ, извѣстныхъ жертвъ, маленькіе безвѣстные выродки самодержавія вродѣ Іоанна Антоновича, задушенные какъ мыши въ темныхъ углахъ подваловъ Шлиссельбурга. Плаха, веревка и ядъ-вотъ настоящія эмблемы русскаго самодержавія. Помазаніе Божье превратилось въ знакъ проклятія Каина.»

Среда, 20 января.

Вчера, на Невскомъ проспектѣ Раступинъ былъ опрокинутъ быстро мчавшейся тройкой. Его подняли слегка ранепымъ въ голову.

Послѣ несчастнаго случая, происшедшаго пять дней тому назадъ съ Вырубовой, это новое знаменье Небесъ болѣе чѣмъ краснорѣчиво. Болѣе чѣмъ когда бы то ни было война оскорбляетъ Творца.

Четвергъ, 21 января.

Пацифистская пропаганда, которую Германія столь рѣшительно ведетъ въ Петроградѣ, начинаетъ проникать также на фронтъ армій. Во многихъ мѣстахъ были обнаружены прокламаціи, составленныя на русскомъ языкѣ, склоняющія солдатъ не драться и утверждающія, что Государь, своимъ отеческимъ сердцемъ, вполнѣ проникся идеей мира. Однако войска остаются безразличными къ этомъ призыву. Велкн. Николай Николаевичъ все же счелъ нужнымъ реагировать на эти намеки на Государя и въ приказѣ по арміямъ опредѣляетъ этотъ коварный проступокъ враговъ «гнуснымъ преступленіемъ». Приказъ заканчивается слѣдующими словами: «Всякій вѣрноподданный знаетъ, что въ Россіи каждый, отъ главнокомандующаго до простого солдата, повинуются только священной волѣ помазанника Божья, нашего благовѣрнаго Государя, которому одному принадлежитъ власть начать и кончить войну».

Понедѣльникъ, 25 января.

Сегодня мнѣ пришлось попасть на Васильевскій островъ, на которомъ концентрируется интеллектуальная жизнь Петрограда и гдѣ сосредоточены Академія Наукъ, Академія Искусствъ, Университетъ, Горный институтъ, Морской Корпусъ, Зоологическій музей, многочисленныя гимназіи, лабораторіи и множество крупныхъ педагогическихъ установленій.

Пользуясь хорошей погодой я вышелъ изъ автомобиля и сталъ бродить по улицамъ. На каждомъ шагу мнѣ встрѣчались студенты. Насколько ихъ лица отличаются отъ тѣхъ,

которыя приходится видѣть въ Латинскомъ кварталѣ Парижа или на улицахъ Оксфорда и Кэмбриджа. Обыкновенно у французскихъ студентовъ взглядъ, жесты, голосъ и вся фигура выражаютъ юность, подвижность, беззаботность, радость бытія и сознанія молодости. Даже у тѣхъ, у которыхъ усталый видъ, все же проявляется свѣтящаяся и открытая умственность. У хорошо сложенныхъ и развитыхъ блондиновъ, англійскихъ студентовъ, преобладаетъ рѣшимость, положительный умъ, холодный, твердый и уравновѣшенный разсудокъ. Здѣсь-же въ Россіи не встрѣчается ничего подобнаго. Во первыхъ уже одинъ внѣшній видъ весьма жалокъ: блѣдныя лица, натянутыя черты, впалыя щеки, хилое сложеніе, тонкія руки, сутуловатые торсы. Эти тощія тѣла, облаченныя въ истасканныя и обтрепанныя одежды, свидѣтельствуютъ о бѣдственномъ положеніи русскаго студенческаго пролетаріата. Большинство студентовъ не имѣетъ 25 рублей въ мѣсяцъ, т. е., строго говоря, одной трети того, что необходимо для того чтобы поддерживать нормальное существованіе въ такомъ суровомъ климатѣ. Недостаточность питанія не только разстраиваетъ организмъ, но и, сочетаясь съ умственнымъ напряженіемъ и нравственными сомнѣніями, поддерживаетъ всю нервную систему въ состояніи постояннаго возбужденія. Отсюда и появляется въ студенческой средѣ такое количество мрачныхъ и лихорадочныхъ, безпокойныхъ и свирѣпыхъ, фанатическихъ и чахнущихъ фигуръ, фигуръ аскетовъ, духовидцевъ и анархистовъ. Мнѣ пришли голову слова, сказанныя судьей въ Преступленіи и Наказаніи: «преступленіе Раскольникова есть дѣяніе сердца чрезмѣрно возбужденнаго теоріями».

Не менѣе поучительно наблюдать за многочисленными курсистками. Я замѣтилъ одну, вышедшую изъ кафе въ сопровожденіи четырехъ молодыхъ людей и остановившуюся на тротуарѣ, чтобы продолжать споръ. Высокаго роста, довольно красивая, съ жестокими и живыми глазами, глядящими изъ подъ шапки, она разглагольствуетъ въ повелительномъ тонѣ. Къ нимъ присоединяются еще двое студентовъ вышедшихъ изъ трактира. Быть можетъ въ данный моментъ передо мною былъ наиболѣе достопримѣчательный типъ русской женщины — пропагандистки и революціонерки.

Русскіе романисты, въ частности Тургеневъ, часто замѣчали, что русскія женщины гораздо выше мужчинъ съ смыслѣ энергичности характера, опредѣленности линіи поведенія, и закала воли. Въ этой области, гдѣ царитъ сентиментальность, онѣ главнымъ образомъ двигаютъ и захватываютъ, разжигаютъ, тревожатъ, укрѣляютъ, рѣшаютъ, приказываютъ и вообще импонируютъ. Всѣ эти черты особенно проявляются въ области политической, разрушительной дѣятельности.

Откуда исходитъ то, что революціонная дѣятельность такъ привлекаетъ русскихъ женщинъ? Онѣ вѣроятно находятъ въ ней удовлетвореніе глубокимъ инстинктамъ ихъ души и ихъ темперамента, ихъ потребности

къ восторженности, къ состраданію, къ страданіямъ слабыхъ, ихъ стремленіе къ преданности и самопожертвованію, ихъ культъ героизма, ихъ презрѣніе къ опасности, ихъ жажда сильныхъ ощущеній, ихъ стремленіе къ независимости, ихъ расположеніе къ таинственному и авантюрѣ, къ лихорадочной, полной эксцессовъ и возмущенія жизни.

Вторникъ, 26 января.

Сегодня я обѣдалъ въ Зимнемъ Дворцѣ у супруги оберъ-гофмейстера, прелестной г-жи Нарышкиной.

Разговоръ вращался исключительно вокругъ войны и при этомъ въ самыхъ мудрыхъ выраженіяхъ; всѣ сходятся во мнѣніи, что война будетъ продолжительна, что она еще подготовитъ намъ тяжелыя неожиданности, но что мы обязаны вести ее до побѣды, если не хотимъ погибнуть.

Бесѣдуя наединѣ съ г-жй Нарышкиной я распрашивалъ ее о намѣреніяхъ Государя.

— Настроеніе Государя великолѣпно, — сказала она, — ни малѣйшаго признака паденія твердости. Онъ всегда спокоенъ и твердъ. У него абсолютная увѣренность въ побѣдѣ.

— А Ея Величество Государыня?

Намекая на имѣвшій недавно мѣсто несчастный случай съ г-жей Вырубовой, она отвѣтила:

— Вы знаете, что Ея Величество была страшно потрясена послѣдніе дни и, такъ какъ она очень чувствительна, то это отразилось на ея здоровьи. Однако она не менѣе тверда чѣмъ Государь и еще вчера мнѣ говорила: «Мы сдѣлали все, чтобы избѣжать этой войны, мы, слѣдовательно, можемъ быть увѣрены, что Богъ дастъ намъ побѣду».

Среда, 27 января.

Сегодня я былъ съ визитомъ и почтеннаго и симпатичнаго статсъ-секретаря, члена Государственнаго Совѣта и кавалера ордена св. Андрея Первозваннаго, Куломзина, котораго мнѣ нужно было поблагодорить за присылку мнѣ одной брошюры. Ему около 80 лѣтъ. Онъ состарился находясь все время на высокихъ постахъ и сохранилъ всю ясность ума; я очень люблю съ нимъ разговаривать, т. к. онъ полонъ опыта и знаній, уменъ и добродушенъ.

По поводу войны онъ мнѣ сказалъ нижеслѣдующее:

— Каковы бы ни были затрудненія, для Россіи является вопросомъ чести ихъ превозмочь. Она обязана по отношенію къ себѣ самой и къ союзникамъ, во что бы то ни стало, продолжать борьбу до полнаго разгрома Германіи. Пусть только наши союзники проявятъ больше терпѣнія. Въ общемъ же продолженіе войны зависитъ исключительно отъ воли Его Величества, взгляды котораго вамъ хорошо извѣстны.

Затѣмъ мы перешли къ вопросамъ внутренней политики. Я не скрываю отъ него своего безпокойства по поводу того недовольства, которое царитъ во всѣхъ слояхъ и во всѣхъ классахъ общества. Онъ сказалъ мнѣ, что тоже чрезвычайно озабоченъ состояніемъ общественнаго мнѣнія и что реформы необходимы.

— Однако тѣ реформы, излагать сущность которыхъ слишкомъ долго, — сказалъ онъ рѣшительно, — которыя я предполагаю необходимыми, ничего общаго не имѣютъ съ тѣмъ, чего требуютъ наши думскіе кадеты и еще менѣе, простите меня за откровенность, съ тѣми, которыя такъ настоятельно рекомендуютъ намъ нѣкоторые западные публицисты. Россія не подходитъ подъ типъ западно-европейскаго государства и никогда имъ не будетъ. Весь нашъ національный укладъ совершенно противорѣчитъ вашимъ политическимъ методамъ. Тѣ реформы, которыя я считаю возможными именно базируются на двухъ столпахъ нашего теперешняго режима: самодержавіи и Православіи... Никогда не упускайте изъ виду, что власть нашего Государя исходитъ отъ Бога путемъ миропомазанія и что онъ не только глава русской церкви, но еще и верховный покровитель Православной церкви. Разграниченіе власти свѣтской и власти духовной, которое вамъ во Франціи кажется столь естественнымъ, невозможно у насъ; оно шло бы въ разрѣзъ съ нашей исторической эволюціей. Самодержавіе и Православіе соединены у насъ другъ съ другомъ нераспутываемымъ узломъ, божественнаго права. Государь такъ же не въ правѣ ограничить самодержавную власть, какъ и отречься отъ Православной вѣры. Внѣ самодержавія и Православія у насъ можетъ быть только революція, а революція поведетъ неминуемо къ анархіи и къ полному опустошенію Россіи. У насъ революція можетъ быть только разрушительная и анархическая. Посмотрите, что сдѣлалось съ Толстымъ. Исходя отъ ошибки къ ошибкѣ, онъ отрекся отъ Православной вѣры и немедленно же впалъ въ анархизмъ. Его разрывъ съ церковью повлекъ за собою неминуемо отрицаніе государства...

— Если я правильно понялъ вашу мыслъ, — сказалъ я, — то всякая политическая реформа должна была бы имѣть въ качествѣ предшественника церковную реформу, какъ напр. упраздненіе Святѣйшаго Синода и возстановленія Патріаршества.

— Вы касаетесь здѣсь очень серьезныхъ вопросовъ, господинъ посолъ, — отвѣтилъ онъ съ замѣтнымъ смущеніемъ, — вопросовъ, по которымъ, къ сожалѣнію, мнѣнія лучшихъ умовъ раздѣлились. Но именно въ этомъ направленіи и слѣдовало бы произвести большую работу.

Сказавъ по этому поводу еще нѣсколько незначительныхъ фразъ, онъ перевелъ разговоръ на вѣчную неразрѣшенную проблему, которая затмѣваетъ собою всѣ остальныя

— аграрную реформу. Врядъ ли кто можетъ быть болѣе компетентнымъ въ этомъ вопросѣ чѣмъ онъ, который еще въ 1861 году принималъ дѣятельное участіе въ реформѣ освобожденія крестьянъ и съ тѣхъ поръ участвовалъ во всѣхъ реформахъ, производимыхъ въ этой области. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, который высказалъ мысль о неправильности основныхъ положеній освобожденія и постоянно твердилъ, что необходимо было немедленно же закрѣпить за мужиками право собственности на ихъ надѣлы. Общинное землевладѣніе дѣйствительно вселило въ крестьянахъ чисто коммунистическую идею, что земля принадлежитъ тѣмъ, кто ее воздѣлываетъ. Извѣстныя распоряженія Столыпина, изданныя имъ въ 1906 году и оцѣненныя въ тѣ времена въ качествѣ либеральныхъ, никѣмъ не были такъ горячо защищаемы, какъ именно Куломзинымъ.

— По моему мнѣнію, — закончилъ онъ, — вся будущность Россіи зависитъ отъ передачи крестьянамъ возможно большаго количества земли и твердой организаціи частнаго владѣнія въ крестьянскихъ массахъ. Результаты реформы 1906 года уже сейчасъ очень значительны. Если Богъ насъ убережетъ отъ безумныхъ затѣй, я надѣюсь, что черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ, система частной собственности замѣнитъ всецѣло общинное владѣніе.

Пятница, 29 января.

Проходя сегодня возлѣ Таврическаго сада я встрѣтилъ группу четырехъ солдатъ, которые съ обнаженными шашками сопровождали бѣдно одѣтаго, всего въ заплаткахъ крестьянина, который съ удрученнымъ, но покорнымъ видомъ шагалъ, едва волоча по снѣгу ноги, обутыя въ истасканные сапоги. Они направлялись къ тюрьмѣ на Шпалерной. На ихъ пути остановилась женщина изъ простонародья, закутанная въ толстое пальто зеленоватаго цвѣта. Она сняла перчатки, порылась въ своихъ толстыхъ юбкахъ, вынула кошелекъ, достала изъ него какую то монету и перекрестясь подала ее арестованному. Солдаты замедлили шагъ и немного разступились, чтобы дать ей возможность подать милостыню.

Мнѣ невольно вспомнилась сцена изъ «Воскресенья» Толстого, когда Маслова, по пути изъ тюрьмы въ судъ между двумя жандармами, тоже была встрѣчена мужикомъ, который перекрестясь подалъ ей милостыню.

Состраданіе по отношенію къ арестантамъ и каторжникамъ и всѣмъ тѣмъ, которые попадаютъ въ руки правосудія очень развито въ русскомъ народѣ. По мнѣнію простонародія подпаданіе подъ дѣйствіе уголовныхъ законовъ не есть еще признакъ вины и не является позорнымъ; это просто несчастье, неудача, фатальный случай, который можетъ разразиться завтра надъ всякимъ другимъ, если на то будетъ воля Божья.

Въ дружеской бесѣдѣ съ Сазоновымъ я снова возвратился къ польскому вопросу.

— Мнѣ тѣмъ менѣе совѣстно снова возвращаться къ этому вопросу, — сказалъ я, — потому что я знаю, что для васъ этотъ вопросъ столь же желанный какъ и для меня и вы также желали бы увидѣть возрожденіе Польскаго Королевства.

— Но только подъ скипетромъ Романовыхъ, — живо отвѣтилъ онъ.

— Я одинаково съ вами понимаю этотъ вопросъ. Вамъ извѣстна моя точка зрѣнія. По моему мнѣнію Польша, возстановленная въ своей территоріальной цѣлости и обращенная въ автономное государство подъ скипетромъ Романовыхъ, будетъ необходимымъ авангардомъ славянства противъ наступательныхъ тенденцій германцевъ, въ то время какъ Польша, утратившая всякую политическую связь съ Россіей неизбѣжно подпала бы въ германскую сферу дѣятельности. Такимъ образомъ Польша снова взяла бы на себя свою историческую роль на границѣ восточной Европы, ту роль, которую она нѣкогда играла, борясь противъ тевтонскихъ рыцарей. Въ то же время это было бы окончательнымъ разрывомъ и радикальнымъ разобщеніемъ Россіи и Германіи.

— Я всецѣло подписываюсь подъ всѣмъ этимъ, — отвѣтилъ Сазоновъ, — и вы поймете теперь, что наши германофилы относятся ко мнѣ съ большой ненавистью. Но что мнѣ до ихъ ненависти, когда я защищаю одну изъ наиболѣе близкихъ идей моего Государя.

— По моему мнѣнію востановленіе Польши подъ скипетромъ Романовыхъ имѣло бы также большее преимущество для внутренней эволюціи Россіи. Я вамъ это говорю сейчасъ не какъ представитель союзной вамъ страны, а какъ другъ Россіи и почти какъ политическій диллетантъ. Вотъ что я хочу вамъ сказать: одно изъ обстоятельствъ, которое меня больше всего поразило за годъ моего пребыванія здѣсь, обстоятельство, которое почти не встрѣчается заграницей — это обиліе и значеніе нерусскихъ народностей, входящихъ въ составъ Имперіи. Здѣсь играетъ роль не столько ихъ численное значеніе, сколько значеніе моральное, ихъ твердое убѣжденіе въ томъ, что онѣ имѣютъ свою этнографическую индивидуальность и ихъ претензіи на созданіе себѣ существованія, отличнаго отъ всей русской массы. Всѣ ваши инородцы, поляки, литовцы, латыши, балты, эстонцы, финны, грузины, армяне, татары и т. д., страдаютъ отъ вашей административной централизаціи, тѣмъ болѣе, что рука вашей бюрократіи не слишкомъ легка... Рано или поздно, а вы будете вынуждены дать мѣстныя автономіи. Если же нѣтъ, то бойтесь сепаратизма. Въ этомъ смыслѣ созданіе автономной Польши было бы очень хорошимъ нововведеніемъ.

— Вы затрагиваете самый серьезный и сложный вопросъ нашей внутренней политики. Теоретически я бы лично довольно далеко пошелъ по намѣченному вами пути, но если мы разсмотримъ практическія послѣдствія этого, то вы увидите какъ это трудно примирить съ идеей самодержавія. А для меня самодержавіе есть Россія.

Воскресенье, 31 января.

Въ Правительственномъ Вѣстникѣ опубликованъ текстъ телеграммы отъ 16 іюля, коей Императоръ Николай II предлагалъ Императору Вильгельму передать разсмотрѣніе Австро-Сербскаго конфликта Гаагскому международному трибуналу. Привожу текстъ этого документа:

Благодарю тебя за твою дружественную и примирительную телеграмму, тѣмъ болѣе, что сообщенія сдѣланныя сегодня твоимъ посломъ моему министру были въ совершенно другомъ тонѣ. Я прошу тебя выяснить причину этого несоотвѣтствія. Слѣдовало бы передать Австро-Сербскій вопросъ на разсмотрѣніе Гаагской конференціи. Довѣряю твоей мудрости и дружбѣ.

Николай.

Германское Правительство опубликовало эту телеграмму въ серіи остальныхъ непосредственныхъ сношеній между двумя монархами въ періодъ предшествующій войнѣ.

— Какимъ образомъ случилось, — спросилъ я Сазонова, — что ни Бьюкэненъ, ни я не были освѣдомлены о документѣ такой важности?

— Мнѣ такъ же она не была извѣстна, — сказалъ Сазоновъ, — Государь составилъ ее самолично, не спросивъ ничьего мнѣнія. По его мысли это былъ прямой призывъ, призывъ довѣрія и дружбы къ Императору Вильгельму. Эта телеграмма приняла бы оффиціальную форму, если бы на нее послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. Однако Кайзеръ на нее даже не отвѣтилъ. Копія этой телеграммы была найдена при приведеніи въ порядокъ бумагъ Его Величества. Я велѣлъ навести справку на телеграфѣ и мнѣ сообщили, что она была передана непосредственно въ Берлинъ.

— Это очень печально, что наши правительства не были поставлены въ извѣстность о содержаніи этой телеграммы. Она бы произвела большое впечатлѣніе на общественное мнѣніе всѣхъ странъ. Подумайте только: она была послана 16 іюля, т. е. въ тотъ моментъ, когда Тройственное Согласіе напрягало всѣ силы для того чтобы избѣгнуть войны.

— Да это очень досадно.

— Какую страшную отвѣтственность принялъ на себя Императоръ Вильгельмъ, оставивъ безъ отвѣта предложеніе Императора Николая.

— Единственное, что онъ могъ отвѣтить на нее это то, что онъ принимаетъ предложеніе, но такъ какъ видимо онъ хотѣлъ войны, то естественно, что онъ на нее не отвѣтилъ.

— Исторія воздастъ за это должное. Теперь уже точно установлено, что 16 іюля Императоръ Николай предложилъ передать разсмотрѣніе конфликта на Гаагскую международную конференцію, но, въ тотъ же день, Императоръ Францъ Іосифъ приказалъ бомбардировать Бѣлградъ, а Императоръ Вильгельмъ предсѣдательствовалъ въ знаменитомъ совѣтѣ въ Потсдамѣ, который рѣшилъ начать всеобщую войну.

Понедѣльникъ, 1 февраля.

На лѣвомъ берегу Вислы, въ районѣ Сохачева русскіе предприняли цѣлый рядъ частичныхъ и короткихъ атакъ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ тому, что великій князь называлъ: активной обороной. Въ Буковинѣ, вслѣдствіе недостатка снарядовъ арміи медленно отступаютъ.

Пятница, 5 февраля.

Сегодня у меня былъ съ визитомъ министръ земледѣлія Кривошеинъ. Среди всѣхъ министровъ кабинета Горемыкина, онъ и Сазоновъ наиболѣе либеральны и преданы Тройственному Согласію.

Управленіе Земледѣлія имѣетъ первенствующее значеніе въ Россіи; можно сказать, что оно направляетъ всю экономическую и соціальную жизнь страны. Въ исполненіи своихъ сложныхъ обязанностей Кривошеинъ проявляетъ черты довольны рѣдкія среди русскихъ: методичную и ясную разумность, стремленіе къ точности, ясное представленіе объ общихъ принципахъ и направленіи дѣятельности, духъ иниціативы, послѣдовательности и организаціонныя способности. Колонизаціонная дѣятельность въ Сибири, Туркестанѣ, Ферганской области, въ Монголіи и Киргизскихъ степяхъ ежегодно поражаетъ своими размѣрами.

Я спросилъ его о впечатлѣніяхъ полученныхъ имъ при посѣщеніи Ставки Верховнаго Главнокомандующаго, изъ которой онъ только что прибылъ.

— Великолѣпное, — отвѣтилъ онъ. — Великій князь полонъ воодушевленія и увѣренности. Какъ только артиллерія будетъ имѣть въ достаточномъ количествѣ снаряды онъ снова начнетъ наступленіе. Онъ еще не оставилъ намѣренія продвигаться на Берлинъ.

Затѣмъ онъ сообщилъ мнѣ о правительственной декларацiи, которая будетъ прочитана въ слѣдующій вторникъ при открытіи думской сессіи.

— Я думаю, что эта декларація произведетъ большее впечатлѣніе въ Австріи и Германіи, — сказалъ онъ. — Она составлена столь же энергично и рѣшительно, какъ и та, которую ваше правительство недавно читало передъ

законодательными палатами Франціи. Увѣряю васъ, что послѣ нея уже не будетъ сомнѣній въ томъ, намѣрена ли Россія продолжать войну до побѣднаго конца.

Онъ передалъ мнѣ, что Государь подробно излагалъ ему третьяго дня свои мысли по поводу основныхъ положеній будущаго мира и нѣсколько разъ высказалъ твердое желаніе разгромить противниковъ.

Пользуясь дружественной откровенностью нашихъ отношеній, я спросилъ Кривошеина не опасается ли онъ, что быть можетъ дальнѣйшее продолженіе войны можетъ оказаться затрудненнымъ или даже невозможнымъ вслѣдствіе затрудненій во внутренней политикѣ.

— Я вамъ довѣряю, — сказалъ Кривошеинъ, — а потому буду съ вами откровененъ. Я совершенно не сомнѣваюсь въ побѣдѣ нашей арміи, но при одномъ условіи: необходимо тѣсное единеніе между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Это единеніе было полное въ моментъ начала войны, не могу не сознаться однако, что, къ сожалѣнію, въ настоящій моментъ этому единенію угрожаетъ опасность. Объ этомъ я говорилъ третьяго дня Государю... Увы, этотъ вопросъ не есть вопросъ сегодняшняго дня. Антагонизмъ между императорской властью и нашими общественными кругами самое большее бѣдствіе нашей политической жизни. Я съ горечью это наблюдаю уже съ давнихъ временъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я излилъ эту горечь въ словахъ, которые встрѣтили тогда нѣкоторое сочувствіе; я сказалъ: Будущее Россіи будетъ ненадежно до тѣхъ поръ, пока правительство и общественные круги будутъ разсматривать другъ друга какъ два противоположныхъ лагеря, до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ будетъ называть противоположную сторону «они» вмѣсто слова «мы», которое бы обозначало русское единство. Кто въ этомъ виноватъ? Какъ всегда — всѣ и никто. Васъ безпокоятъ анахронизмы и злоупотребленія царской власти. Это небезоснователь но. Но развѣ можно предпринимать мало-мальски существенныя реформы во время войны? Конечно нѣтъ, такъ какъ если существующій режимъ и имѣетъ существенные недостатки, то всеже онъ обладаетъ безусловными и неопровержимыми достоинствами; онъ является могущественнымъ связующимъ началомъ всѣхъ инородныхъ элементовъ, которые вслѣдствіе вѣковой работы сгруппировались вокругъ Московскаго Княжества. Только царская власть обезпечиваетъ у насъ національное единство. Отбросьте монархическій принципъ и вы увидите немедленно расчлененіе Россіи. Кто отъ этого выиграетъ? Во всякомъ случаѣ не Франція... Одно изъ побужденій, которое притягиваетъ меня къ монархизму то, что я считаю его способнымъ на эволюцію. Вѣдь у насъ царская власть такъ часто эволюціонировала. Учрежденіе Государственной Думы фактъ первостепенной важности, въ корнѣ измѣнившій нашу политическую психологію. Я полагаю, что необходимо еще болѣе точное опредѣленіе императорской власти, а также контроль Думы надъ правитель-

ствомъ; кромѣ того я считаю, что во всѣхъ нашихъ административныхъ установленіяхъ необходимо произвести широкую децентрализацію. Но, повторяю вамъ, все это можетъ быть произведено только послѣ окончанія войны. Какъ я докладывалъ третьяго дня Его Величеству, главная задача всѣхъ министровъ въ настоящій моментъ — разсѣять то взаимное непониманіе и недовѣріе, которое ясно намѣтилось за послѣдніе мѣсяцы между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Это непремѣнное условіе нашей побѣды.

Вторникъ, 9 февраля.

Сегодня по случаю открытія сессіи Государственной Думы, въ Таврическомъ Дворцѣ царитъ большее оживленіе.

Правительственная декларація была составлена въ томъ духѣ, какъ мнѣ говорилъ Кривошеинъ, трудно даже желать болѣе категорическихъ и прямыхъ положеній. Громъ апплодисментовъ разразился, когда Горемыкинъ, собравъ всѣ голосовыя силы, произнесъ слѣдующія слова:

«Турція присоединилась къ нашимъ врагамъ, но ея военныя силы уже опрокинуты нашей геройской кавказской арміей и все яснѣе и яснѣе вырисовывается передъ нами свѣтлое будущее Россіи тамъ, на водахъ омывающихъ стѣны Константинополя»...

Затѣмъ послѣдовало короткое сообщеніе Сазонова, который, со свойственной ему осторожностью, только вскользь коснулся вопроса о проливахъ:

«Приближается день, когда будутъ разрѣшены экономическія и политическія задачи, которыя выдвигаетъ нынѣ необходимость обезпеченія за Россіей доступа къ свободному морю.»

Послѣдующіе ораторы опредѣляли національныя стремленія. Воронежскій депутатъ Евграфъ Ковалевскій утверждалъ, что настоящая война должна положить конецъ вѣковому конфликту съ Турціей.

— Проливы — это ключи отъ нашего дома, — сказалъ онъ подъ громъ апплодисментовъ, — слѣдовательно они должны перейти въ наши руки вмѣстѣ съ прибрежными полосами.

Тотъ же энтузіазмъ вызываетъ Милюковъ, благодарящій Сазонова за его декларацію:

«Мы счастливы узнать, что осуществленіе нашей національной задачи находится на вѣрномъ пути. Мы убѣждены теперь, что въ соотвѣтствующій моментъ будутъ приняты необходимыя военныя и дипломатическія мѣры для того, чтобы закрѣпить за нами Константинополь и проливы.»

Во время перерыва засѣданія я бесѣдовалъ съ Родзянко и депутатами Милюковымъ, Шингаревымъ, Протопоповымъ, Ковалевскимъ, Василіемъ Маклаковымъ, княземъ Борисомъ Голицынымъ, Чихачевымъ и др. Всѣ они, съѣхавшись изъ разныхъ концовъ Россіи вынесли одно впечатлѣніе, что война глубоко затронула національное сознаніе и что русскій на-

родъ возмутился бы противъ заключенія непобѣдоноснаго мира, который не далъ бы Константинополя въ руки Россіи.

— Все что вы здѣсь видѣли и слышали, господинъ посолъ, — сказалъ мнѣ Шингаревъ, — это подлинный голосъ Россіи и я увѣряю васъ, что Франція имѣетъ надежнаго союзника, который принесетъ въ жертву послѣдняго солдата и послѣднюю копейку, для того, чтобы побѣдить. Но необходимо, чтобы Россія сама не была предана вслѣдствіе нѣкоторыхъ оккультныхъ вліяній... которыя становятся опасными. Вы стоите выше насъ, господинъ посолъ и можете видѣть многое такое о чемъ мы не имѣемъ даже представленія. Вамъ слѣдуетъ проявить большую бдительность...

Шингаревъ, врачъ по профессіи, членъ Думы кадетской фракціи отъ города Петрограда, обладаетъ свѣтлымъ умомъ и очень уравновѣшеннымъ характеромъ; то, что онъ сказалъ соотвѣтствуетъ взглядамъ наиболѣе здравомыслящихъ круговъ русской общественности.

Среда, 10 февраля.

Когда разразилась война, то многіе русскіе соціалисты сочли своимъ долгомъ присоединиться къ прочимъ государственнымъ силамъ страны и совмѣстно оказать сопротивленіе германской агрессивности; кромѣ того они считали, что на поляхъ битвы укрѣпится солидарность народныхъ массъ и что внутреннее освободительное движеніе Россіи будетъ слѣдствіемъ побѣдоноснаго окончанія войны.

Сильнѣе всѣхъ это почувствовалъ одинъ изъ эмигрировавшихъ въ Парижъ революціонеровъ, Бурцевъ, который сдѣлался извѣстнымъ своими разоблаченіями провокаторовъ изъ рабочихъ круговъ, служившихъ въ охранномъ отдѣленіи и разглашеніемъ неблаговидныхъ дѣйствій полиціи. Императорскій манифестъ 20 іюля, своимъ приподнятымъ духомъ, произвелъ на Бурцева такъ же сильное впечатлѣніе. Опубликованный черезъ двѣ недѣли манифестъ полякамъ укрѣпилъ создавшееся настроеніе Бурцева и, совершенно не отрекаясь отъ своихъ доктринъ и надеждъ, онъ началъ энергичную пропаганду среди своихъ товарищей по изгнанію о необходимости временнаго примиренія съ царской властью. Для того, чтобы доказать свою довѣрчивость обѣщанному императорскимъ правительствомъ новому направленію и считая, что онъ можетъ принести гораздо больше пользы находясь въ отечествѣ, Бурцевъ возвратился въ Россію.

Однако немедленно по переѣздѣ имъ границы онъ былъ арестованъ, помѣщенъ въ тюрьму, гдѣ и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи. Наконецъ его судили по старымъ обвинительнымъ актамъ, совершенно не обращая вниманіе на все его поведеніе съ момента начала войны и приговорили къ вѣчному поселенію въ Сибири «за оскорбленіе Величества». Онъ былъ отправленъ въ Туруханскъ на Енисеѣ.

Сегодня утромъ я получилъ отъ министра юстиціи Вивіани телеграмму, въ которой онъ сообщалъ мнѣ объ удручающемъ эффектѣ, который произвело осужденіе Бурцева на французскихъ соціалистовъ и предложеніе приложить всѣ усилія для того, чтобы добиться его помилованія.

Ввиду того, что кромѣ патріотическихъ порывовъ послѣднихъ дней не было ничего другого, что я могъ бы привести въ подкрѣпленіе моего ходатайства передъ русскими властями, я былъ нѣсколько смущенъ порученіемъ Вивіани. Къ кому обратиться? Какимъ образомъ и подъ какимъ предлогомъ завести разговоръ? Это порученіе тѣмъ болѣе трудное, что ходатайства о помилованіи проходятъ черезъ Министерство Юстиціи, а глава этого министерства Щегловитовъ, самый свирѣпый изъ всѣхъ реакціонеровъ, наиболѣе ревностный защитникъ прерогативъ самодержавія, проповѣдующій, что союзъ Россіи съ демократическими странами запада есть подготовка неизбѣжнаго крушенія монархіи.

Не зная какъ приняться за дѣло, я дружески проконсультировалъ Сазонова, который въ первый моментъ всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Помилованіе Бурцева, да и не думайте объ этомъ. Какъ бы вы не мотивировали эту просьбу, вы дадите Щегловитову и всѣмъ нашимъ крайнимъ правымъ страшный козырь противъ идеи союза. Въ настоящее же время это совершенно не своевременно.

Я убѣждалъ его и доказывая, что помилованіе Бурцева будетъ всюду принято, какъ актъ національной солидарности, прибавилъ, что французскіе министры-соціалисты Гездъ, Семба и Альбертъ Тома, которые въ настоящее время съ такимъ патріотизмомъ помогаютъ намъ въ нашихъ усиліяхъ сломить непріятеля, нуждаются въ томъ, чтобы ихъ пріободрили и поддержали въ ихъ дѣлѣ. Помилованіе Бурцева сильно подняло бы ихъ авторитетъ въ глазахъ крайнихъ лѣвыхъ партій, въ которыхъ, съ давнихъ поръ, держится предубѣжденіе противъ Россіи. Я закончилъ просьбой разсмотрѣть не могло ли бы это ходатайство быть повержено непосредственно Государю минуя Щегловитова.

— Это дѣло не юридическое, а въ первую голову дипломатическое, потому что оно касается нравственныхъ взаимоотношеній обѣихъ союзныхъ странъ. Мое правительство совершенно не стремится вмѣшиваться въ ваши внутреннія дѣла, оно поручило мнѣ только указать вамъ на мѣру, которая могла бы принести большую пользу русскому дѣлу во Франціи... Поэтому я не сомнѣваюсь въ томъ, что Государь одобритъ мое непосредственное обращеніе къ нему и въ тотъ часъ, когда это дѣло въ такомъ видѣ будетъ представлено на его разрѣшеніе, я не буду сомнѣваться въ его резолюціи.

— Я посмотрю, я подумаю... я вамъ дамъ отвѣтъ черезъ нѣсколько дней, — сказалъ Сазоновъ.

Нѣсколько минутъ царило мрачное молчаніе, наконецъ Сазоновъ сказалъ:

— Если бы вы знали какія гнусности Бурцевъ осмѣливался опубликовывать о Государѣ и Государынѣ, вы бы поняли насколько рискована подобная просьба.

— Тѣмъ не менѣе я увѣренъ въ высокой мудрости Его Величества.

Пятница, 12 февраля.

Повторныя аттаки германцевъ, которыя русскимъ приходилось отражать недѣли двѣ тому назадъ на Бзурѣ, для прикрытія Варшавы, были только демонстраціей; по различнымъ, однако совпадающимъ свѣдѣніямъ, нѣмцы сконцентрировали въ Восточной Пруссіи все необходимое для крупнаго наступленія и русская армія уже начинаетъ отступать на сѣверномъ фронтѣ.

Суббота, 13 февраля.

Сегодня Сазоновъ меня принялъ очень радостно.

— Я могу вамъ сообщить очень пріятную для васъ новость. Угадайте.

— Что-же? Помилованіе Бурцева?

— Да... Я былъ вчера вечеромъ принятъ Государемъ и передалъ ему ваше ходатайство. Съ первыхъ же словъ Его Величество сказалъ: Знаетъ ли господинъ Палеологъ о тѣхъ низостяхъ, которыя Бурцевъ писалъ про меня и Государыню? Но я настаивалъ, а Государь такъ добръ и у него такое высокое представленіе о его верховномъ назначеніи, что онъ почти тотчасъ же мнѣ отвѣтилъ: — Хорошо, передайте послу Франціи, что я милую этого несчастнаго.

Государь однако доставилъ себѣ удовольствіе слегка лукаво прибавить: — Напомните мнѣ при какихъ обстоятельствахъ мой посолъ въ Парижѣ выступилъ, чтобы добиться помилованія приговоренныхъ французскихъ политическихъ преступниковъ.

Я попросилъ Сазонова передать Государю мою глубочайшую благодарность и благодарю его самого, за то, что онъ такъ хорошо исполнилъ мою просьбу.

— Будьте увѣрены, — сказалъ я, — что мы съ вами оказали большую услугу союзу Россіи и Франціи.*)

IX.

Воскресенье, 14 февраля.

Русская армія отступаетъ на фронтѣ 450 клм. отъ района Тильзита, на низовьяхъ Нѣмана до Плоцка, на Вислѣ. Русскія войска бросили свои позиціи у Ангерапа и всѣ

*) Бурцевъ былъ немедленно возвращенъ изъ Турухanска въ Тверь. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ проживалъ подъ надзоромъ полиціи, а затѣмъ ему было разрѣшено поселиться въ Петроградѣ.

укрѣпленія въ области Мазурскихъ озеръ, которыя были очень благопріятны для обороны; они быстро двигаются къ Ковно, Гродно, Оссовцу и рѣкѣ Нареву.

Эта цѣпь неудачъ даетъ Распутину случай удовлетворить свои непримиримую ненависть къ великому князю.

Въ первое время своего появленія въ Петербургѣ въ 1906 году, у старца не было болѣе ревностнаго покровителя, чѣмъ великіе князя Николай и Петръ Николаевичи, а также ихъ супруги. Но однажды Николай Николаевичъ созналъ свое заблужденіе и, со всей своей прямотой, попытался его загладить. Онъ умолялъ и заклиналъ Государя прогнать «подлаго мужика». Нѣсколько разъ онъ повторялъ эти попытки, но ничего не вышло. Съ тѣхъ поръ Распутинъ затаилъ въ себѣ месть.

Поэтому я совершенно не былъ удивленъ когда узналъ, что Распутинъ непрестанно, въ присутствіи Государя и Государыни поноситъ Верховнаго Главнокомандующаго. Съ свойственнымъ ему нюхомъ онъ сейчасъ же нашелъ для этого самыя уязвимыя мѣста. Съ одной стороны онъ обвиняетъ великаго князя въ томъ, что онъ предпринимаетъ разныя неблаговидныя дѣйствія, чтобы создать себѣ популярность среди солдатъ и, такимъ образомъ, создать себѣ въ арміи политическій оплотъ; съ другой стороны онъ повторяетъ: — Николашѣ никогда не удадутся никакія операціи —потому что Богъ не благословитъ ихъ. Развѣ Богъ можетъ благословить дѣла того, кто предалъ меня, Божьяго человѣка.

Понедѣльникъ, 15 февраля.

Я бесѣдовалъ о Польшѣ съ графомъ Р., ярымъ націоналистомъ.

— Признайтесь, — говорю я, — что у поляковъ есть нѣкоторыя основанія для того, чтобы сердце ихъ не особенно лежало къ Россіи.

— Это правда, мы иногда дѣйствовали слишкомъ жестоко по отношенію къ Польшѣ, но Польша намъ за это тоже достаточно воздала.

— Какимъ образомъ?

— Тѣмъ, что дала намъ евреевъ.

Онъ правъ въ томъ отношеніи, что еврейскій вопросъ существуетъ въ Россіи только со времени раздѣла Польши. До того времени Русское Правительство не вело никакой другой политики по отношенію къ евреямъ, кромѣ изгнанія ихъ и притѣсненія. Отъ подобной политики въ принципѣ пришлось отказаться, когда возникла необходимость регламентировать судьбу большого количества евреевъ, поселенныхъ на аннексированной территоріи. Для нихъ была опредѣлена черта осѣдлости на западной границѣ государства и для нихъ были изданы особыя полицейскія правила, которыя были, впрочемъ, не слишкомъ стѣснительны.

Но въ то время, когда подготовлялся второй раздѣлъ Польши, Императрица Екатерина внезапно установила по отношенію къ евреямъ суровый и притѣснительный режимъ, отъ котораго они еще и понынѣ не освободились. Указомъ 23 декабря 1791 года она сузила зону осѣдлости, запретила евреямъ заниматься земледѣліемъ и загнала ихъ въ города; наконецъ она ввела принципъ дѣйствующій понынѣ, что все, что прямо не дозволено евреямъ, имъ запрещается. Подобное проявленіе деспотизма и несправедливости, исходя отъ Императрицы-философа, друга Вольтера, д'Аламбера, Дидро и Государыни претендовавшей на то, что она черпаетъ политическое вдохновеніе въ «Духѣ Законовъ», нѣсколько удивительно. Ненависть Екатерины II къ евреямъ объясняется косвенной, но сильно дѣйствовавшей причиной. Государыня ненавидѣла французскую революцію, видѣла въ ней страшную угрозу для всѣхъ троновъ и преступное и дьявольское предпріятіе. Когда въ 1791 году французское учредительное собраніе провозгласило эмансипацію евреевъ и признаніе ихъ равноправія, то Екатерина II отвѣтила на это указомъ 23 декабря, который былъ впослѣдствіи еще усиленъ послѣдующими распоряженіями. Такимъ образомъ получилась иронія судьбы: благородная иниціатива французской революціи вызвала на противоположномъ концѣ Европы эру преслѣдованія, которая явилась, быть можетъ, одной изъ самыхъ длительныхъ и жестокихъ, изъ всѣхъ, которыя народу Израиля пришлось испытать на протяженіи вѣковъ.

Вторникъ, 16 февраля.

9-ая армія испытываетъ крупныя затрудненія, выбираясь изъ лѣсного района, простирающагося къ востоку отъ Августова и Сувалокъ. Одна изъ ея колоннъ по пути на Ломжу была окружена и уничтожена. Оффиціальныя сообщенія ограничиваются заявленіями, что «подъ давленіемъ значительныхъ силъ противника, наши войска отходятъ на укрѣпленную линію по Нѣману». Однако публика понимаетъ...

Четвергъ, 18 февраля.

10-ой арміи еще не удалось окончательно высвободиться изъ нѣмецкаго охвата. Будучи въ составѣ четырехъ корпусовъ, т. е. приблизительно 12 дивизій, она уже оставила въ рукахъ непріятеля около 50 000 плѣнныхъ и 60 орудій.

Сегодня я обѣдалъ въ интимной обстановкѣ у великаго князя Павла Александровича.

Великій князь обезпокоенно разспрашивалъ меня объ операціяхъ, поведшихъ за собою утрату такого военнаго приза какъ Восточная Пруссія и каждая подробность, которую онъ узнаетъ отъ меня вызываетъ у него возгласъ:

«Боже мой, куда мы идемъ?»

— Что бы то ни было мы пойдемъ до конца, — сказалъ онъ вдругъ съ внезапной рѣшимостью. — Если нужно, мы будемъ отступать и еще отступать, но я вамъ гарантирую,

что мы будемъ продолжать войну до побѣды... Я вамъ повторяю, впрочемъ, только то, что мнѣ вчера говорили Государь и Государыня. У нихъ обоихъ замѣчательная выдержка. Никогда ни слова жалобы, ни слова безнадежности. Они только и стремятся поддержать другъ друга. Кромѣ того, никто изъ лицъ, ихъ окружающихъ, никто не смѣетъ говорить о мирѣ.

Пятница, 19 февраля.

Тремъ корпусамъ 10-ой арміи, которымъ угрожало окруженіе германцами въ Августовскихъ лѣсахъ, наконецъ удалось сосредоточиться на линіи Бобра и пополниться подошедшими резервами. По этому поводу Ставка сообщаетъ слѣдующее: «Между Нѣманомъ и Вислой наши войска постепенно выходятъ изъ зоны сраженій».

Суббота, 20 февраля.

Вчера англо-французскій флотъ бомбардировалъ форты, защищающіе входъ въ Дарданеллы. Эта бомбардировка является прелюдіей высадки на Галлиполійскомъ полуостровѣ.

Сегодня днемъ мы съ Сазоновымъ должны были совмѣстно сдѣлать одинъ визитъ. Проѣзжая по Марсову полю мы увидѣли нѣсколько ротъ пѣхоты проходящихъ курсъ обученія. Люди съ трудомъ продвигались по снѣгу. Бурый туманъ, заволакивавшій огромное поле придавалъ этой картинѣ мрачный и мертвенный видъ.

— Посмотрите, — сказалъ Сазоновъ со вздохомъ, — развѣ можно не прійти въ отчаяніе? Тутъ нѣсколько тысячъ человѣкъ и это уже не рекруты, только начинающіе обученіе, это уже солдаты, которые быть можетъ черезъ нѣсколько дней отправятся на фронтъ. И обратите вниманіе: ни одной винтовки. Это очень печально. Ради Бога, г. посолъ, настаивайте передъ вашимъ правительствомъ, чтобы оно скорѣе пришло намъ на помощь, иначе Богъ знаетъ, что съ нами будетъ.

Воскресенье, 21 февраля.

Сообщеніе Ставки объявило объ эвакуаціи Восточной Пруссіи. Больше всего поражаетъ русскихъ то, что Ставка особенно подчеркиваетъ преимущества, которыя германцы имѣютъ благодаря развитой сѣти желѣзныхъ дорогъ. Пессимисты изъ этого дѣлаютъ выводъ: Въ такомъ случаѣ мы никогда не побѣдимъ нѣмцевъ.

Въ началѣ февраля въ Софію инкогнито прибылъ герцогъ Гизъ, сынъ покойнаго герцога де Шартръ, принявшій на себя порученіе Делькассэ склонять царя Фердинанда къ присоединенію къ нашему союзу. Фердинандъ не проявилъ рѣшительно никакого радушія по случаю прибытія своего племянника. Подъ различными предлогами онъ его принялъ только послѣ шести дней ожиданія. Попавъ наконецъ во

дворецъ, герцогъ Гизъ началъ изгалать различные политическіе доводы, которые должны были бы склонить Болгарію въ нашу сторону; еще съ большей горячностью герцогъ взывалъ къ фамильнымъ связямъ, которыя обязываютъ внука Людовика Филиппа стать на защиту Франціи. Царь Фердинандъ выслушалъ его очень внимательно и любезно, но безъ обиняковъ заявилъ, что онъ рѣшилъ сохранить за собой полную свободу дѣйствій. Затѣмъ вдругъ, съ свойственной ему непріятной улыбкой, онъ сказалъ: «Теперь, когда миссія которую тебѣ поручили закончена, сдѣлайся опять моимъ племянникомъ», и разговоръ перешелъ на незначительныя темы.

Герцогъ Гизъ въ теченіи послѣдующихъ дней былъ три раза принятъ во дворцѣ, но ему такъ и не удалось перевести разговоръ на политическую почву. 13 февраля онъ выѣхалъ въ Салоники.

Провалъ его миссіи весьма знаменателенъ.

Вторникъ, 23 февраля.

Нѣмцы продолжаютъ успѣшно дѣйствовать между Нѣманомъ и Вислой. Констатирую усталость русскихъ войскъ и полное исчерпаніе снаряженія. Великій князь Николай Николаевичъ нѣсколько дней тому назадъ велѣлъ конфиденціально сообщить мнѣ, что онъ былъ бы доволенъ, если бы французская армія вновь начала наступленіе, для того, чтобы пріостановить переброску германскихъ силъ на восточный фронтъ.

Передавая объ этомъ желаніи моему правительству я усиленно подчеркивалъ, что русское командованіе не колеблясь пожертвовало арміей генерала Самсонова 29 августа, въ отвѣтъ на нашу просьбу о помощи. Полученный отвѣтъ совершенно соотвѣтствуетъ моимъ ожиданіямъ: генералъ Жоффръ отдалъ приказъ начать рѣшительное наступленіе въ Шампани.

Среда, 24 февраля.

Сегодня во время моего визита г-жѣ О., нынѣ усердно занимающейся помощью раненымъ, внезапно рѣзко отворилась дверь и въ комнату вошелъ человѣкъ высокаго роста, одѣтый въ длинный кафтанъ, какой, по праздникамъ, носятъ зажиточные мужики и тяжелые высокіе сапоги. Крупными шагами онъ направился къ г-жѣ О. и грубо ее поцѣловалъ. Это Распутинъ.

Бросивъ на меня короткій взглядъ онъ спросилъ: «Кто это?»

Г-жа О. назвала меня.

— А это посолъ Франціи. Я очень радъ съ нимъ познакомиться, т. к. у меня есть къ нему дѣло.

Онъ началъ такъ быстро говорить, что г-жа О., служившая намъ переводчицей, едва успѣвала переводить его слова.

Такимъ образомъ я имѣлъ возможность его разглядѣть. Длинные, темные, плохо расчесанные волосы, черная густая

борода, высокій лобъ, широкій и выдающійся носъ, мускулистый ротъ. Но больше всего поражаютъ въ его лицѣ его глаза. Глаза голубые, странной глубины, блеска и притягательности. Его взглядъ одновременно и острый и ласкающій, и наивный и коварный, прямой и туманный.

Когда онъ воодушевляется разговоромъ, получается впечатлѣніе, что его зрачки испускаютъ магнетическую силу.

Короткими, отрывистыми фразами, сопровождаемыми многочисленными жестами, онъ излагаетъ мнѣ патетическую картину страданій русскаго народа вызванныхъ войной.

— Слишкомъ много убитыхъ, раненыхъ, вдовъ, сиротъ, разоренія и слезъ. Подумай о всѣхъ несчастныхъ, которые больше не возвратятся и которые оставляютъ за собою, каждый, по пять, шесть... десять плачущихъ и страдающихъ. Мнѣ извѣстны села, большія села, гдѣ всѣ въ траурѣ. А тѣ, которые возвращаются съ войны? Боже въ какомъ они видѣ. Искалѣченные, однорукіе, слѣпые. Это ужасно. Въ теченіи двадцати лѣтъ въ Россіи будутъ только страданія.

— Конечно это ужасно, — сказалъ я, — но развѣ было бы лучше, если бы эти жертвы оказались напрасными? Нерѣшительный миръ, миръ заключенный только вслѣдствіе усталости сторонъ, развѣ не былъ бы новымъ преступленіемъ по отношенію къ умершимъ, кромѣ того онъ вызвалъ-бы, быть можетъ, внутреннія катастрофы отъ которыхъ наши государства никогда не могли бы оправиться.

— Ты правъ, мы должны продолжать войну до побѣды.

— Я радъ слышать это отъ тебя, такъ какъ мнѣ извѣстны многія высокопоставленныя лица, которыя разсчитываютъ на то, что ты уговоришь Государя не продолжать больше войны.

Онъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчивымъ взглядомъ, пощипывая бороду и затѣмъ рѣшительно сказалъ:

— Всюду есть дураки.

— Но печально то, что эти дураки имѣютъ вѣсъ въ Берлинѣ. Императоръ Вильгельмъ убѣжденъ въ томъ, что ты и твои друзья страетесь использовать все ваше вліяніе для того, чтобы работать въ пользу мира.

— Императоръ Вильгельмъ... Да развѣ ты не знаешь, что имъ руководитъ діаволъ? Всѣ его слова и дѣйствія направляются діаволомъ. Единственный кто его поддерживаетъ это діаволъ. Но внезапно однажды діаволъ отойдетъ отъ него, ибо это будетъ угодно Богу и тогда онъ свергнется безъ остатка.

— Въ такомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія въ нашей побѣдѣ. Вѣдь очевидно, что діаволъ не можетъ быть побѣдителемъ.

— Да мы побѣдимъ, только я не знаю когда... Богъ по своему усмотрѣнію избираетъ часъ, когда свершится чудо. Да и кромѣ того мы еще не находимся на исходѣ силъ. Еще много будетъ течь крови и слезъ...

Затѣмъ онъ снова вернулся къ исходной точкѣ зрѣнія о необходимости облегчить народныя страданія:

— Это будетъ стоить милліоны и милліоны рублей, но не слѣдуетъ останавливаться передъ затратами такъ какъ, видишь ли, когда народъ слишкомъ страдаетъ онъ дѣлается хуже... онъ можетъ быть ужасенъ... онъ можетъ даже дойти до того, что станетъ говорить о республикѣ... Ты долженъ былъ бы сказать все это Государю.

— Не могу-же нехорошо отзываться о республикѣ.

— Конечно нѣтъ, но ты можешь сказать, для блага народа не страшны никакія затраты и что Франція дастъ необходимыя деньги. Вѣдь Франція такъ богата.

— Франція очень богата, потому, что она очень трудолюбива и экономна. Еще совсѣмъ недавно она авансировала Россіи крупныя суммы.

— Авансы, какіе авансы? Я увѣренъ, что это еще одинъ разъ были даны деньги для чиновниковъ. Отъ нихъ крестьянамъ не перепадетъ ни копейки.

Нѣтъ, повѣрь мнѣ и передай Императору то, что я тебѣ сказалъ.

— Ты можешь это самъ сказать, такъ какъ видишь Государя гораздо чаще чѣмъ я.

Мое упорство ему не нравится. Поднявъ голову и сжавъ ротъ онъ проговорилъ почти дерзко:

— Подобнаго рода дѣла меня не касаются. Я не министръ финансовъ Государя, а министръ его души.

— Ну хорошо, при ближайшей аудіенціи я поговорю съ Государемъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ ты хочешь.

— Спасибо, спасибо. Еще послѣднее слово. Получитъ Россія Константинополь или нѣтъ?

— Конечно, при условіи что мы побѣдимъ.

— Это безусловно?

— Я въ это твердо вѣрю.

— Въ такомъ случаѣ Русскій народъ не будетъ жалѣть о своихъ страданіяхъ и согласится страдать еще.

Послѣ этого онъ поцѣловалъ г-жу О., прижалъ меня къ груди и вышелъ большими шагами, хлопнувъ за собой дверью.

Суббота, 27 февраля.

Англо-французскій флотъ продолжаетъ упорнѣйшія атаки Дарданеллъ; всѣ внѣшніе форты уже приведены къ молчанію. Среди русскихъ большое воодушевленіе и они со дня на день ожидаютъ появленія союзныхъ кораблей передъ Золотымъ Рогомъ.

Византійскій миражъ все болѣе очаровываетъ общественное мнѣніе и заставляетъ его относиться почти равнодушно къ утратѣ Восточной Пруссіи, упуская изъ виду, что осуществленіе византійскаго сна возможно только при основномъ условіи разгрома Германіи.

Воскресенье, 28 февраля.

Продвиженіе германцевъ въ Польшѣ и Литвѣ пріостановлено. Они даже понесли подъ Праснышемъ, въ 80 верстахъ къ сѣверу отъ Варшавы, серьезное пораженіе.

Понедѣльникъ, 1 марта.

Сегодня утромъ Сазоновъ просилъ Бьюкэнена и меня быть свидѣтелями того воодушевленія, которое поднимаетъ въ всѣхъ слояхъ Русскаго народа вопросъ о Константинополѣ:

— Нѣсколько недѣль тому назадъ, — сказалъ онъ, — я могъ еще предполагать, что открытіе проливовъ не потребуетъ обязательнаго и окончательнаго занятія Константинополя. Сегодня я долженъ констатировать, что вся Россія въ цѣломъ, требуетъ этого радикальнаго рѣшенія... Однако до сихъ поръ сэръ Эдуардъ Грей воздерживался отъ оффиціальнаго заявленія въ томъ смыслѣ, что вопросъ проливовъ долженъ будетъ быть рѣшенъ согласно нашимъ желаніямъ. Правда король Георгъ пошелъ дальше, потому что онъ сказалъ нашему послу Бенкендорфу: «Константинополь долженъ быть вашъ.» Но пришелъ часъ, когда слѣдуетъ высказаться болѣе опредѣленно. Русскій народъ долженъ знать, что онъ можетъ разсчитывать на своихъ союзниковъ въ дѣлѣ осуществленія своей національной задачи. Англія и Франція должны торжественно объявить, что онѣ въ день заключенія мира признаютъ аннексію Россіей Константинополя.

Генералъ По, который въ началѣ войны командовалъ Эльзасской арміей и захватилъ Мюльгаузенъ, прибылъ въ Петроградъ черезъ Салоники, Софію, Букарестъ; ему поручено передать французскіе ордена русской арміи. Его впечатлѣнія о Франціи великолѣпны. Вечеромъ я устроилъ обѣдъ въ его честь; всѣмъ своимъ видомъ и словами онъ внушаетъ намъ довѣріе и бодрость.

Вторникъ, 3 марта.

Я представлялъ сегодня генерала По Государю; насъ сопровождалъ генералъ Лагишъ.

Безъ десяти часъ мы были введены оберъ-гофмаршаломъ графомъ Бенкендорфомъ въ Его Величеству, въ одинъ изъ маленькихъ салоновъ Царскосельскаго дворца. Государь, какъ всегда, простъ и сердеченъ, но вопросы, которые онъ предлагалъ генералу По о состояніи французской арміи, о снабженіи и объ операціяхъ, неопредѣленны и банальны. Кромѣ того, почти немедленно входятъ Государыня, четыре великія княжны и цесаревичъ, въ сопровожденіи статсъ-дамы Нарышкиной. Послѣ представленія всѣ сейчасъ же перешли къ столу.

По старинному русскому обычаю въ Александровскомъ дворцѣ нѣтъ столовой. Въ зависимости отъ обстоятельствъ столъ накрывается то въ одной, то въ другой комнатѣ.

Сегодня, круглый столъ, настоящій семейный столъ, накрытъ въ библіотекѣ, озаренной солнцемъ и открывающей сквозь окна видъ на покрытый блестящимъ снѣгомъ паркъ.

Я сижу справа отъ Государыни, генералъ По по лѣвую руку отъ нея. Государь сидитъ между г-жей Нарышкиной и генераломъ Лагишъ. Справа отъ меня помѣщается старшая изъ великихъ княженъ. Остальныя три великія княжны, цесаревичъ и графъ Бенкендорфъ занимаютъ прочія мѣста.

Никакого стѣсненія, никакихъ препятствій для разговора, но все же онъ немного натянутъ.

Государыня выглядитъ хорошо. Она нѣсколько разъ возвращалась къ той же темѣ, которую передо мною такъ горячо защищалъ Распутинъ: Это, вызываемыя войной, страданія Русскаго народа и политическая и нравственная необходимость прійти ему на помощь.

Временами цесаревичъ, которому повидимому надоѣдаетъ долго сидѣть за столомъ, выкидываетъ какую-нибудь штуку къ крайнему огорченію сестеръ, которыя смотрятъ на него съ укоризной. Государь и Государыня улыбаются и дѣлаютъ видъ, что ничего не замѣчаютъ.

Генералъ По производитъ отличное впечатлѣніе своимъ природнымъ благородствомъ и своей внѣшностью честнаго солдата.

По окончаніи обѣда Государь отвелъ меня въ конецъ зала, предложилъ папиросу и, принявъ серьезный видъ, сказалъ:

— Помните ли вы о чемъ мы съ вами говорили въ концѣ ноября? Я не измѣнилъ своего образа мыслей съ тѣхъ поръ, но есть одинъ пунктъ, разъясненіе котораго властно требуется обстоятельствами: я говорю о Константинополѣ. Вопросъ проливовъ очень волнуетъ общественное мнѣніе и это направленіе съ каждымъ днемъ усиливается. Я не счелъ бы себя въ правѣ потребовать отъ моего народа тѣхъ громадныхъ жертвъ, которыя онъ приноситъ въ эту войну, не добившись осуществленія его вѣковыхъ стремленій. Такимъ образомъ я принялъ рѣшеніе, г. посолъ. Я радикально рѣшу вопросъ Константинополя и проливовъ. Разрѣшеніе, указанное мною въ ноябрѣ единственное возможное и единственное практичное. Городъ Константинополь и южная Ѳракія должны будутъ быть присоединены къ моей Имперіи. Я впрочемъ допускаю, что управленіе городомъ потребуетъ особаго режима, который бы считался съ интересами иностранцевъ. Вамъ извѣстно, что Англія уже выразила свое согласіе. Король Георгъ недавно высказалъ моему послу: «Константинополь долженъ быть вашъ».

Это заявленіе гарантируетъ мнѣ добрую волю Британскаго Правительства. Если бы возникли какія-нибудь затрудненія въ деталяхъ, то я надѣюсь, что ваше правительство поможетъ мнѣ ихъ разрѣшить.

— Могу ли я сообщить моему правительству, Ваше Величество, что въ томъ, что касается проблемъ, въ которыхъ непосредственно заинтересована Франція, намѣренія ваши не измѣнились?

— Безусловно... Я очень желаю, чтобы Франція вышла изъ этой войны возможно сильной и могущественной. Я заранѣе одобряю все, что пожелаетъ ваше правительство. Возьмите лѣвый берегъ Рейна, возьмите Майнцъ, возьмите Кобленцъ, идите еще дальше, если вы это находите полезнымъ.

Затѣмъ мы возвратились къ Государынѣ, бесѣдующей съ генералами По и Лагишъ. Черезъ пять минутъ Ихъ Величества удалились.

Понедѣльникъ, 8 марта.

Согласно телеграммѣ, полученной мною сегодня ночью отъ Делькассэ, я объявилъ Сазонову, что онъ можетъ положиться на доброе желаніе Франціи, чтобы вопросы Константинополя и проливовъ были разрѣшены соотвѣтственно желаніямъ Россіи.

— Ваше правительство, — сказалъ Сазоновъ, благодаря меня за это сообщеніе, — оказало сегодня франко-русскому союзу неоцѣнимую услугу... услугу, значеніе которой вы, быть можетъ, даже себѣ не представляете.

Вторникъ, 9 марта.

Государь чрезвычайно ревниво оберегаетъ свои верховныя прерогативы. Какъ и всегда бываетъ съ слабыми характерами въ такихъ случаяхъ, онъ подозрителенъ, скрытенъ, злопамятенъ и упрямъ. По этому поводу Коковцовъ мнѣ разсказалъ слѣдующій любопытный случай.

— Вы помните вѣроятно, что послѣ убійства Столыпина въ Кіевѣ, въ сентябрѣ 1911 г., Государь возложилъ на меня предсѣдательствованіе въ Совѣтѣ Министровъ. Немедленно послѣ моего назначенія я простился съ Его Величествомъ, отбывавшимъ въ Крымъ и прямо отправился въ Петербургъ. Я немедленно вступилъ въ исполненіе моихъ обязанностей и вскорѣ, приблизительно черезъ три недѣли, поѣхалъ съ докладомъ къ Государю, который еще находился въ Ялтѣ. У меня было много серьозныхъ дѣлъ для доклада. Государь принялъ меня наиболѣе любезнымъ образомъ: — «Я доволенъ вами, Владимиръ Николаевичъ», — сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой, свидѣтельствующей объ его расположеніи ко мнѣ. — «Я знаю, что вы окружены хорошими помощниками и работаете въ хорошемъ направленіи... Я чувствую, что вы будете относиться ко мнѣ не такъ, какъ вашъ предшественникъ Петръ Аркадьевичъ.» — Лично я не былъ расположенъ къ Столыпину, въ нашихъ отношеніяхъ было много взаимнаго уваженія и мало симпатіи, тѣмъ не менѣе я не могъ удержаться чтобы не сказать: «но вѣдь Ваше Величество, Петръ Аркадьевичъ свою жизнь положилъ за васъ...» — «Да

дѣйствительно», — отвѣтилъ Государь, — «онъ умеръ находясь у меня на службѣ. Но у него была тенденція постоянно оттѣснять меня въ тѣнь... Вы думаете, что мнѣ было пріятно читать въ газетахъ: предсѣдатель Совѣта сдѣлалъ то... предсѣдатель Совѣта сдѣлалъ это... Что же, развѣ со мною не должно считаться? Развѣ я ничто?»

Пятница, 12 марта.

За признаніе правъ Россіи на Константинополь и проливы, Британское Правительство проситъ Русское согласиться на то, чтобы нейтральная зона въ Персіи (т. е. весь центръ Ирана, включая область Испахана) была включена въ зону англійскаго вліянія.

Сазоновъ не задумываясь отвѣтилъ Бьюкэнену.

— Мы согласны.

Такимъ образомъ, въ одну минуту былъ разрѣшенъ персидскій вопросъ, который въ теченіи двухъ вѣковъ вызывалъ разногласіе между Россіей и Англіей.

Суббота, 13 марта.

Сегодня утромъ внезапно скончался, отъ воспаленія въ области мозга, графъ Витте. Покойному было 66 лѣтъ.

Телеграфируя объ этомъ Делькассэ я прибавилъ: «Большой очагъ интригъ угасъ вмѣстѣ съ нимъ.»

Воскресенье, 14 марта.

Уже около недѣли мнѣ намеками сообщали объ одномъ дѣлѣ — объ измѣнѣ, которое военное вѣдомство держитъ въ большомъ секретѣ. Въ настоящее время мнѣ извѣстна вся гяжесть свершившагося преступленія.

Одинъ изъ видныхъ жандармскихъ офицеровъ, подполковникъ Мясоѣдовъ, служившій нѣкогда въ контръразвѣдкѣ и назначенный съ начала войны въ информаціонный отдѣлъ штаба 10-ой арміи, былъ арестованъ въ Вильнѣ по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ Германіей.

Первое указаніе было сдѣлано однимъ русскимъ офицеромъ, попавшимъ въ плѣнъ, которому германскій генеральный штабъ предложилъ освобожденіе, если онъ согласится, возвратившись на родину «работать» на пользу Германіи. Офицеръ притворился, что онъ согласенъ и съ достаточной ловкостью добился того, что ему указали на лицо, отъ котораго онъ долженъ былъ-бы получать распоряженія и черезъ которое могъ бы передавать корреспонденцію. Прибывъ въ Петроградъ онъ немедленно разоблачилъ подполковника Мясоѣдова. Получивъ подобныя свѣдѣнія, начальникъ главнаго штаба генералъ Бѣляевъ не проявилъ никакого удивленія.

Еще въ 1908 году, состоя въ должности начальника жандармеріи на пограничной станціи Вержболово, Мясоѣдовъ былъ замѣшанъ въ одномъ грязномъ дѣлѣ о контрабандѣ. Ему предстояло быть уволенымъ со службы. Но его жена, авантюристка-еврейка, съ которой онъ позна-

комился въ Карлсбадѣ, была въ близкихъ отношеніяхъ съ г-жей Сухомлиновой. Уступая настояніямъ своей супруги, военный министръ прикомандировалъ къ себѣ этого безчестнаго офицера.

Мясоѣдовъ воспользовался своимъ новымъ положеніемъ для того, чтобы развить сношенія съ Австріей и Германіей. Но, несмотря на то, что его оффиціальное положеніе ему во многомъ помогало, не смотря на всю его хитрость, относительно него скоро стали ходить самые оскорбительные слухи и на него стали возводить самыя тяжкія обвиненія.

Однажды, въ 1911 году, лидеръ октябристовъ Гучковъ бросилъ ему въ Государственной Думѣ открытое обвиненіе въ томъ, что онъ состоитъ на службѣ въ германскомъ генеральномъ штабѣ. Генералъ Сухомлиновъ тогда покрылъ своего подчиненнаго, который однако потребовалъ отъ Гучкова удовлетворенія. Дуэль на пистолетахъ состоялась на одномъ изъ острововъ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, на дистанціи 15 шаговъ. Гучковъ очень храбрый человѣкъ и отличный стрѣлокъ спокойно выждалъ выстрѣла своего противника. Когда пуля прожужала мимо его уха онъ презрительнымъ жестомъ бросилъ на землю свой пистолетъ и ушелъ, не удостоивъ даже взглядомъ изумленнаго Мясоѣдова. Когда его секунданты спросили почему онъ пощадилъ жизнь предателя, Гучковъ отвѣтилъ:

— Потому что я не хотѣлъ избавить его отъ смерти на висѣлицѣ, которой онъ достоинъ.

Съ тѣхъ поръ Мясоѣдовъ могъ продолжать свои дѣйствія въ полной безопасности. Онъ имѣлъ ежедневный свободный доступъ къ военному министру и г-жѣ Сухомлиновой, для которой онъ сдѣлался маклеромъ по всякимъ неблаговиднымъ дѣламъ. Въ августѣ 1914 года онъ былъ назначенъ начальникомъ контръ-развѣдки штаба 10 арміи.

Заручившись содѣйствіемъ нѣсколькихъ чиновниковъ изъ его подчиненныхъ, а также офицера авіаціи, онъ сталъ посылать въ германскій штабъ свѣдѣнія о передвиженіяхъ арміи, о состояніи снабженія и общественнаго настроенія. Авіаторъ сбрасывалъ эти бюллетени, летая надъ германскими линіями окоповъ въ опредѣленные часы. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти точныя и постоянныя свѣдѣнія сыграли крупную роль въ многочисленныхъ пораженіяхъ, заставившихъ русскихъ эвакуировать Восточную Пруссію.

Будучи преданъ Варшавскому военно-полевому суду Мясоѣдовъ отрицалъ свою виновность. Однако доказательства его виновности оказались неопровержимыми и, приговоренный къ смертной казни, онъ былъ повѣшенъ 10 марта.

Процессъ его сообщниковъ еще продолжается.

Понедѣльникъ, 15 марта.

Французское Правительство обсудивъ условія мира, которыя оно должно будетъ потребовать отъ Турціи, поручило мнѣ поставить Русское Правительство въ извѣстность, что

Франція предполагаетъ обезпечить за собой нѣкоторыя компенсаціи въ Сиріи.

Государь, находящійся въ настоящее время въ Ставкѣ пригласилъ меня прибыть для совмѣстнаго обсужденія этого вопроса. Онъ вызвалъ также и Сазонова.

Вторникъ, 16 марта.

Отбывъ изъ Петрограда вчера вечеромъ въ семь часовъ, въ придворномъ вагонѣ, прицѣпленномъ къ варшавскому скорому поѣзду, я проснулся сегодня утромъ въ Вильно, откуда спеціальный поѣздъ доставилъ меня въ Барановичи. До половины перваго я проѣзжаю по обширнымъ равнинамъ, почти пустыннымъ, съ далекими горизонтами покрытыми снѣжнымъ покровомъ.

Барановичи маленькое мѣстечко, расположенное по желѣзной дорогѣ, соединяющей Москву съ Варшавой черезъ Брестъ-Литовскъ, Минскъ и Смоленскъ.

Ставка расположена въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка въ прогалинѣ сосноваго лѣса. Всѣ службы штаба сосредоточены въ нѣсколькихъ поѣздахъ вѣерообразно расположенныхъ между деревьями. Мѣстами стоятъ военные бараки, жандармскіе и казачьи посты.

Меня прямо направили къ царскому поѣзду, который вытянулся вдоль освѣщенной солнцемъ лѣсной чащи.

Государь меня немедленно принялъ въ своемъ вагонъ-салонѣ.

— Я радъ принимать васъ здѣсь, — сказалъ онъ, — въ штабѣ главнокомандующаго моими арміями. Это будетъ еще однимъ воспоминаніемъ, связывающимъ меня съ вами.

— Я уже обязанъ Вашему Величеству свѣтлыми воспоминаніями о Москвѣ. Въ глубокимъ волненіемъ я нахожусь здѣсь, въ вашемъ присутствіи, въ жизненномъ центрѣ вашихъ армій.

— Пойдемъ завтракать... Мы побесѣдуемъ послѣ... Вы вѣроятно очень проголодались.

Мы перешли въ сосѣдній вагонъ, состоящій изъ длинной столовой и курительной. Столъ накрытъ на 20 персонъ. По обѣимъ сторонамъ Государя садятся вел. кн. Николай и Петръ Николаевичи. Противъ Его Величества занимаетъ мѣсто, согласно этикету, гофмаршалъ князь Долгоруковъ. Справа отъ Долгорукаго сажусь я, имѣя своимъ другимъ сосѣдомъ начальника штаба верховнаго главнокомандующаго, генерала Янушкевича. Столъ настолько узокъ, что позволяетъ свободно вести разговоръ между сидящими на разныхъ сторонахъ.

Собесѣдованіе свободное и оживленное. Никакого стѣсненія. Государь очень веселъ, разспрашиваетъ меня о моемъ путешествіи, объ успѣхѣ французской арміи въ Аргоннахъ, объ операціяхъ союзныхъ эскадръ въ Дарданеллахъ и т. д. Внезапно въ его глазахъ зажигается ироническій и радостный огонекъ.

— А мы съ вами не говорили объ бѣдномъ графѣ Витте. Я надѣюсь, что вы не очень удручены его смертью.

— Конечно нѣтъ, Ваше Величество; сообщая о его смерти моему правительству, я формулировалъ его некрологъ слѣдующей простой фразой: «большой очагъ интригъ угасъ вмѣстѣ съ нимъ»...

— Да вѣдь вы выразили совершенно точно и мою мысль, — сказалъ Государь.

Онъ дважды повторилъ мою формулу и наконецъ серьезно и внушительно произнесъ:

— Смерть графа Витте была для меня большой поддержкой. Я въ этомъ узрѣлъ знакъ Божій.

Немедленно послѣ завтрака Государь пригласилъ меня въ свой рабочій кабинетъ. Это продолговатая комната, занимающая весь вагонъ, съ темною мебелью и большими кожанными креслами.

На столѣ лежитъ груда огромныхъ конвертовъ.

— Посмотрите, — сказалъ Государь, — это ежедневное количество поступающихъ рапортовъ. Необходимо, чтобы я еще сегодня прочиталъ все это.

Я знаю отъ Сазонова, что Государь никогда не откладываетъ исполненіе этой ежедневной работы, и добросовѣстно исполняетъ свои монаршія обязанности.

Предложивъ мнѣ сѣсть и повернувъ ко мнѣ свое внимательное и симпатичное лицо, Государь сказалъ: — Теперь я васъ слушаю.

Я изложилъ программу цивилизаторской дѣятельности, которую Франція предполагаетъ предпринять въ Сиріи, Киликіи и Палестинѣ.

Внимательно разсмотрѣвъ по картѣ мѣстности, которыя должны будутъ войти въ зону французскаго вліянія, Государь сказалъ:

— Я соглашаюсь съ вашими желаніями.

Окончивъ разсмотрѣніе политическихъ вопросовъ Государь всталъ и подвелъ меня къ другому концу кабинета, гдѣ на длинномъ столѣ развернуты карты Польши и Галиціи. Объяснивъ мнѣ общее расположеніе армій онъ сказалъ:

— Опасность со стороны Нарева и Нѣмана предотвращена. Но я придаю еще больше значенія предпринятымъ операціямъ въ Карпатахъ. Если намъ и далѣе будетъ сопутствовать успѣхъ, мы скоро завладѣемъ главными вершинами, что позволитъ намъ распространиться по венгерской долинѣ. Тогда наши операціи примутъ болѣе быстрый ходъ. Продвигаясь вдоль по Карпатамъ мы достигнемъ водораздѣловъ Одера и Нейсы и, такимъ путемъ, проникнемъ въ Силезію.

Прощаясь со мною Государь сказалъ:

— Я знаю, что вы выѣзжаете сегодня вечеромъ, но мы еще встрѣтимся за чаемъ. Если у васъ не будетъ другихъ дѣлъ, я вамъ совѣтую пойти посмотрѣть кинематографическіе снимки нашихъ операцій въ Арменіи. Они очень любопытны. Въ половинѣ второго я вышелъ отъ Государя.

Послѣ короткаго разговора съ Сазоновымъ я отправился къ Верховному Главнокомандующему, поѣздъ котораго стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

Великій князь принялъ меня въ своемъ просторномъ и комфортабельномъ кабинетѣ, устланномъ медвѣжьими шкурами и восточными коврами. Съ свойственной ему прямотой и рѣшительностью онъ мнѣ сказалъ:

— Мнѣ нужно съ вами поговорить по серьезнымъ вопросамъ. Въ настоящій моментъ говоритъ не великій князь съ господиномъ Палеологомъ, а Верховный Главнокомандующій русскими арміями съ посломъ Франціи. Ставъ на эту точку зрѣнія я вамъ заявляю, что въ настоящій моментъ событіями повелительно требуется немедленное сотрудничество Италіи и Румыніи. Не истолковывайте только этихъ словъ, какъ крикъ отчаянія. Я сохраняю твердую увѣренность, что мы, съ Божьей помощью, выйдемъ побѣдителями. Но безъ немедленнаго вступленія въ наши ряды Италіи и Румыніи, война будетъ продолжаться еще многіе мѣсяцы и будетъ чрезвычайно рискована.

Я отвѣтилъ великому князю, что Французское Правительство непрестанно стремится къ тому, чтобы пріобрѣсти сотрудничество этихъ государствъ:

— Делькассэ дѣлалъ попытки привлечь на нашу сторону Японію, Грецію, Болгарію, Румынію и Италію. Какъ разъ въ настоящій моментъ онъ направилъ всѣ усилія на Италію и Румынію. Но я не скрою отъ васъ, что намѣренія Россіи относительно Константинополя и проливовъ создадутъ, быть можетъ, невозможность присоединенія этихъ государствъ къ нашему союзу.

— Ну это дѣло дипломатіи, это меня совершенно не касается... А теперь поговоримъ неоффиціально.

Онъ предложилъ мнѣ папиросу, усадилъ около себя на диванъ и сталъ предлагать мнѣ многочисленные вопросы по поводу Франціи.

— Я не могу найти словъ, чтобы высказать свое восхищеніе дѣйствіями французовъ, — сказалъ онъ дважды.

Нашъ разговоръ переходитъ къ вопросу о дальнѣйшемъ веденіи войны. Я передаю великому князю, что Государь мнѣ только что сообщилъ о проэктѣ наступленія на Силезію по теченіямъ Одера и Нейссы:

— Не скрою отъ васъ, что мнѣ довольно трудно согласовать этотъ проэктъ съ тѣми тревожными перспективами, которыя вы мнѣ только что обрисовали.

— Я никогда не позволяю себѣ возражать на слова Его Величества, кромѣ случаевъ, когда Государь дѣлаетъ мнѣ честь спросить мое мнѣніе, — сказалъ онъ мрачно.

Намъ доложили, что Государь ожидаетъ насъ къ чаю.

Мы направились вмѣстѣ съ великимъ княземъ. По дорогѣ онъ мнѣ показалъ свой вагонъ остроумно и комфортабельно обставленный. Спальня освѣщается четырьмя ок-

нами, расположенными на одной стѣнкѣ. Мебель очень простая, но всѣ стѣны увѣшаны иконами, которыхъ вѣроятно было не менѣе 200.

Послѣ чаю Государь повелъ меня въ кинематографъ, устроенный въ баракѣ. Длинная серія красочныхъ картинъ представляетъ послѣднія операціи русской арміи въ районѣ Чороха и Агри-Дага. Глядя на эти гигантскія каменныя стѣны восточной Арменіи, на этотъ хаосъ громадныхъ горъ, на эти острые и извилистые гребни, я подумалъ о томъ, какими качествами должны обладать русскіе солдаты для того, чтобы продвигаться по подобной странѣ при 30 градусахъ мороза и постоянныхъ снѣжныхъ буранахъ. По окончаніи сеанса, я возвратился въ вагонъ Государя для принесенія прощальныхъ привѣтствій.

Въ половинѣ восьмого мы съ Сазоновымъ выѣхали въ Петроградъ.

Пятница, 19 марта.

Вчера, во время генеральной бомбардировки фортовъ, защищающихъ входъ въ Дарданеллы, союзныя эскадры понесли пораженіе. Французскій крейсеръ «Бувэ» наскочилъ на плавучую мину, крейсеръ «Голуа» былъ выведенъ изъ строя, два англійскихъ крейсера «Иррезистибль» и «Оцеанъ» затонули.

Суббота, 20 марта.

Несмотря на молчаніе прессы, дѣло объ измѣнѣ Мясоѣдова начинаетъ проникать въ широкія массы населенія. Какъ и всегда къ нему примѣшивается фантазія и начинаютъ искать сообщниковъ въ высшихъ придворныхъ сферахъ. Публика очень взволнована.

Мнѣ конфиденціально сообщили о томъ, что лидеръ трудовиковъ, Керенскій обратился съ письмомъ къ предсѣдателю Государственной Думы, Родзянко, въ которомъ требовалъ добиться немедленнаго созыва сессіи Государственной Думы на предметъ запроса по дѣлу Мясоѣдова. «Измѣна», — пишетъ Керенскій, — «свила себѣ гнѣздо въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Русское общество отлично знаетъ, что руководители этого вѣдомства только и стремятся къ тому, чтобы поскорѣе возобновить былое единеніе съ прусской монархіей, необходимымъ оплотомъ нашей внутренней реакціи. Дума должна оградить страну отъ удара, который ей собираются нанести въ спину. Отъ имени избравшихъ меня прошу Васъ, г. предсѣдатель, настоять на немедленномъ собраніи Думы для того, чтобы она могла осуществить свое право контроля надъ дѣйствіями административныхъ властей, столь необходимаго въ этотъ грозный часъ».

Вполнѣ очевидно, что Родзянко не могъ дать этому письму никакого дальнѣйшаго хода.

Воскресенье, 21 марта.

Находясь подъ впечатлѣніемъ безпокойства, которое во мнѣ заронилъ послѣдній разговоръ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, я отправился къ начальнику главнаго штаба, генералу Бѣляеву и опросилъ его о состояніи русской артиллеріи съ точки зрѣнія снабженія ея снарядами. Привожу краткое резюмэ его отвѣтовъ:

1. Ежедневное производство снарядовъ достигаетъ въ настоящее время максимумъ 20 000.
2. Если заграничные заказы будутъ исполнены въ условленные сроки, то къ концу мая русская артиллерія будетъ располагать 65 000 снарядовъ въ день (изъ коихъ 26 000 ожидаются изъ Англіи и Америки). Эта цифра возрастетъ къ концу сентября до 85 тысячъ.
3. Принявъ методы, принятые французской промышленностью можно было бы увеличить внутреннюю производительность къ концу іюля на 10 000. Но для того, чтобы достигнуть этого, необходимо побороть русскую промышленную рутину.

Я протелеграфировалъ въ Парижъ, чтобы въ Россію прислали техниковъ-инструкторовъ.

Понедѣльникъ, 22 марта.

Послѣ четырехъ съ половиной мѣсячной осады, сегодня утромъ палъ Перемышль. Съ точки зрѣнія стратегической это событіе второстепенной важности, но, съ моральной точки зрѣнія, успѣхъ достигнутъ своевременно и немного пріободритъ русское общественное мнѣніе.

Вторникъ, 23 марта.

Сегодня я обѣдалъ у графини Шуваловой, рожденной Комаровой, вдовы графа Павла Андреевича, бывшаго посломъ въ Берлинѣ и Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ числѣ приглашенныхъ — великая княгиня Марія Павловна, министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ, князь Радзивиллъ, бывшій посолъ въ Турціи Чарыковъ и др.

Послѣ обѣда я велъ продолжительную бесѣду съ Маклаковымъ, который разспрашивалъ меня о послѣдней аудіенціи у Государя. Я съ удовольствіемъ привелъ ему всѣ доказательства данныя мнѣ Государемъ, свидѣтельствующія о его твердомъ намѣреніи продолжать войну.

— Какъ я радъ слышать это, — повторилъ онъ нѣсколько разъ, — конечно надо продолжать войну до крайности. Я теперь совершенно увѣренъ въ томъ, что Богъ даруетъ намъ побѣду.

Онъ блѣденъ, черты лица подтянуты, взглядъ нѣсколько смущенный. Онъ долго покрывалъ своимъ покровительствомъ подполковника Мясоѣдова и знаетъ, что Государь недоволенъ имъ и что его ожидаетъ немилость.

Великая княгиня Марія Павловна тоже заинтересована впечатлѣніями, вынесенными мною изъ Барановичей. Выслушавъ меня она сказала:

— Когда Государь далеко отъ Государыни я спокойна. Всѣ ошибки, которыя онъ дѣлаетъ, происходятъ отъ ея вліянія.

— Я хотѣла бы вамъ поставить одинъ нескромный вопросъ, — сказала она немного погодя.

— Я слушаю, Ваше Высочество.

— Правда ли, что измѣна Мясоѣдова была раскрыта французской полиціей и что Государь вызывалъ васъ въ Барановичи по этому поводу? Правда ли, что графъ Витте покончилъ съ собой, когда убѣдился, что у васъ въ рукахъ доказательства его сношеній съ Германіей?

— Я узналъ о дѣлѣ Мясоѣдова только за три-четыре дня до его осужденія, что же касается графа Витте, то мнѣ достовѣрно извѣстно, что онъ внезапно скончался отъ опухоли въ области мозга.

— Я вамъ вѣрю, но публика предпочтетъ мой романъ вашей дѣйствительности.

Среда, 24 марта.

Какъ бы интересенъ ни былъ русскій романъ въ смыслѣ выраженія русской души и мысли, сколь бы показательны въ этомъ отношеніи ни были произведенія Тургенева, Толстого, Достоевскаго, Чехова, Короленко и Горькаго — русская музыка еще болѣе выявляетъ намъ глубину народнаго сознанія и чувства. Ренанъ сказалъ о Тургеневѣ: Ни одинъ человѣкъ не воплощалъ въ себѣ въ такой степени цѣлую расу. Цѣлый народъ жилъ въ немъ и говорилъ его устами, цѣлыя поколѣнія предковъ, уже утраченныхъ въ глубинѣ вѣковъ, оживлялись его голосомъ.

То же самое можно сказать еще съ большей точностью о Бородинѣ, Мусоргскомъ, Римскомъ-Корсаковѣ, Чайковскомъ, Глазуновѣ, Балакиревѣ и Лядовѣ. Всѣ ихъ произведенія, романсы, оперы, балеты, симфоніи, оркестровыя и фортепіанныя произведенія носятъ характерный отпечатокъ страны и расы. Мы находимъ въ нихъ, подъ самой восхитительной, захватывающей и убѣдительной формой, весь темпераментъ и характеръ русскаго народа: его постоянное волненіе, неудержные и стремительные импульсы; его неопредѣленныя, мучительныя, безсильныя и противорѣчивыя стремленія; его склонность къ меланхоліи и проникновенію къ тайнѣ смерти; его потребность забвенія и отрѣшенія отъ земного; его стремительный переходъ къ противоположнымъ ощущеніямъ; его стремленіе къ наслажденію; его способность къ страданіямъ и самопожертвованію, а также къ возмущенію и дикости; его стремленіе къ природѣ, къ ея простору, къ ея успокаивающимъ и устрашающимъ проявленіямъ; его интересъ ко всему туманному и фатальному, трагическому и неразмѣренному въ русскомъ пейзажѣ, русской исторіи и русской душѣ.

Я получилъ сильное впечатлѣніе отъ русской музыки сегодня у госпожи С., которая въ теченіи двухъ часовъ пѣла мнѣ отрывки изъ Мусоргскаго. Могучее выраженіе музыкальной мысли и сила впечатлѣнія, вызываемаго особенностями ритма и мелодіи, доведены до крайняго предѣла.

Суббота, 27 марта.

Во всей русской литературѣ нѣтъ болѣе привлекательныхъ, болѣе жизненныхъ и правдивыхъ женскихъ образовъ чѣмъ героини «Дыма» и «Анны Карениной».

Для созданія ихъ, какъ Тургеневъ, такъ и Толстой воспользовались дѣйствительными жизненными случаями.

Ирина въ «Дымѣ», сама отчасти открываетъ намъ свой секретъ. Когда это прелестное созданіе, одновременно и столь кокетливое и столь откровенное, столь эгоистичное и столь влюбленное пытается вновь завоевать человѣка, за котораго она нѣкогда должна была выйти замужъ, но которымъ она пожертвовала въ угоду практическимъ соображеніямъ, она приводитъ въ свое оправданіе то, что ея разоренные родители позорно спекулировали ея красотой: ее повезли къ двору, она понравилась очень высокопоставленному лицу, которое для того, чтобы сдѣлать ее своей любовницей, выдало ее замужъ за толстаго, покорнаго генерала. При воспоминаніи объ этомъ позорномъ испытаніи она прошептала, опуская глаза: «Это такая странная и темная исторія».

Въ дѣйствительности молодая дѣвушка называлась княжной Александрой Сергѣевной Долгорукой, а влюбленное въ нее высокопоставленное лицо никто иной, какъ Императоръ Александръ II. То вліяніе, которое она оказывала около 1860 года на влюбленнаго въ нее Императора, тѣ милости, которыми онъ ее осыпалъ, въ соединеніи съ живостью ея ума и горделивостью ея повадки вызвали ея прозвище: «великая барышня». Вскорѣ Государь выдалъ ее замужъ за генерала Альбединскаго, передъ которымъ, съ тѣхъ поръ, внезапно открылась нечаянная имъ служебная карьера. Онъ умеръ на посту губернатора Польши. До послѣдняго дня Александра Сергѣевна осталась другомъ и довѣреннымъ лицомъ Александра II. Ея братъ, князь Александръ Долгорукій, въ царствованіе Императора Александра III былъ оберъ-гофмаршаломъ высочайшаго двора. Одна изъ ея сестеръ замужемъ за нынѣшнимъ оберъ-гофмаршаломъ, графомъ Бенкендорфомъ.

Фабула романа Анна Каренина взята также непосредственно изъ жизни. Характеръ Алексѣя Каренина, главныя черты Анны и моральный конфликтъ между обоими супругами были взяты Толстымъ изъ личной драмы, происшедшей въ семьѣ очень достойнаго и благочестиваго человѣка, Константина Побѣдоносцева, знаменитаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Воскресенье, 28 марта.

Государь сообщилъ вчера Сазонову о письмѣ, полученномъ имъ отъ князя Готфрида Гогенлое-Шиллингсфюртъ, нынѣшняго австро-венгерскаго посла въ Берлинѣ, бывшаго въ теченіи десяти лѣтъ военнымъ агентомъ при австро-венгерской миссіи въ Россіи.

Взывая къ дружескому благоволенію, которымъ Государь его всегда отмѣчалъ, князь Гогенлое указываетъ на миролюбивое предрасположеніе, царящее при вѣнскомъ дворѣ; онъ проситъ Государя отправить облеченное довѣріемъ лицо въ Швейцарію, гдѣ бы оно могло встрѣтиться съ довѣреннымъ Императора Франца Іосифа; онъ не сомнѣвается въ томъ, что было бы легко найти основанія для заключенія почетнаго мира.

— Это письмо ясно свидѣтельствуетъ о тяжеломъ нравственномъ состояніи, въ которомъ находится Австрія, тѣмъ не менѣе оно останется безъ отвѣта. Престарѣлому Францу Іосифу еще не окончательно опротивѣла война для того, чтобы онъ согласился на условія, которыя мы предполагаемъ ему продиктовать.

Слѣдуя предписанію Делькассэ не произносить ни одного слова, которое могло бы заставить русскихъ подумать, что мы не окончательно предоставили имъ свободу дѣйствій въ Австріи, я сохраняю молчаніе. Но какимъ образомъ, вслѣдствіе какого помутнѣнія разсудка въ Парижѣ не понимаютъ того громаднаго значенія, которое имѣетъ для Франціи отдѣленіе Австріи отъ Германской коалиціи? Неужели наше военное положеніе настолько благопріятно? И неужели то сомнительное сотрудничество, котораго ожидаютъ отъ Италіи будетъ имѣть большее значеніе, чѣмъ немедленный и непоправимый ущербъ, который былъ бы нанесенъ Германіи отложеніемъ Австріи?

Вторникъ, 30 марта.

Съ начала войны евреи Польши и Литвы подверглись жестокимъ мѣропріятіямъ. Въ теченіи августа они были принуждены къ массовому оставленію прифронтовой зоны, причемъ имъ даже не было дано время захватить какое-нибудь имущество. Послѣ небольшого перерыва начались массовыя, спѣшныя и жестокія выселенія, принимавшія все болѣе крупные размѣры и распространяясь на востокъ. Постепенно все еврейское населеніе городовъ Гродно, Ломжи, Плоцка, Кутно, Лодзи, Петрокова, Кѣльцы, Радома и Люблина было выслано внутрь страны, въ Волынскую и Подольскую губерніи. Выселеніе производилось всюду сопровождаемое насиліями и грабежами, на которые власти смотрѣли сквозь пальцы. Сотни тысячъ этихъ несчастныхъ блуждали по снѣгу, гонимые, какъ скотъ, казачьими конвоями, слонялись по вокзаламъ, ночевали на открытомъ воздухѣ при входахъ въ города, умирали отъ голода, холода и усталости.

По всему пути они встрѣчали тѣ же чувства ненависти, презрѣнія, подозрѣнія въ шпіонажѣ и предательствѣ. Врядъ ли на всемъ историческомъ пути Израильскому народу пришлось пережить такой тяжелый исходъ...

Между тѣмъ въ русской арміи около 240 000 солдатъ евреевъ, которые очень хорошо дерутся.

Среда, 31 марта.

Сегодня былъ опять оживленный обмѣнъ мнѣніями съ Сазоновымъ по поводу территоріальныхъ преимуществъ, которыя Италія хочетъ обезпечить за собой въ Далмаціи.

— Претензіи Италіи, — сказалъ Сазоновъ, — идутъ въ разрѣзъ съ славянскимъ самосознаніемъ. Вспомните, что Исаакъ Далматинскій одинъ изъ святыхъ, наиболѣе чтимыхъ русской церковью.

— Мы подняли оружіе для того, чтобы спасти Сербію, потому что крушеніе Сербіи обезпечивало бы германскую гегемонію на Балканахъ, — отвѣтилъ я сухо, — но мы вовсе не сражаемся за осуществленіе химеръ славянства. Довольно уже того, что мы пожертвовали Константинополемъ.

X.

Четвергъ, 1 апрѣля.

Сегодня страстной четвергъ. По традиціямъ русскаго двора, представители католическихъ странъ приглашаются въ парадной формѣ къ службѣ въ церкви Мальтійскаго ордена.

Церковь построена по образцу латинскихъ часовенъ и украшена коринфскими колоннами. Она примыкаетъ къ великолѣпному зданію Пажескаго Корпуса.

На фасадѣ слѣдующая надпись въ романскомъ стилѣ: Divo Joanni Baptistae Paulus Imp. Hosp. Magister.

Внутри всѣ стѣны украшены Мальтійскими крестами. На лѣвомъ клиросѣ, подъ краснымъ балдахиномъ стоитъ золоченый тронъ, на которомъ возсѣдалъ Императоръ Павелъ, предсѣдательствуя въ совѣтѣ ордена.

Среди всѣхъ странныхъ и парадоксальныхъ импровизацій, которыми отмѣнилось царствованіе Павла I, наиболѣе непонятенъ манифестъ 22 сентября 1798 года, коимъ россійскій самодержецъ, покровитель Православной церкви объявилъ о принятіи имъ подъ свое высокое покровительство ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, низложилъ гроссмейстера его Фердинанда Хомпешъ и перенесъ центръ братства въ Петербургъ.

Какая мысль руководила имъ? Хотѣлъ ли онъ отнять Мальту у французовъ, для того, чтобы обезпечить за русскимъ флотомъ морскую базу въ Средиземномъ морѣ? Конечно Англія бы этого никогда не потерпѣла. Намѣчалъ ли онъ болѣе широкую задачу соединенія западной и восточной

церквей? Но вѣдь папа Пій VI всѣми силами протестовалъ противъ низложенія Хомпеша. Не предавался ли просто Императоръ Павелъ туманному сновидѣнію о мистическомъ и рыцарскомъ возрожденіи? Чѣмъ больше химеръ, тѣмъ больше загадокъ... Люди никогда не разберутся въ непослѣдовательныхъ дѣйствіяхъ не вполнѣ нормальнаго монарха.

Суббота, 3 апрѣля.

Оффиціальное сообщеніе въ очень воздержанныхъ выраженіяхъ извѣщаетъ о приговорѣ и казни подполковника Мясоѣдова, «признаннаго виновнымъ въ сношеніяхъ съ агентами непріятельской страны». Въ сообщеніи прибавляется, что правосудіе принимаетъ мѣры «для разоблаченія всѣхъ причастныхъ къ этому дѣлу».

Эта послѣдняя фраза вызываетъ чрезвычайное любопытство въ общественныхъ кругахъ, лихорадочно слѣдящихъ за развитіемъ дѣла, подозрительно относящихся къ существующему режиму и предрасположенныхъ повсюду усматривать измѣну.

Воскресенье, 4 апрѣля.

Сегодня вечеромъ у меня было продолжительное собесѣдованіе съ великимъ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, котораго я обстоятельно разспрашивалъ о дѣятельности заводовъ, работающихъ на оборону. Въ качествѣ генерала-инспектора артиллеріи, великій князь проявляетъ рѣдкія качества освѣдомленности, методичности и распорядительности. Онъ основательно ознакомленъ съ техническими заданіями, онъ работаетъ 14 часовъ въ сутки, онъ неумолимъ къ небрежности или злоупотребленіямъ. Однако всѣ его усилія разбиваются о вѣдомственную рутину, нерадивость и безчестность. Полный разочарованія и досады онъ говорилъ вчера одному изъ состоящихъ при посольствѣ офицеровъ, къ которому онъ очень расположенъ: «Французская промышленность добилась того, что производитъ 100 000 снарядовъ въ день. Мы же производимъ только 20 000. Какой позоръ! Когда я думаю о томъ, что это безсиліе вызвано нашимъ самодержавнымъ строемъ, я становлюсь республиканцемъ. Отсутствіе снарядовъ низводитъ артиллерію въ бояхъ на незначительное мѣсто. Вся тяжесть операцій падаетъ на пѣхоту. Слѣдствіемъ этого является громадная убыль въ людяхъ.»

Одинъ изъ сотрудниковъ великаго князя говорилъ третьяго дня моему второму военному агенту, майору Верлэнъ: — «Мы расплачиемся кровью нашихъ людей за грѣхи нашей администраціи.»

Шайка болгарскихъ комитаджи, состоящая изъ 2000 человѣкъ, сдѣлала вчера нападеніе на сербскую территорію у Валандово, пытаясь разрушить Струмицкую желѣзнодорожную станцію, близъ Вардара. Нападеніе производилось по

всѣмъ правиламъ стратегіи, причемъ у нападавшихъ былъ пулеметъ; также доказано участіе болгарскихъ офицеровъ.

Это выступленіе достаточно знаменательно. Если царю Фердинанду понадобится пробудить воинственные инстинкты въ своемъ народѣ, то онъ конечно начнетъ съ муссированія македонскаго вопроса.

Вторникъ, 6 апрѣля.

Въ теченіи послѣднихъ дней русская армія предприняла рядъ атакъ въ сѣверныхъ Карпатахъ. Несмотря на затрудненія, которыя приходится преодолѣвать при дѣйствіяхъ въ этой гористой мѣстности, въ рукахъ русскихъ на протяженіи ста верстъ находятся главные хребты. Вершина Усокъ, захватъ которой обезпечилъ бы господство надъ всей этой областью, еще защищается. Эти атаки являются предшественниками того общаго наступленія, о которомъ мнѣ три недѣли тому назадъ говорилъ Государь. Одновременно по всей Галиціи происходитъ концентрація крупныхъ силъ, въ частности въ районахъ Тарнова и Дунайца.

Четвергъ, 8 апрѣля.

Въ рукахъ Сазонова находится цѣлая серія секретныхъ документовъ, расшифрованныхъ телеграммъ и перехваченныхъ писемъ, изъ которыхъ съ очевидностью явствуетъ, что недавнее вторженіе болгарскихъ комитаджей въ сербскую Македонію произошло на основаніи соглашенія между Вѣной и Софіей. Сазоновъ опасается того, какъ бы въ ближайшемъ будущемъ эти нападенія не повторились и не повлекли за собою непоправимыхъ послѣдствій, къ которымъ стремится Австрія. Онъ предложилъ Французскому и Британскому Правительствамъ объединиться и совмѣстно сдѣлать Болгарскому Правительству серьозное внушеніе.

— Я не возлагаю большихъ надеждъ на то, что мы этимъ сможемъ измѣнить отношеніе къ намъ министерства Радославова, — сказалъ онъ, — но необходимо, чтобы болгарскій народъ зналъ куда его ведутъ.

Пятница, 9 апрѣля.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ моимъ военнымъ агентомъ, положеніе русской арміи съ точки зрѣнія снабженія ея снарядами представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Производство снарядовъ въ настоящее время колеблется между 15 и 18 тысячами въ день.

Если заказы, сдѣланные за границей будутъ сданы въ условленные сроки, то русская артиллерія будетъ располагать:

28 000 снарядовъ въ день къ концу мая
42 000 снарядовъ въ день къ концу іюля
58 000 снарядовъ въ день къ концу сентября.

Какимъ образомъ, при такомъ положеніи Государь можетъ надѣяться начать черезъ мѣсяцъ общее наступленіе на Силезію?

Суббота, 10 апрѣля.

Сегодня ко мнѣ неожиданно зашелъ предсѣдатель Совѣта Министровъ Горемыкинъ, для того, что бы «дружески» со мной поболтать.

Мы обсудили общее состояніе дѣлъ, которое онъ характеризовалъ, какъ «отличное», но мнѣ извѣстно, что подъ этимъ оффиціальнымъ оптимизмомъ скрываются мысленныя оговорки и скептическія размышленія.

По вопросу о Константинополѣ я замѣтилъ ему, что все таки главнѣйшей цѣлью должно быть сокрушеніе германскаго могущества, къ чему и должны быть направлены наши совмѣстныя усилія.

— Мнѣ извѣстно мнѣніе Государя по этому поводу, — сказалъ я, — слѣдовательно, я могу быть увѣренъ и въ вашемъ. Но проникся ли этимъ въ достаточной степени Русскій народъ?

— Русскій народъ ненавидитъ враговъ, — сказалъ Горемыкинъ, съ горячностью, которой я не могъ ожидать отъ него, — эта ненависть дошла до мозга кости. Будьте увѣрены, что Константинополь не отвратитъ взоровъ Русскаго народа отъ Берлина.

Затѣмъ я сталъ разспрашивать его объ интересующемъ меня, въ особенности въ послѣднее время, вопросѣ украинскомъ.

— Позвольте, — остановилъ онъ меня, — но вѣдь у насъ украинскаго вопроса не существуетъ.

— Но вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что Австрія прилагаетъ большія усилія къ тому, чтобы создать украинское національное движеніе. Вѣдь вамъ вѣроятно извѣстно, что въ Вѣнѣ образовано общество освобожденія Украины; это общество печатаетъ въ Швейцаріи брошюры, карты и т. д., которыя я получаю и изъ которыхъ явствуетъ, что на пропаганду направлены значительныя усилія.

— Намъ хорошо извѣстно объ этомъ обществѣ. Это просто довольное слабое изобрѣтеніе полиціи. Оно уже сдѣлало обращеніе къ нашимъ малороссійскимъ крестьянамъ, которые даже не поняли о чемъ имъ говорятъ. Понявъ, что усилія его въ этомъ направленіи безплодны, общество обратилось къ рабочимъ нашихъ сахарныхъ заводовъ въ районѣ Кіева и Бердичева и, отъ времени до времени, посылаютъ имъ соціалистическія брошюры, которыя мы постоянно перехватываемъ у еврейскихъ разносчиковъ. Какъ видите, все это не имѣетъ серьознаго значенія.

— Но если вы даже считаете, что украинскаго вопроса не существуетъ, или вѣрнѣе, что на Украинѣ не существуетъ сепаратистскаго движенія, то вы не можете не признавать, что въ Малороссіи существуетъ ясно выраженный особенный національный укладъ.

— Безусловно, у малороссовъ очень оригинальный индивидуальный характеръ. Въ ихъ мысляхъ, литературѣ и пѣсняхъ замѣчаются мѣстныя особенности. Но это касается только интелектуальной области. Съ точки зрѣнія національной, украинцы такіе же русскіе, какъ и самые чистые москвичи.

Наконецъ, въ экономическомъ отношеніи Украина неразрывно и неизбѣжно связана съ Россіей.

Воскресенье, 11 апрѣля.

Сегодня Сазоновъ снова получилъ серію секретныхъ документовъ, коими снова подтверждается установленіе тѣсныхъ сношеній между царемъ Фердинандомъ и Вѣнскимъ дворомъ.

— Несомнѣнно германское вліяніе преобладаетъ въ Софіи, — сказалъ онъ волнуясь и дрожа отъ негодованія. — У меня теперь есть тому доказательства. Отнынѣ я могу ожидать всего чего угодно со стороны этого безчестнаго Фердинанда... Онъ всецѣло въ рукахъ Австріи... Я настаиваю на немедленномъ объединеніи трехъ правительствъ для совмѣстнаго оказанія давленія на Болгарское Правительство, о чемъ я вамъ говорилъ уже три дня тому назадъ. Если ни ваше, ни Британское Правительство на это не согласятся, то русскій посланникъ будетъ вынужденъ выступить единолично. Если наше внушеніе не возымѣетъ дѣйствія, я предложу Его Величеству отозвать Савинскаго и, быть можетъ, даже занять Бургасъ.

Я немедленно протелеграфировалъ объ этомъ Делькассэ, но зная, что онъ полонъ увѣренности въ томъ, что Болгарія склонна къ нашей коалиціи, я присовокупилъ: «Воспоминанія сохраненныя мною о долговременныхъ сношеніяхъ моихъ съ царемъ Фердинандомъ, все что мнѣ извѣстно объ его вѣроломствѣ, а также тѣ документы, которые находятся въ рукахъ Русскаго Правительства, заставляютъ меня всецѣло раздѣлять точку зрѣнія г. Сазонова.»

Понедѣльникъ, 12 апрѣля.

Сегодня у меня обѣдали помошникъ военнаго агента майоръ Верлэнъ и два французскихъ офицера прикомандированныхъ къ техническимъ комиссіямъ по снабженію снарядами и патронами. Въ тотъ моментъ, когда мы проходили въ столовую раздался страшный взрывъ; задрожали стекла закачались люстры. Одновременно надъ восточной частью Петрограда, по ту сторону Невы взвился огромный столбъ пламени и дыма.

— Это взрывъ на Охтенскихъ пороховыхъ заводахъ, — вскричалъ одинъ изъ офицеровъ.

Раздалось еще нѣсколько но менѣе сильныхъ взрывовъ. На горизонтѣ показалось пламя пожара. Сомнѣній не оставалось: обширный Охтенскій заводъ, одинъ изъ наиболѣе значительныхъ по изготовленію взрывчатыхъ веществъ, па-

троновъ, артиллерійскихъ снарядовъ, ракетъ и ручныхъ гранатъ, работавшій на снабженіе русской арміи — разрушенъ.

Офицеры со слезами на глазахъ говорятъ: — Это громадное бѣдствіе.

Весь обѣдъ проходитъ въ обсужденіи послѣдствій этого разрушенія и изысканіи средствъ противодѣйствія.

По окончаніи обѣда я повезъ офицеровъ на автомобилѣ по направленію къ Охтѣ. Проѣхавъ черезъ Александровскій мостъ и Выборгскую сторону мы достигаемъ мѣстности, на которой произошедъ этотъ кошмарный случай. Населеніе въ паникѣ. Повсюду лежатъ трупы и раненые и бушуетъ пожаръ. Въ одномъ мѣстѣ я замѣчаю градоначальника, который помагаетъ намъ приблизиться къ мѣсту катастрофы, гдѣ, расположенные на громадномъ пространствѣ уцѣлѣвшіе отъ взрыва остатки завода, продолжаютъ уничтожаться огнемъ. Мои офицеры разошлись въ разныя стороны съ цѣлью информаціи, я же, оставшись на мѣстѣ смотрю на потрясающую красоту этого зрѣлища и мнѣ кажется, что на моихъ глазахъ реально встаетъ одна изъ самыхъ страшныхъ картинъ Дантова Ада.

Впечатлѣнія всѣхъ возвратившихся офицеровъ идентичны: заводъ окончательно разрушенъ.

Что касается причины катастрофы, то пока она еще не выяснена. Но первая мысль, которая приходитъ въ голову, старается разгадать: не дѣло ли это вражескихъ рукъ?

Вторникъ, 13 апрѣля.

Взрывъ Охтенскаго завода чрезвычайно обезпокоилъ все населеніе. Собственно говоря, это безпокойство вызвано не сознаніемъ практическаго значенія и послѣдствіями уничтоженія одного изъ крупнѣйшихъ заводовъ, работающихъ на оборону, а тѣмъ, что въ немъ видятъ предзнаменованіе и признакъ гнѣва Божьяго. Не сомнѣваются также въ томъ, что взрывъ сдѣланъ непріятельскими агентами. Вѣдь у Мясоѣдова было столько сообщниковъ.

Германскій генеральный штабъ отлично освѣдомленъ о кризисѣ въ снабженіи русской арміи, съ другой стороны, онъ долженъ былъ получать различныя сообщенія о подготовляющемся общемъ наступленіи на Силезію. Слишкомъ естественъ выводъ, что явилось стремленіе лишить непріятеля возможности если не начать, то широко развернуть это наступленіе. При томъ количествѣ агентовъ и средствъ, которыми непріятельскій штабъ располагаетъ въ Петроградѣ, не представляло большого затрудненія подбросить взрывательный снарядъ въ одинъ изъ Охтенскихъ пороховыхъ погребовъ.

Среда, 14 апрѣля.

Французское и Британское Правительства рѣшили высадить на полуостровѣ Галлиполи экспедиціонный корпусъ, съ цѣлью поддержать съ суши дѣйствія эскадры форсирующей Дарданеллы.

Этотъ корпусъ, командованіе коимъ вручено генералу д'Амадъ, сформированъ въ Бизертѣ и въ настоящее время переброшенъ въ Египетъ.

Четвергъ, 15 апрѣля.

Нѣсколько дней тому назадъ газеты сообщали, что Распутинъ уѣхалъ въ Москву. Выполняя обѣтъ, данный имъ прошлымъ лѣтомъ, въ то время, когда врачи констатировали, что смерть его неминуема, онъ отправился помолиться на гробницѣ патріарха Гермогена въ Кремлѣ.

Его видѣли горячо молящимся, какъ передъ гробницей чтимаго патріарха, такъ и передъ каждой чудотворной иконой и священной реликвіей Успенскаго собора.

Однако вечеромъ онъ предался другимъ упражненіямъ. И хотя оргія происходила съ соблюденіемъ большихъ предосторожностей, все же достаточно подробностей сдѣлалось извѣстно городу и вызвало въ населеніи Москвы глухое броженіе недовольства и отвращенія.

Передаю объ этомъ въ томъ видѣ, какъ мнѣ удалось узнать отъ лица, находящагося въ родственныхъ отношеніяхъ къ московскому градоначальнику свиты Его Величества, генералу Адріанову.

Сцена разыгралась въ кабинетѣ у Яра, въ Петровскомъ паркѣ. Распутина сопровождали двое московскихъ журналистовъ и двѣ дамы, изъ коихъ одна принадлежала къ лучшему московскому обществу.

Ужинъ начался около полуночи. Было много выпито, играли балалаечники. Разошедшійся Распутинъ сталъ цинично разсказывать о своихъ любовныхъ похожденіяхъ въ Петроградѣ, упоминая всѣхъ по именамъ и сообщая самыя интимныя подробности.

По окончаніи ужина балалаечниковъ смѣнили цыгане. Совершенно пьяный Распутинъ началъ говорить о Государынѣ, называя ее старухой. Это страшно покоробило всѣхъ присутствующихъ. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ.

Возмущенная дама общества хотѣла удалиться, но взбѣшеный Распутинъ набросился на нее и произошла отвратительная сцена. Затѣмъ онъ бросился на цыганокъ, которыя стали отъ него отбиваться. Тогда онъ разразился страшной бранью.

Между тѣмъ остальные собутыльники, опасаясь быть скомпрометированными въ подобномъ скандалѣ, о которомъ было уже извѣстно во всемъ ресторанѣ, а также опасаясь того, что, вслѣдствіе произнесенныхъ въ кабинетѣ оскорбительныхъ выраженій по адресу Императрицы, могутъ быть осложненія съ полиціей, потребовали скорѣе счетъ. Когда

счетъ былъ принесенъ, дама общества бросила на столъ пачку денегъ, далеко превосходящую сумму счета и быстро вышла. Остальные послѣдовали за ней. Послѣднимъ вышелъ Распутинъ едва держась на ногахъ и непрерывно ругаясь.

Воскресенье, 18 апрѣля.

Общее наступленіе, о которомъ мнѣ говорилъ Государь въ Барановичахъ 16 марта, началось. Въ сѣверныхъ Карпатахъ русскіе проявляютъ невѣроятныя усилія. Всѣ атаки сосредоточены въ настоящій моментъ около вершины Усокъ, отъ которой берутъ начало большія рѣки, омывающія Галицію и которая въ то же время является командымъ пунктомъ для доступа въ Трансильванію. Въ теченіи послѣднихъ дней австрійцы оставили въ рукахъ непріятеля около 50 000 плѣнныхъ.

Суббота, 24 апрѣля.

Московскій градоначальникъ, генералъ Адріановъ, человѣкъ смѣлый и рѣшительный, имѣлъ намѣреніе сдѣлать непосредственный докладъ Государю по поводу скандала, вызваннаго поведеніемъ Распутина у Яра, возмутившаго все московское населеніе. На слѣдующій день онъ отправился въ Царскосельскій дворецъ испросить аудіенцію. Но комендантъ Императорскихъ дворцовъ, генералъ Воейковъ, не допустилъ его къ Государю. Тогда генералъ Адріановъ обратился къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ и командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ, генералу Джунковскому, который самъ уже много разъ пытался открыть Государю всю гнусность поведенія старца.

Такимъ путемъ Государь узналъ во всѣхъ подробностяхъ о разыгравшейся у «Яра» оргіи, но не довѣряя сообщаемымъ ему свѣдѣніямъ, приказалъ произвести дополнительное разслѣдованіе, которое было возложено на его любимаго флигель-адъютанта, приближеннаго также и къ Государынѣ, офицера флота Саблина. Несмотря на хорошія отношенія съ Распутинымъ, Саблинъ не могъ не подтвердить справедливости сообщенія генерала Адріанова.

Тогда, не имѣя возможности сомнѣваться въ правдивости происшедшаго, Государь, Государыня и Вырубова пришли къ совмѣстному заключенію, что дьяволъ хотѣлъ завлечь ихъ святого друга въ западню, изъ которой человѣкъ Божій не могъ бы такъ легко выпутаться, если бы надъ нимъ не было Божьяго покровительства.

Понедѣльникъ, 26 апрѣля.

Вчера на разсвѣтѣ на Галлиполійскій полуостровъ высадился англо-французскій отрядъ. Дѣйствуя подъ прикрытіемъ союзнаго флота онъ распространился во всю ширину южной оконечности острова. Турки оказали упорнѣйшее сопротивленіе, но были оттѣснены.

Вторникъ, 27 апрѣля.

Во время послѣдняго посѣщенія Государемъ галиційскаго фронта, его сопровождалъ великій князь Николай Николаевичъ и чины Ставки.

Говорятъ, что всѣ были поражены безразличіемъ и даже холодностью, съ какой арміи встрѣчали своего Государя. Легенды, создавшіяся вокругъ Государыни и Распутина, нанесли чувствительный ударъ царскому престижу среди солдатъ и даже среди офицеровъ. Всѣ увѣрены въ томъ, что въ Царскосельскомъ дворцѣ гнѣздится очагъ предательства и дѣло Мясоѣдова служитъ подтвержденіемъ этихъ предположеній.

Пятница, 30 апрѣля.

Поступающія со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія о концентраціи австро-германскихъ силъ въ Галиціи принимаютъ тревожный характеръ. Повидимому, непріятель готовится нанести съ этой стороны тяжелый ударъ.

Въ видѣ демонстраціи нѣмцы ожесточенно аттакуютъ и продвигаются въ Курляндіи по направленію къ Митавѣ и Либавѣ.

Суббота, 1 мая.

Сегодня у меня обѣдали княгиня Орлова, сэръ Джорджъ Бьюкэненъ съ супругой, графиня Шувалова, графъ Штакельбергъ съ женой и т. д.

Послѣ обѣда мы продолжительно разговаривали съ Штакельбергомъ, у котораго отъ его германскаго происхожденія сохранился серьезный,логичный и реалистическій умъ.

— Мнѣ повезло въ томъ, что я вижу васъ сегодня у себя, — сказалъ я, — такъ какъ васъ теперь нигдѣ не видно.

— У меня нѣтъ теперь никакого желанія ходить куда-нибудь. Въ націоналистическихъ кругахъ меня считаютъ нѣмцемъ и это меня оскорбляетъ. Въ реакціонныхъ кругахъ желаютъ побѣды нѣмцевъ и это мнѣ противно. Несмотря на мое германское происхожденіе, я горячо люблю Россію и у Государя нѣтъ болѣе преданнаго слуги, готоваго пожертвовать за него жизнью, чѣмъ я.*) Вамъ извѣстно, что я много жилъ во Франціи и въ Англіи. Я обожаю французскій духъ и у меня слабость къ англійскимъ обычаямъ. Что касается Франціи, то я не могу вамъ выразить того восхищенія, которое я испытываю наблюдая ея дѣйствія съ самаго начала войны; она въ нѣсколько мѣсяцевъ превзошла все то, что было красиваго и героическаго во всей ея исторіи. Это можетъ вамъ служить доказательствомъ того, что я не германофилъ. Но меня, какъ русскаго, каждый день все болѣе пугаетъ та пропасть, въ которую насъ затягиваетъ

*) Графъ Штакельбергъ былъ убитъ возмутившимися солдатами 16 марта 1917.

англо-французскій союзъ. Россія приближается къ разгрому и революціи; мы никогда не побѣдимъ нѣмцевъ; у насъ нѣтъ силъ бороться противъ нихъ.

Я стараюсь немного пріободрить его и указываю на то, что превосходство германской арміи надъ русской только временное:

— Ваши солдаты великолѣпно сражаются, — сказалъ я, — ваши пополненія въ личномъ составѣ безграничны. Вамъ недостаетъ только тяжелой артиллеріи, аэроплановъ и снарядовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы будете всѣмъ этимъ снабжены въ изобиліи. Тогда вы и дадите почувствовать Германіи всю вашу мощь.

— Нѣтъ, исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что Россія бываетъ сильна только вначалѣ войнъ. У насъ нѣтъ этого удивительнаго свойства приспособляемости и импровизаціи, которое даетъ вамъ, французамъ и англичанамъ возможность исправлять во время войны всѣ ошибки мирнаго времени. У насъ война только осложняетъ темныя стороны нашего режима, такъ какъ она ставитъ нашимъ бюрократамъ такія заданія, которыя они не въ состояніи исполнить. Дай Богъ, чтобы я ошибался. Но я приготовился къ тому, что изо дня въ день все будетъ хуже и хуже. Обратите вниманіе на безвыходность нашего положенія: заключеніе мира есть для насъ безчестіе, а продолженіе войны ведетъ насъ къ катастрофѣ.

Вторникъ, 4 мая.

Въ теченіи послѣднихъ двухъ дней германцы и австрійцы ожесточенно аттакуютъ на всемъ протяженіи русскаго фронта отъ Вислы до Карпатъ. Они непреклонно продвигаются къ востоку; ихъ лѣвое крыло уже переправилось черезъ Дунаецъ, въ нижнемъ теченіи его, которое впадаетъ въ Вислу, въ 65 верстахъ отъ Кракова.

Четвергъ, 6 мая.

Положеніе русскихъ между Карпатами и Вислой становится критическимъ. Послѣ упорныхъ боевъ подъ Тарновымъ, Горлицей и Ясло, русскіе поспѣшно отступаютъ за Дунаецъ и Вислоку. Потери русскихъ громадны, одними плѣнными утрачено болѣе 40 000.

Пятница, 7 мая.

Успѣхъ одержанный австро-германцами у Тарнова, Горлицы и Ясло, распространяется по всей линіи Карпатскаго фронта, даже за вершину Усокъ. За нѣсколько дней русскіе оставили всѣ тѣ горные хребты и вершины, которые были съ такими трудами и жертвами завоеваны зимой. Отнынѣ доступъ въ Трансильванію для нихъ закрытъ.

Это положеніе оказываетъ также вліяніе на позицію Румынскаго Правительства. Братіано сталъ на непримиримую позицію удовлетворенія территоріальныхъ претензій

Румыніи; повидимому его расчеты построены на томъ, что Россія категорически не согласится съ этими требованіями и тогда можно будетъ твердо стать на почву нейтралитета, имѣющаго столь много выгодныхъ сторонъ.

Суббота, 8 мая.

На фронтѣ въ Курляндіи нѣмцы снова произвели рядъ ожесточеннѣйшихъ аттакъ, имѣющихъ повидимому цѣлью воспрепятствовать переброскѣ резервовъ съ сѣвернаго фронта на галиційскій.

Вчера они завладѣли Либавой, обезпечивъ себѣ такимъ образомъ прекрасную морскую базу для послѣдующихъ операцій въ Рижскомъ заливѣ.

Воскресенье, 9 мая.

Ожесточенное сраженіе на всемъ фронтѣ отъ Усока до Вислы, т. е. на протяженіи 200 верстъ. Повсюду русскіе отступаютъ. Быстрота отступленія угрожаетъ возможности держаться на позиціяхъ вдоль Ниды, протекающей къ сѣверу отъ Вислы.

Среда, 12 мая.

Въ Дарданеллахъ англо-французскія войска методично продвигаются впередъ ночью закрѣпляя окопами мѣста, по которымъ удалось продвинуться въ теченіи дня. Турки продолжаютъ оказывать упорнѣйшее сопротивленіе.

Русское общественное мнѣніе проявляетъ крайній интересъ ко всѣмъ подродробностямъ этихъ сраженій; оно не сомнѣвается въ конечномъ результатѣ и считаетъ его близкимъ. Въ своемъ воображеніи русскіе уже рисуютъ проходъ союзныхъ эскадръ черезъ Геллеспонтъ и остановку передъ Золотымъ Рогомъ. Они почти забываютъ о галиційскомъ разгромѣ, стремясь въ этихъ мечтахъ уйти отъ дѣйствительности.

Четвергъ, 13 мая.

Русскіе продолжаютъ отступать по всему фронту, но въ полной порядкѣ и защищая каждую позицію. Общее число плѣнныхъ, оставленныхъ въ рукахъ непріятеля за послѣдніе дни, достигаетъ 140 000.

Пятница, 14 мая.

Министерскій кризисъ въ Италіи. Министерство Саландра-Соннино подало въ отставку не дожидаясь даже собранія парламента, для того, чтобы вопросъ о войнѣ предсталъ непосредственно передъ общественнымъ мнѣніемъ и, такимъ образомъ, парализовать парламентскія интриги Джіолитти.

Сторонники интервенціи пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все большее вліяніе.

Воскресенье, 16 мая.

Германцы заняли Ярославъ, что даетъ имъ tête de pont на Санѣ. Русскіе поспѣшно отступаютъ на востокъ къ Кѣльцамъ и на югъ къ Пилицѣ. Наоборотъ, въ восточной части Галиціи между Коломеей и Черновицами, австрійцы понесли серьозное пораженіе оставивъ въ рукахъ русскихъ 20 000 плѣнныхъ. Такимъ образомъ все пространство между Днѣстромъ и Прутомъ занято русскими войсками.

Понедѣльникъ, 17 мая.

Въ Италіи большее волненіе. Въ Римѣ, Миланѣ, Венеціи и Генуѣ непрерывно происходятъ многолюдныя манифестаціи почти революціоннаго характера.

Подъ вліяніемъ общественнаго настроенія король Викторъ Эммануилъ отказался вчера принять отставку кабинета Саландра-Соннино. Заговоръ Джіолитти такимъ образомъ не удался. Парламенту только и остается теперь склониться передъ требованіями народнаго инстинкта.

Вторникъ, 18 мая.

Сегодня мы снова вели нашъ нескончаемый споръ съ Сазоновымъ по поводу территоріальныхъ требованій Румыніи и я оказываю на него все возможное давленіе, чтобы заставить его нѣсколько расширить сдѣланныя имъ послѣднія уступки. Но онъ весьма возмущенъ телеграммой полученной вчера изъ Бухареста, которую онъ нервно мнетъ въ рукѣ:

— Братіано претендуетъ на то, чтобы диктовать намъ условія; онъ говоритъ о Россіи съ такою наглостью, которой я не потерплю... Мнѣ извѣстно, что онъ позволилъ себѣ даже сказать нѣкоторымъ представителямъ иностранныхъ государствъ: «Россія теперь не въ такомъ состояніи, чтобы она могла требовать.» Но онъ очень ошибается. Россія могущественная держава и временный неуспѣхъ ея армій не заставитъ ее забыть свое прошлое, свое современное положеніе, свое будущее и свою историческую миссію.

— Если Братіано дѣйствительно говорилъ это, то онъ былъ неправъ, — сказалъ я. — Но именно потому что Россія могущественная страна, ей не слѣдовало бы стремиться къ еще большему могуществу. Единственный вопросъ, который намъ надо рѣшить тотъ, будетъ ли для насъ полезно сотрудничество Румыніи и не слишкомъ ли дорого заплатить за него предоставленіемъ румынскимъ вождѣленіямъ кусочковъ непріятельской территоріи. Поговоримъ откровенно... Обсудите ваше военное положеніе. Развѣ вы не обезпокоены этимъ непредвидѣннымъ и поспѣшнымъ отступленіемъ? Развѣ вы не понимаете, что вы наканунѣ потери Перемышля, что быть можетъ завтра австро-германцы перейдутъ черезъ Санъ и Вислу? Увѣрены ли вы наконецъ въ томъ, что

черезъ двѣ или три недѣли вы не будете съ горечью сожалѣть о томъ, что были такъ неуступчивы къ условіямъ выступленія Румыніи.

Мнѣ показалось, что Сазоновъ поколебался.

— Я поищу другое разрѣшеніе возможности уступокъ въ Буковинѣ и на придунайскихъ берегахъ Баната. Но я потребую, какъ абсолютное условіе незамедлительное выступленіе Румыніи. Отвѣтъ я вамъ дамъ завтра.

Среда, 19 мая.

Сазоновъ пошелъ на уступки по двумъ пунктамъ, лежащимъ въ основѣ переговоровъ съ Румыніей. Онъ согласенъ на то, чтобы будущей границей между Россіей и Румыніей въ Буковинѣ была рѣка Серетъ, а также, чтобы признать за Румыніей право аннексировать Торонтальскую область на берегу Дуная въ Банатѣ, но онъ подчеркиваетъ, что эта двойная уступка возможна исключительно при условіи немедленнаго выступленія румынской арміи.

Четвергъ, 20 мая.

По предположеніямъ русскаго генеральнаго штаба силы австро-германцевъ, сконцентрированныя на русскомъ фронтѣ содержатъ не менѣе 55 армейскихъ корпусовъ и 20 дивизій кавалеріи. Кромѣ того въ послѣдніе дни прибыло еще три корпуса съ французскаго фронта.

Воскресенье, 23 мая.

Италія объявила войну Австро-Венгріи.

Я отправился поздравить итальянскаго посланника маркиза Карлотти, съ которымъ меня связываетъ самая близкая дружба. Онъ въ восторгѣ. Онъ сыгралъ большую роль въ этомъ рѣшеніи Итальянскаго Правительства. Съ самаго начала войны онъ непрестанно воздѣйствовалъ на правительство, указывая ему, что Италія не можетъ ни по политическимъ, ни по моральнымъ основаніямъ изолировать себя отъ участія въ этомъ европейскомъ конфликтѣ, ибо это несовмѣстимо съ ея достоинствомъ и свело бы ее на положеніе торгашествующей, нейтральной страны; поэтому ея національныя традиціи и жизненные интересы властно требуютъ скорѣйшаго присоединенія къ воющимъ державамъ, съ коими она связана общностью происхожденія.

Понедѣльникъ, 24 мая.

Генералъ Жоффръ поручилъ генералу Лагишъ выразить Великому Князю Николаю Николаевичу свое восхищеніе по поводу героическихъ дѣйствій русской арміи въ теченіи послѣднихъ недѣль: «Благодаря ихъ храбрости и стойкости имъ удалось, не утративъ связи между частями и способности къ маневрированію, парализовать превосходныя силы против-

никовъ, заставить ихъ понести огромныя потери и такимъ образомъ оказать неоцѣнимую услугу общему дѣлу. Это одна изъ наиболѣе славныхъ страницъ исторіи Русскаго оружія.»

Среда, 26 мая.

Постоянныя неудачи русской арміи даютъ Распутину возможность удовлетворить свою непримиримую ненависть по отношенію къ великому князю. Онъ не переставая внушаетъ, что великій князь не имѣетъ никакого понятія о военномъ искусствѣ и что всѣ усилія его направлены исключительно на то, чтобы создать себѣ популярность въ войскахъ, имѣя заднюю мысль сѣсть на мѣсто Государя. Конечно зная характеръ и все прошлое великаго князя нельзя не признать всей абсурдности этой клеветы, но на Государя и Государыню это производитъ сильное впечатлѣніе.

Кромѣ того мнѣ стало извѣстно изъ другихъ источниковъ, что за послѣдніе дни Распутинъ снова сталъ проповѣдывать, что эта война оскорбляетъ Бога. На дняхъ, находясь у престарѣлой г-жи Г., одной изъ наиболѣе восторженныхъ его почитательницъ онъ, съ пріемами библейскаго пророка, говорилъ нижеслѣдующее:

— «Россія вступила въ эту войну противъ воли Божьей. Горе тѣмъ, кто еще сегодня этого не понимаетъ... Для того, чтобы услышать гласъ Божій достаточно смиренно къ нему прислушаться. Но стоящіе у власти, затуманенные гордостью и считающіе себя всевѣдущими не прислушиваются къ голосу простого народа, пока надъ ихъ головой не грянетъ, подобно грому, приговоръ Божій. Сердце Христа возмутилось всѣми тѣми страданіями, которыя доходятъ до него съ земли русской. Но генераламъ безразлично, что убиваютъ мужиковъ, это не мѣшаетъ имъ ни ѣсть, ни спать, ни обогащаться. Увы, не только ихъ обагритъ кровь ихъ жертвъ; она обагритъ и Государя, потому что онъ отецъ своего народа. Говорю вамъ: гнѣвъ Божій будетъ ужасенъ.»

Эта проповѣдь Dies irae произвела на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Г-жа Г. непрестанно повторяла: «Господи помилуй».

Пятница, 28 мая.

Австро-германское наступленіе безостановочно продолжается, какъ на обоихъ берегахъ Сана, такъ и въ районахъ Перемышля и Стыри.

За послѣдніе дни по всей Россіи прокатилась волна пессимизма. Общественное воображеніе начинаетъ рисовать все то, что означаетъ и что предвозвѣщаетъ это стихійное движеніе австро-германцевъ по Галиціи. Тѣмъ болѣе тревожно озираются русскіе на Дарданеллы. Мнѣ кажется, что миражъ связанный съ Галлиполійской экспедиціей уже поблекъ въ ихъ воображеніи.

Суббота, 29 мая.

Сегодня у меня завтракали великій князь Николай Михайловичъ, сэръ Бьюкененъ и маркизъ Карлотти. Мы чествовали присоединеніе Италіи къ Тройственному союзу.

Великій князь въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Нѣсколько разъ онъ произнесъ:

— Теперь Германія въ нашихъ рукахъ. Теперь мы не можемъ проиграть войны.

Несмотря на то, что его мать, рожденная княгиня Баденская, влила въ его вены германскую кровь, онъ ненавидитъ Германію, германскія идеи и германское міровоззрѣніе. Всѣ его интелектуальныя и нравственныя стремленія, а также симпатія и вкусы направлены въ сторону Франціи. Культъ Наполеона, который такъ ясно выражается въ его историческихъ трудахъ есть одинъ изъ видовъ его восхищенія французскимъ геніемъ.

Мы перешли въ курительную. Великій князь продолжалъ развивать свои мысли, но въ нѣсколько другомъ духѣ. Я часто замѣчалъ это противорѣчіе при разговорахъ съ нимъ. Его рѣчь, полная благородства, довѣрчивости и воодушевленія казалось бы свидѣтельствующая о его незаинтересованности и пылкости натуры, почти всегда немедленно принимаетъ оттѣнокъ горечи недоброжелательства и зависливаго эгоизма. Тогда выявляется скрытое въ тайникахъ его души неудовлетворенное честолюбіе, властолюбивыя мечтанія и неоправдавшіяся надежды. Онъ сознаетъ превосходство своей личности и считаетъ себя достойнымъ болѣе высокаго положенія. Въ то же время онъ сознаетъ что его не понимаютъ и съ нимъ не считаются, что онъ безполезенъ и безсиленъ, что къ нему съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ относятся Государь и прочіе члены фамиліи, что онъ неразрывно связанъ съ режимомъ, къ которому онъ относится критически, но въ то же время извлекаетъ изъ него такія громадныя выгоды вслѣдствіе своего положенія. Во многихъ отношеніяхъ онъ можетъ быть сравниваемъ съ Филиппомъ Эгалитэ, въ чемъ онъ самъ шутя признается. Онъ слабохарактеренъ и придаетъ слишкомъ много значенія критикѣ и всевозможнымъ слухамъ, чтобы его можно было считать человѣкомъ способнымъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, проявленію иниціативы и къ проявленію твердой власти; онъ фрондируетъ только на словахъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что если бы когда нибудь политическія событія поставили его лицомъ къ лицу съ осуществленными его мечтаніями, онъ, подобно Филиппу Эгалитэ, долженъ былъ бы сдѣлать слѣдующее печальное признаніе: Увы я не господинъ своихъ дѣйствій, а ихъ рабъ.

Воскресенье, 30 мая.

Констатируя все возростающее вліяніе Распутина и его пагубное вліяніе на русскую политику, я часто задавалъ себѣ вопросъ не должны ли были бы союзники попытаться использовать въ свою пользу мистическія дарованія этого

«человѣка Божьяго», войдя съ нимъ въ какое-нибудь соглашеніе. Такимъ образомъ мы бы руководили его вліяніемъ вмѣсто того, чтобы оно постоянно вызывало наши опасенія, противорѣчило и парализовало наши начинанія. Долженъ признаться, что у меня много разъ являлась попытка предпринять что-нибудь въ этомъ направленіи, но я всякій разъ убѣждался, что это можетъ оказаться компрометирующимъ и даже опаснымъ.

Объ этомъ я какъ то бесѣдовалъ, правда въ нѣсколько другой плоскости, съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, г-номъ Е., который передъ тѣмъ еще разъ излилъ мнѣ свой пылкій патріотизмъ. Когда онъ съ возмущеніемъ передалъ о послѣднихъ безобразныхъ похожденіяхъ Распутина, я спросилъ:

— Позвольте поставить вамъ вопросъ... Почему бы вашимъ политическимъ сторонникамъ не попробовать склонить Распутина на ихъ сторону, хотя бы путемъ подкупа?

Онъ отрицательно покачалъ головой и послѣ минутнаго раздумья сказалъ:

— Распутина подкупить нельзя.

— Развѣ въ немъ такъ сильны нравственныя начала?

— О нѣтъ, у него нѣтъ никакихъ моральныхъ устоевъ, и я считаю его способнымъ на какія угодно мерзости, но онъ не нуждается въ деньгахъ, онъ ихъ получаетъ гораздо больше, чѣмъ ему нужно. Вамъ извѣстенъ его образъ жизни... Какіе у него расходы, кромѣ расходовъ на содержаніе маленькой квартиры на Гороховой? Онъ одѣвается, какъ простой мужикъ, его жена и дочери ходятъ оборванными. Ему ничего не стоитъ питаніе, потому что онъ постоянно бываетъ въ гостяхъ. Его развлеченія не только ему ничего не стоятъ, но даже служатъ ему источникомъ крупныхъ доходовъ: всѣ эти женщины, старыя и молодыя, которыми онъ себя окружаетъ, засыпаютъ его подарками. Кромѣ того Государь и Государыня проявляютъ очень большую щедрость по отношенію къ нему. Наконецъ, представьте себѣ все то, что онъ извлекаетъ отъ всѣхъ просителей, которые его ежедневно осаждаютъ съ просьбами замолвить словечко. Какъ видите «святой человѣкъ» ни въ чемъ не терпитъ лишеній.

— Что же онъ дѣлаетъ со всѣми этими деньгами?

— Во-первыхъ онъ чрезвычайно щедръ и очень много раздаетъ бѣднымъ, затѣмъ онъ скупаетъ земли около Покровскаго и строитъ тамъ церковь. Кромѣ того, онъ дѣлаетъ вклады въ банки, предвидя могущіе наступить черные дни, такъ какъ онъ очень обезпокоенъ своимъ будущимъ.

— То, что вы мнѣ говорите, подкрѣпляетъ мою мысль. Разъ у Распутина есть стремленіе округлить свои земли, строить церковь, дѣлать вклады въ банки, то можно легко сдѣлать попытку его подкупить.

— Нѣтъ, господинъ посолъ. Деньги предложить нетрудно и онъ ихъ приметъ отъ кого угодно. Вся трудность заключается въ томъ, чтобы научить его вести политику въ

какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи. Онъ на это неспособенъ; не забывайте, что это простой и безграмотный мужикъ.

— Но вѣдь онъ же не глупъ.

— Онъ, главнымъ образомъ, хитеръ, а умъ у него очень коротокъ. Онъ ничего не понимаетъ въ политикѣ. Его нельзя пріобщить къ идеямъ и расчетамъ, которые ему не свойственны. Съ нимъ невозможенъ никакой серьезный разговоръ, никакое обоснованное и послѣдовательное разсужденіе. Онъ можетъ только повторять то, что ему подсказываютъ.

— Да, но вѣдь онъ же выражаетъ иногда и свои мысли.

— Да, онъ прибавляетъ къ заученному циничные жесты и мистическія бредни. Но люди, которые извлекаютъ изъ него пользу, слѣдятъ за нимъ. Онъ знаетъ, что за нимъ наблюдаютъ, что провѣряютъ его корреспонденцію, его поведеніе и его сношенія съ людьми. Подъ предлогомъ охраны его безопасности, дворцовая полиція, находящаяся подъ начальствомъ генерала Воейкова, постоянно слѣдуетъ по его пятамъ. Онъ знаетъ также, что въ самой средѣ его сторонниковъ есть его враги, соперники и завистники, которые втихомолку работаютъ надъ тѣмъ, чтобы его скомпрометировать въ глазахъ Государя и добиться его удаленія. Наконецъ онъ находится въ постоянномъ страхѣ, чтобы на его мѣсто не нашелся замѣститель. Вы вѣроятно слышали объ черногорскомъ франтѣ Мардаріѣ и объ этомъ идіотѣ Митѣ Колябѣ. Это современные соперники Распутина. Я думаю, что должны быть и другіе, которыхъ подъ шумокъ подготовляютъ. Распутинъ отлично знаетъ объ этой опасности и онъ слишкомъ хитеръ для того, чтобы не оставаться вѣрнымъ своимъ сторонникамъ. Будьте увѣрены, что если бы ему сдѣлали какое-нибудь подозрительное предложеніе, онъ немедленно донесъ бы объ этомъ генералу Воейкову.

На этомъ нашъ разговоръ закончился, но сегодня я снова вернулся къ нему, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ моихъ информаторовъ С., принадлежащемъ къ московскимъ націоналистскимъ кругамъ.

— Увы, — сказалъ онъ, — я очень опасаюсь, какъ бы мы въ ближайшіе дни не докатились до чего-нибудь еще ниже Распутина.

— Возможно ли это?

— Не сомнѣвайтесь. Въ области абсурдовъ нѣтъ предѣловъ, и мы, быть можетъ, скоро очень пожалѣли бы, если бы Распутинъ исчезъ.

— Что же могло бы насъ заставить сожалѣть о немъ?

— Напримѣръ Митя Коляба.

Онъ сообщилъ нѣкоторыя приводимыя мною свѣдѣнія объ этой личности, о которой я зналъ только то, что онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Иліодоромъ и о. Іоанномъ Кронштадтскимъ.

Митя Коляба юродивый, вродѣ того, который выведенъ Пушкинымъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Онъ родился въ 1865 году въ окрестностяхъ Калуги; глухой, нѣмой, полуслѣпой, кривоногій, съ двумя обрубками вмѣсто рукъ. Его разсудокъ столь же атрофированный какъ и тѣло, воспринимаетъ только самый узкій кругъ примитивныхъ понятій, которыя онъ выражаетъ гортанными криками, нечленораздѣльнымъ ворчаніемъ, визгомъ и непрерывными жестами, производимыми его обрубками. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ находилъ пріютъ изъ милости въ Оптиной Пустынѣ, близъ Козельска. Однажды у него обнаружили странные приступы возбужденія, сопровождаемаго оцѣпененіемъ и напоминающіе состояніе экстаза. Всѣ окружающіе сейчасъ же поняли, что въ этомъ примитивномъ существѣ находится нѣкоторое Божественное начало, но больше ничего понять было нельзя. Въ то время, какъ люди терялись въ догадкахъ, произошло сверхестественное откровеніе одному изъ монаховъ, которому въ темной часовнѣ явился св. Николай и открылъ ему непонятный смыслъ криковъ и судорогъ юродиваго. Съ тѣхъ поръ всѣ были поражены тѣми знаніями и даромъ предвидѣнія, которыя этотъ идіотъ выражалъ своими нечленораздѣльными звуками; онъ все зналъ: прошедшее, настоящее и будущее. Въ 1901 году его повезли въ Петербургъ, гдѣ Государь и Государыня вполнѣ оцѣнили его пророческое ясновидѣніе, несмотря на то, что въ то время находились подъ вліяніемъ Филиппа. Въ тяжелыя времена русско-японской войны Митя Коляба, казалось, начиналъ играть крупную роль, но его друзья неудачно замѣшали его въ спорѣ Распутина съ епископомъ Гермогеномъ. Онъ долженъ былъ на время исчезнуть, чтобы втихомолку подготовить страшную месть своему противнику. Онъ теперь проживаетъ среди членовъ одной тайной секты и ждетъ, чтобы пробилъ его часъ.

Понедѣльникъ, 31 мая.

Сегодня я отправился къ предсѣдателю Государственной Думы Родзянко, горячій патріотизмъ и огромная энергія котораго меня часто подкрѣпляли.

Первое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нимъ меня потрясаетъ. Онъ похудѣлъ, осунулся и пріобрѣлъ зеленоватый цвѣтъ лица. Его громадная фигура кажется сгорбленной подъ давленіемъ какой-то тяжелой ноши. Онъ тяжело опускается на кресло противъ меня.

— Вы видите, что я очень мрачно настроенъ, господинъ посолъ, — сказалъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ, — но ничто еще не потеряно... Наоборотъ... Намъ, повидимому, нужно было это испытаніе, чтобы пробудить насъ отъ нашей сонливости, чтобы заставить насъ встрепенуться и обновиться... Но мы проснемся, мы займемся собой, мы пойдемъ по пути обновленія. Даю вамъ въ этомъ слово.

Онъ сообщилъ мнѣ, что послѣднія пораженія русской арміи, понесенныя ею страшныя потери и то пагубное положеніе, въ которомъ она находится но еще съ такимъ геро-

изломъ отбивается, рѣзко содрогнули народное сознаніе. Въ теченіи послѣднихъ недѣль онъ получилъ изъ разныхъ мѣстъ болѣе 300 писемъ, свидѣтельствующихъ о томъ, до какой степени страна взволнована и возмущена. Со всѣхъ сторонъ раздаются тѣ же голоса: бюрократія неспособна организовать подъемъ производительныхъ силъ страны и въ достаточной степени снабдить армію, безъ чего эта послѣдняя будетъ терпѣть пораженіе за пораженіемъ.

— Я немедленно испросилъ аудіенцію у Государя, — продолжалъ Родзянко, — который соблаговолилъ принять меня немедленно. Я прямо высказалъ ему всю правду, я обрисовалъ ему всю опасность настоящаго положенія; мнѣ безъ всякаго труда удалось доказать ему, что наша администрація собственными усиліями не въ состояніи разрѣшить всѣ техническія требованія, которыя ставитъ война, что для того, чтобы привлечь къ общему дѣлу всѣ производительныя силы страны, для того, чтобы усилить интенсивность производства предметовъ первой необходимости, для того, чтобы согласовать дѣятельность отдѣльныхъ отраслей и заводовъ — необходимо обратиться къ содѣйствію частныхъ лицъ и обществъ. Государь изволилъ согласиться съ моими словами и тутъ же мнѣ удалось добиться очень существенной реформы. Будетъ организованъ «Высшій Совѣтъ Снабженія» подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, въ составъ котораго войдутъ четыре генерала, четыре члена Государственной Думы, въ томъ числѣ и я и четыре представителя металлургической промышленности.

Мы взялись за дѣло не теряя времени.

Среда, 2 іюня.

Сегодня я обѣдалъ въ обществѣ наиболѣе вліятельнаго металлурга и финансиста, богатѣйшаго человѣка, господина Путилова. Мнѣ всегда доставляетъ большее удовольствіе разговаривать съ этимъ человѣкомъ, психологія котораго очень оригинальна: онъ въ очень сильной степени обладаетъ главными качествами американскаго дѣлового человѣка, духомъ иниціативы и изобрѣтательности, широкимъ дѣловымъ размахомъ, точнымъ представленіемъ о возможностяхъ, о достоинствахъ и силахъ; но онъ остался славяниномъ въ проявленіяхъ его личной жизни и тѣмъ глубокимъ пессимизмомъ, котораго я еще не встрѣчалъ ни у кого изъ русскихъ.

Онъ находится въ числѣ тѣхъ четырехъ представителей отъ промышленности, которые засѣдаютъ въ «Совѣтѣ Снабженія при Военномъ Министерствѣ. Его первыя впечатлѣнія отвратительны, ибо выясняется, что необходимо разрѣшить не только техническія проблемы производства, но слѣдовало бы реформировать сверху до низу весь административный механизмъ Россіи.

По окончаніи обѣда мы закурили сигары и Путиловъ далъ волю изліянію своего пессимизма. Онъ описывалъ мнѣ послѣдовательную цѣпь приближающихся катастрофъ и тайную разрушительную работу, которая подкапывается подъ русское зданіе.

— Часы Императорской власти сочтены, эта власть неминуемо падетъ, а Императорская власть это единственная связь и спайка русскаго національнаго единства. Отнынѣ революція неизбѣжна и нуженъ только поводъ, чтобы она разразилась. Этимъ поводомъ будетъ либо военная неудача, либо голодъ въ провинціи, либо забастовка въ Петербургѣ, либо возмущеніе въ Москвѣ, либо скандалъ или драма во дворцѣ, — это безразлично. Но не революція есть наибольшее изъ всѣхъ угрожающихъ Россіи несчастій; ибо что есть революція въ точномъ смыслѣ слова? Это рѣзкая замѣна одного режима другимъ. Революція можетъ быть большимъ благомъ для народа, если, разрушивъ старое, она способна возвести новое зданіе. Съ этой точки зрѣнія революціи во Франціи и Англіи представляются мнѣ скорѣе благотворными. У насъ же революція можетъ быть только разрушительная, такъ какъ образованный классъ населенія представляетъ собою только ничтожное меньшинство, лишенное организаціи и политическаго опыта и не имѣющее никакихъ точекъ соприкосновенія съ массами. По моему, самымъ большимъ преступленіемъ нашего режима было то, что онъ не хотѣлъ допустить никакихъ центровъ политической жизни, кромѣ бюрократіи. И результатъ этого будетъ тотъ, что въ моментъ, когда исчезнутъ чиновники, Россія немедленно распылится. По всей вѣроятности сигналъ къ революціи подадутъ буржуазные элементы, интеллигенты, кадеты, думая такимъ образомъ спасти Россію. Но отъ буржуазной революціи мы немедленно устремимся къ рабочей и, вскорѣ затѣмъ, къ крестьянской. Тогда начнется страшная анархія... нескончаемая анархія... десять лѣтъ анархіи. Мы увидимъ времена Пугачева и, быть можетъ, еще что-нибудь похуже...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ник. Бережанскій.

Польско-совѣтскій миръ въ Ригѣ.

(Изъ записокъ быв. редактора.)

(Окончаніе.)

VIII. Неожиданное соглашеніе Домбскаго и Іоффе о перемиріи. Протесты Украинской, Бѣлорусской и Вост. Галиційской делегацій. Послѣдніе переговоры по заключенію перемирія и прелиминарнаго мира.

Совершенно неожиданно, какъ громъ среди солнечнаго дня, 5 октября буквально всю Ригу поразила ошеломляющая вѣсть. Послѣ десятидневной формальной канители, дипломатической толчеи и сумбура, систематическаго саботажа мирныхъ переговоровъ поляками и вызывающе дерзкаго отклоненія ими десятидневнаго срока, когда казалось, что абсолютно всѣ шансы на миръ рушились, корреспондентамъ былъ розданъ слѣдующій документъ:

Протоколъ № 1.

Предсѣдатель польской мирной делегаціи и предсѣдатель россійско-украинской мирной делегаціи, на своемъ совѣщаніи 5 сего октября, постановили: ввиду достигнутаго на совѣщаніи предсѣдателей обѣихъ сторонъ соглашенія по всѣмъ основнымъ вопросамъ прелиминарнаго мира и перемирія, подписать договоръ о перемиріи и прелиминарныхъ условіяхъ перемирія между Польшей съ одной стороны и Россіей и Украиной съ другой, не позже пятницы, восьмого сего октября.

Я. Домбскій. А. Іоффе.

Городъ Рига, октября 5 дня 1920 года.

Въ теченіи дня 6 октября удалось выяснить слѣдующія подробности этого историческаго «засѣданія» предсѣдателей.

Послѣ того, какъ Іоффе протелеграфировалъ въ Москву о крутомъ поворотѣ тактики поляковъ и ихъ нескрываемомъ максимализмѣ на засѣданіи главной комиссіи 4 октября, Чи-

черинъ далъ Іоффе инструкцію рискнуть всѣми козырями и согласиться на всѣ польскія требованія, за исключеніемъ только пункта о разоруженіи красной арміи, на чемъ энергично настаивали, за спиной поляковъ, французы. Требованіе Чичерина немедленнаго подписанія мира было категорическое и ультимативное; въ немъ Чичеринъ подчеркивалъ, что если Іоффе не справится съ этой острой задачей, то онъ немедленно будетъ отозванъ изъ Риги со всѣми тяжелыми для него послѣдствіями.

Получивъ это предписаніе Чичерина, Іоффе немедленно позвонилъ по телефону Домбскому, прося у него свиданія. Въ результатѣ шестичасового совѣщанія въ домѣ Черноголовыхъ, въ кабинетѣ Домбскаго, съ глазу на глазъ и былъ подписанъ приведенный выше протоколъ.

Насколько соглашеніе о перемиріи было неожиданнымъ не только для печати и дипломатовъ, но и для членовъ польской и совѣтской делегацій, можно судить по тому, что когда, около 11 часовъ вечера, протоколъ былъ подписанъ, на розыски польскихъ и совѣтскихъ делегатовъ обоими предсѣдателями были разосланы собственные и наемные автомобили, искавшіе делегатовъ въ театрахъ, кинематографахъ, ресторанахъ и кафе. Какой интересъ представлялъ этотъ клочекъ бумаги, который Іоффе, повторяя жестъ Троцкаго въ Брестъ-Литовскѣ, подписалъ не читая, видно изъ того факта, что англійскій и французскій дипломатическіе представители послали первый четыре, а второй три шифрованныя телеграммы, величиной отъ 18 до 20 большихъ листовъ блокъ-нота, а рижскій телеграфъ за 6-е октября, на телеграммахъ шестидесяти иностранныхъ корреспондентовъ заработалъ круглую сумму въ 1 300 000 рублей...

Такимъ образомъ необходимая для большевиковъ передышка была куплена.

Почему состоялась сдѣлка?

Конечно мотивы «покупателей» были ясны и понятны. Окончательно разбитыя и деморализованныя красныя войска къ первымъ числамъ октября уже не отступали, а просто бѣжали. Возбужденіе на фронтѣ было такъ велико, что 2-го октября, къ Тухачевскому въ Минскъ явилась солдатская делегація съ фронта съ категорическимъ требованіемъ немедленно заключить миръ. Делегаты грозили, что если къ 15 октябрю не будетъ заключено перемиріе, то солдаты сами заключатъ миръ. И, хотя делегація была разстрѣляна, тѣмъ не менѣе во многихъ красныхъ воинскихъ частяхъ начались бунты, сопровождавшіеся истребленіемъ командnаго и комиссарскаго состава арміи. Болѣе чѣмъ не благополучно было въ глубокомъ тылу, гдѣ возстанія ширились съ каждымъ днемъ.

Но еще менѣе понятны были мотивы дѣйствія «продавца» передышки Домбскаго. Почему Домбскій, безъ вѣдома своихъ коллегъ и не въ главной комиссіи и не въ пленарномъ засѣданіи конференціи, а въ

частномъ совѣщаніи въ своемъ кабинетѣ, наединѣ съ Іоффе, подписалъ договоръ исключительной политической важности, — циркулировало нѣсколько версій.

По однимъ даннымъ, Домбскій, ввиду раскола мнѣній и разногласія въ средѣ польской делегаціи особенно обострившихся послѣ засѣданія 4 октября, самовольно рѣшилъ ликвидировать эти разногласія, беря всѣ послѣдствія этого рискованнаго шага всецѣло на себя лично. По другимъ свѣдѣніямъ, Домбскій, подписывая протоколъ 5 октября, хотѣлъ этимъ поставить передъ совершившимся фактомъ украинцевъ, бѣлоруссовъ и галичанъ, усилившихъ свои домогательства на участіе въ рижской конференціи, и, наконецъ, по третьей версіи, Домбскому не улыбалось передать свои полномочія министру иностранныхъ дѣлъ Сапѣгѣ, который именно 5 октября собирался уѣзжать въ Ригу и уже посѣтилъ Пилсудскаго, желая получить отъ него послѣднія инструкціи. Эта версія, вѣроятно, наиболѣе правдоподобна. Домбскому, маленькому тщеславному человѣку, видимо хотѣлось во что бы то ни стало увѣковѣчить на страницахъ польской исторіи свое имя въ качествѣ миротворца. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и можно объяснить возмутившее всѣхъ предоставленіе Домбскимъ большевикамъ передышки за три дня впередъ до подписанія соотвѣтствующаго акта о самой «передышкѣ». По крайней мѣрѣ, находившіеся въ Ригѣ, иностранные дипломаты категорически и единогласно утверждали, что въ міровой исторіи войнъ не было еще такого прецедента, чтобы о днѣ заключенія перемирія противная сторона получала заблаговременное, офиціальное увѣдомленіе. Кромѣ того, дипломаты отмѣчали, что согласіе Домбскаго на перемиріе, подписанное именно 5 октября, т. е. въ день истеченія пресловутаго ультиматума, который самъ же Іоффе признавалъ неультимативнымъ, было дипломатически безтактнымъ и безграмотнымъ и онъ, пользуясь превосходнымъ положеніемъ польской арміи на фронтѣ, долженъ былъ и обязанъ былъ игнорировать «ультиматумъ» большевиковъ, такъ какъ ультиматумы имѣютъ право диктовать только побѣдители побѣжденнымъ.

Была еще одна принципіально важная сторона протокола 5 октября. Въ то время, какъ даже для самого Іоффе была не понятна его «украинская» роль, въ то время, какъ самъ же Домбскій 4 октября зло высмѣялъ мифичность «совѣтско-украинскаго правительства», въ протоколѣ 5 октября Польша, контръ-агентъ Антанты, впервые признала законность непризнаваемаго никѣмъ украинскаго совѣтскаго правительства.

Практически же протоколъ 5 октября развязалъ руки совѣтскимъ полководцамъ. Сообщеніе о заключеніи перемирія сразу же внесло значительное успокоеніе въ ряды красной арміи и часть еще не разложившихся совѣтскихъ дивизій, уже 6 октября была переброшена на украинскій

и врангелевскій фронты. Говоря иными словами, предварительное назначеніе дня перемирія явилось актомъ завѣдомо враждебнымъ для Украины и Врангеля, т. е. тогдашнихъ союзниковъ Польши по оружію, военные представители которыхъ находились въ Варшавѣ и дѣйствовали въ полномъ контактѣ съ высшимъ польскимъ командованіемъ.

Наибольшую горячность при оцѣнкѣ этого некрасиваго эпизода проявили французскіе корреспонденты, которые моментально выѣхали въ Парижъ, не желая даже присутствовать при подписаніи перемирія въ пленарномъ засѣданіи.

7 октября, глава совѣтской делегаціи получилъ отъ ВЦИК'а благодарственную телеграмму «за спасеніе соціалистическаго отечества и за величайшую побѣду, одержанную при невѣроятно трудныхъ условіяхъ».

Вернувшійся къ этому времени старшій военный экспертъ Семеновъ, отвозившій тѣло ген. Поливанова въ Петроградъ, въ бесѣдѣ съ сотрудниками латышскихъ газетъ уже хвастливо заявлялъ, что теперь, съ подписаніемъ протокола о перемиріи, красная армія быстро справится съ Петлюрой, а также и дни Врангеля уже сочтены.

Съ подписаніемъ протокола о заблаговременномъ перемиріи, вся работа разныхъ комиссій и подкомиссій свелась къ нулю и всѣ силы той и другой стороны были приложены на выработку и редактированіе условій. Хотя строго говоря, вырабатывать было нечего, такъ какъ большевикамъ оставалось только приложить руку къ списку требованій, находившелцся въ карманѣ Домбскаго. Правда, Іоффе дѣлалъ кое-какія попытки кое-что спасти изъ уступаемыхъ территорій и имѣлъ даже чрезвычайно рѣзкую стычку со своимъ коллегой Мануильскимъ, но, тѣмъ не менѣе, поляки твердо стояли на своемъ и не хотѣли слушать о какихъ бы то ни было компромиссахъ въ вопросѣ о границахъ.

Рѣшеніе поляковъ и большевиковъ подѣлить между собою Украину и Бѣлоруссію и оставить «безъ послѣдствій» судьбу Восточной Галиціи, вызвало крайнее возбужденіе среди украинцевъ, бѣлоруссовъ и галичанъ. Новое предложеніе ихъ допустить ихъ къ обсужденію вопроса о раздѣлѣ территорій ихъ государствъ, было отклонено миротворцами, даже безъ объясненія мотивовъ отказа. Отвергнутымъ делегаціямъ оставалось теперь только вступить на безплодный путь протестовъ.

Предсѣдателемъ украинскихъ делегацій Шелухинымъ былъ заявленъ слѣдующій протестъ:

«Въ протоколѣ отъ 5 октября въ засѣданіи предсѣдателей обѣихъ делегацій соглашеніе о перемиріи и прелиминарномъ мирѣ подписано представителями «Польши съ одной стороны и Россіи и Украины съ другой». Между тѣмъ, Украина въ дѣйствительности, никакого участія въ мирныхъ переговорахъ не принимала и не принимаетъ. Украина не только не воевала противъ Польши, а наоборотъ выступаетъ

въ качествѣ ея союзницы и въ настоящій моментъ ведетъ своими вооруженными силами борьбу противъ совѣтской Россіи. Закономъ 28 февраля 1919 года, законное Украинское Правительство получило свою власть отъ народнаго конгресса, представитель этого конгресса и понынѣ находится въ Варшавѣ и никакого другого украинскаго правительства не существуетъ.

Совѣтская Россія старалась создать украинскую совѣтскую власть еще съ конца 1917 года. Для установленія своей власти на Украинѣ, россійское совѣтское правительство примѣняло вооруженную силу и терроръ. Тамъ, гдѣ не было возможности учредить совѣты, оно устраивало фикцію совѣтской власти, прибѣгая къ инсценировкѣ ея. Чтобы на мѣсто законной власти Украины — Центральной Рады поставить свои совѣты, россійское совѣтское правительство созвало въ Кіевѣ 4 декабря 1917 года т. н. «Селянскій съѣздъ». Однако, на этомъ съѣздѣ, изъ 2 тысячъ членовъ его, 1920 высказались противъ введенія власти совѣтовъ и въ пользу демократической Центральной Рады. Послѣ такого пораженія 50 членовъ съѣзда отправились въ Харьковъ, гдѣ и провозгласили себя совѣтскимъ правительствомъ Украины. Россійское совѣтское правительство привезло съ собой въ Брестъ-Литовскъ это фиктивное правительство Украины для переговоровъ отъ имени послѣдней съ Германіей и другими державами. Но Германія, Австрія, Турція и Болгарія категорически отказались входить въ какія бы то ни было сношенія съ подобнымъ правительствомъ.

Нынѣ совѣтское русское правительство, какъ и въ Брестъ-Литовскѣ, снова создало фикцію украинскаго совѣтскаго правительства, чтобы на этотъ разъ, наконецъ достичь своей цѣли и добиться признанія этого фиктивнаго правительства Польшей, — членомъ Антанты. Такъ какъ подобное признаніе не существующаго правительства угрожаетъ большими опасностями, какъ Украинѣ такъ и Польшѣ и всей Европѣ, представители законнаго Украинскаго Правительства заявляютъ, что Украина будетъ продолжать оборонительную войну противъ Сов. Россіи, а всѣ акты, рѣшенія, признанія и постановленія рижской конференціи считаетъ необязательными для Украины.»

Также энергично выражали протестъ и галичане:

«Мы протестуемъ противъ того, что вопросъ о Восточной Галиціи считается внутреннимъ дѣломъ Польши, такъ какъ Украинскій Народъ не желаетъ присоединенія его къ Польшѣ. Реализуя свои государственныя права противъ аннексіонныхъ стремленій Польши, народъ въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ добился въ международномъ отношеніи своего признанія, какъ государственно-правовой единицы и особаго субъекта международнаго права. Мы заявляемъ, что вопросъ о В. Галиціи въ ближайшемъ будущемъ долженъ быть окончательно рѣшенъ международной мирной конференціей. Недопустимо, чтобы послѣ распада Австріи, всѣ

ся народы, на основаніи права самоопредѣленія, получили свои территоріи и только одинъ Украинскій Народъ, на своей собственной землѣ Галиціи, долженъ быть подчиненъ безпощадному насилію своего исконнаго врага – поляка, въ настоящее время неслыханнымъ и безчеловѣчнымъ терроромъ уничтожающаго Украинскій Народъ, несмотря на то, что В. Галиція не признана за „Польшей».

Наконецъ, 8 октября, былъ выработанъ общій протестъ галичанъ и бѣлоруссовъ, адресованный ко всѣмъ европейскимъ державамъ и чрезвычайно характерный для пониманія поляками и большевиками принципа самоопредѣленія народовъ, послужившаго не разъ предлогомъ для галантнаго расшаркиванія и для взаимныхъ упрековъ въ некорректномъ пониманіи его.

«Въ Ригѣ между Польшей и Россіей подписывается прелиминарный мирный договоръ. Слѣдствіемъ этого договора должно явиться безправіе и насиліе надъ волей цѣлыхъ народовъ, вѣковѣчныя земли которыхъ перепродаются, какъ частная собственность. Жертвою этого торга пали прежде всего Бѣлоруссія, территорія которой насильственно разодрана въ пользу Польши и Россіи, и Галиція, цѣликомъ брошенная на произволъ Польши, а равно и другія вѣковѣчныя украинскія земли: Холмщина, Волынь и Подолія.

Какъ Бѣлоруссія такъ и В. Галиція уже осуществили и выполнили свое право на самоопредѣленіе, основали свою государственность, избрали законное правительство, организовали собственныя арміи и установили свою государственную администрацію.

Противъ В .Галиціи выступила войной имперіалистическая Польша и, въ результатѣ долгой, кровавой борьбы, ей, при помощи чужой силы удалось побороть и залить кровью весь край. Съ тѣхъ поръ на этой землѣ Польскій имперіализмъ губитъ десятками тысячъ невинныхъ людей, тысячи гніютъ въ польскихъ тюрьмахъ и концентраціонныхъ лагеряхъ, тысячи разстрѣляны и повѣшены за ихъ любовь къ родной землѣ. Сравнены съ землей и сожжены цѣлыя области Бѣлоруссіи, тысячи людей принуждены оставить свои пепелища и блуждать безъ хлѣба и пристанища по всей Европѣ. Противъ же тѣхъ, которые остались на мѣстѣ, Польша ведетъ при помощи террора, варварскую, не прекращающуюся борьбу, закрываетъ національныя школы и учрежденія, свободное слова лишаетъ права на существованіе. Все это дѣлается Польшей лишь для того, чтобы эксплоатировать эти богатыя страны не на пользу населенія этихъ разоренныхъ войной земель, но на поддержаніе паразитическаго существованія польскихъ магнатовъ.

Хотя прелиминарный договоръ признаетъ независимость и суверенность Бѣлоруссіи и Украины, а В. Галиція уже раньше была признана державами Антанты, какъ самостоятельный государственный организмъ, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ, пока оккупанты не уберутъ свои войска съ чужихъ

для нихъ территорій, о дѣйствительномъ мирѣ не можетъ быть и рѣчи. Борьбу противъ всякаго имперіализма мы ведемъ и будемъ вести до конца.»

Послѣ оглашенія этого протеста латышская полиція, по настоянію поляковъ предложила галиційской делегаціи выѣхать изъ Риги въ теченіи 48 часовъ. Дипломатическій пріемъ — тоже, кажется, не занесенный въ анналы исторіи.

Хотя обѣ делегаціи принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы договоръ о перемиріи былъ подписанъ въ обусловленный срокъ, т. е. 8 октября и смѣшанная комиссія работала безъ перерыва днемъ и ночью, такъ что для удобства делегатовъ въ самомъ зданіи Черноголовыхъ былъ открытъ спеціальный буфетъ, тѣмъ не менѣе редактированіе и техническая работа не были закончены къ сроку. Въ одну изъ такихъ «историческихъ» ночей Іоффе до того заработался, что заснулъ въ креслѣ отъ переутомленія . Эта задержка въ подписанія перемирія опять дала поводъ оптимистамъ думать, что поляки готовятъ большевикамъ какой то новый сюрпризъ, послѣ чего насмѣются надъ большевистской довѣрчивостью и сорвутъ переговоры.

Основаніемъ къ этому оптимизму послужилъ еще тотъ фактъ, что вопреки протоколу о перемиріи, назначенному на 8 октября, въ этотъ день польская армія взяла Минскъ. Только очень немногіе знали, что взятіе Минска было нажимомъ на упрямаго Іоффе, колебавшагося въ опредѣленіи цифры подлежащаго выдачѣ россійскаго золота. И не было бы счастья, да помогло несчастье! Такъ какъ польская делегація, опасаясь продешевить, сама точно не могла опредѣлить какую именно сумму золота ей потребовать, то въ средѣ польской делегаціи возникли серьезныя разногласія о суммѣ золота: часть делегатовъ опредѣляла эту сумму въ 200 милліоновъ, другая въ 400 милліоновъ.

Равнодушный къ территоріальнымъ уступкамъ, Іоффе однако сильно разсердился, когда поляки опредѣлили сумму золота въ 400 милліоновъ. Споръ о золотѣ принялъ настолько острый характеръ, что Іоффе пригрозилъ разрывомъ переговоровъ и жалобой европейской демократіи на польскій грабежъ. Въ видѣ уступки Іоффе внесъ предложеніе довольствоваться пятьюдесятью милліонами.

Хотя польская делегація подъ давленіемъ изъ Варшавы, а вѣрнѣе изъ Лондона, пошла на значительныя уступки, тѣмъ не менѣе, въ цѣляхъ укрощенія строптиваго Іоффе, рѣшено было занять Минскъ.

Точному опредѣленію суммы русскаго золота въ пользу Польши мѣшало еще то обстоятельство, что миръ, согласно польской декларації былъ «миромъ почетнымъ», миромъ безъ побѣдителей и побѣжденныхъ, «миромъ соглашенія а не насилія», т. е. миромъ безъ аннексій и контрибуцій; поэтому обѣ стороны не сочли возможнымъ оперировать такимъ грубымъ словомъ какъ «контрибуція». Вопросъ о золотѣ не былъ включенъ въ текстъ договора о прелиминарномъ мирѣ, но зато было составлено особое секретное соглашеніе, до-

полняющее статью 10-ю мирнаго договора, редактированную крайне туманно.

Послѣ одолѣнія спорнаго вопроса о золотѣ, былъ выпущенъ «протоколъ № 2» подтверждающій, что договоръ о срокѣ перемирія, подписанный 5 октября, остается въ силѣ впредь до подписанія прелиминарнаго мира.

Занятіе Минска имѣло своимъ послѣдствіемъ еще и тотъ фактъ, что Іоффе, торопясь покончить съ мирной канителью, самъ снялъ вопросъ о признаніи Польшей совѣтской Бѣлоруссіи и, не желая осложнять и безъ того остраго положенія, устранилъ отъ работъ представителя совѣтской Бѣлоруссіи Червяка. Спрошенный корреспондентами о причинѣ его отставки, Червякъ разъяснилъ:

«Почему Бѣлоруссія не подписала договора о перемиріи? 1-го августа совѣтская Бѣлоруссія поручила русскому совѣтскому правительству свое дипломатическое представительство. 16-го сентября совѣтская Бѣлоруссія уполномочила русско-украинскую делегацію вести съ Польшей переговоры по вопросу о границахъ. Поэтому бѣлорусское совѣтское правительство беретъ на себя всю отвѣтственность за судьбу Бѣлоруссіи и признаетъ подпись Іоффе. Вынужденная военными неудачами, Бѣлоруссія только временно уступитъ Польшѣ часть своей территоріи. Раздѣлъ Бѣлоруссіи вызоветъ въ странѣ сильное бѣлорусское національное движеніе, которое несомнѣнно будетъ стремиться къ объединенеію съ родственной совѣтской Россіей. Интенсивность движенія будетъ зависѣть отъ политики Польскаго Правительства. Во всякомъ случаѣ совѣтская Бѣлоруссія смотритъ на уступку части своей территоріи, какъ на Пиррову побѣду поляковъ...»

11 октября, т. е. наканунѣ подписанія перемирія, Іоффе съ большой помпой праздновалъ въ Петербургской гостиницѣ день своего рожденія, на каковое торжество были приглашены всѣ журналисты, обслуживавшіе конференцію, кромѣ русскихъ. Однако, на приглашеніе откликнулись только латышскіе журналисты и часть англійскихъ, которыхъ любезный хозяинъ принималъ по-царски. Всѣ покои резиденціи совѣтскаго дипломата были украшены бѣлыми хризантемами и красными розами.

IX. Заключеніе прелиминарнаго мирнаго договора и договора о перемиріи между Польшей и Совѣтсткой Россіей.

Пришло наконецъ и 12 октября.

Хотя на повѣсткѣ «историческаго» дня стояли вопросы исключительной важности и обѣ делегаціи старались придать торжеству возможно большую помпезность, однако въ залѣ засѣданія не чувствовалось ни малѣйшаго подъема. Всеобщее вниманіе обращали на себя только гости Іоффе —

рабочіе латышскихъ профессіональныхъ союзовъ, являвшіеся рѣзкимъ контрастомъ въ сравненіи съ гостями Домбскаго — расфранченными барынями польской колоніи въ Ригѣ.

Торжественности не могло быть уже по тому, что для всей Риги не было секретомъ, что все уже сдѣлано, все обработано, отшлифовано, оставалось только парадно подать блюдо, изготовленное въ тайной дипломатической кухнѣ, вдали отъ лишнихъ и постороннихъ взглядовъ.

«Парадъ» начался выходомъ въ залъ засѣданій прифранченной большевистской делегаціи, которая, стоя возлѣ столовъ, около трехъ минутъ ждала выхода польской делегаціи. Большевики на этотъ разъ были исключительно любезны къ полякамъ и отвѣшивали имъ поклоны, особенно низкіе при обращеніи къ польскимъ военнымъ экспертамъ. Среди нарядной польской делегаціи выдѣлялся лишь проф. Грабскій, почему то, вѣроятно для пущей торжественности замѣнившій постоянную визитку старымъ, потрепаннымъ военнымъ френчемъ. Протоколъ о перемиріи и прелиминарномъ мирѣ по очереди читался по-русски — Іоффе, по-польски — Домбскимъ, и по-украински — Мануильскимъ, съ такимъ отмѣнно украинскимъ акцентомъ, что публика громко смѣялась, особенно когда Мануильскому не удавалось преодолѣть ту или иную «заковыку» непосильной для него, «ридной мовы».

Затѣмъ казенныя рѣчи въ публику, и обязательное скрѣпленіе договора подписями и столь же обязательное фотографированіе участниковъ. Стороны впервые пожимаютъ другъ другу руки, при чемъ генералъ Кулинскій первый подаетъ руку Іоффе, которую тотъ долго и признательно жметъ.

Такъ какъ въ Ригѣ не оказалось типографіи съ польскимъ и украинскимъ шрифтами, то оба текста были напечатаны при помощи пишущей машинки на обыкновенной бумагѣ. Брошюры договора были скрѣплены золотымъ съ краснымъ шнуромъ, на которомъ болтались совѣтскіе печати величиной съ доброе чайное блюдце.

Актъ о раздѣлѣ Россіи гласилъ:

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика и Украинская Соціалистическая Совѣтская Республика, съ одной стороны, и Польская Республика, съ другой, движимыя желаніемъ возможно скорѣе положить конецъ кровавой войнѣ, возникшей между ними и выработать условія, долженствующія быть положенными въ основу прочнаго, почетнаго и равноприемлемаго для обѣихъ сторонъ мира между ними, рѣшили вступить въ переговоры съ цѣлью заключенія перемирія и прелиминарныхъ условій мира, для чего избрали своими уполномоченными

правительства Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики и Украинской Соціалистической Совѣтской Республики:

Адольфа Абрамовича Іоффе, а также Сергѣя Мироновича Кирова, Дмитрія Захаровича Мануильскаго и Леонида Леонидовича Оболенскаго;

правительство Польской Республики:

Яна Домбскаго, а также Норберта Барлицкаго, доктора Станислава Грабскаго, доктора Витольда Каменец-

каго, доктора Владислава Керника, генерала Мечислава Кулинскаго, Адама Мечковскаго, Леона Василевскаго, Людвика Вашкевича и Михала Вихлинскаго, которые, по обмѣнѣ своихъ полномочій, признанныхъ достаточными и въ надлежащемъ порядкѣ, согласились въ ниже-слѣдующемъ:

Ст. 1. Обѣ договаривающіяся стороны, согласно принципа самоопредѣленія народовъ, признаютъ независимость Украины и Бѣлоруссіи, а также соглашаются и постановляютъ, что восточную границу Польши, т. е. границу между Украиной и Бѣлоруссіей, съ одной стороны и Польшей, съ другой, составляетъ линія:

По рѣкѣ Зап. Двина отъ границы Россіи съ Латвіей до пункта, въ которомъ граница бывшей Виленской губерніи сходится съ границей Витебской губерніи; далѣе по границѣ бывшихъ Виленской и Витебской губерній до деревни и жел. дор. станціи Орѣхово, которыя остаются на польской сторонѣ, затѣмъ опять вдоль восточной границы бывшей Виленской губерніи до пункта, въ которомъ соприкасаются уѣзды: Дисминскій, Лепельскій и Борисовскій; далѣе отъ этого пункта до деревни Мал. Черница, оставляя послѣднюю на сторонѣ Бѣлоруссія, откуда на юго-западъ черезъ середину озера на рѣкѣ Березина до деревни Зарѣчицкъ, остающейся на сторонѣ Бѣлоруссіи, затѣмъ къ юго-западу до рѣки Виліи до пункта, находящагося на востокъ отъ Долгинова; далѣе по рѣкѣ Вилѣ до тракта, идущаго на югъ отъ Долгиноза, далѣе на югъ къ рѣкѣ Иліи до соединенія съ рѣкой Рыпчавка, причемъ мѣстечко Илія остается на сторонѣ Польши; далѣе по рѣкѣ Рыпчанкѣ на югъ до жел. дор. станціи Радѣшковичи, причемъ станція и мѣстечко остаются на сторонѣ Бѣлоруссіи, далѣе на востокъ отъ селеній Раковъ, Волма и Рубежевичи до жел. дор. линіи Минскъ—Барановичи у селенія Колосово, остающагося на сторонѣ Польши; дальше на югъ до середины дороги изъ Несвижа до Тимковичи, далѣе на югъ до середины дороги изъ Клецка въ Тимковичи, далѣе на югъ до Варшавско—Московскаго шоссе, пересѣкая его къ западу отъ Филиповичи; дальше кратчайшимъ путемъ до рѣки Лань у селенія Чуднинъ, оставляя его на сторонѣ Польши; далѣе по рѣкѣ Лань до впаденія ея въ рѣку Припять, далѣе на востокъ по рѣкѣ Припять на протяженіи семи километровъ, откуда на югъ до рѣки Ствига въ пунктѣ рѣки, образующемъ излучину на западъ, затѣмъ вверхъ по рѣкѣ Ствига до пункта, въ которомъ эта рѣка пересѣкаетъ границы бывшихъ Минской и Волынской губерній, оттуда границы тѣхъ же губерній до границы Розненскаго и Овручскаго уѣздовъ, далѣе той же границей до пересѣченія жел. дор. линіи на западъ отъ жел. дор. станціи Охотниково и мѣстечка Ракитно; дальше на югъ вверхъ по рѣчкѣ Льва до ея истока и оттуда до впаденія рѣки Корчикъ въ рѣку Случь, дальше вверхъ по рѣкѣ Корчикъ, оставляя мѣстечко Корецъ на сторонѣ Польши; дальше на юго-западъ, оставляя Киликіевъ на сторонѣ Украины до Милатина, остающагося на сторонѣ Польши, затѣмъ на югъ, пересѣкая жел. дорогу Розно—Шепетовка и рѣку Горынь до рѣки Вилія, причемъ городъ Острогъ остается на сторонѣ Польши; дальше вверхъ по рѣкѣ Вилія до Нов. Става, остающагося на сторонѣ Украины, оттуда въ общемъ на югъ, пересѣкая рѣку Горынь у Ланозцы, оставляя это селеніе на сторонѣ Польши и дальше до рѣки Збручъ, оставляя селеніе Бѣлозерка на сторонѣ Польши, а затѣмъ вдоль рѣки Збручъ до впаденія ея въ рѣку Днѣстръ.

Россія и Украина отказываются отъ всякихъ правъ и притязаній на земли расположенныя къ западу отъ этой границы. Со своей стороны Польша отказывается въ пользу Украины и Бѣлоруссіи отъ всякихъ правъ и притязаній на земли, расположенныя къ востоку отъ этой границы.

Обѣ договаривающіяся стороны соглашаются, что, поскольку въ составъ земель расположенныхъ къ западу отъ вышеустановленной границы входятъ территоріи, спорныя между Польшей и Литвой — вопросъ о принадлежности этихъ территорій къ одному или другому изъ названныхъ государствъ подлежитъ разрѣшенію, исключительно, между Польшей и Литвой.

Ст. 2. Обѣ договаривающіяся стороны взаимно подтверждаютъ полное уваженіе ихъ государственнаго суверенитета и воздержаніе отъ какого-либо вмѣшательства во внутреннія дѣла другой стороны, причемъ обѣ договаривающіяся стороны постановляютъ включить въ мирный договоръ обязательство не создавать и не поддерживать организацій, ставящихъ себѣ цѣлью вооруженную борьбу съ другой договаривающейся стороной, имѣющихъ цѣлью ниспроверженіе государственнаго и общественнаго строя другой стороны, покушающихся на территоріальную цѣлость ея, равно какъ и организацій, присваивающихъ себѣ роль правительства другой стороны.

Съ момента ратификаціи настоящаго договора обѣ договаривающіяся стороны обязуются не поддерживать чужихъ военныхъ дѣйствій противъ другой стороны.

Ст. 3. Обѣ договаривающіяся стороны обязуются включить въ мирный договоръ постановленія о свободномъ выборѣ (оптаціи) россійскаго или украинскаго, равно какъ и польскаго гражданства, съ тѣмъ, чтобы за оптантами были признаны всѣ безъ исключенія права, кои мирнымъ договоромъ будутъ предоставлены гражданамъ обѣихъ сторонъ.

Ст. 4. Обѣ договаривающіяся стороны обязуются включить въ мирный договоръ постановленія, гарантирующія, съ одной стороны, лицамъ польской національности въ Россіи и Украинѣ всѣ тѣ права, обезпечивающія свободное развитіе культуры, языка и исполненіе религіозныхъ обрядовъ, которыми будутъ пользоваться лица русской и другой стороны, лицамъ русской и украинской національности въ Польшѣ всѣ тѣ права, обезпечивающія свободное развитіе культуры, языка и исполненіе религіозныхъ обрядовъ, которыми будутъ пользоваться лица польской національности въ Россіи и Украинѣ.

Ст. 5. Обѣ договаривающіяся стороны взаимно отказываются отъ возмѣщенія своихъ военныхъ расходовъ, т. е. государственныхъ расходовъ по веденію войны между ними, а равно и отъ вонагражденія за военные убытки, т. е. за убытки, причиненные, какъ имъ, такъ и ихъ гражданамъ въ районѣ военныхъ дѣйствій за время этой войны — военными дѣйствіями и мѣропріятіями.

Ст. 6. Обѣ договаривающіяся стороны обязуются включить въ мирный договоръ положенія, касающіяся обмѣна военноплѣнными и возмѣщенія дѣйствительныхъ расходовъ по ихъ содержанію.

Ст. 7. Немедленно послѣ подписанія настоящаго договора будутъ образованы смѣшанныя комиссіи въ цѣляхъ и беззамедлительнаго обмѣна гражданскими плѣнными, безотлагательной выдачи заложниковъ лицъ интернированныхъ, а по мѣрѣ возможности, также и военноплѣнныхъ и организацій возвращенія бѣженцевъ и эмигрантовъ.

Означеннымъ смѣшаннымъ комиссіямъ предоставляется право защиты интересовъ и оказанія помощи гражданскимъ плѣннымъ и военноплѣннымъ, лицамъ интернированнымъ, заложникамъ, бѣженцамъ и эмигрантамъ.

Ст. 8. Обѣ договаривающіяся стороны обязуются немедленно послѣ подписанія настоящаго договора издать соотвѣтственные распоряженія о пріостановленія судебныхъ, административныхъ, дисциплинарныхъ и всякихъ другихъ преслѣдованій противъ гражданскихъ плѣнныхъ, лицъ интернированныхъ, заложниковъ, бѣженцевъ, эмигрантовъ и военноплѣнныхъ, а также о незамедлительномъ пріостановленіи приведенія въ исполненіе наказаній, наложенныхъ на этихъ лицъ въ какомъ бы то ни было порядкѣ.

Пріостановленіе приведенія въ исполненіе наказаній можетъ и не имѣть своимъ послѣдствіемъ освобожденіе изъ заключенія, но въ этомъ случаѣ такозыя лица должны быть немедленно выданы властямъ своего государства со всѣмъ дѣлопроизводствомъ.

Однако, если данное лицо заявить о своемъ нежеланіи вернуться на родину, или же, если отечественная власть откажется его принять, то такое лицо можетъ быть вновь подвергнуто заключенію.

Ст. 9. Обѣ договаривающіяся стороны обязуются включить въ мирный договоръ положенія объ амнистіи: Польша для россійскихъ и украинскихъ гражданъ въ Польшѣ, Россія и Украина — для польскихъ гражданъ въ Россіи и Украинѣ.

Ст. 10. Обѣ договаривающіяся стороны обязуются включить въ мирный договоръ постановленія, касающіяся взаимныхъ расчетовъ и ликвидаціи и построить ихъ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ.

1. Изъ прежней принадлежности части земель Польской Республики къ бывшей Россійской Имперіи не истекаютъ для Польши по отношенію къ Россіи какія-либо обязательства и обремененія.
2. Обѣ договаривающіяся стороны взаимно отказываются отъ всѣхъ правъ на государственное имущество, связанное съ территоріей другой стороны.
3. При взаимныхъ расчетахъ и ликвидаціи будетъ принято во вниманіе активное участіе земель Польской Республики въ хозяйственной жизни бывшей Россійской Имперіи.
4. Обѣ договаривающіяся стороны взаимно обязуются, по требованію собственниковъ, реэвакуировать и вернуть въ натурѣ или соотвѣтственномъ эквивалентѣ движимое имущество государства, связанное съ экономической и культурной жизнью страны, органовъ самоуправленія, учрежденій, лицъ физическихъ и юридическихъ, взятое или эвакуированное принудительнымъ порядкомъ и добровольно, начиная съ перваго августа новаго стиля 1914 г., за исключеніемъ военной добычи.
5. Будетъ установлено обязательство вернуть Польшѣ архивы, библіотеки, предметы искусства, военно-историческіе трофеи древности и т. п. предметы культурнаго достоянія, вывезенные изъ Польши въ Россію со времени раздѣла Польской Республики.
6. Будетъ установлено взаимное регулированіе основанныхъ на юридическихъ титулахъ претензій лицъ физическихъ и юридическихъ обѣихъ сторонъ, претензій, возникшихъ до момента подписанія настоящаго договора, къ правительству и учрежденіямъ другой стороны.
7. Будетъ установлено въ мирномъ договорѣ обязательство Россіи и Украины, признать за Польшей и ее гражданами наибольшее благопріятствованіе въ области реституціи имущества и возмѣщенія убытковъ періода революціи и гражданской войны въ Россіи и Украинѣ.

Обѣ договаривающіяся стороны соглашаются, что вышеизложенные пункты не исчерпываютъ всѣхъ подробностей расчетовъ и ликвидаціи.

Ст. 11. Обѣ договаривающіяся стороны обязуются немедленно послѣ подписанія мирнаго договора приступить къ переговорамъ о конвенціяхъ торговли и судоходства, санитарныхъ, путей сообщенія и почтово-телеграфной, а также о компенсаціяхъ по товарообмѣну.

Ст. 12. Обѣ договаривающіяся стороны соглашаются включить въ мирный договоръ положенія о предоставленіи транзита для Россіи и Украины черезъ польскую территорію и для Польши черезъ Россійскую и Украинскую территорію.

Ст. 13. Обѣ договаривающіяся стороны заключаютъ одновременно спеціальный договоръ о перемиріи, каковой является составной частью настоящаго договора и имѣетъ наравнѣ съ нимъ обязательную силу (приложеніе № 2 «Договоръ о перемиріи»).

Ст. 14. Россія и Украина заявляютъ, что всѣ обязательства, принятыя ими по отношенію къ Польшѣ, равно какъ и права, пріобрѣтенныя ими на основаніи настоящаго договора, распространяются

на всѣ территоріи, расположенныя къ востоку отъ пограничной линіи, указанной въ статьѣ 1 настоящаго договора, которыя входили въ составъ бывшей Россійской Имперіи и при заключеніи настоящаго договора были представлены Россіей и Украиной.

Ст. 15. Обѣ договаривающіяся стороны обязуются немедленно послѣ подписанія настоящаго договора, вступить въ переговоры о заключеніи мирнаго договора.

Ст. 16. Настоящій договоръ составленъ на русскомъ, украинскомъ и польскомъ языкахъ въ двухъ экземплярахъ. При толкованіи договора всѣ три текста считаются аутентичными.

Ст. 17. Настоящій договоръ подлежитъ ратификаціи и вступаетъ въ силу съ момента обмѣна ратификаціонными грамотами, посколько иное не оговорено въ самомъ договорѣ или приложеніяхъ къ нему.

Обмѣнъ ратификаціонными грамотами и составленіе соотвѣтственнаго протокола состоится въ Либавѣ.

Обѣ договаривающіяся стороны обязуются ратифицировать настоящій договоръ не позже 15 дней съ момента его подписанія. Обмѣнъ ратификаціонными грамотами и составленіе протокола должны состояться не позже 6 дней по истеченіи срока, предусмотрѣннаго для ратификаціи. Обѣ договаривающіяся стороны оговариваютъ, что договоръ о перемиріи (ст. XIII) теряетъ обязательную силу, если срокъ, предусмотрѣнный для обмѣна ратификаціонными грамотами будетъ пропущенъ.

Возобновленіе военныхъ дѣйствій не можетъ, однако, въ этомъ случаѣ произойти раньше, чѣмъ по истеченіи 48 часовъ послѣ указаннаго срока.

Повсюду, гдѣ въ настоящемъ договорѣ въ качествѣ срока упоминается моментъ ратификаціи договора, подъ этимъ понимается моментъ обмѣна ратификаціонными грамотами.

Въ удостовѣреніе сего уполномоченные обѣихъ сторонъ подписали настоящій договоръ и скрѣпили его своими печатями.

Составленъ и подписанъ въ Ригѣ, октября одиннадцатаго дня, тысяча девятьсотъ двадцатаго года.

Текстъ договора о перемиріи содержалъ 13 параграфовъ. Согласно параграфа перваго, стороны должны были въ теченіи 144 часовъ прекратить всѣ военныя дѣйствія на сушѣ, водѣ и воздухѣ. Войска обѣихъ сторонъ остаются на позиціяхъ, занимаемыхъ ими къ моменту прекращенія военныхъ дѣйствій, но съ условіемъ, чтобы россійско-украинскія войска были расположены не ближе 15 километровъ отъ, зафиксированнаго къ моменту прекращенія военныхъ дѣйствій, польскаго фронта. Образовавшаяся такимъ образомъ полоса шириной въ 15 километровъ является нейтральной зоной.

Согласно пункта 5, всѣ передвиженія войскъ должны совершаться со скоростью не менѣе 20 километровъ въ сутки. Послѣ ратификаціи прелиминарнаго мирнаго договора, войска обѣихъ сторонъ отводятся въ предѣлы своихъ государственныхъ территорій и располагаются не ближе 15 километровъ по обѣимъ сторонамъ государственной границы.

Въ нейтральной полосѣ воспрещается нахожденіе вооруженныхъ силъ, за исключеніемъ отрядовъ польской арміи, необходимыхъ для занятія территоріи по пункту 4. Количество и расположеніе этихъ отрядовъ должно быть доведено до свѣдѣнія другой стороны. Съ этой цѣлью высылаются въ дивизіи и арміи другой стороны офицеры связи съ соот-

вѣтствующимъ персоналомъ, которымъ гарантируется дипломатическая неприкосновенность и личная безопасность.

Въ цѣляхъ контроля надъ выполненіемъ договора и для разрѣшенія возможныхъ недоразумѣній, образуется смѣшанная комиссія.

При оставленіи областей, войска оставляютъ въ полной неприкосновенности все находящееся на мѣстѣ имущество, какъ то: государственныя, общественныя и частныя постройки, желѣзныя дороги, подвижной составъ, мосты, станціонныя сооруженія, телеграфы, телефоны и др. средства связи, склады, хлѣбъ на поляхъ и амбарахъ, живой и мертвый промышленный и сельско-хозяйственный инвентарь. При отходѣ войскъ запрещается брать заложниковъ или эвакуировать гражданское населеніе, воспрещается примѣнять къ нему какія бы то ни было репрессіи и отчуждать и реквизировать его имущество.

Перемиріе устанавливается на срокъ въ 21 день, однако, каждая изъ сторонъ имѣетъ право отказаться отъ перемирія съ предупрежденіемъ за 48 часовъ. Если до истеченія срока перемирія ни одна изъ сторонъ не откажется отъ него, то таковое автоматически продолжается до ратификаціи мирнаго договора, но каждая изъ сторонъ имѣетъ право отказаться отъ перемирія съ предупрежденіемъ за 14 дней.

Договоръ о перемиріи является составной частью прелиминарнаго мирнаго договора и имѣетъ равную съ нимъ силу.

Поляки имѣли полное право раскошелиться на покупку спеціальнаго золотого пера съ брилліантами для подписанія акта о передачѣ имъ такого жирнаго куска русскаго пирога, который имъ никогда даже не снился. И должны были, и обязаны были большевики подписывать миръ рублевымъ «механическимъ» перомъ, а не золотымъ, потому что согласно договора, территорія присоединенная 12 октября къ Польшѣ, была равна 137 000 квадр. километрамъ съ населеніемъ около 4 милліоновъ, изъ нихъ — 1 200 000 поляковъ, 1 000 000 бѣлоруссовъ, 900 000 украинцевъ, 500 000 евреевъ и 400 000 нѣмцевъ, чеховъ, великоросовъ и проч. Увы, поляки составляли здѣсь меньшинство.

Кромѣ раздѣла Бѣлоруссіи и искалѣченія Украины, Іоффе, одновременно, своимъ семнадцатымъ миромъ, анулировалъ свой пятнадцатый миръ, миръ съ Литвой, торжественно подписанный 12 іюля для дѣйствія «отъ нынѣ и на вѣчныя времена».

Все, что далъ литовцамъ щедрый Іоффе за то, чтобы облегчить прохожденіе красной арміи черезъ литовскую территорію, во время похода на Польшу, т. е.: расширеніе территоріи Литвы на 74 тысячи квадратныхъ верстъ; передача всей Ковенской, Виленской (съ городомъ Вильно), $^4/_5$ Сувалской и полъ Гродненской губ.; приростъ литовскихъ подданныхъ до 4 милліоновъ человѣкъ; обѣщаніе возврата всѣхъ увезенныхъ большевиками изъ Литвы цѣнностей, иму-

щества заводовъ и фабрикъ, паровозовъ и вагоновъ; сто тысячъ десятинъ лѣса для безвозмездной эксплоатаціи на 20 лѣтъ; великодушное освобожденіе Литвы отъ долговъ, причитающихся съ нея, какъ съ части бывшей Россіи — и три милліона золота — было отнято однимъ росчеркомъ пера.

Въ свое время близорукая литовская печать возвела своего министра иностранныхъ дѣлъ Розенбаума, подписавшаго миръ буквально въ двое сутокъ, въ рангъ «геніальнѣйшихъ дипломатовъ», а Іоффе — «благороднымъ представителемъ великодушной Россіи».

Въ порывѣ неумѣреннаго восторга и въ мечтахъ о грядущемъ необыкновенномъ расвѣтѣ своего государства, признательные литовцы вмѣстѣ съ красной арміей изгоняли поляковъ изъ Литвы; рукоплескали «геройскому» штурму Вильны и даже любезно предоставляли, правда, за особую плату, подвижной составъ для красноармейскихъ передвиженій и территорію для перепруппировокъ разбитыхъ частей красной арміи. Тѣмъ временемъ, прочно засѣвшіе въ Вильнѣ большевики истребили свыше 800 литовскихъ «контръреволюціонеровъ», въ Гроднѣ разстрѣляли свыше 200, вывезли изъ Вильно всѣ цѣнности литовскаго государственнаго банка, машины и станки заводовъ, множество частнаго имущества и реквизировали у крестьянъ на 4 милліона германскихъ марокъ скота и хлѣба.

И тоже «вѣчное» механическое перо Іоффе, торжественно скрѣплявшее манну небесную и золотой дождь для Литвы, договоромъ 12 октября съ «легкимъ сердцемъ» отдавало полякамъ и литовскія губерніи, и тѣ же самыя лѣса на тотъ же 20 лѣтній срокъ, и золотую награду Литвѣ въ 3 милліона рублей, которые были приписаны къ польскому счету.

На что разсчитывала Польша, скрѣпляя 17-ую жульническую бумажку Іоффе?

X. Оцѣнка Рижскаго прелиминарнаго договора въ Ригѣ, Варшавѣ и Москвѣ. Ратификація договора.

13 октября польская делегація устроила банкетъ въ честь находящихся въ Ригѣ иностранныхъ дипломатовъ и корреспондентовъ мѣстныхъ и заграничныхъ газетъ. Въ своей привѣтственной рѣчи съ благодарностью журналистамъ, способствовавшимъ облегченію трудной работѣ мирной конференціи (не тѣмъ ли, что изъ трехъ недѣль работъ конференціи, двѣ недѣли корреспонденты стояли у закрытыхъ дверей «главной комиссіи»), характеризуя заключенный прелиминарный миръ, Домбскій говорилъ:

«Заключеннымъ въ Ригѣ перемиріемъ я удовлетворенъ и убѣжденъ, что прелиминарный миръ будетъ принятъ въ Варшавѣ съ удовлетвореніемъ и Сеймъ его ратифицируетъ,

такъ какъ въ рижскихъ переговорахъ приняли участіе черезъ своихъ представителей наиболѣе крупныя партіи и ихъ подписи имѣются на мирныхъ документахъ. Нашъ миръ является миромъ соглашенія и не представляетъ собою мира насилія.

Что касается нашихъ границъ съ Россіей, то если на нашей сторонѣ и остается извѣстный процентъ не-польскаго населенія, то не слѣдуетъ забывать, что въ Украинѣ и Бѣлоруссіи остается большое количество поляковъ. Такимъ образомъ, эта граница получена нами въ видѣ компенсаціи за оставленныхъ на той сторонѣ гражданъ польской національности. Въ стратегическомъ отношеніи новая граница необходима намъ, чтобы въ случаѣ нападенія, Варшава не находилась подъ угрозою. Поэтому мы настаивали на присоединеніи къ Польшѣ Брестской области и желѣзнодорожнаго узла, такъ какъ послѣднее русское наступленіе на Полыпу доказало, что Брестъ является защитою Варшавы.»

Затѣмъ говорили рѣчи англійскіе и американскіе корреспонденты. Представитель латышской печати, восхваляя дипломатическую мудрость Домбскаго, почему-то нашелъ нужнымъ доложить, что русская печать, какъ въ Ригѣ, такъ и въ Парижѣ и въ Берлинѣ всячески старалась помѣшать мирнымъ переговорамъ и даже сорвать ихъ. Опасаясь за судьбу «крымскаго барона», говорилъ латышъ, русская печать все время подбивала Польшу продолжать борьбу съ совѣтской Россіей до полнаго сверженія совѣтскаго правительства, забывая что интересы Польши діаметрально потивоположны интересамъ Россіи, которая даже въ лицѣ ея интеллигенціи противилась возсозданію независимости Польши.

Эта безтактная рѣчь латышскаго шовиниста создала крайне тягостное настроеніе даже среди поляковъ. Желая вѣроятно разсѣять эту неловкость, проф. Грабскій обратился къ русскимъ журналистамъ съ предложеніемъ сказать что-нибудь по поводу мира. Я откровенно отвѣтилъ Грабскому, что русскіе въ лучшемъ случаѣ могли бы .разсматривать рижскій договоръ, какъ «Брестъ» и поэтому лучше было бы обойтись безъ всякихъ рѣчей. Но такъ какъ Грабскій настаивалъ, то одинъ изъ корреспондентовъ газеты «Общее Дѣло» произнесъ краткую рѣчь, смыслъ которой сводился къ тому, что Россія будетъ протестовать противъ ея раздѣла, если до этого сами же большевики не надуютъ поляковъ, какъ это они сдѣлали уже съ литовцами. Эта рѣчь крайне не понравилась полякамъ и нашего оратора, все время кривляясь и громко хохоча перебивалъ проф. Василевскій, польскій посолъ въ Эстоніи: «Ха-ха-ха, о н и намъ угрожаютъ! О н и намъ угрожаютъ!» И переходя отъ группы къ группѣ и кивая головой на нашего оратора, Василевскій саркастически вездѣ повторялъ: «о н и намъ угрожаютъ!»

Естественно, что на банкетъ, данный польскимъ бюро печати, русскіе корреспонденты уже не были приглашены.

Хотя рижскій миръ, «почетный и справедливый» обѣимъ сторонамъ былъ нуженъ до крайности: большевикамъ для

передышки и для того чтобы поляки перестали, наконецъ, избивать красную армію, которая была нужна для борьбы съ Врангелемъ, а полякамъ въ силу того, что въ другое время никогда уже больше не представилось бы болѣе благопріятнаго момента для раздѣла Россіи, тѣмъ не менѣе, съ той и съ другой стороны этотъ «справедливый» миръ былъ встрѣченъ довольно кисло.

Пильсудскій въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Рѣчи-Посполитой» жаловался:

«Положеніе, въ которомъ находится совѣтская Россія, дѣлаетъ ее весьма опасной для своихъ сосѣдей; правительство, которое тамъ существуетъ — безусловно шатко. Оно не соотвѣтствуетъ настроенію населенія. Люди, стоящіе во главѣ правительства будутъ искать авантюръ за предѣлами своего государства, чтобы обезпечить себѣ авторитетъ внутри страны. Они будутъ примѣнять силу къ окружающимъ ихъ народамъ. Съ другой стороны, большевики разрушили собственную страну. Русскій народъ опасенъ для насъ вслѣдствіе своего обнищанія. Поэтому, несмотря на заключеніе прелиминарнаго мира, наше положеніе остается критическимъ.»

Польскій министръ-президентъ Витосъ на засѣданія сейма 15 октября говорилъ:

«Подписанный 12 октября прелиминарный миръ не во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ Польскій народъ, такъ какъ оставляетъ по ту сторону границъ весьма много поляковъ, что показываетъ излишнюю умѣренность Польши и ея стремленіе къ прекращенію войны.»

Въ статьѣ, посвященной оцѣнкѣ рижскаго мира въ «Тыдзень Польскій» Ледницкій доказывалъ, что «несмотря на побѣду польскаго оружія, польская делегація сдѣлала большевиковъ рѣшающимъ факторомъ въ рижскихъ переговорахъ. Рижскій договоръ отдаетъ Россіи значительную часть исторической Польши въ гораздо болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ это произошло при раздѣлахъ Польши. Польскій элементъ въ этихъ областяхъ обреченъ на безпощадное истребленіе, такъ какъ ст. 7 договора, гарантирующая его права, является фикціей при сохраненіи режима чрезвычаекъ. Въ сущности миръ заключенъ не съ тѣмъ, съ кѣмъ мы воевали. Миръ заключенъ съ совѣтской Россіей и Украиной, съ которой сама же Польша заключила договоръ противъ совѣтской Россіи. Борьба съ Польшей велась не Россіей, а 3-имъ интернаціоналомъ, подъ лозунгами его и для осуществленія его цѣлей. Эта борьба будетъ продолжаться, несмотря на рижскій договоръ и вопреки ему. Миръ Польшѣ былъ нуженъ, его нельзя было откладывать, но не слѣдуетъ закрывать глаза на истинное положеніе вещей.»

Такія же минорныя ноты звучали и у большевиковъ въ ихъ оцѣнкѣ рижскаго мира.

На засѣданіи ВЦИК'а, ратифицировавшаго договоръ съ Польшей, Подвойскій сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

«Результаты, достигнутые совѣтской делегаціей въ Ригѣ, приводятъ въ отчаяніе всѣхъ истинныхъ коммунистовъ. Рига — это крушеніе нашей внѣшней политики. Намъ говорятъ, что мы вынуждены были пойти на уступки на Западѣ, чтобы развязать себѣ руки для дѣйствій противъ Врангеля. Но цѣна, заплаченная за это, слишкомъ высока. Мы должны сокрушить Врангеля. Но если это намъ не удастся, то рижскій договоръ будетъ для насъ роковымъ. Повторяю: Рига для насъ катастрофа, это конецъ нашей европейской политики и преддверіе къ катастрофамъ внутри страны.»

«Правда» въ статьѣ «Миръ на скорую руку» писала:

«Заключенный въ Ригѣ на скорую руку миръ, мы купили дорогой цѣной. Польша навязала намъ два насильническія условія: уступка территоріи и возмѣщеніе за имущество, вывезенное до 1 августа 1914 года. Другими словами, Польша возлагаетъ на русскій народъ отвѣтственность за политику царей. Положительная же сторона заключеннаго перемирія выражается въ томъ, что всѣ запасы аммуниціи и одежды и всѣ резервы республики посылаются на врангелевскій фронтъ, гдѣ красная армія скоро сумѣетъ сбросить врага въ Черное море. Кромѣ того, миръ послужитъ толчкомъ къ развитію революціоннаго движенія въ Польшѣ. Онъ неизбѣжно направитъ Польшу на ту самую дорогу, на какой очутилась Россія въ 1917 году.»

Еще болѣе убійственную характеристику рижскому миру далъ Троцкій, который 18 октября издалъ «Памятку для красныхъ солдатъ южнаго фронта», въ которой содержались между прочимъ слѣдующіе пункты:

7. Польское правительство не осмѣлилось бы напасть на насъ, если бы не баронъ Врангель.
8. Если бы не баронъ Врангель, то наша армія одержала бы побѣду надъ поляками и мы помогли бы трудовому польскому народу освободиться отъ гнета.
9. Мы пошли на тяжелый миръ съ польской буржуазіей, благодаря Врангелю.
10. Мы вынуждены были оставить въ Галиціи, въ Западной Украинѣ и Литвѣ многіе милліоны рабочихъ и крестьянъ подъ ярмомъ польскихъ пановъ. Пусть они знаютъ, что вина въ этомъ падаетъ на Врангеля и его рати»...

Можно не быть «товарищемъ» Троцкаго и не сожалѣть о томъ, что Врангель помѣшалъ Троцкому установить режимъ чрезвычаекъ въ Польшѣ, Галиціи и Литвѣ, но нельзя не признать, что Врангель много виноватъ въ томъ, что рижскій пирогъ, преподнесенный полякамъ, оказался съ начинкой болѣе жирной, нежели это было бы въ томъ случаѣ, если бы представитель Врангеля въ Варшавѣ генералъ Махровъ и Савинковъ не предлагали полякамъ линію границъ, много восточнѣе вырванной поляками въ Ригѣ, именно такъ называемую «линію Дмовскаго», въ случаѣ, если бы поляки, по солидарности съ Врангелемъ, согласились бы продолжать военныя дѣйствія противъ большевиковъ. Протоколы совѣ-

щанія поляковъ съ генераломъ Махровымъ хранятся въ Варшавѣ и несомнѣнно, поляки, въ случаѣ надобности, когда-нибудь, могутъ это предложеніе Махрова выдвинуть, если не въ качествѣ юридическаго, то въ качествѣ моральнаго аргумента, оправдывающаго раздѣлъ Россіи Польшей въ Ригѣ 12 октября 1920 года.

Изъ общей минорной оцѣнки рижскаго мира слѣдуетъ выдѣлить только мнѣніе Чичерина, но самодовольный тонъ «скорбнаго главою» совѣтскаго Меттерниха, объясняется тѣмъ, что его мнѣніе о рижскомъ мирѣ было предназначено исключительно для «внѣшняго употребленія».

15 октября корреспондентъ «Дайли Экспрессъ» обратился изъ Риги по телеграфу къ Чичерину съ просьбой, дать оцѣнку рижскаго мира. Въ тотъ же день, по телеграфу же, Чичеринъ отвѣтилъ:

«Миръ съ Польшей является осуществленіемъ самыхъ горячихъ желаній совѣтской Россіи. Въ 1919 году Польша имѣла бы болѣе выгодный миръ. Красная армія лишь потому приблизилась къ Варшавѣ, что Польша не была склонна къ миру. Рижскій миръ доказываетъ, что интересы польскаго и русскаго народовъ легко соединимы.

Мы съ удовольствіемъ констатируемъ, что желанія и интересы польскаго народа и всѣхъ здоровыхъ элементовъ восторжествовали надъ стремленіями польскихъ милитаристовъ. До послѣдняго момента большимъ препятствіемъ къ заключенію мира являлся вопросъ о Петлюрѣ. Польскіе милитаристы пытались при помощи Петлюры присоединить Украину къ Польшѣ. Россія никогда бы не допустила подобнаго присоединенія.

Миръ состоялся немедленно послѣ того, какъ Польша оставила эту тенденцію. Мы твердо надѣемся, что тѣ польскія теченія, которыя ускорили заключеніе мира и впредь увеличатъ свое вліяніе въ отношеніи созданія длительныхъ мирныхъ условій между Польшей и Россіей. Послѣ состоявшагося рѣшенія территоріальнаго вопроса, главное затрудненіе представитъ соглашеніе по финансовымъ дѣламъ. Мы не можемъ согласиться на соотвѣтствующее желаніе поляковъ, тѣмъ не менѣе, мы надѣемся достигнуть соглашенія и по этому вопросу. Европа нуждается въ мирѣ и мы надѣемся увидѣть его возстановленнымъ также и въ Россіи, послѣ уничтоженія нашихъ, поддерживаемыхъ Франціей, имперіалистовъ.»

Ратификація рижскаго мира Польшей состоялась 22 октября. Предсѣдатель Сейма Тромпчинскій открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой выразилъ надежду, что русскій народъ не объявитъ Польшѣ новую войну, какимъ бы ни было его правительство, такъ какъ у русскаго народа нѣтъ причинъ и основаній для расторженія рижскаго договора. Далѣе Тромпчинскій указалъ, что при установленіи границы, поляки приняли во вниманіе жизненные интересы обоихъ го-

сударствъ. Исторія не можетъ обвинить Польшу въ томъ, что Польша въ минуту несчастья русскаго народа навязала ему несправедливый миръ.

Затѣмъ выступилъ Витосъ, заявившій, что Польша не воевала ради какихъ-нибудь аннексій или авантюръ, но исключительно для того, чтобы не потерять свою независимость. Поляки не требовали отъ совѣтскаго правительства ничего, что не сходилось съ принципами справедливости, ибо не желали создавать положенія, которое въ будущемъ могло бы затруднить добрыя отношенія между польскимъ и русскимъ народами. Рижскій договоръ, возстановляя миръ въ Восточной Европѣ, способствуетъ творческой работѣ всей Европы.

За ратификацію договора единогласно высказались всѣ партіи.

20 октября рижскій договоръ былъ ратифицированъ ВЦИК'омъ, а 21 октября ЦИК'омъ совѣтской Украины.

2 ноября въ Либавѣ состоялся обмѣнъ ратификаціонными грамотами, взаимно переданными другъ другу секретарями мирныхъ делегацій, польской и совѣтской.

XI. Послѣдствія заключенія прелиминарнаго мира. Двойственная политика поляковъ и стремленіе ихъ оттянуть работы конференціи по выработкѣ условій мира.

Такимъ образомъ, первый актъ русской трагедіи былъ сыгранъ, занавѣсъ въ Домѣ Черноголовыхъ временно опустился и дѣйствующія лица разъѣхались по домамъ.

Начался антрактъ, который обѣ стороны поспѣшили использовать каждый «въ свое удовольствіе».

13 октября, т. е. на второй день послѣ подписанія перемирія Троцкій обратился къ краснымъ арміямъ со слѣдующимъ приказомъ:

«Миръ съ Польшей подписанъ. Дорогой цѣной крови красная армія получила этотъ миръ. Если бы на югѣ не было Врангеля, Совѣтская Республика была бы теперь свободна отъ войны. Большая часть арміи была бы демобилизована, рабочіе и крестьяне могли бы вернуться къ мирному труду. Упорнымъ общимъ трудомъ мы въ короткій срокъ подняли бы благополучіе нашей страны, если бы мы освободились отъ войны. Совѣтская Россія, въ которой нѣтъ капиталистовъ и эксплоататоровъ, стала бы въ теченіи десяти лѣтъ самой богатой и счастливой страной.

Солдаты красной арміи, кто мѣшаетъ этому? — Врангель! Кто стоитъ по пути къ миру? — Врангель! Дворянско-кулацкія банды помогали наступленію Польши и теперь продолжаютъ громить и разрушать нашу страну.

Намъ нужны миръ и трудъ, но на пути къ этому, стоятъ врангелевскія банды.

Солдаты красной арміи, уничтожайте Врангеля! Сотрите его банды съ лица земли!»

Вслѣдъ за симъ, на врангелевскій фронтъ съ польскаго фронта были переброшены: 7 и 13 стр. дивизіи, маршевая стр. бригада, Петроградская кавалер. див., 2, 4, 6, 11 и 14 кавал. див., Интернаціональная бригада, 12, 33, 8, 25 и 26 сибирскія стрѣл. див., 44, 9, 48, 17 и 16 пѣх. див., 1 экспедиц. див., 1 и 5 Кубанская див., 1 Донская стрѣл. див. и др.

Участь Врангеля, русской кровью помогшаго полякамъ отстоять Варшаву, была печальна, но я не могу не привести выдержки изъ рѣчи Брусилова произнесенной въ ставкѣ Троцкаго, 24 ноября 1919 года, въ которой онъ характеризовалъ политику Врангеля:

«Генералъ Врангель заранѣе долженъ былъ знать, какая его ожидаетъ судьба, такъ какъ онъ началъ свое наступленіе изъ за того, чтобы помочь полякамъ и потому долженъ разсматриваться какъ преступникъ...»

Но польскій захватный Молохъ, видимо, чувствуя, что онъ еще не совсѣмъ сытъ, рѣшилъ продолжать скрытую войну подъ псевдонимами Петлюры и Балаховича.

Казалось бы фактъ предательства Украины поляками былъ на лицо. Польская мирная делегація не только признала право Іоффе заключать миръ и отъ имени совѣтской Украины, но Домбскій подписалъ и тотъ пунктъ прелиминарнаго мира, которымъ Польшѣ вмѣнялось въ обязаность ликвидировать армію и политическія организаціи Петлюры, находящіяся на территоріи Польши. И тѣмъ не менѣе поляки, связанные этимъ обязательствомъ, опять рѣшили использовать этого же Петлюру, пославъ его (оружіемъ украинскихъ солдатъ) довоевывать тѣ клочки русско-украинской территоріи, которые нужно было бросить въ пасть польскаго Молоха. Достойнымъ сподвижникомъ Петлюры въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ оказался и генералъ Балаховичъ, въ теченіе полутора лѣтъ продѣлавшій сложную метаморфозу переходовъ: отъ большевиковъ къ Юденичу, отъ Юденича къ эстонцамъ, отъ эстонцевъ къ бѣлоруссамъ и отъ бѣлоруссовъ къ полякамъ.

Казалось бы, какъ можно было послѣ открытаго предательства Украины въ Ригѣ, опять пользовать Петлюру, какъ своего союзника? Однако польскіе политики разрѣшили этотъ вопросъ съ такимъ же откровеннымъ цинизмомъ, какой они проявили и въ отношеніи Врангеля.

Еще 21 октября, при ратификаціи сеймомъ польско-большевистскаго мира, членъ сейма, ксендзъ Лютославскій внесъ запросъ, не противорѣчитъ ли польско-россійскій договоръ, договорамъ заключеннымъ Польшею съ Петлюрой. На это князь Сапѣга безъ заминки отвѣтилъ: «никакого противорѣчія нѣтъ, мирный договоръ въ Ригѣ не обязываетъ

Польшу относительно гарантій совѣтскихъ установленій на Украинѣ, а наоборотъ, подтверждаетъ безусловное признаніе независимости Украины».

Но такъ думалъ, впрочемъ не одинъ князь Сапѣга, а большинство членовъ Польскаго Правительства. Въ этомъ отношеніи особенно характерно полу-оффиціозное сообщеніе польскаго телеграфнаго агенства, напечатанное 4 ноября 1919 года въ украинской газетѣ «Впередъ» во Львовѣ:

«Польское Правительство готовитъ ноту Правительству Украинской Народной Республики, въ связи съ подписаніемъ прелиминарнаго мира съ совѣтской Россіей. Въ нотѣ будетъ указано, что заключеніе Польшею перемирія ничѣмъ не измѣняетъ добраго и союзнаго отношенія къ Украинской Народной Республикѣ.»

Опубликованіе этого успокоительнаго сообщенія было вѣроятно вызвано тѣмъ, что 17 октября между Петлюрой и Польшей былъ подписанъ торговый договоръ, встрѣтившій сильную оппозицію украинскихъ газетъ во Львовѣ.

Согласно этого договора, Польша получала на одинъ годъ монопольное право торговли съ Украиной, вслѣдствіе чего Польша пріобрѣтала тамъ свободныя запасы зерна, мяса и жировыхъ веществъ. Кромѣ того, Польша имѣла право на эксплоатацію въ теченіе 1920—1921 года тѣхъ украинскихъ сахарныхъ заводовъ, на которыхъ были начаты работы во время оккупаціи Украины Польшей. Польша имѣла право контролировать производство сахара и его продажу, оставляя въ свою пользу 75 % вырабатываемаго сахара. Съ своей стороны Польша обѣщала Украинѣ соль, нефть, бензинъ и уголь.

Впослѣдствіи, въ мартѣ 1921 года, польская мирная делегація, основываясь на этомъ договорѣ, домогалась у большевиковъ полученія права вывоза сахара изъ Украины въ размѣрѣ 70 %.

А пока Польша взялась помогать петлюровской арміи снаряженіемъ и вооруженіемъ, въ ея борьбѣ противъ совѣтской Украины.

Пока красная армія была занята ликвидаціей Врангеля, военныя дѣла Петлюры и Балаховича складывались довольно благопріятно. Петлюровскія войска успѣшно воевали съ красной арміей въ районѣ Казатинъ—Бердичевъ—Житомиръ—Могилевъ—Каменецъ-Подольскъ.

Столь же удачно дѣйствовалъ и Балаховичъ въ районѣ Гомель—Мозырь—Коростень.

Поляки «на всякій случай» помогали обоимъ полезнымъ имъ до поры до времени воителямъ, облегчая ихъ задачу не только въ военномъ отношеніи, но и въ политическомъ. Обязанная вернуться къ 12 ноября въ Ригу для открытія работъ по выработкѣ условій окончательнаго мира, польская делегація не возвращалась, а ея офиціальнымъ замѣстителемъ оставался польскій посолъ въ Эстоніи Василевскій.

пусть поступитъ открыто, согласно пункта договора, касающагося взаимнаго предупрежденія за 14 сутокъ о возобновленіи войны».

Домбскій отвѣтилъ, что польское общество настроено по прежнему миролюбиво. Польша намѣрена всѣ обязательства выполнить твердо, но необходимо считаться съ обстоятельствами, чтобы справиться съ санитарными и техническими задачами.

Іоффе заявилъ, что онъ не сомнѣвается въ искренности польской делегаціи, но нельзя отрицать, что настроеніе польской делегаціи до 12 октября было совершенно другое, чѣмъ теперь. Напримѣръ, вновь ожила идея «буферовъ»» и Польшей высказывается желаніе удержать въ своей оккупаціи новый рядъ бѣлорусскихъ и украинскихъ территорій къ востоку отъ намѣченной прелиминарнымъ миромъ границы. Это приводитъ къ мысли, что если Польша не хочетъ воевать открыто, то во всякомъ случаѣ желаетъ продолженія войны подъ псевдонимомъ Петлюры, Балаховича и др. Но Россія и Украина на это не пойдутъ. Или открытый миръ, или открытая война. Россія и Украина не въ состояніи больше терпѣть дальнѣйшаго продвиженія и усиленія бѣлогвардейскихъ формированій. Если Польша даже не будетъ оказывать помощи этимъ арміямъ, — хотя трудно допустить, чтобы родители не помогали дѣтямъ, — то настоящее расположеніе польскихъ войскъ значительно затрудняетъ военныя дѣйствія красной арміи противъ бѣлогвардейскихъ частей и создаетъ опасность возникновенія новой войны.

Домбскій объяснилъ, что «во время войны всякій союзникъ хорошъ и Польша не могла отказаться отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ отрядами Петлюры и Балаховича, но нельзя требовать отъ Польши, чтобы она забыла прежнюю связь и принимала активное участіе въ разоруженіи тѣхъ отрядовъ, съ которыми она только что совмѣстно воевала. Если антисовѣтскіе отряды будутъ оттѣснены на польскую территорію, то Польша постарается ихъ разоружить, но большаго отъ Польши требовать въ этомъ отношеніи невозможно».

Рѣшительный тонъ Іоффе и угроза возобновленіемъ войны такъ подѣйствовали на Домбскаго, что онъ попросилъ у Іоффе прервать свиданіе, такъ какъ «онъ усталъ съ дороги и чувствуетъ себя плохо», обѣщая отвѣтить на послѣдующіе вопросы Іоффе при слѣдующемъ свиданіи.

«Усталость» Домбскаго сразу же отразилась на войскахъ Петлюры и Балаховича.

То самое польское военное командованіе, которое подбило, снарядило и оборудовало завѣдомо гибельную операцію Петлюры и Балаховича, 24 ноября издало приказъ, гласившій, что послѣ 2 ноября, т. е. со дня ратификаціи перемирія, на территоріи Польши не должны находиться войска и учрежденія Украинской Народной Республики, русскихъ добровольцевъ и казачьихъ частей. Находящіяся по истеченіи этого срока на территоріи Польши чужія войсковыя ча-

сти и учрежденія подлежатъ разоруженію и, въ случаѣ сопротивленія интернированію; воинскія части, переходящія границы Польши по истеченіи этого срока, должны считаться военно-плѣнными.

Этотъ приказъ генерала Сикорскаго не остался только на бумагѣ. Наоборотъ, съ большой и совершенно неоправдываемой жестокостью, польскіе солдаты принялись за разоруженіе украинцевъ и балаховцевъ и набиваніе ими концентраціонныхъ лагерей. 11 000 несчастныхъ жертвъ, погибло отъ сыпного тифа и голода въ зиму 1920 г. и весну 1921 г.: вотъ безсмертный нерукотворный памятникъ, воздвигнутый Польшей въ память русско-украинско-польскаго братства. Однако теперь, по мѣрѣ того, какъ красная армія, справившись съ Врангелемъ, опять начала накапливаться на польскомъ фронтѣ, «воля къ миру» у поляковъ стала крѣпнуть. Теперь уже самъ Домбскій сталъ торопить Іоффе съ началомъ работъ.

XII. Работы Рижской конференціи по выработкѣ условій постояннаго мира. Стремленіе совѣтской делегаціи затянуть переговоры. Работы Комиссій. Франко-Польское соглашеніе.

Начало работъ ознаменовалось двумя протестами противъ прелиминарнаго мира со стороны Америки и Исполнительной Комиссіи Россійскаго Учредительнаго Собранія въ Парижѣ. Телеграмма, полученная Домбскимъ изъ Варшавы о непризнаніи Америкой мира 12 октября гласила:

«Правительство Соединенныхъ Штатовъ не можетъ признать законнымъ мирный договоръ, заключенный между Польшею и совѣтской Россіей. Оно не дѣлаетъ возраженій противъ прекращенія военныхъ дѣйствій между поляками и большевиками, признавая, что обѣ стороны вправѣ заключить перемиріе. Но Соединенные Штаты не признаютъ передачи какой бы то ни было русской области Польщѣ безъ категорическаго на это согласія со стороны русскаго народа, высказаннаго устами его отвѣтственнаго правительства. Въ данный моментъ такого правительства въ Россіи не существуетъ. Если бы предварительный миръ между Польшей и совѣтской Россіей былъ позже ратифицированъ отвѣтственнымъ русскимъ правительствомъ, Соединенные Штаты не отказали бы его признать. Правительство Соединенныхъ Штатовъ не можетъ считать рѣшеннымъ ни какого вопроса, касающагося границъ Россіи, пока самъ русскій народъ не будетъ имѣть возможности высказать о немъ своего сужденія путемъ собственнаго законнаго правительства.»

Съ своей стороны, Исполнительная Комиссія Россійскаго Учредительнаго Собранія опубликовала слѣдующую резолюцію по поводу польско-русскихъ отношеній:

1. Россійская демократія сдѣлала однимъ изъ первыхъ актовъ революціонной власти торжественное признаніе независимости Польскаго Государства, возстановленнаго изъ трехъ частей и включающаго весь польскій народъ въ его этнографическихъ границахъ.
2. Границей между Польшей и Россіей, безспорно отвѣчающей этнографическому началу является такъ называемая «линія Керзона», установленная Верховнымъ Совѣтомъ въ 1919 году. Линія же, уступленная полякамъ большевиками изъ временныхъ политическихъ видовъ, по рижскому договору 12 октября 1920 года, оставляетъ за Польшей нѣсколько милліоновъ чисторусскаго населенія, которое русская демократія признаетъ захваченнымъ насильственно и противъ его воли, что, въ дальнѣйшемъ явится источникомъ постоянныхъ конфликтовъ и создастъ опасность для мира въ восточной Европѣ.
3. Комиссія протестуетъ противъ самой возможности того, чтобы часть россійской территоріи была отдѣлена отъ Россіи одностороннимъ рѣшеніемъ иностранныхъ государствъ, безъ всякаго участія въ рѣшеніи россійскаго народа, въ лицѣ признанной имъ законной власти. Это положеніе дѣла не можетъ измѣниться, хотя бы отдѣленіе территоріи приняло видъ объявленія извѣстной части территоріи и населенія, безъ волеизъявленія послѣдняго, автономной или независимой, съ очевидной цѣлью заселить присоединенныя такимъ образомъ земли польскими колонистами и подчинить ихъ иноземному владычеству или протекторату Польши.»

Эта резолюція была передана лично Пилсудскому, во время его пребыванія въ Парижѣ въ февралѣ 1920 года.

Составъ польской делегаціи на новой мирной конференціи остался безъ измѣненія. Въ составѣ же совѣтской делегаціи произошли слѣдующія измѣненія: вмѣсто Мануильскаго былъ назначенъ Квирингъ, предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ Екатеринославской губерніи; въ числѣ экспертовъ состояли: Малявинъ (бывшій директоръ Варшаво-Вѣнской ж. д.), проф. Прянишниковъ, акад. Ольденбургъ и быв. директоръ ж. д. департамента Старынкевичъ.

Открытіе пленарнаго засѣданія состоялось безъ всякой помпы. Послѣ огромнаго напряженія интереса къ конференціи по осуществленію прелиминарнаго мира, наступила естественная реакція и новая конференція перестала вызывать интересъ. Не было не только иностранныхъ корреспондентовъ, но даже мѣстная печать не была представлена полностью. Дипломатическія ложи были пусты.

Засѣданіе было открыто Домбскимъ, который въ своей вступительной рѣчи заявилъ, что польская делегація приступаетъ къ работѣ съ непреклонной волей заключить окончательный миръ. Самостоятельная въ своей политикѣ Польша не свернетъ съ пути, ведущаго къ прочному миру. Все, что было поставлено въ статьяхъ прелиминарнаго мира, будетъ служить основаніемъ для будущихъ отношеній Польши къ ея сосѣдямъ съ востока.

Насколько неловко чувствовали себя поляки, настолько большевики, окрыленные крупными успѣхами красной арміи на крымскомъ фронтѣ и подпертые теперь свободными штыками на польскомъ, чувствовали себя хозяевами положенія. Теперь это былъ уже не тотъ Іоффе, который недавно писалъ подобострастныя письма Домбскому и скрѣпя сердце проглатывалъ даже непозолоченныя пилюли поляковъ. Свою рѣчь онъ началъ съ высокихъ тоновъ:

«Россія и Украина вынуждены категорически заявить, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не потерпятъ какихъ бы то ни было обходовъ мира и всегда предпочтутъ открытую войну такому миру, при которомъ война ведется подъ разными псевдонимами»...

Теперь уже Домбскій выслушивалъ распеканія и, не возражая по существу, внесъ предложеніе немедленно образовать комиссіи по реализаціи прелиминарнаго мира: по обмѣну заложниками и военноплѣнными, территоріальную, правовую, юридическую, финансовую и экономическую.

Комиссіи были избраны, предсѣдатели комиссій были назначены, но вмѣсто продуктивной работы началась толчея, продолжавшаяся почти до начала кронштадтскаго возстанія весной 1921 года. Трудно еще сказать, во что бы вылилась эта канитель, если бы возстаніе «красы и гордости революціи» въ Кронштадтѣ не толкнуло большевиковъ опять на мирную колею.

Комиссія по обмѣну заложниками и военноплѣнными съ первыхъ же дней натолкнулась на противодѣйствіе совѣтской делегаціи, высказавшейся за обмѣнъ только послѣ подписанія окончательнаго мира, на томъ основаніи, что военноплѣнные могутъ быть вновь использованы для усиленія польской арміи, а это, при немиролюбіи поляковъ, можетъ быть опасно для совѣтской Россіи.

Въ Минскѣ и рядѣ пограничныхъ мѣстъ произошли стычки смѣшанныхъ польско-совѣтскихъ комиссій по вопросу о компетенціи этихъ комиссій и каждое лыко изъ этой области служило Іоффе матеріаломъ для длинныхъ нотъ, угрозъ и протестовъ, съ упреками въ недобросовѣстномъ выполненіи условій перемирія. Особенно остро сразу же всталъ вопросъ о реэвакуаціи вывезеннаго изъ Польши имущества. Іоффе прямо заявилъ полякамъ, что Россія въ данное время находится въ такомъ тяжеломъ экономическомъ положеніи, что Польшѣ почти нечего надѣяться на возмѣщеніе убытковъ, происшедшихъ благодаря утерѣ или порчѣ польскаго имущества.

Но еще острѣе стоялъ вопросъ о золотѣ. Когда поляки опредѣлили желаемую ими сумму русскаго золота въ 500 милліоновъ рублей, Іоффе рѣзко прекратилъ пренія и согласился вести переговоры о золотѣ только при условіи, что поляки «оставятъ эту юмористику для себя».

26 ноября Іоффе прервалъ переговоры по слѣдующему поводу: Предсѣдатель смѣшанной комиссіи въ Минскѣ, польскій полковникъ Рыбакъ, отказался выполнить подписанный въ Ригѣ пунктъ договора объ отводѣ войскъ и распустилъ смѣшанную комиссію. Іоффе послалъ протестующую ноту, въ которой заявилъ, что до полученія сообщенія о наказаніи полковника Рыбака, онъ считаетъ невозможнымъ продолжать работу мирной конференціи.

Домбскій поспѣшилъ отвѣтить слѣдующимъ письмомъ:

Высокоуважаемый господинъ Предсѣдатель!

По сообщенію, полученному мной изъ Варшавы, польскія войска, строго соблюдая условія о перемиріи, начали отходить на территорію Польскаго Государства. Относительно иныхъ, возбужденныхъ въ Вашей нотѣ вопросовъ, я, принимая во вниманіе, что не указано число, когда полковникъ Рыбакъ пришелъ къ выводамъ, упомянутымъ въ Вашей нотѣ, а также, въ виду отсутствія фактическихъ данныхъ, я вижу себя вынужденнымъ ограничиться сообщеніемъ содержанія Вашей ноты моему правительству.

Въ заключеніе я долженъ выразить сожалѣніе, что по неважнымъ, по моему мнѣнію, обстоятельствамъ, мирные переговоры задерживаются. Мнѣ приходится констатировать, что отвѣтственность за то падаетъ полностью на россійско-украинскую делегацію.

Примите, господинъ Предсѣдатель и пр.

Я. Домбскій.

Черезъ три дня Іоффе получилъ сообщеніе изъ Москвы, что полковникъ Рыбакъ измѣнилъ свою прежнюю политику и отходъ польскихъ войскъ начался.

Въ связи съ этимъ Іоффе сообщилъ Домбскому, что переговоры опять могутъ быть возобновлены.

Конечно, Іоффе дѣлалъ въ Ригѣ уже не свою политику, а творилъ волю его пославшихъ. Разгромивъ Врангеля, большевики теперь дѣлали попытку благополучно перезимовать, съ тѣмъ, чтобы весной штыками анулировать «рижскій клочекъ бумаги».

Прорывъ на западъ черезъ польскія ворота для организаціи обще-европейской революціи, снова сталъ лейтъ-мотивомъ политики совѣтской камарильи. На съѣздѣ металлистовъ въ Москвѣ, въ первыхъ числахъ декабря, Ленинъ, между прочимъ, говорилъ: «миръ съ Польшей далъ намъ возможность уничтожить армію Врангеля. Планъ сокрушенія совѣтской Россіи рухнулъ. Мы получили передышку и

будемъ бороться за условія, которыя дали бы намъ возможность осуществить планы міровой революціи, развивающейся нѣсколько болѣе медленнымъ темпомъ, нежели мы предполагали».

Нѣсколько позднѣе, въ февралѣ 1921 года, Троцкій на засѣданіи высшаго военнаго совѣта говорилъ, что плохое экономическое положеніе Россіи заставляетъ насъ продолжать войну. «Намъ необходима армія въ 2 милліона солдатъ. Миръ съ Польшей нужно подписать возможно позднѣе, чтобы выиграть время. Когда мы будемъ готовы, мы съумѣемъ найти поводъ для нападенія. Намъ слѣдуетъ сосредоточить войска противъ балтійскихъ государствъ и Финляндіи. Бессарабія послужитъ намъ предлогомъ для нападенія на Румынію, Литва и Латвія должны служить для насъ военными складами противъ Польши. Сношенія съ Германіей необходимо сохранить, ибо Германія является для насъ поставщикомъ оружія.»

Съ своей стороны, Радекъ открылъ энергичную кампанію въ прессѣ, въ партіи и въ красной арміи въ пользу новаго наступленія на Польшу. Этой словесной шумихѣ сопутствовала концентрація красной арміи на польской границѣ. Совѣтскія арміи не только не демобилизовались, но наоборотъ. по всей Россіи была объявлена реквизиція теплой одежды и обуви. Въ одномъ только Смоленско-Витебскомъ районѣ было сконцентрировано свыше 150 тысячъ штыковъ и сабель. Кромѣ того въ Москвѣ былъ организованъ спеціальный институтъ пропаганды и агитаціи для Польши. Во главѣ института стоялъ адвокатъ Фейвихъ. Окончившіе институтъ поляки и польки отправлялись въ Польшу, причемъ трудъ ихъ оплачивался по 50 тысячъ польскихъ марокъ ежемѣсячно.

Всѣ эти осложненія вызвали сильную тревогу въ польскихъ кругахъ и Варшава начала задумываться надъ прочностью рижскаго соглашенія. По крайней мѣрѣ, польскій премьеръ-министръ Витосъ, докладывая сейму о ходѣ мирныхъ переговоровъ въ Ригѣ, подчеркнулъ, что большевики затягивая переговоры, преслѣдуютъ какія то тайныя цѣли. Для того, чтобы ускорить заключеніе окончательнаго мира, правительство поручило своей делегаціи въ Ригѣ потребовать отъ русско-украинской делегаціи установленія точнаго срока, въ который можетъ быть подписанъ окончательный миръ. Въ этихъ цѣляхъ княземъ Сапѣгой Чичерину и Раковскому была послана слѣдующая нота:

> «Со времени возобновленія мирныхъ переговоровъ въ Ригѣ, делегація Совѣтскаго Правительства придерживается тактики, способной задержать ходъ переговоровъ. Необоснованные протесты, съ которыми выступаетъ совѣтская делегація, заставляютъ предполагать, что делегація задалась цѣлью затянуть переговоры или воспользоваться временемъ въ цѣляхъ агитаціи. Въ связи съ этими протестами, мирной конференціи въ Ригѣ при-

ходится работать въ неблагопріятной атмосферѣ, что можетъ отрицательно повліять на результаты переговоровъ. Польское Правительство категорически отвергаетъ всѣ упреки о неисполненіи условій перемирія и не можетъ признать выраженнаго заключенія относительно дальнѣйшаго хода переговоровъ. Польское Правительство констатируетъ, что переговоры не должны быть использованы для возможныхъ побочныхъ цѣлей, такъ какъ оно приступило къ переговорамъ съ искреннимъ желаніемъ прекратить войну. Польша уже демобилизовала категоріи семи возрастовъ, уменьшивъ такимъ образомъ свою армію въ увѣренности, что для обезпеченія рижскаго прелиминарнаго мира вооруженная сила уже не нужна. Въ Россіи же происходитъ противоположное.

Нынѣшняя тактика совѣтской делегаціи создаетъ серьезное сомнѣніе въ дѣйствительномъ желаніи Совѣтскаго Правительства прекратить войну.

Въ цѣляхъ опроверженія сомнѣній и способствованія дальнѣйшему ходу мирныхъ переговоровъ Польское Правительство предлагаетъ: 1. поручить делегаціямъ въ Ригѣ прійти къ немедленному соглашенію относительно срока подписанія окончательнаго мира. 2. немедленно по размѣщеніи войскъ въ указанныхъ договоромъ о перемиріи границахъ, приступить къ переговорамъ о постянныхъ военныхъ гарантіяхъ.

Въ ожиданіи скораго отвѣта Совѣтскаго Правительства на упомянутые вопросы, Польское Правительство готово во всякое время дать своей делегаціи въ Ригѣ соотвѣтствующія указанія.»

Но ни телеграмма Сапѣги, ни ежедневныя напоминанія Домбскаго не подвинули дѣла.

Безсиліе Домбскаго ускорить заключеніе окончательнаго мира вызвало сильное негодованіе въ Варшавѣ. 14 декабря въ засѣданіи Сейма, прибывшіе изъ Риги члены польской делегаціи Барлинскій и Перль докладывали, что Домбскій находится подъ сильнымъ вліяніемъ Іоффе и въ поискахъ компромисса нерѣдко идетъ въ разрѣзъ съ наказами Сейма. Оба экспансивные делегата требовали отставки Домбскаго и замѣны его болѣе пригоднымъ и энергичнымъ лицомъ. Первоначально, сгоряча рѣшено было отстранить Домбскаго. Но затѣмъ, повидимому, не желая крупнаго скандала и находя нетактичнымъ афишировать безсиліе польской делегаціи, а стало быть и возраставшую силу Іоффе, варшавское правительство временно рѣшило не отзывать Домбскаго. Однако, по отношенію къ польской делегаціи была примѣнена скрытая репрессія: Варшава перестала снабжать деньгами свою делегацію. Поляки, не получая денегъ, одалживались то у своего консульства, то у Латышскаго Правительства, то у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, но въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что полякамъ пере-

стали вѣрить и магазины и рестораны стали предъявлять счета къ оплатѣ, платить по которымъ было нечѣмъ. Эта финансовая катастрофа польской делегаціи продолжалась около мѣсяца, пока наконецъ варшавское правительство не смягчилось и не прислало денегъ. Въ періодъ прелиминарныхъ переговоровъ, польская делегація, въ виду низкаго курса польской валюты въ Ригѣ, получала содержаніе въ франкахъ. Теперь правительство стало выплачивать жалованье своей делегаціи въ польской валютѣ, что было очень невыгодно делегатамъ, такъ какъ уже тогда польская марка стоила въ Ригѣ всего лишь 12 латышскихъ копѣекъ, а къ моменту подписанія мира въ мартѣ мѣсяцѣ упала до 8 копѣекъ. Въ концѣ концовъ, когда всѣ формальные предлоги для протестовъ были использованы и уже не было никакихъ основаній для саботажа, Іоффе неожиданно призналъ, что рижскій воздухъ мало способствуетъ продуктивности мирныхъ занятій и потому, нашелъ, что для пользы дѣла, было бы не лишнее перенести мирные переговоры въ какой нибудь болѣе спокойный городъ, чѣмъ Рига. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее.

Совѣтская мирная делегація, имѣвшая въ своемъ распоряженіи около тридцати «дипломатическихъ курьеровъ», пользуясь попустительствомъ Латышскаго Правительства, развила широкую контрабандную торговлю, вывозя въ дипломатическихъ чемоданахъ, баулахъ и ящикахъ предметы продовольствія, мануфактуру и пр. Контрабанда была поставлена такъ широко, и закупки были настолько значительны, что спустя полтора мѣсяца послѣ открытія рижской конференціи цѣны на продукты рѣзко поднялись и въ городѣ явственно сталъ ощущаться недостатокъ продовольствія. Это не могло не возмутить населеніе и газеты и на почвѣ вывоза товаровъ цѣлыми ящиками произошло нѣсколько случаевъ избіенія «дипломатическихъ курьеровъ» и отнятія товаровъ желѣзнодорожниками.

Конечно, всѣ эти инциденты были отнесены совѣтской делегаціей, за счетъ кампаніи мѣстныхъ «бѣлогвардейскихъ листковъ». И вотъ отъ имени русско-украинской мирной делегаціи было послано слѣдующее официальное письмо въ латвійское телеграфное агенство для опубликованія въ мѣстныхъ газетахъ:

«Отъ русско-украинской мирной делегаціи.

Мѣстная бѣлогвардейская и, въ особенности, русская печать, въ своей слѣпой и безсильной ненависти противъ совѣтской Россіи дошла до попытки использованія самыхъ низкихъ инстинктовъ темныхъ элементовъ. За послѣдніе дни эти листки подняли цѣлую бурю по поводу вывезеннаго дипломатическаго багажа, создавая впечатлѣніе, будто бы подъ маскою дипломатическаго багажа провозятся продукты и товары. Этимъ господамъ, вѣроятно, неизвѣстно, что изъ Риги провозится почта

трехъ миссій: полномочнаго представителя въ Латвіи, полномочнаго представителя въ Литвѣ и русско-украинской мирной делегаціи. Въ виду этого не слѣдуетъ удивляться количеству багажа. Понятно, что эти политически не развитые люди не могутъ себѣ представить, что экономическія отношенія между Латвіей и Россіей и товарообмѣнъ могутъ и будутъ производиться не при помощи дипломатическихъ чемодановъ.

Сообщая о покупкѣ отъ министерства снабженія 30 тысячъ пудовъ подошвенной кожи и 20 тысячъ паръ ботинокъ, эти листки не могутъ воздержаться отъ безсвязной клеветы. Кажется, каждому мыслящему, обладающему здравымъ умомъ человѣку ясно, что смѣшно говорить о вывозѣ изъ Латвіи продуктовъ въ дипломатическихъ чемоданахъ общимъ вѣсомъ въ нѣсколько десятковъ пудовъ въ то время, когда Россія предлагаетъ Латвіи сырье и хлѣбъ. Но то, что понятно всякому, не понятно лишь для «Сегодня» и компаніи. Эти господа дѣлаютъ свою грязную политику лишь при помощи грязной лжи.»

Одновременно Іоффе послалъ письмо латвійскому министру иностранныхъ дѣлъ въ которомъ, излагая вышеуказанныя мысли о натравливаніи черни мѣстными газетами заявлялъ, что если не прекратится травля совѣтской мирной делегаціи, то онъ вынужденъ будетъ просить у своего правительства разрѣшеніе перенести продолженіе мирныхъ переговоровъ изъ Риги въ другой городъ.

Латышское Правительство отвѣтило, что вывозъ продуктовъ изъ Риги дипломатическими курьерами дѣйствительно фактъ, но правительство не считаетъ это серьезнымъ мотивомъ для перенесенія мирныхъ переговоровъ изъ Риги, гдѣ совѣтской делегаціи предоставлено максимумъ удобствъ и комфорта, которыми даже и въ сотой долѣ не пользуется латышское дипломатическое представительство въ Москвѣ.

Но Іоффе все таки не хотѣлось приниматься до весны за миротворческое ремесло. Былъ придуманъ новый трюкъ съ угрозой перенесенія переговоровъ изъ Риги. Нужно быть воистину большевикомъ, чтобы для отклоненія рѣшенія такой грандіозной исторической проблемы, какъ польско-русскія взаимоотношенія, попытаться, воспользоваться такимъ мелкимъ и чисто анекдотическимъ, частнымъ случаемъ.

1 декабря въ Ригѣ вышла первая коммунистическая газета «Воля», до этого выходившая въ качествѣ добропорядочной «бѣлогвардейской» газеты. За крикливый коммунистическій тонъ и специфическіе призывы газета эта на второмъ номерѣ была закрыта правительствомъ, а редакторъ ея былъ посаженъ въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ. Хотя «Воля» не была официальнымъ изданіемъ партіи, но слѣдствіемъ было установлено, что фактически вся редакція помѣщалась въ рижскомъ совѣтскомъ посольствѣ, фактическими ея редакторами были члены торговаго отдѣла посольства

Розенбергъ и Іоффе (дальній родственникъ А. Іоффе), статьи же по экономическимъ вопросамъ писалъ прив. доц. Боголѣповъ, экспертъ совѣтской мирной делегаціи. Энергичная мѣра Латышскаго Правительства вызвала рѣзкій протестъ Ганецкаго-Фюрстенберга, потребовавшаго снятія запрещенія съ «Воли» и освобожденія ея подставного редактора. Разумѣется, правительство отказало. Тогда Іоффе тоже нашелъ необходимымъ вмѣшаться въ это дѣло и явившись въ Латышское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ категорически заявилъ, что закрытіе «Воли» онъ считаетъ актомъ, враждебнымъ совѣтскому правительству и потому, если «Воля» не будетъ разрѣшена, то онъ не считаетъ возможнымъ оставаться въ Ригѣ и телеграфируетъ своему правительству о необходимости перенесенія мирныхъ переговоровъ въ другой городъ. Въ результатѣ очень долгихъ переговоровъ, вопросъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что вмѣсто «Воли» будетъ разрѣшенъ выходъ «Новаго Пути», въ качествѣ оффиціоза торговаго отдѣла совѣтскаго посольства въ Ригѣ, подъ условіемъ, что онъ не будетъ заниматься политикой, но исключительно экономикой.

Такимъ образомъ, инцидентъ былъ исчерпанъ и Іоффе невольно пришлось сѣсть за мирный столъ.

Но Іоффе не успокоился и 2 декабря придрался къ операціямъ ген. Желиховскаго въ Литвѣ, гдѣ этотъ польскій генералъ штыками «возставшихъ бѣлоруссовъ и литовцевъ», фактически же регулярными польскими войсками «самоопредѣлялъ» т. н. среднюю Литву, присоединяя ее вмѣстѣ съ городомъ Вильно къ Польшѣ.

Операціи генерала Желиховскаго собственно къ тому времени уже прекратились, но Іоффе рѣшилъ, что если не хочется мириться, то протестовать никогда не поздно. Въ своей нотѣ Іоффе писалъ, что совѣтское правительство не можетъ оставить безъ вниманія положеніе въ виленской области, гдѣ генералъ Желиховскій организуетъ бѣлогвардейское гнѣздо и гдѣ остатки разбитыхъ армій Балаховича и Савинкова находятъ себѣ пріютъ и готовятъ новое наступленіе на совѣтскую Россію. «Принимая во вниманіе тѣсную связь между генераломъ Желиховскимъ и польскими военными властями», писалъ Іоффе, «Совѣтское Правительство вынуждено возложить на Польское Правительство всю отвѣтственность за ущербъ интересамъ совѣтскихъ республикъ, могущій возникнуть вслѣдствіе событій на территоріи генерала Желиховскаго».

Кромѣ того, мирной работѣ въ Ригѣ мѣшала... украинская народная рада, находившаяся въ Тарнювѣ. Раковскій въ длинной нотѣ Сапѣгѣ жаловался, что вопреки прелиминарному миру на польской территоріи, въ Тарновѣ существуетъ самозванное украинское народное правительство, распространяющее разныя непріятныя свѣдѣнія объ украинскомъ совѣтскомъ правительствѣ и которое готовитъ бѣлогвардейскія банды для грабежа, пожаровъ, еврейскихъ погромовъ, убійства совѣтскихъ представителей и пр. нехорошихъ

вещей, а Пилсудскій передъ своимъ отъѣздомъ въ Парижъ принималъ даже Петлюру, что, по мнѣнію Раковскаго, нарушаетъ ст. 2 прелиминарнаго мира.

Словомъ, весь декабрь прошелъ въ полномъ бездѣйствіи, прерывавшемся лишь выпускомъ придирчивыхъ нотъ, съ цѣлью оправдать хроническіе перерывы въ работахъ.

Подъ знакомъ бездѣятельности пришелъ и новый, 1921 годъ.

5-го января польское прессъ-бюро въ Ригѣ опубликовало черезъ Л. Т. А. слѣдующее пессимистическое сообщеніе: «Польско-русскіе мирные переговоры окончательно прервались, вслѣдствіе большихъ разногласій. На благопріятный исходъ переговоровъ надежда очень слабая».

Съ своей стороны, совѣтская делегація также сочла нужнымъ сообщить въ латышскія газеты, что если польско-совѣтскіе мирные переговоры не будутъ закончены въ февралѣ, и договоръ не будетъ подписанъ, то Іоффе откажется отъ должности предсѣдателя и уѣдетъ изъ Риги.

8-го января корреспондентъ «Дайли Телеграфъ» телеграфировалъ, что «заключеніе польско-совѣтскаго мира тормозится исключительно изъ-за вопроса о золотѣ. Требованіе Польши о выдачѣ ей не менѣе 500 милліоновъ золота для совѣтской Россіи неисполнимо. Польша опасается, что съ улучшеніемъ военнаго положенія въ совѣтской Россіи, послѣдняя снова начнетъ воевать, если миръ до тѣхъ поръ не будетъ заключенъ».

Лишь въ половинѣ января возобновились прерванныя работы юридической и правовой комиссій, вслѣдствіе чего предсѣдатель этихъ комиссій Стецковскій отложилъ свой отъѣздъ изъ Риги. Но уже черезъ недѣлю переговоры опять прервались и стали на мертвой точкѣ. И опять польское бюро печати меланхолически сообщало корреспондентамъ: «польско-совѣтскіе мирные переговоры пріостановились, такъ какъ ни одна изъ сторонъ не высказываетъ желанія пойти въ болѣе важныхъ вопросахъ на уступки».

Ясно, что въ концѣ концовъ передъ поляками должна встать задача — какъ и какимъ образомъ заставить большевиковъ подписать окончательный миръ и реализовать условія прелиминарнаго мира? Ясно было также, что добромъ ихъ «не взять», что нужно наконецъ изобрѣсти какія то практическія мѣры, чтобы пробудить и усилить ослабѣвшія мирныя чувства большевиковъ.

И вотъ поляки сначала пошли на крупныя, по ихъ мнѣнію, уступки въ вопросѣ о золотѣ. Постепенно торгуясь, они къ концу января дошли до 300 милліоновъ — максимальная уступка, на которую, въ интересахъ скорѣйшаго заключенія окончательнаго мира, они пошли. Но эта «уступка» сразу же получила должную оцѣнку въ «Коммунистическомъ Трудѣ», который писалъ: «Мы знаемъ, что Польша, вслѣдствіе внутренняго критическаго положенія, больше не въ состояніи вести войну. Между тѣмъ, она проявляетъ въ рижскихъ переговорахъ упрямство и неуступчивость. Польша предъ-

являетъ безсмысленныя требованія о возвращеніи своей доли въ золотомъ фондѣ прежней Царской Россіи, въ суммѣ 300 милліоновъ рублей. Подобныя требованія понижаютъ шансы на миръ и задерживаютъ его подписаніе. Весь міръ знаетъ, что внѣшній анти-большевистскій фронтъ немыслимъ, а главное, Польша не должна забывать, что у насъ нѣтъ больше врангелевскаго фронта и армія наша не демобилизована»...

Естественно, что Польшѣ нужно было искать «на всякій случай» опору извнѣ.

И вотъ 2 февраля въ Парижъ отправился самъ Начальникъ Польскаго Государства Пилсудскій, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ князя Сапѣги и военнаго министра Сосновскаго. Для пущей успѣшности военно-дипломатической миссіи, сеймъ поручилъ Пилсудскому принести въ даръ Франціи картину Яна Матейки «Жанна д'Аркъ».

Миссія Пилсудскаго въ Парижѣ закончилась успѣхомъ, такъ какъ 19 февраля былъ подписанъ франко-польскій договоръ, гласившій:

1. Въ цѣляхъ согласованія своей мирной политики, оба правительства обязуются впредь совѣщаться по всѣмъ вопросамъ внѣшней политики, въ которыхъ заинтересованы оба государства, какъ напримѣръ установленіе международныхъ сношеній и проч.
2. Для улучшенія экономическаго положенія, оба правительства заключаютъ спеціальныя торговыя конвенціи и договоры.
3. Въ случаѣ, если на одно изъ договаривающихся государствъ, безъ его вины, нападетъ какое-либо другое государство, оба государства объединяются для взаимной защиты своихъ территорій и правовыхъ интересовъ.
4. Оба государства обязуются совмѣстно обсуждать вопросы заключенія съ другими государствами новыхъ договоровъ, имѣющихъ отношеніе къ положенію центральной и восточной Европы.

Далѣе, въ задачу Пилсудскаго входила поѣздка въ Лондонъ, но такъ какъ Ллойдъ Джорджъ уклонился отъ свиданія съ главой Польскаго Государства, то въ Лондонъ отправился одинъ только князь Сапѣга, котораго неоффиціально принялъ лордъ Керзонъ.

Каковы были практическіе результаты пребыванія Сапѣги въ Лондонѣ неизвѣстно, но фактъ тотъ, что Красинъ, находившійся въ Ригѣ проѣздомъ въ Лондонъ для заключенія англо-совѣтскаго торговаго договора, 21-го февраля имѣлъ продолжительное свиданіе съ польскимъ министромъ финансовъ Стецковскимъ. Хотя содержаніе ихъ бесѣды сохранялось въ тайнѣ, но все же предпріимчивымъ англійскимъ корреспондентамъ удалось узнать, что бесѣда шла о золотѣ. Красинъ предложилъ Стецковскому довольствоваться 30 мил-

люнами золота, да и то не въ натурѣ, а путемъ выдачи разныхъ концессій на означенную сумму.

Такъ или иначе, но подписаніе франко-польскаго договора, визитъ Сапѣги къ Керзону и слухи о скоромъ заключеніи польско-румынскаго оборонительнаго союза нѣсколько измѣнили неопредѣленное положеніе мирныхъ переговоровъ. Поляки вновь пріобрѣли солидный тонъ и стали говорить съ большевиками внушительнѣе, чѣмъ недавно. Занятія въ комиссіяхъ стали происходить регулярно, а нѣкоторыя комиссіи даже настолько преуспѣли, что для окончательнаго оформленія ихъ работъ можно было уже созвать пленарное засѣданіе. Договоръ объ оптаціи былъ принятъ въ окончательной формѣ, а въ вопросѣ о капиталахъ и фондахъ польскихъ научныхъ обществъ большевики пошли на значительныя уступки, потому что, какъ формулировали большевики, въ царское время законодательство въ этомъ отношеніи было направлено противъ Польши.

Но, однако, по прежнему неудовлетворительно обстояли переговоры о золотѣ и о возвращеніи желѣзно-дорожнаго матеріала.

Требованія поляковъ въ желѣзно-дорожной комиссіи сводились къ слѣдующему. Польшѣ долженъ быть возвращенъ весь подвижной составъ западно-европейской колеи, если же его въ наличности нѣтъ или онъ испорченъ, то Россія должна предоставить соотвѣтствующее денежное вознагражденіе. Польша согласна, чтобы подвижной составъ нормальной колеи остался въ Россіи и Украинѣ, въ качествѣ возмѣщенія, причитающагося Россіи со стороны Польши. Польшѣ должно быть возвращено все желѣзно-дорожное имущество, вывезенное въ Россію. Большевики же соглашались только на возвращеніе того подвижного состава западно-европейской колеи, который былъ вывезенъ и остался цѣлымъ; отъ денежнаго возмѣщенія утеряннаго или испорченнаго матеріала большевики отказались.

По прежнему сильны были и разногласія по вопросу о возмѣщеніи убытковъ частныхъ лицъ. Совѣтская делегація согласна была возмѣстить убытки частныхъ лицъ лишь тогда, если они не были вызваны чрезвычайными обстоятельствами, напримѣръ революціей, погромами и пр. Каждый изъ исковъ долженъ подвергнуться тщательному разслѣдованію. Но поляки прекрасно понимали, что подобное предложеніе врядъ ли могло дать конкретные результаты для польскихъ гражданъ, такъ какъ совѣтское правительство всегда могло бы подвести убытки частныхъ лицъ подъ рубрику force majeure.

Никакъ не могла сторговаться и комиссія по возвращенію историческаго имущества Польшѣ. Въ то время, какъ поляки требовали возврата всего музейнаго, художественнаго и архивнаго матеріала, вывезеннаго начиная съ 1772 года, большевики соглашались возвратить только то имущество, которое является продуктомъ польской культуры и то при условіи, что не будетъ нарушена цѣльность коллекцій Россіи...

Корреспондентамъ вся эта мирная канитель крайне надоѣла и скучавшій корреспондентъ «Дайли Экспрессъ» обратился къ Іоффе съ запросомъ: когда же наконецъ будетъ заключенъ миръ?

Іоффе отвѣтилъ, что единственными виновниками задержки являются поляки, явившіеся въ Ригу съ заранѣе заготовленными проэктами мира. Хотя всѣ эти проэкты у ж е у с т а р ѣ л и и н е с о о т в ѣ т с т в у ю т ъ м о м е н т у, но по требованію поляковъ они все же дебатируются въ комиссіяхъ, подкомиссіяхъ и на общихъ засѣданіяхъ; делегаціи запрашиваютъ свои правительства и на все это тратится много времени. Чтобы ускорить заключеніе мира, совѣтская Россія согласна даже пойти на небольшія территоріальныя уступки, но, конечно, Россія не можетъ дать большаго, чѣмъ она вынуждена была дать по прелиминарному миру, тяжелому и несправедливому... Но если совѣтская делегація готова уступить въ территоріальномъ вопросѣ, то она не считаетъ необходимостью пойти на требованія Польши относительно золотого фонда. Если съ натяжкой можно еще говорить о той части золотого фонда, которая составлялась изъ податей (около 300 милліоновъ золотомъ), то на долю Польши причитается всего около 20 милліоновъ; но на остальную часть фонда, собранную банковскими операціями, Польша претендовать не можетъ.

Іоффе затруднился отвѣтить на вопросъ о срокѣ заключенія мира.

Какія же основанія и права на русское золото были у поляковъ? Точка зрѣнія совѣтской делегаціи была ясна и понятна, но мы, скучающіе корреспонденты, не знали точки зрѣнія поляковъ. Мы отправились къ члену польской делегаціи Каузнику, который объяснилъ намъ слѣдующее: «Польша», — говорилъ Каузникъ, — «имѣетъ безспорное право на участіе въ обладаніи всѣмъ запасомъ золота бывшаго россійскаго государственнаго банка, независимо отъ источниковъ, изъ которыхъ этотъ запасъ сложился.

Прежде всего, не можетъ быть исключена изъ общаго счета дѣятельность самостоятельнаго казначейства Царства Польскаго, уничтоженнаго въ 1867 году и вносившаго ежегодно весьма болшія суммы въ кассу Русскаго Государства. Впослѣдствіи польскія земли дѣятельно участвовали въ общемъ хозяйствѣ цѣлой Имперіи своимъ платежнымъ и бюджетнымъ балансомъ. Излишки бюджетовъ, получавшихся въ польскихъ земляхъ, шли въ русское казначейство, а оттуда въ кассу русскаго государственнаго банка, чѣмъ банку облегчались операціи по накопленію и пріобрѣтенію золота. Въ равной мѣрѣ, не малое участіе польскаго народа проявлялось и въ полученіи Россіей заграничныхъ займовъ, способствовавшихъ дѣлу созданія русскаго золотого фонда, такъ какъ заграничные капиталы имѣли при займахъ въ виду экономическое состояніе всей Имперіи, включая и Царство Польское. Польскій народъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ

лѣтъ несъ на себѣ тяготы налоговъ по уплатѣ займовъ и даже въ болѣе высокой степени, нежели граждане центральной Имперіи.

Исходя изъ этихъ соображеній, Польша ни съ точки зрѣнія исторической перспективы, ни съ точки зрѣнія принциповъ элементарной справедливости не можетъ быть лишена участія въ обладаніи золотымъ фондомъ русскаго государственнаго банка».

Насколько «безспорны» были всѣ эти «историческія» данныя Каузника, можно судить хотя бы по тому, что, начавъ торговаться съ 500 милліоновъ рублей, поляки къ концу февраля довольствовались уже 50 милліонами.

XIII. Попытки поляковъ образовать антибольшевистскій Балтійскій союзъ. Кронштадтское возстаніе и подписаніе мирнаго договора. Отзывы о немъ въ польской печати.

Тѣмъ временемъ, отдохнувшая красная армія, начала опять накапливаться на эстонской, латышской, литовской и польской границахъ. Латышская печать въ Ригѣ забила тревогу и стала призывать къ бдительности латышскихъ «консуловъ». Основаніемъ для концентраціи совѣтскихъ войскъ послужило то обстоятельство, что поляки, въ цѣляхъ самообороны на случай весенняго наступленія большевиковъ на Польшу, выдвинули идею созданія союза балтійскихъ государствъ для совмѣстной войны противъ совѣтской Россіи и въ Ригѣ и Ревелѣ произошли конференціи премьеровъ, Польши, Латвіи и Эстоніи по вопросу о практическомъ осуществленіи этой польской «самостраховки». Желая воздѣйствовать на конферирующихъ премьеровъ, Іоффе, подъ псевдонимомъ, напечаталъ въ «Новомъ Пути» статью съ угрозой: если будетъ осуществленъ балтійскій союзъ, то «надъ Прибалтикой долженъ сверкнуть карающій мечъ совѣтской Россіи».

А что поляки ожидали войны и старались втянуть въ нее и Латвію и Эстонію, можно судить по интервью Сапѣги, даннымъ имъ для одной румынской газеты: «Я не хочу преувеличивать возможныхъ весной событій. Возможно, что слухи о наступленіи совѣтской Россіи лишены основанія, но если оно состоится, то намъ нечего ждать ни отъ Англіи, ни отъ Франціи, какъ это показала предыдущая война съ большевиками».

Вотъ потому то Польша и стала заботиться о созданіи балтійскаго союза. Паническое состояніе Риги вскорѣ перекинулось и на Варшаву, а оттуда и въ Парижъ. Понадобилось даже спеціальное оффиціальное успокоеніе Латышскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Но и мини-

стерство, не оспаривая факта концентраціи войскъ на русско-латвійской и латвійско-литовской границахъ, успокаивало общество тѣмъ, что «слухи нѣсколько преувеличены». Регистрація французскихъ подданныхъ въ Ригѣ и прибытіе въ Ригу двухъ французскихъ миноносцевъ вызвало новый приливъ паники въ Ригѣ и французскій консулъ долженъ былъ выступить въ рижскихъ газетахъ съ письмомъ, указывая что регистрація французскихъ подданныхъ производится въ чисто административныхъ цѣляхъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ и что о вывозѣ французскихъ подданныхъ изъ Риги на миноносцахъ не можетъ быть и рѣчи.

Но эти успокоенія меньше всего могли подѣйствовать на поляковъ, потому что для нихъ не было секретомъ еженедѣльное накопленіе красной арміи на границѣ, а также тотъ фактъ, что такъ называемое «польское совѣтское правительство», сорганизованное во время наступленія на Варшаву лѣтомъ 1920 года, не только не было распущено, но энергично работало всю зиму. «Польскій совнаркомъ» занималъ въ Москвѣ цѣлый особнякъ съ соотвѣтствующей вывѣской, онъ выпускалъ агитаціонныя брошюры, отправляя ихъ въ Варшаву, Лодзь и Домброво, имѣлъ огромный штатъ служащихъ. Въ началѣ февраля польскій совнаркомъ, вмѣсто ушедшаго Дзержинскаго, былъ пополненъ Уншлихтомъ и Прушнякомъ, въ качествѣ членовъ правительства.

Въ такой обстановкѣ прошелъ февраль и наступалъ мартъ, мѣсяцъ въ который долженъ былъ рѣшиться роковой вопросъ: быть войнѣ или миру?

Трудно сказать, какого образа дѣйствій стали бы держаться большевики весной, имѣя на фронтѣ около 800 тысячъ штыковъ, при отсутствіи другихъ фронтовъ гражданской войны и при сознаніи, что прелиминарный миръ 12 октября былъ миромъ насильническимъ и грабительскимъ, подписаннымъ Іоффе съ закрытыми глазами только для покупки нужной тогда передышки. О желаніи или нежеланіи поляковъ воевать или мириться, здѣсь не приходится говорить, потому что иниціатива всѣхъ дѣйствій къ веснѣ находилась исключительно въ рукахъ совѣтской делегаціи.

Исходя изъ того соображенія, что Іоффе тянулъ мирные переговоры цѣлыхъ пять мѣсяцевъ и далъ возможность красной арміи воспользоваться зимней передышкой, а также принимая во вниманіе, что совѣтская делегація всячески и подъ разными предлогами избѣгала и не хотѣла наполнить конкретнымъ содержаніемъ пункты и статьи прелиминарнаго мира и, уступая давленію Англіи, шла только на мелкія уступки и компромиссы, абсолютно не уступая ни въ чемъ крупномъ, можно было навѣрное предположить, что миръ не былъ бы заключенъ. Правда, можетъ быть большевики сами и не объявили бы официально войну Польшѣ, а вынудили бы поляковъ первыми открыть военныя дѣйствія, чтобы принудить большевиковъ «съ уваженіемъ» относиться къ подписанному ими прелиминарному миру. Но это вопросъ чисто техническій и тактическій.

Я же лично, наблюдавшій за всѣми перепитіями польско-совѣтскихъ мирныхъ переговоровъ, въ теченіи полугода, думаю, что миръ не былъ бы заключенъ, если бы проклятая историческая судьба Россіи не положила на чашку польскихъ вѣсовъ кронштадтскаго возстанія.

Когда началось кронштадтское возстаніе, Іоффе неожиданно заболѣлъ «міакардитомъ» и слегъ въ постель. Мирные переговоры были прерваны. Но 2 марта Іоффе получилъ телеграмму отъ Чичерина, въ которой главѣ совѣтской делегаціи отъ имени совѣта народныхъ комиссаровъ предписывалось немедленно пойти на мирное соглашеніе съ поляками и безотлагательно заключить окончательный миръ, «въ виду начавшихся интригъ международной буржуазіи и русскихъ бѣлогвардейцевъ», не стѣсняясь даже передъ территоріальными уступками и концессіями.

Черезъ день Іоффе также неожиданно выздоровѣлъ, какъ и неожиданно заболѣлъ. За двѣ недѣли теперь было сдѣлано гораздо больше, чѣмъ за всю зиму. Обѣ стороны теперь имѣли пріятное удовольствіе сообщить корреспондентамъ, что «почти по всѣмъ спорнымъ вопросамъ достигнуто полное соглашеніе, такъ какъ обѣ стороны, обходя всякіе острые углы идутъ на компромиссы и что не позднѣе 15 марта окончательный миръ будетъ подписанъ».

Было достигнуто и соглашеніе о золотѣ. Англія, уже подписавшая торговый договоръ съ большевиками, рѣшительно посовѣтовала полякамъ взять то, что имъ даютъ, т. е. 30 милліоновъ рублей, въ видѣ компенсаціи за активное участіе земель Польской Республики въ хозяйственной жизни бывшей Россійской Имперіи.

Кромѣ золота большевики согласились выдать Польшѣ въ натурѣ или эквивалентѣ 300 паровозовъ, 260 пассажирскихъ вагоновъ и 8100 товарныхъ вагоновъ, сверхъ захваченныхъ поляками во время лѣтняго наступленія ихъ на Украину 255 паровозовъ, 435 пассажирскихъ вагоновъ и 8859 товарныхъ. Общая стоимость возвращемаго Польшѣ подвижного состава была опредѣлена въ 13 149 000 золотыхъ рублей, а общая сумма остального желѣзно-дорожнаго имущества (кромѣ подвижного состава) была опредѣлена въ 5 096 000 золотыхъ рублей.

18 марта, когда въ Кронштадтѣ опять взвилось красное знамя, въ Ригѣ былъ законченъ второй актъ русской трагедіи...

Чтеніе мирныхъ протоколовъ продолжалось ровно часъ. Рѣзкимъ чеканнымъ голосомъ Домбскій читалъ статьи мирнаго договора о томъ, что «возвращается», «уступается», «реэвакуируется», «отчисляется», «отходитъ» къ Польшѣ отъ Россіи.

И также быстро и монотонно читалъ Іоффе отреченіе Россіи отъ того, что строилось, созидалось и копилось вѣками, кровью и трудомъ сотенъ русскихъ поколѣній.

«Миръ съ Польшей», говорилъ въ своемъ заключительномъ словѣ Іоффе, или какъ его назвали рижскіе остряки,

«графъ Полубѣлорусскій», «ликвидировалъ насильническую политику царскихъ дипломатовъ и будетъ служить базой для установленія дружественныхъ сношеній съ Польшей».

Я не привожу текста окончательнаго польско-большевистскаго мира, такъ какъ онъ, въ свое время, былъ опубликованъ во всей русской прессѣ.

Но я хочу привести двѣ характеристики рижскаго мира польской общественностью. Онѣ тѣмъ болѣе интересны, что принадлежатъ газетамъ діаметрально-противоположныхъ направленій.

Органъ польскихъ пэ-пэ-эсовъ и оффиціозъ Пилсудскаго «Народъ» писалъ:

«Совершенно очевидно, что на ту пограничную линію, какую мы получили въ Ригѣ, не согласилось бы ни одно Русское Правительство. Въ нашихъ интересахъ поэтому, чтобы большевики удержались у власти по крайней мѣрѣ на столько времени, чтобы рижскій миръ принесъ свои результаты.»

Съ радикальнымъ «Народомъ» въ оцѣнкѣ рижскаго мира сошлась и «ГазетаВаршавска», выразительница мнѣнія польскихъ правыхъ круговъ:

«Для рѣшенія этого вопроса нынѣшнее правительство Россіи для насъ самое выгодное. Поэтому, пусть въ котлѣ, а вѣрнѣе въ русскомъ аду, кипитъ и бурлитъ и пусть враждебныя другъ другу направленія тамъ взаимно ослабляются. Не въ интересахъ Польскаго Государства, чтобы наступили сумерки боговъ большевистскихъ въ Москвѣ. Наши интересы требуютъ, чтобы прежде всего, рижскій трактатъ, подписанный совѣтскими представителями, не утерялъ своей силы. Если теперешнее правительство останется въ Россіи болѣе или менѣе продолжительное время, трактатъ этотъ такъ или иначе, посредственно или непосредственно, формально или фактически, получитъ цѣну международнаго признанія. Къ этому мы должны всемѣрно стремиться, чего бы это ни стоило.»

Не тутъ ли лежитъ разгадка, почему поляки, въ опасные для большевиковъ дни Кронштадта, поспѣшили подать имъ спасательную веревку и довольствовались всего лишь 30 милліонами золота?..

Махно.

Особенности гражданской войны заставили меня пробыть у Махно довольно продолжительное время, что дало мнѣ возможность наблюдать не только самого Махно и его приближенныхъ, но и основательно окунуться въ самую глубину крестьянскаго движенія, возглавляемаго Махно. Съ этими наблюденіями я и считаю своей задачей познакомить читателя.

I. Махно до революціи 1917 года.

Несторъ Ивановичъ Махно родился въ 1884 году, въ селѣ Гуляй Поле Екатеринославской губ., въ семьѣ малоземельнаго и бѣднаго крестьянина, который занимался скупкой рогатаго скота и свиней по заказамъ маріупольскихъ мясниковъ.

До одиннадцати лѣтъ молодой Махно, посѣщавшій школу, помогалъ отцу въ раздѣлкѣ свиннихъ тушъ, а затѣмъ мальчика опредѣлили въ одинъ изъ галантерейныхъ магазиновъ гор. Маріуполя.

Съ первыхъ же дней службы въ магазинѣ для всѣхъ было ясно, что приказчика изъ Махно не получится.

— Это былъ, — какъ разсказывалъ впослѣдствіи старикъ приказчикъ, у котораго Махно былъ подручнымъ — настоящій хорекъ; молчаливый, замкнутый, сумрачно смотрящій на всѣхъ недобрымъ взглядомъ необыкновенно блестящихъ глазъ. Онъ одинаково злобно относился, какъ къ служащимъ, такъ и къ хозяину и покупателямъ. За три мѣсяца я обломалъ на его головѣ и спинѣ совершенно безо всякой пользы до сорока деревянныхъ аршиновъ: наша наука ему не давалась.

Отъ мальчика требовали покорности, почтительности и выполненія мелкихъ услугъ, но будущій крестьянскій вождь презирая старшихъ, вмѣсто скучнаго дѣла за прилавкомъ,

предпочиталъ ловлю бычковъ въ морѣ или шатанье съ шумной ватагой праздныхъ уличныхъ мальчишекъ по порту или окрестностямъ города.

На побои, которыми щедро награждали его со всѣхъ сторонъ, мальчикъ отвѣчалъ местью: онъ ловко и незамѣтно отрѣзывалъ пуговицы съ костюмовъ приказчиковъ, подливалъ касторовое масло въ чайникъ съ чаемъ, а своего учителя — приказчика; однажды, послѣ порки, сгоряча облилъ кипяткомъ такъ, что старика въ обморочномъ состояніи отвезли въ больницу. Но этимъ не кончилось. Когда жена хозяина магазина сдѣлала попытку выдрать мальчика за уши, онъ до крови искусалъ ея руки и, боясь наказанія, сбѣжалъ изъ магазина, скрываясь неизвѣстно гдѣ.

Хозяинъ, желая избавиться отъ непокорнаго Махно, вызвалъ изъ села отца. Мальчика разыскали, выпороли и устроили въ типографію для обученія дѣлу наборщика.

Типографское дѣло пришлось Махно по вкусу: онъ съ интересомъ присматривается къ работѣ наборщиковъ, расспрашиваетъ ихъ, учится разбирать шрифтъ, проявляетъ бойкость, смѣтливость. Въ типографіи его начинаютъ цѣнить, поощрять — и это вѣрнѣе всякихъ побоевъ достигаетъ цѣли: Махно съ утра до вечера просиживаетъ въ типографіи — онъ уже умѣетъ держать въ рукахъ верстатку, его рука быстро и ловко бѣгаетъ по клѣточкамъ кассы.

Портъ и ловля бычковъ забыты, забыты и дѣтскія шалости съ ватагой уличныхъ мальчугановъ. Махно не узнать. Онъ берется за книги, тетради, появляется жажда знанія: Махно работаетъ надъ самообразованіемъ, упорно, настойчиво, проявляя несомнѣнныя способности.

На мальчика обращаетъ вниманіе работавшій въ той же типографіи анархистъ Волинъ, который заинтересовывается занятіями Махно и помогаетъ ему пройти дома курсъ городского училища.

Послѣ ареста Волина занятіемъ Махно руководитъ С. Р. Михайловъ. По его совѣту Махно сдаетъ экзаменъ на званіе сельскаго учителя и въ 1903 году получаетъ мѣсто учителя въ одномъ изъ селъ Маріупольскаго уѣзда.

Съ первыхъ же шаговъ своей учительской дѣятельности Махно принялся за проповѣдь среди крестьянъ анархическаго ученія. На этой почвѣ у него начались непріятности съ полиціей и начальствомъ. Въ результатѣ этихъ столкновеній Махно лишаютъ мѣста учителя и высылаютъ въ с. Гуляй Поле подъ надзоръ полиціи.

Въ родномъ селѣ Махно сразу пріобрѣтаетъ популярность и неограниченное вліяніе на крестьянскую молодежь. Это было вполнѣ понятно. Сверстники Махно помнили его по школѣ, по играмъ и шалостямъ и вдругъ этотъ маленькій Несторъ, котораго они часто били, возвращается домой съ дипломомъ учителя, «героемъ», пострадавшимъ за убѣжденія, «борцомъ» за народъ и правду. Въ результатѣ онъ

настолько подчиняетъ своему вліянію крестьянскую молодежь, что фактически становится хозяиномъ села: его распоряженій никто не смѣлъ ослушаться.

— Я приказалъ, и надо исполнить, — властно распоряжался Махно, сверкая блестящими глазами.

И его приказы исполнялись. Махно и его товарищи занимались тѣмъ, что совершали налеты на погреба и сараи зажиточныхъ крестьянъ и помѣщиковъ и по ночамъ устраивали безшабашные кутежи, о которыхъ потомъ говорила вся деревня.

Старики недовольно покачивали головами, поговаривали о томъ, что пора прекратить безобразіе, но молодежь только посмѣивалась и все больше и больше озорничала.

Слава о подвигахъ Махно и его молодцовъ разносится далеко за предѣлы Гуляй Поле. Помѣщики побаиваются Махно, полиція безсильна съ нимъ бороться. Впрочемъ съ полиціей Махно умѣлъ ладить и въ этомъ сказывается его двойственный, коварный характеръ. Проповѣдуя анархическія идеи, Махно въ то же время ведетъ самую тѣсную дружбу съ урядниками и даже приставомъ, устраивая съ ними невѣроятныя попойки. И эти попойки всегда устраивались послѣ ограбленія чужого погреба или послѣ того, какъ онъ возьметъ откупъ съ крестьянина, устраивавшаго свадьбу. Откупъ брался подъ угрозой разгрома свадебнаго кортежа. Когда товарищи укоряли Махно за его дружбу съ полиціей, Махно только загадочно улыбался.

— Не вамъ дуракамъ, давать мнѣ отчетъ — рѣзко говорилъ онъ имъ, обрывая разговоры на эту тему.

Къ Махно потянулась молодежь съ окрестныхъ селъ, Махно стали подражать. Крестьянская молодежь отбивалась отъ дѣла, пьянствовала и озорничала. Кто знаетъ, можетъ быть уже тогда зародилась та «махновщина», которая въ дни революціи запылала зловѣщимъ огнемъ по всей Новороссіи?

Дружба съ полиціей дала свои результаты. Въ 1905 году Махно получилъ политическую благонадежность, ему разрѣшили учительствовать и дали школу въ с. Петровскомъ, Бердянскаго уѣзда.

Однако, и на этотъ разъ, Махно не долго пробылъ учителемъ. Подошли октябрскіе дни, зазвучали рѣчи о свободѣ, страна всколыхнулась — и Махно съ головою окунулся въ революціонную стихію.

Въ началѣ 1906 года онъ организовалъ смѣлое нападеніе на Бердянское уѣздное казначейство. Во время налета Махно совершилъ тройное убійство, захватилъ кассу и скрылся. Одинъ изъ соучастниковъ выдалъ Махно и его арестовали. До суда Махно содержался въ Бердянской уѣздной тюрьмѣ, но за попытки къ побѣгамъ его перевели въ Херсонскую губернскую тюрьму, гдѣ за нимъ строго слѣдили. Въ 1907 году Таврическимъ окружнымъ судомъ Махно былъ приговоренъ «за разбой и убійство» къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ и переведенъ для отбыванія наказанія сначала въ Орловскій централъ, а затѣмъ въ Акатуй и Зарентуй.

По разсказамъ одного изъ «атамановъ» Чалаго, бывшаго «потемкинца», отбывшаго вмѣстѣ съ Махно наказаніе въ Акатуѣ, Махно не сразу съумѣлъ приспособиться къ тюремному режиму, многократно дѣлалъ попытки къ побѣгу, поражая администрацію тюрьмы своей изобрѣтательностью. За попытки къ побѣгу Махно наказывали карцеромъ и плетьми. Но Махно не разставался съ мыслями о свободѣ. Его послѣдняя попытка къ побѣгу была совершена во время групповыхъ работъ. Махно удалось скрыться. Но произведенной облавой онъ былъ найденъ спрятавшимся въ сараѣ съ дровами и долго не сдавался, отбиваясь топоромъ. За этотъ побѣгъ онъ понесъ особенно тяжелое наказаніе.

Съ этого момента Махно становится неузнаваемъ: онъ сталъ болѣть, хирѣть, пассивно относиться ко всему окружающему и не принимаетъ участія, въ обычныхъ для безсрочныхъ каторжанъ, протестахъ. Часами, какъ маніакъ, Махно возится гдѣ нибудь въ темномъ углу со своими тяжелыми ножными и ручными кандалами, точно пытаясь снять ихъ и изломать.

Каторжане относились къ Махно съ несвойственной имъ предупредительностью. Ихъ пугало необычайное выраженіе его глазъ, въ которыхъ отражалась безмѣрная, бѣшенная злоба ко всему и ко всѣмъ.

Въ 1917 году, по общей амнистіи Временнаго Правительства, Махно былъ освобожденъ и осенью 1917 года пріѣхалъ въ село Гуляй Поле, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ трагическую извѣстность подъ именемъ «Батько Махно».

II. Первая встрѣча съ махновцами.

Въ іюнѣ 1918 года мнѣ нужно было срочно выѣхать по дѣламъ изъ Симферополя въ Кіевъ. Послѣ нѣкоторыхъ размышленій: ѣхать ли моремъ до Одессы, а затѣмъ черезъ Раздѣльную на Кіевъ, или черезъ Александровскъ съ рискомъ попасть въ объятья «Батька Махно», о которомъ разсказывали легенды, — я рѣшилъ рискнуть ѣхать поѣздомъ.

Въ вагонѣ тѣсно, душно. Пассажиры озабочены, говорятъ почему то шопотомъ, вздыхаютъ, пугливо выглядывая въ окна, словно чего то ожидая. Разговариваютъ исключительно о Махно и о страшныхъ бандахъ, которыя останавливаютъ поѣзда, грабятъ и убиваютъ.

Днемъ благополучно прошли Александровскъ, вечеромъ далеко оставили Синельниково. Ничего страшнаго не случилось. Пассажиры успокоились, забывая разсказы о бандахъ Махно, шутили и уже стали сдвигать чемоданы, корзины, узлы, устраиваясь на ночлегъ. Въ это время вагонъ неожиданно качнуло, ходъ поѣзда замедлился, заскрипѣли колеса. Пассажиры испуганно переглянулись. Гремя буферами, поѣздъ остановился.

Не успѣли мы сообразить въ чемъ дѣло, какъ сухо затрещали винтовочные выстрѣлы.

— Грабятъ... Махно...

Всѣ притихли, тревожно насторожились. Подъ окнами суета, бѣготня, крики...

Изъ вагона въ вагонъ неслась грубая команда:

— Забирай вещи, выходи въ поле, а кто не выйдетъ — разстрѣляемъ...

Отъ кого исходилъ приказъ, почему надо выходить изъ вагона — никто не зналъ, но ослушаться приказа никто не посмѣлъ.

Моросилъ мелкій дождь. Луна пряталась за быстро бѣгущими облаками и слабо освѣщала призрачнымъ свѣтомъ притаившуюся степь и какихъ то людей на коняхъ. Конные лихо скакали вдоль желѣзнодорожной насыпи, стрѣляли въ воздухъ, наводя этимъ панику на испуганныхъ пассажировъ.

— Махновцы... — сказалъ кто-то шопотомъ.

Вскорѣ появились и пѣшіе махновцы. Мы стояли небольшими группами возлѣ своихъ вагоновъ, сваливъ багажъ на мокрую землю.

У товарныхъ вагоновъ слышался шумъ, крики и брань — это махновцы перегружали товары изъ вагоновъ на подводы. Когда перегрузка окончилась, намъ приказали куда-то идти. Прошли около трехъ верстъ, показались подводы, насъ остановили.

Солиднаго вида мужчина въ высокой бараньей шапкѣ, окруженный толпой вооруженныхъ людей, объявилъ намъ, что бояться нечего, что мы временно задержаны «Запорожскимъ полкомъ Петриченко изъ арміи Батько Махно» и что разстрѣливать будутъ только офицеровъ, полицейскихъ и, можетъ быть, спекулянтовъ.

На наши увѣренія, что ни офицеровъ, ни полицейскихъ, ни спекулянтовъ среди насъ нѣтъ, — «баранья шапка» равнодушно отвѣтила, что «тамъ видно будетъ, а пока — предъявите документы».

Однако, провѣрялись, не документы, а бумажники и кошельки, которые тщательно складывались въ мѣшки вмѣстѣ съ часами, портсигарами, кольцами, серьгами и другими драгоцѣнными вещами. Багажъ намъ приказали сложить на подводы, которыя двинулись куда-то безъ насъ.

Послѣ провѣрки «документовъ» намъ приказали идти по дорогѣ черезъ лѣсъ въ с. Клюевку и явиться въ штабъ Махно.

Дѣлать нечего — пришлось идти. По дорогѣ мы замѣтили, что насъ никто не конвоируетъ. На ходу мы стали обсуждать создавшееся положеніе. Одни говорили, что мы свободны и намъ слѣдуетъ идти до станціи, а другіе считали за лучшее, во избѣжаніе недоразумѣній, идти въ Клюевку, гдѣ можно можно будетъ поѣсть и отдохнуть. Произошелъ расколъ: большая группа пассажировъ повернула назадъ, а меньшая взяла направленіе на лѣсъ, который зеленой полосой вырисовывался на туманномъ горизонтѣ.

Идти приходилось по грязи. Вскорѣ мы замѣтили, что изъ лѣса выскочила группа всадниковъ и быстро помчалась къ намъ навстрѣчу, словно бросилась въ атаку. Мы испуганно свернули съ дороги; всадники открыли по насъ стрѣльбу; мы разсыпались въ стороны и залегли въ грязь, проклиная судьбу.

Черезъ нѣсколько минутъ насъ окружили махновцы.

— Кто вы? Откуда? — разспрашивали они, подозрительно разсматривая насъ.

Кто-то нашелся объяснить, что мы артисты, идемъ въ гости къ батько Махно.

— Такъ чого жъ вы раньше цього не казали, мы-жъ думалы, що вы буржуи, або военные.

Махновцы добродушно посмѣивались надъ нами и посовѣтовали намъ идти поскорѣе во избѣжаніе встрѣчи со вторымъ коннымъ отрядомъ...

Послѣдствіемъ этой «атаки» у насъ оказалось человѣкъ двадцать раненыхъ и помятыхъ лошадьми.

Въ полдень мы стали подходить къ селу.

То, что мы увидѣли въ селѣ, насъ несказано поразило. Намъ казалось, что мы присутствуемъ при нелѣпомъ маскарадѣ. Возлѣ опрятныхъ хатъ толпились люди. Воистину это была современная запорожская сѣчь и нужна была мощная рѣпинская кисть, чтобы изобразить на полотнѣ эти ярко-красочныя, нелѣпыя, дикія фигуры. Большинство изъ Махновцевъ было одѣто въ вязанныя и сѣтчатыя, бѣлыя и цвѣтныя фуфайки, на ногахъ болтались необычайной ширины шаровары съ красными поясами вокругъ таліи, концы которыхъ спускались почти до земли. Вооружены всѣ были «до зубовъ». Помимо шашекъ и револьверовъ, у многихъ за поясами торчали ручныя гранаты, а пулеметныя ленты, очевидно какъ щегольство, вились по поясамъ или висѣли черезъ плечо. Какъ бы дополняя полноту картины, тутъ же, у стѣнъ, валялись винтовки и кое-гдѣ понуро торчали пулеметы.

При нашемъ появленіи махновцы пестрою толпой высыпали на улицу, гогоча и отпуская по нашему адресу грубыя шутки и циничныя остроты. Среди махновцевъ можно было видѣть крестьянъ и крестьянокъ. Окруженные галдящей толпой мы подошли къ небольшому домику возлѣ волостного правленія, откуда черезъ нѣсколько минутъ вышелъ молодой, рослый матросъ въ кавалерійскихъ сапогахъ со шпорами.

Говоръ нѣсколько стихъ. Толпа раступилась и матросъ заоралъ, обращаясь къ намъ:

— Что что за сволочь приплелась?

Мы объяснили ему, что мы артисты. Матросъ окинулъ насъ быстрымъ взглядомъ и расхохотался. И дѣйствительно, мы представляли забавное зрѣлище. Разговорились, стали объяснять матросу наше скверное положеніе.

— Бываетъ и хуже, — загадочно бросилъ матросъ.

Но толпа была настроена не такъ миролюбиво, какъ намъ сначала показалось. Изъ толпы послышались крики, что въ такомъ видѣ самъ чортъ не разберетъ дѣйствительно ли мы актеры.

— Нехай краще намъ прыставляють, а то може воны брешуть...

Матросъ, хотя и продолжалъ посмѣиваться, но, видимо, присоединялся къ мнѣнію толпы. Напрасны были наши доводы, что намъ нужно привести себя въ порядокъ, поѣсть, отдохнуть. Пришлось «прыставлять». Выручилъ одинъ изъ спутниковъ, который очень удачно разсказалъ нѣсколько комическихъ разсказовъ, подражая Ивану Руденкову. Это выступленіе вызвало взрывы хохота.

Кто-то спѣлъ романсъ «Отойди, не гляди». Одна почтенная съ виду дама пропѣла дрожащимъ голосомъ арію изъ «Онѣгина». Слушатели становились требовательнѣе, указывая на то, что насъ много, а поетъ мало. Я увѣренно затянулъ «Изъ за острова», кто-то энергично взмахнулъ руками, и хоръ грянулъ. Пѣли мы до хрипоты, махновцы остались довольны, увѣровавъ въ наши таланты.

Намъ отвели три клуни. Мы кое какъ почистились, помылись, подъ вечеръ поѣли и начали подшучивать надъ превратностями судьбы...

Когда стемнѣло стали укладываться на ночлегъ. Слышались крикливые звуки кларнетовъ и гармоній, взрывы смѣха, крикъ, женскій визгъ, топотъ пляшущихъ ногъ. Ко мнѣ подошелъ и сѣлъ на землю пожилой крестьянинъ — хозяинъ двора, гдѣ мы расположились.

— Охъ чоловиче, — вздохнулъ въ раздумьи крестьянинъ, — не доведе гульня до добра. Чуете, що воны выробляютъ и оттакъ що дня. И куды воны стилько пьють о цей самогонъ? Да що тамъ пьють, а зъ жинками що роблють, такъ и не прыведы Богъ...

— Отчего же молодымъ не погулять...

— Добра гульня, прости Господи и въ день и въ ночи покою нема, прямо хоть отъ ридной хаты отцурайся.

— Что же они изъ вашего села?

— Да ни, що вы, Богъ зъ вами. Кажуть, що воны запорожци, а тамъ бисъ ихъ знае, хто воны.

— Такъ зачѣмъ же вы ихъ пустили въ село?

— Э, знаете, всежъ таки воны за насъ стоять, да и насъ не обижають, даромъ ничего не беруть. Да що й казать, тутъ що робылось, пока воны не пришлы. И пану дай, нимцу дай, милыціи тежъ, а тамъ пристава, старосты и де ихъ тилько набралось? А сколько перевишалы, та перепоролы — выходыло такъ, що передъ каждымъ знымай штаны. Писля не систы, не лягты. Теперь мы хоть трохи отдохнулы, да кое що и повернулы назадъ, а то думалы що страшный судъ и билышъ нычого. А цей, знаете, Махно, спасыби ему, що

помыцыкивъ выризавъ, да панивъ, да мылиціи и австрійцивъ набывъ стилько, що за четыры дни насылу закопалы. Ни, винъ дуже насъ защыща, тилько у його хлопцивъ богацько такихъ, що не доберешь видъ кого воны уродылысь.

— Значитъ у васъ съ нимъ союзъ, что ли?

— Да ни, мы промежъ себе такъ поришылы, що нехай робыть що хоче, тилько зъ дому мы ныкуды не пидемъ; звисно молодежь теперъ не удержишъ дома, ну кое хто и приставъ до його, тилько не богацько, а такъ щобъ хозяинъ якій, такъ того ни.

Крестьянинъ вздохнулъ, перекрестился, пожелалъ мнѣ доброй ночи и направился къ себѣ.

На улицѣ какъ то сразу смолкла музыка и крики; во дворахъ замѣтна была суматоха. По улицѣ проскакали всадники. Крестьянинъ выбѣжалъ изъ хаты узнать, что случилось. Скоро вдали послышалась глухая артиллерійская стрѣльба. Махновцы тревожно бѣгали изъ двора въ дворъ, крича запрягали лошадей. На всякій случай, мы по одиночкѣ стали пробираться въ поле. Вскорѣ въ селѣ стало необычайно тихо. Артиллерійская стрѣльба слышалась все яснѣе. Во дворъ вернулся нашъ хозяинъ. Я спросилъ, что случилось.

— Да кажуть зъ нимцами бьються.

Утромъ въ селѣ появились разъѣзды нѣмецкой кавалеріи, а въ полдень мы были во власти германскаго отряда. Насъ отправили на желѣзнодорожную станцію. Съ большимъ трудомъ добрался я до Кіева безъ вещей и денегъ. Повидать Махно въ этотъ разъ мнѣ не удалось. Какъ потомъ я узналъ Махно въ то время былъ занятъ игрой въ карты съ австрійскими офицерами, взятыми въ плѣнъ, которыхъ, послѣ прерванной игры, Махно приказалъ разстрѣлать.

III. Махно партизанъ.

Начало и развитіе дѣятельности Махно на югѣ Россіи нужно отнести къ марту 1918 года, что совпало съ окончательнымъ развалomъ румынскаго фронта, уходомъ изъ Крыма въ Новороссійскъ черноморскаго флота и послѣдними днями существованія Украинской Центральной Рады. Въ это время Махно располагалъ небольшой шайкой, составленной изъ преступниковъ и севастопольскихъ матросовъ. Со своей шайкой Махно совершалъ дерзкіе, но въ общемъ обычные для того времени грабежи, кочуя изъ одного уѣзда въ другой. По дорогѣ къ нему приставали недовольные и обиженные гетманскимъ режимомъ и матросы черноморскаго флота, которые по одиночкѣ просачивались черезъ нѣмецкіе кордоны изъ Крыма. Отрядъ численно разростался и Махно отъ случайныхъ грабежей перешелъ къ налетамъ на имѣнія помѣщиковъ, на небольшіе города и желѣзнодорожныя станціи.

Налеты сопровождались звѣрскими убійствами. Махновцы начали сводить личные счеты съ тѣми, кто такъ или иначе обидѣлъ ихъ, или на кого они были злы.

Насколько свободно чувствовалъ себя Махно можно судить по разсказу управляющаго одного изъ крупнѣйшихъ имѣній Таврической губерніи. Имѣніе это находится въ 15 верстахъ отъ Николаева. Махно явился туда за 150 верстъ съ цѣлью свести счеты съ однимъ изъ служащихъ имѣнія, который, къ счастью, въ то время случайно въ имѣніи не былъ.

— Мы его подождемъ — съ усмѣшкой заявилъ Махно — намъ спѣшить некуда.

Три дня Махно хозяйничалъ въ имѣніи; его вольница предавалась безудержному пьянству и удалилась только тогда, когда получила солидную контрибуцію. Уходя, махновцы пообѣщали завернуть вскорѣ еще въ гости.

Въ іюнѣ къ Махно прибыли изъ Кіева анархисты группы «набатъ» во главѣ съ анархистомъ Баронъ. Въ томъ же мѣсяцѣ къ шайкѣ примкнуло много анархистовъ другихъ толковъ и соціалистовъ изъ разныхъ городовъ Юга Россіи. Съ этого времени дѣятельность шайки Махно получаетъ иное направленіе. Махно мечтаетъ о созданіи Запорожской Сѣчи, онъ лихорадочно набрасываетъ передъ слушателями грандіозные планы созданія крестьянской республики; анархисты пытаются придать махновскому движенію идейный характеръ.

Обстоятельства благопріятствовали Махно. Крымъ и Украина, были оккупированны иноземными войсками, которыхъ крестянское населеніе ненавидѣло. Полицейскія и гражданскія власти гетмана наводили порядокъ въ селахъ: въ села заходили карательные отряды, «для наведенія порядка» при чемъ производили аресты, а иногда и разстрѣлы крестьянъ. Кромѣ того, изъ городовъ возвращались помѣщики, которые, опираясь на вооруженную силу, жестоко расправлялись съ крестьянами, мстя имъ за тѣ убытки, которые они понесли въ своихъ разоренныхъ помѣстьяхъ. Крестьяне, все больше и больше ожесточались и искали защиты у разныхъ атамановъ, какъ это было въ Кіевской, Полтавской и Черниговской губерніяхъ, на Югѣ же всѣ симпатіи были направлены къ смѣлому и рѣшительному Махно.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ іюнѣ мѣсяцѣ военнымъ министромъ гетмана, генераломъ Рагоза, былъ изданъ приказъ, по которому изъ украинской арміи увольнялись всѣ офицеры военнаго времени, съ предоставленіемъ имъ сомнительнаго права доучиваться на положеніи юнкеровъ въ военныхъ училищахъ. Это распоряженіе не только понизило количественно армію гетмана, но и создало враговъ арміи, чѣмъ, какъ извѣстно, не преминулъ воспользоваться Петлюра, который и вербовалъ въ свою армію этихъ офицеровъ.

Изъ этой среды вышли наиболѣе активные атаманы: Зеленый, Струкъ, Соколовскій, Григорьевъ и другіе. Изъ нихъ къ Махно присоединился прапорщикъ Петриченко и много другихъ, не менѣе выдающихся махновцевъ.

Съ каждымъ днемъ шайка Махно усиливалась все новыми и новыми кадрами, переформировывалась и получала правильную организацію. Въ шайкѣ была пѣхота, кавалерія, пулеметы и даже артиллерія. Изъ этихъ кадровъ потомъ и развернулась махновская армія.

Однако подъ давленіемъ регулярныхъ нѣмецкихъ отрядовъ Махно былъ вынужденъ отходить отъ крупныхъ городовъ, къ которымъ постепенно подбирался и опираться исключительно на села, вербуя въ свои ряды крестьянъ. Партизанскую войну на Югѣ Россіи Махно началъ съ того, что сталъ нападать на карательные отряды, грабить поѣзда, захватывать желѣзнодорожныя станціи, уничтожая небольшіе гарнизоны нѣмцевъ и полицейскихъ властей гетмана. Смѣлыя и неожиданныя нападенія Махно всегда сопровождались неизмѣнными успѣхами. Его имя стало именемъ крестьянскаго героя.

«Идемъ къ Махно» — сдѣлалось лозунгомъ крестьянскихъ массъ.

Въ дальнѣйшемъ, поощренный успѣхомъ, Махно перешелъ почти къ открытой войнѣ съ нѣмцами и австрійцами. Австрійцы были такъ терроризованы махновцами, что боялись показываться дальше Екатеринослава и стали отзывать изъ селъ и небольшихъ городовъ свои отряды, но нѣмцы взглянули на это иначе.

Дерзкія нападенія Махно выводили изъ себя высшее нѣмецкое командованіе въ Кіевѣ и, по его приказу, для полнаго уничтоженія отрядовъ Махно, въ Новороссіи начали сосредоточивать крупныя воинскія силы.

Подъ давленіемъ нѣмецкихъ отрядовъ Махно отступилъ и, въ Александровскомъ районѣ, попалъ въ кольцо. Однако, нѣмцы и на этотъ разъ остались вѣрными своей тактикѣ: они слишкомъ много времени потратили на артиллерійскую подготовку общей атаки. Махно, испытавъ дѣйствіе сосредоточенаго артиллерійскаго огня и понеся большія потери, сумѣлъ все же найти выходъ изъ кольца охватившихъ его нѣмецкихъ войскъ и съ небольшимъ, уцѣлѣвшимъ отрядомъ ушелъ, сдѣлавъ въ одну ночь переходъ болѣе чѣмъ въ 60 верстъ.

Въ особомъ приказѣ нѣмцы торжественно объявляли: «Бандитъ Махно уничтоженъ», но уже на пятый день Махно вырѣзалъ захваченный имъ врасплохъ отрядъ австрійцевъ возлѣ станціи Константиноградъ и заставилъ всѣхъ офицеровъ взятыхъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и начальника отряда, играть съ нимъ въ карты въ теченіи двухъ сутокъ, послѣ чего, офицеровъ разстрѣлялъ, якобы за то, что они осмѣлились его «обыграть».

Въ октябрѣ начался отходъ съ Украины сперва совершенно разложившихся послѣ революціи австрійцевъ, а затѣмъ и нѣмцевъ. Отходъ принесъ Махно рядъ побѣдъ надъ тѣми и другими, а, главное, далъ въ его руки огромное количество вооруженія и всевозможнаго техническаго снаряженія.

Трудно сказать во что обошлось нѣмцамъ и австрійцамъ знакомство съ Махно. По оффиціальнымъ даннымъ гетманскихъ властей, за апрѣль — іюнь мѣсяцы, Махно совершилъ 118 налетовъ и грабежей, сопровождавшихся человѣческими жертвами.

Но всѣ эти налеты, грабежи и нападенія на эшелоны, уходившихъ домой нѣмцевъ и австрійцевъ, кажутся незначительными по сравненію съ первымъ захватомъ гор. Екатеринослава въ декабрѣ 1918 года.

Съ этого дня имя Махно пріобрѣло всероссійскую извѣстность. Онъ «съ боя» взялъ городъ, выпустивъ по нему до двухъ тысячъ снарядовъ изъ шести-дюймовыхъ, отнятыхъ у нѣмцевъ, орудій. Петлюровцы, только что занявшіе Екатеринославъ, разбѣжались въ паническомъ страхѣ и населеніе оказалось во власти махновцевъ.

Это былъ такой разгромъ цвѣтущаго города съ пяти дневнымъ грабежомъ, котораго до того еще не видѣлъ ко всему, казалось, привыкшій Югъ Россіи даже въ дни нашествія краснаго Муравьева.

Трудно подвести итоги всему тому, что сдѣлалъ Махно за девять мѣсяцевъ, но несомнѣно то, что нѣмцы и австрійцы заставили Махно изучить всѣ оттѣнки партизанской войны, изучить въ совершенствѣ самыя глухія мѣста днѣпровскихъ плавней, такихъ своеобразныхъ въ Таврической и Екатеринославской губерніи, всѣ лѣса и прилѣски. Недаромъ знаменитый Черный Боръ, лѣсъ Гаркуши — названъ теперь «Гаемъ Батька Махно».

Попустительство Гетманскаго Правительства помѣщикамъ и крутыя мѣры послѣднихъ, вынудили Махно выступить на защиту крестьянъ. И если бы не эта недальновидная политика, можетъ быть не было бы и махновщины. Она такъ тѣсно связала Махно съ крестьянами, что всѣ испытанія послѣдующихъ четырехъ лѣтъ не смогли нарушить и порвать эту связь.

Борьба съ нѣмецкими отрядами и властями гетмана закалила отряды Махно, пріучила ихъ дѣлать смѣлыя нападенія, производить развѣдку, находить и пользовать слабыя стороны своихъ противниковъ, наносить имъ быстрые и короткіе удары, а затѣмъ, также быстро скрываться, какъ и нападать.

Но самое главное — борьба эта создала въ крестьянской массѣ легенду о «неумирающемъ запорожцѣ Батькѣ Махно», который борется за крестьянскую свободу и крестьянскую правду.

Этимъ заканчивается партизанскій періодъ жизни Махно. Въ дальнѣйшемъ онъ начинаетъ играть крупную роль въ ходѣ гражданской войны на Югѣ Россіи.

IV. „Батько Махно.“

Кто хоть разъ видѣлъ батько Махно тотъ запомнитъ его на всю жизнь.

Небольшого роста, съ землисто-желтымъ, начисто выбритымъ лицомъ, съ впалыми щеками, съ черными волосами, падающими длинными прядями на плечи, въ суконной, черной пиджачной парѣ, барашковой шапкѣ и высокихъ сапогахъ — Махно напоминаетъ переодѣтаго монастырскаго служку, добровольно заморившаго себя постомъ.

По первому впечатлѣнію, — это больной туберкулезомъ человѣкъ, но никакъ не грозный и жестокій атаманъ, вокругъ имени котораго сплелись кровавыя легенды.

И только небольшіе, темнокарые глаза, съ необыкновеннымъ по упорству и остротѣ взглядомъ, не мѣняющіе выраженія ни при рѣдкой улыбкѣ, ни при отдачѣ самыхъ жесточайшихъ приказаній, глаза какъ бы всезнающіе и разъ навсегда покончившіе со всѣми сомнѣніями — вызываютъ безотчетное содроганіе у каждаго, кому приходилось съ нимъ встрѣчаться и придаютъ совсѣмъ иной характеръ его внѣшности и тщедушной фигурѣ, въ дѣйствительности крайне выносливой и стойкой. Махно — человѣкъ воли, импульса, страстей, которыя бѣшено кипятъ въ немъ и которыя онъ старается сдерживать желѣзнымъ усиліемъ подъ холодной и жестокой маской...

Махно не ораторъ, хотя и любитъ выступать на митингахъ, которые по его приказу устраиваются на площадяхъ и въ театрахъ, захваченныхъ и разоренныхъ имъ городовъ. Въ рѣчахъ Махно нѣтъ даже демагогіи, казалось бы столь необходимой въ его положеніи. Мнѣ приходилось часто наблюдать Махно во время митинговъ и я видѣлъ, какъ чутко слушаетъ его буйная и хмельная толпа, какъ запоминается каждая его фраза, подкрѣпленная энергичнымъ жестомъ, какъ вліяетъ, словно гипнотизируетъ Махно крикливую, никому не желающую подчиняться и ничего святого не признающую толпу...

Вотъ Махно на площади. Онъ окруженъ своей всегдашней свитой. Здѣсь и теоретики анархизма — Волинъ, Артенъ и Баронъ и красавецъ Лященко, въ матроской шапкѣ и высокихъ шнурованныхъ ботинкахъ со шпорами, и Гуро, тонкій какъ шестъ, и горилообразный палачъ Кійко и массивный Петриченко съ круглымъ, какъ луна, рыхлымъ лицомъ — много другихъ...

Махно говоритъ рѣзко, нескладно, то понижая, то повышая голосъ, повторяя за каждой фразой, состоящей изъ 5—10 словъ свою постоянную, полную гнѣва фразу: «и только», онъ говоритъ о неизбѣжной гибели городовъ, о томъ, что города не нужны въ жизни свободныхъ людей, о необходимости горожанамъ, не исключая рабочихъ, къ которымъ Махно вообще относится холодно, сейчасъ же, не-

медленно, бросать города и идти въ села, степи, лѣса и тамъ строить новую, свободную, крестьянскую жизнь...

Послѣ Махно, почти всегда, выступаетъ Волинъ. Убѣдительность доводовъ, которыми оперируетъ старый теоретикъ анархизма, искусственное построеніе рѣчи, расчитанное на пониманіе аудиторіи и умѣніе угадать тайныя желанія этой толпы, необычайный пафосъ, равный по силѣ можетъ быть только одному Троцкому — все это все же проходитъ куда то нимо толпы, завороженной нескладной рѣчью батько Махно.

И Махно это знаетъ, чувствуетъ, понимаетъ, Онъ стоитъ у всѣхъ на виду спокойный и самоувѣренный и лишь одними глазами, съ неизмѣннымъ, до боли колючимъ взглядомъ, лѣниво скользитъ по толпѣ. Чуть замѣтная улыбка, вѣрнѣе складка на губахъ Махно, выражаетъ не то удовольствіе, не то презрѣніе, а, можетъ быть, и то и другое вмѣстѣ.

Не спѣша Махно поворачивается, чтобы уйти или сѣсть на тачанку, (онъ, обыкновенно, недослушиваетъ рѣчей Волина до конца), и сгибаются могучія фигуры Кійко и Петриченко, только что демонстрировавшихъ револьверъ изъ котораго былъ убитъ подлинный контръ-революціонеръ Григорьевъ, а толпа, какъ одинъ, тянется къ Махно, давя другъ друга, и безумно, въ иступленіи реветъ со слезами на глазахъ:

— Батько, нашъ Батько!..

Уже давно не видно тачанки, не видно, куда свернули лошади, умчавшія Махно, а толпа все еще продолжаетъ орать:

— Батько, нашъ Батько!..

Много и долго говорятъ потомъ Волинъ, Артенъ и Баронъ; говорятъ все о томъ же, что власть зло, что анархія мать порядка, что всѣ люди равны и т. д., но постепенно толпа начинаетъ забывать о Махно, махновцы снова хвастливо заявляютъ, что не только Махно, котораго они завтра могутъ убить, но и весь міръ имъ нипочемъ и, слыша это, Волинъ, а за нимъ и другіе ораторы, незамѣтно исчезаютъ боясь, что дикая и безбожная толпа расправится съ ними, какъ съ «кадетами» или большевиками...

Послѣ митинга махновцы, распаленные рѣчами безотвѣтственныхъ ораторовъ, наводятъ ужасъ на мирное населеніе тѣмъ, что стрѣляютъ изъ винтовокъ и пулеметовъ неизвѣстно куда и зачѣмъ. Во время стрѣльбы, они выпускаютъ въ невѣроятномъ количествѣ патроны, а еще больше поглощаютъ самогонъ и вино изъ разграбленныхъ складовъ...

Махно властенъ и непоколебимъ. Десятилѣтняя каторга ожесточила его, лишила способности разбираться въ добрѣ и злѣ. Махно испытываетъ бѣшенную, безграничную радость при видѣ гибели въ огнѣ цвѣтущихъ городовъ; его глаза горятъ восторгомъ отъ взрывовъ тяжелыхъ снарядовъ на улицахъ города. Въ Махно — жестокая потребность наблюдать мучительную смерть, часто совершенно невинныхъ людей.

Я вспоминаю трудно передаваемую кошмарную картину. Но въ ней — весь Махно...

Передъ Махно стоитъ оборванная группа стражниковъ, съ текущей по лицамъ кровью. Запуганные и избитые стражники дрожатъ мелкой дрожью и пугливо озираются, боясь встрѣтиться съ острымъ взглядомъ Махно, который хищно изогнувшись, въ упоръ смотритъ на нихъ горящимъ, безумнымъ взглядомъ.

Долгая пауза...

Махно быстро выдергиваетъ руку изъ кармана брюкъ и почти кричитъ:

— Порубить ихъ, — и только...

Не успѣлъ еще смолкнуть рѣзкій голосъ батьки, какъ палачъ Кійко, взмахнулъ острой шашкой и сталъ неумѣло рубить несчастныхъ, нанося имъ удары по нѣсколько разъ, словно срубая качаны капусты. Забрызганный кровью Кійко усталъ, вспотѣлъ, едва переводитъ духъ. Его смѣняетъ болѣе ловкій, смѣющійся Лященко, которому помогаютъ любители изъ махновскаго конвоя.

Махно съ блуждающей разсѣянной улыбкой, спокойно наблюдаетъ, какъ «работаютъ» его молодцы и больше ничего нельзя прочесть въ его остромъ взглядѣ.

Но вотъ — вмѣсто испуганныхъ, но живыхъ людей, куча кровавыхъ изуродованныхъ тѣлъ. То тамъ, то здѣсь валяются отрубленныя головы и руки съ судорожно скрюченными пальцами. Махно порывисто срывается съ мѣста, собачьей рысью подбѣгаетъ къ этой кучѣ тѣлъ, носкомъ сапога отбрасываетъ попавшуюся по дорогѣ голову, вскакиваетъ на грудь, на животъ убитыхъ, топчется, пачкая сапоги въ крови и затѣмъ почти спокойно говоритъ:

— И только...

Еще разъ торжествующе, гнѣвно и злобно, точно спрашивая кого то, кричитъ онъ свое «и только», подбѣгаетъ къ другой группѣ изрубленныхъ тѣлъ, топчетъ ихъ, повторяя все сначала.

Всѣ человѣческія чувства давно заглохли въ Махно. Его не тронутъ ни слезы женщинъ, а къ нимъ онъ падокъ, ни плачъ дѣтей, ни клятвы мужчинъ.

Впрочемъ, бываютъ и исключенія, но они допускаются чаще всего для актеровъ, рѣже для приказчиковъ и еще рѣже для людей, умѣющихъ какимъ-либо отчаяннымъ поступкомъ поразить Махно.

Однажды, стражникъ, въ тотъ моментъ, когда Кійко замахнулся на него шашкой, какъ то ловко ударилъ палача ногой въ животъ, что Кійко долгое время находился въ глубокомъ обморокѣ. Махно былъ такъ пораженъ смѣлымъ поступкомъ стражника, что милостиво даровалъ ему жизнь и даже отпустилъ домой, послѣ того, какъ стражникъ отказался у него служить. Но такихъ счастливцевъ бывало мало. Обыкновенно, тѣ, которые попадали въ плѣнъ къ Махно — живыми не возвращались.

Трудно найти даже въ средѣ повстанческихъ атамановъ равнаго Махно по жестокости. Ко всему этому слѣдуетъ добавить неизмѣримое болѣзненное тщеславіе, которымъ несомнѣнно болѣетъ Махно. Онъ не выноситъ никакой конкуренціи, ни даже намека на нее.

Никто не смѣетъ, не можетъ быть грознѣе, что значитъ и жесточе, чѣмъ онъ — «Батько Махно»...

V. Женитьба Махно.

1918 годъ принесъ батько Махно не только кровавую славу, но и жгучую любовь странной дѣвушки.

Душа женщины загадка, ея сердце тайна. И потому не будемъ рѣшать, какъ могла красивая, интеллигентная дѣвушка, изъ богатой семьи, курсистка, прекрасная музыкантша и очаровательная собесѣдница отдать невзрачному на видъ бандиту — Махно свою первую любовь, молодость и красоту, а лучше разскажемъ какъ произошла роковая для Махно встрѣча съ его будущей женой, какъ стихійно вспыхнула въ ихъ сердцахъ нечеловѣческая любовь и какъ праздновалъ Махно свою свадьбу.

Еще дымились остатки разбитыхъ тяжелыми снарядами домовъ, еще шелъ грабежъ богатаго города, пьяные махновцы жадно сваливали на подводы все, что выносили изъ домовъ, еще влачила по опустошеннымъ улицамъ свою черную мантилью смерть, а у всѣхъ жителей было одно желаніе, одно стремленіе, одинъ порывъ: бѣжать изъ города...

Но не такъ легко было уйти изъ города смерти и грабежа. Для этого необходимо было получить пропускъ «коменданта» города, которымъ былъ назначенъ палачъ Кійко. Возлѣ дверей дома, гдѣ помѣщалась его канцелярія въ громадной толпѣ стояла дѣвушка, которая невольно обращала на себя вниманіе и вызывала сочувствіе всѣхъ, кто стоялъ въ очереди. У нея было прелестное, матово-розовое съ правильными, тонкими чертами лицо, ласковые темно сѣрые красивые глаза съ длинными рѣсницами, стройная и изящная фигура. Слабая улыбка освѣщала ея лицо и дѣлала его дѣтски милымъ.

Съ ней часто заговаривали то одинъ, то другой изъ ея случайныхъ сосѣдей и она охотно, съ милой улыбкой поддерживала разговоръ. Изъ ея отвѣтовъ можно понять, что она ѣдетъ изъ Кіева, гдѣ стало невозможно продолжать учиться въ высшемъ учебномъ заведеніи и по дорогѣ случайно задержалась въ Екатеринославѣ, а теперь торопится домой, чтобы повидать родныхъ.

Томительно и скучно проходятъ часы стоянія въ очереди; уже стемнѣло, а толпа все еще стоитъ на улицѣ, не подвигаясь къ завѣтной двери. Проходившій мимо молодой махновецъ, какъ и всѣ, невольно залюбовался красивымъ

лицомъ дѣвушки и послѣ недолгаго раздумія подошелъ къ ней, предложивъ провести къ коменданту. Дѣвушка, слегка смутившись пошла за нимъ — и вотъ она передъ Кійко, которому объяснила, что хочетъ ѣхать домой къ роднымъ.

— Мнѣ нуженъ пропускъ.

Кійко развязно и безцеремонно разсматриваетъ ее и говоритъ съ улыбкой на угрюмомъ лицѣ:

— Выдача пропусковъ на сегодня закончена.

Въ это время въ комнату Кійко вошелъ Махно, который не снимая высокой шапки, уставился на дѣвушку острымъ недобрымъ взглядомъ. Дѣвушка невольно, словно испугавшись, поддалась назадъ, а Махно, вдругъ рѣзко выкрикнулъ:

— Вы ночуете у меня — и только...

Затѣмъ повернулся и ушелъ, не выслушавъ отвѣта дѣвушки.

Вскорѣ за дѣвушкой пришелъ нѣкій Козельскій, интимнѣйшій другъ Махно и увелъ дѣвушку къ своему другу.

— Вы не бойтесь... онъ вамъ ничего не сдѣлаетъ, — ободрялъ ее Козельскій.

Эта ночь была для Махно роковой. Вначалѣ все шло хорошо. Дѣвушка охотно ѣла, пила чай, отвѣчала на вопросы Махно и сама ихъ задавала, а когда Махно, въ порывѣ откровенности, показалъ ей рубцы отъ кандаловъ на своихъ рукахъ, она порывисто, почти рыдая, потянулась къ Махно и долго разсматривала и гладила грубые рубцы своими маленькими руками, а Махно, растроганный нѣжной лаской, тихо разсказывалъ ей о своей жизни на ненавистной каторгѣ.

Они такъ близко сидѣли другъ возлѣ друга, что, когда наступила пауза, дѣвушка смущенно отодвинулась отъ него и попросила указать ей мѣсто для ночлега.

Махно моментально измѣнился: на мигъ мелькнуло въ немъ что то человѣческое, но снова онъ оказался во власти своихъ звѣриныхъ страстей: онъ грубо бросился къ дѣвушкѣ и обнялъ ее, но дѣвушка была не изъ робкихъ

— Оставьте меня, — закричала она, — пустите...

Но Махно все крѣпче обнималъ ее и тянулся къ ея губамъ.

Дѣвушка съ силой ударила его по лицу...

Махно, взбѣшеный пощечиной и сопротивленіемъ, отскакиваетъ въ сторону; его мозгъ съ лихорадочной быстротой заработалъ въ изобрѣтеніи для нее самыхъ невѣроятныхъ мученій.

— Зажарить ее послѣ всего я хотѣлъ, и только, — не разъ сознавался потомъ Махно.

Но слезы дѣвушки, стекавшія по красивымъ пальцамъ, закрывавшимъ ея лицо, почему то такъ поразили Махно, что онъ, съ непонятной для него нѣжностью сталъ мягко отнимать руки отъ ея лица.

— Не плачьте, — говорилъ онъ, — Вы любите кого нибудь?

— Нѣтъ...

И она довѣрчиво разсказала ему, что она чуть было не вышла замужъ за офицера летчика, который необычайно смѣло леталъ на аэропланѣ, и, кажется, искренно ее любилъ, но, когда узналъ что она еврейка, взялъ отпускъ и уѣхалъ.

— Развѣ вы еврейка? Я бы этого никогда не сказалъ. Какъ васъ зовутъ?

— Соня...

И Махно сталъ горячо говорить ей объ анархизмѣ, о красотѣ борьбы за идеалы, которые стремишься воплотить въ жизнь, о той отвѣтственности, которая падаетъ на такихъ активныхъ борцовъ за счастье народа, какъ онъ.

Такъ бесѣдуя, они просидѣли всю ночь до утра — и эта ночь связала ихъ сердца.

— Пора за работу, — подымаясь сказалъ Махно и приказалъ пустить къ нему делегацію желѣзнодорожниковъ, которая давно ожидала его въ корридорѣ. Послѣ соотвѣтствующаго привѣтствія, глава делегаціи, повидимому инженеръ, горячо, толково старался объяснить Махно необходимость нѣкоторыхъ мѣропріятій для того, что бы устранить прекращеніе движенія поѣздовъ.

Махно небрежно прервалъ его дѣловую рѣчь, всталъ со стула и спокойно заявилъ:

— Я ѣзжу на тачанкахъ и мнѣ вашихъ поѣздовъ не нужно — и только...

Озадаченные желѣзнодорожники испуганно пятясь, откланялись и вышли. Махно приказалъ вернуть главу делегаціи.

— Дѣлайте у себя все что хотите, — сказалъ онъ, — а для меня и моего штаба приготовьте черезъ часъ поѣздъ съ двумя паровозами — и только.

Весь день Махно былъ занятъ работой. И весь день, не выходя, Соня просидѣла въ его штабѣ. Невольно она заинтересовалась кипѣвшей вокругъ нея жизнью и ей показалось, что воистину что то огромное и нужное совершается въ этой комнатѣ, этими простыми на видъ людьми. Съ махновцами она сошлась близко, бесѣдуя съ ними, какъ бы со старыми знакомыми...

Махно только вечеромъ, когда собирался уѣзжать на вокзалъ, гдѣ его давно ожидалъ поѣздъ, нагруженный награбленнымъ добромъ, вспомнилъ о своей знакомой и предложилъ ей ѣхать вмѣстѣ.

Она покорно, словно это такъ и надо, пошла за нимъ. Махно усадилъ ее рядомъ съ собою на тачанкѣ и вдвоемъ, безъ вѣрнаго Лященко, поѣхали они на вокзалъ...

У подъѣзда вокзала Махно былъ встрѣченъ комендантомъ станціи, который, показывая на стоящихъ вблизи подъ стражей восемь человѣкъ, доложилъ, что это плѣнные петлюровскіе офицеры.

— Порубить ихъ и только, — распорядился Махно вылѣзая изъ тачанки. Соня быстро выпрыгнула вслѣдъ за нимъ на землю и горячо, держа за руку Махно, стала просить пощадить плѣнныхъ офицеровъ.

— Прогнать... Отпустить ихъ, и только... бросилъ Махно конвоирамъ, подымаясь по ступенькамъ крыльца вокзала.

Конвой Махно размѣстился въ классныхъ вагонахъ, для батьки былъ отведенъ служебный салонъ-вагонъ, попавшій сюда съ сибирской магистрали, а Соню устроили въ небольшомъ купэ.

Когда вечеромъ Махно зашелъ къ дѣвушкѣ, то былъ пораженъ тѣмъ, какъ мило и уютно устроилась его спутница въ купэ. На стѣнѣ скромно пріютились двѣ фотографіи и три открытки, а на столѣ, покрытомъ бѣлой скатерью кипѣлъ самоваръ и стояли всевозможныя закуски, присланныя услужливымъ Кійко. Соня радушно угощала Батьку, смѣялась и шутила, довольная отъѣздомъ изъ злополучнаго Екатеринослава.

И снова, какъ и вчера, они пробесѣдовали всю ночь на пролетъ. И когда по утру, уставшая Соня попросила его оставить купэ, онъ покорно вышелъ къ себѣ и долго ворочался на диванѣ, пока не задремалъ.

Три дня пробылъ Махно въ Синельниково, занятый военными распоряженіями. Однако, онъ не забывалъ своей спутницы, часто заглядывая въ ея уютное купэ, въ которомъ она, видимо, чувствовала себя какъ дома.

Со скуки Соня завязывала знакомства съ махновскими приближеными. Вотъ только что она была въ вагонѣ, гдѣ живетъ Гуро, а сейчасъ она смѣется и о чемъ то весело болтаетъ съ рослымъ красавцемъ Лященко, пряча отъ холода подбородокъ въ мѣховой воротникъ.

Махно изъ окна вагона любуется ею. Но вдругъ лицо его темнѣетъ. Что это? Лященко нагибается къ ней, какъ будто хочетъ заглянуть въ ея глаза, а, можетъ быть, онъ хочетъ поцѣловать ее. Кровь бросается въ голову, темнѣетъ въ глазахъ....

Одинъ мигъ и Махно на площадкѣ вагона, стремительно сбѣгаетъ по нѣсколькимъ ступенькамъ и, не спуская недобрыхъ глазъ съ лица Лященко, пытается выхватить Кольтъ. Лященко смущенъ, какъ бы пятится назадъ, пугливо озирается по сторонамъ. Вдругъ раздается выстрѣлъ — изъ кармана брюкъ Махно показывается дымъ. Махно на ходу вынимая изъ-за пояса брюкъ револьверъ, нечаянно произвелъ выстрѣлъ, но такъ удачно, что прострѣлилъ себѣ лишь брюки и шубу да ожегъ ногу возлѣ паха.

Лященко съ испугомъ и недоумѣніемъ бросился къ озадаченому Махно, но получивъ ударъ ногой въ животъ, попятился назадъ.

На Соню этотъ выстрѣлъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Сначала она стоитъ, какъ окаменѣлая не спуская съ Махно спрашивающихъ, тревожныхъ глазъ, а потомъ быстро подбѣгаетъ къ нему, обнимаетъ его и страстно, порывисто, со слезами на глазахъ цѣлуетъ его.

На выстрѣлъ изъ вагоновъ повыскакивали махновцы. У самыхъ ступенекъ вагона стоятъ Кійко. Гуро, и смущен-

ный, ничего не понимающій Лященко. Всѣ они съ недоумѣніемъ и любопытствомъ смотрятъ то на Махно, то на Соню. Махно медленно, какъ бы торжественно, подымается на площадку вагона и объявляетъ:

— Братва! Я женюсь, вотъ вамъ моя законная жена и только...

Въ тотъ же день махновскій поѣздъ, нигдѣ не останавливаясь летѣлъ черезъ Чаплино въ Гуляй Поле. На другой день послѣ пріѣзда въ родное село, крестили Соню и ей дали имя Нина Георгіевна. Бывшій староста и жена священика стали крестными отцомъ и матерью Сони. А еще черезъ день Махно справлялъ свою свадьбу. Это было въ Воскресеніе.

Съ ранняго утра отъ зданія сельской школы, гдѣ помѣщался Махно, до церкви середина улицы была устлана дорогими коврами, еще недавно находившимися въ екатеринославскихъ гостинныхъ и магазинахъ, а церковный хоръ, доставленный изъ Пологъ экстреннымъ поѣздомъ, стоялъ на паперти въ ожиданіи пріѣзда необычныхъ жениха и невѣсты.

Это было въ высшей степени любопытное зрѣлище. На тачанкахъ, покрытыхъ дорогими коврами, по ковровой дорогѣ ѣхали въ церковь Махно, его невѣста и почетные гости, по той же ковровой дорогѣ возвращались они обратно, а потомъ ковры разобрали жители Гуляй-Поле.

Десять дней все село праздновало свадьбу Махно. Десять дней и десять ночей небыло никому проѣзда по ровнымъ полямъ, окружающимъ Гуляй-Поле, то махновская артиллерія безъ устали стрѣляла боевыми снарядами, возвѣщая всѣмъ о торжествѣ Батьки Махно. Долго будутъ помнить эту свадьбу не одни жители Гуляй-Поле, ее будутъ вспоминать и тѣ села, куда залетали тяжелые снаряды ни съ чѣмъ не считавшихся, обалдѣвшихъ отъ пьянства, махновскихъ артиллеристовъ.

Наивысшей точки свадебные торжества достигли, когда Махно, въ порывѣ пьянаго восторга объявилъ «Гуляй-Полевскую свободную народную анархическую республику», а себя — ея первымъ президентомъ...

Троцкій, бывшій въ то время въ Кіевѣ, узнавъ объ этомъ, телеграфно заторопилъ Дыбенко ускорить свой отъѣздъ къ четвертой украинской, совѣтской арміи. Махно тоже былъ вынужденъ по телеграммѣ Троцкаго сократить свадебныя и республиканскія торжества и заняться завоеваніемъ Азовскаго побережья и Крыма для совѣтской власти.

VI. Махно на совѣтской службѣ.

При нашествіи нѣмцевъ и австрійцевъ, которые были призваны на Украину Центральной Радой, совѣтскій главковерхъ Антоновъ, боровшійся съ Радой во имя совѣтовъ, вынужденъ былъ отступить съ остатками своей арміи въ

предѣлы Курской и Орловской губ. и здѣсь выжидать тѣхъ событій, которыя тщательно подготовлялъ Х. Раковскій. Подъ видомъ заключенія мира съ гетманомъ, совѣтскій дипломатъ велъ переговоры съ атаманами повстанческихъ отрядовъ, среди которыхъ были Шинкарь, Григорьевъ и Махно. Переговоры дали прекрасные результаты: атаманы подчинились Москвѣ и готовы были по первому требованію двинуть свои отряды туда, куда будетъ приказано, а пока разрушали тылъ гетмана. Не сидѣлъ сложа руки и Антоновъ, который прибавилъ къ своей фамиліи эффектное Овсѣенко, очевидно, для того, чтобы этой фамиліей породниться съ Украинскимъ народомъ.

Въ то время штабъ Антонова — Овсѣенко находился въ Орлѣ и помѣщался въ зданіи кадетскаго корпуса. Штабомъ главковерха, который состоялъ исключительно изъ кадровыхъ офицеровъ, былъ разработанъ детальный планъ завоеванія Украины; согласно этому плану главнѣйшая тяжесть въ предстоящей борьбѣ была отнесена за счетъ повстанцевъ, съ которыми подъ шумокъ успѣлъ сговориться Раковскій.

Нужно отдать должное совѣтскому командованію — оно съумѣло блестяще выполнить намѣченный планъ и такъ цѣлесообразно использовало повстанческія силы, что для боевыхъ дѣйствій красной арміи не оставалось мѣста; красная армія побѣдоносно двигалась по Украинѣ, по услужливо расчищенной атаманами дорогѣ.

Совѣтское командованіе, занявъ въ декабрѣ 1918 года, послѣ отхода нѣмцевъ Харьковъ, почти безъ сопротивленія стало продвигать въ Кіевскомъ направленіи повстанческія силы Шинкаря и другихъ, болѣе мелкихъ атамановъ, сочувствующихъ совѣтской власти, въ Одесскомъ — Григорьева и въ Екатеринославскомъ — Махно.

Расчеты, построенные на точномъ учетѣ борющихся силъ, а главное на настроеніи крестьянскихъ и рабочихъ массъ, предварительно распропагандированныхъ множествомъ агентовъ Раковскаго, оправдали надежды Москвы: гетмана свергнулъ Петлюра, Петлюру — повстанческіе атаманы и, въ результатѣ, за три мѣсяца второй украинской кампаніи, совѣтская власть получила въ свое распоряженіе не только чрезвычайно богатый и обширный край, но и выходъ къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей. Кромѣ того, совѣтскія арміи получили возможность тѣснить казаковъ, а за ними и добровольцевъ.

Однако, блестяще выполнивъ основную цѣль своего плана, совѣтское командованіе допустило рядъ второстепенныхъ ошибокъ, впослѣдствіи оказавшихся роковыми.

Совѣтское командованіе, создавъ до начала военныхъ дѣйствій «украинскую» армію, численностью не болѣе 25 000 человѣкъ, не прошедшую боевого обученія и мало дисциплинированную, какъ, впрочемъ, и вообще, вся красная армія того періода, не учло расходовъ этой арміи на организацію комендантскихъ командъ, штабовъ и различныхъ частей чисто вспомогательнаго характера, предназначенныхъ для укрѣпле-

нія тыла, чему совѣтская власть, въ противоположность Деникину, Колчаку и Врангелю, придавала и придаетъ первенствующее значеніе. Въ результатѣ «украинская» армія, разбитая на рядъ мелкихъ отрядовъ, распылилась по всей Украинѣ, ослабляя боевую мощь совѣтовъ и красному командованію пришлось довѣриться, политически неустойчивымъ и преслѣдовавшимъ исключительно свои цѣли, повстанческимъ атаманамъ. Такимъ образомъ, изъ отрядовъ Махно была сформирована 45-ая стрѣлковая совѣтская дивизія, а изъ партизановъ Григорьева — 44-ая дивизія.

Въ апрѣлѣ 1919 года состоялось свиданіе главковерха Антонова-Овсѣенко съ Махно, обставленное весьма торжественно.

Бесѣда Махно съ Антоновымъ была продолжительна и закончилась въ столовой уже за бутылкой вина. Садясь въ автомобиль Антоновъ, повидимому очень довольный своей встрѣчей съ Махно, сообщилъ спутникамъ, что Махно еще будетъ полезенъ совѣтской власти, а его партизановъ надо направить не въ Крымъ, а на казаковъ и добровольцевъ.

А Махно въ это время задумывался надъ тѣмъ, какъ бы уничтожить своего опаснаго конкурента Григорьева.

Дыбенко, прибывъ въ Симферополь, въ качествѣ командующаго четвертой, украинской, совѣтской арміей, каковымъ до тѣхъ поръ считалъ себя Махно, потребовалъ чтобы батько явился къ нему. Махно прибылъ и вынужденъ былъ ожидать командующаго арміей въ комнатѣ революціоннаго военнаго совѣта арміи: Дыбенко въ это время приводилъ себя въ чувство отъ послѣдствій кокаина большими стаканами коньяку.

Наконецъ Махно ввели къ Дыбенко, который молча протянулъ нѣсколко оторопѣвшему батько, привыкшему къ почестямъ, солидную пачку приказовъ воен. рев. совѣта республики.

— Для чего это? — освѣдомился Махно, бѣгло взглянувъ на приказы.

— Читать... Вы назначены начальникомъ 45 стрѣлковой совѣтской красной дивизіи, а Григорьевъ — 44 такой же дивизіи.

Махно сначала хотѣлъ отказаться, заявивъ, что онъ не нуждается ни въ какихъ назначеніяхъ, но услышавъ о Григорьевѣ назначеніе принялъ. Дыбенко, любящій позу, сдѣлалъ величественный жестъ рукой, милостиво отпуская Махно.

— Я, товарищъ, уже послалъ вамъ спецовъ... До свиданія.

Возвратившись къ себѣ «въ ставку», гдѣ то возлѣ Цареводаровки (онъ не любилъ жить въ большихъ домахъ, напоминающихъ ему тюрьму) Махно нашелъ арестованными, присланыхъ изъ штаба арміи для формированія дивизіи, спецовъ.

— Кто тамъ подъ арестомъ? — Поинтересовался Махно.

— Да кто ихъ знаетъ; какіе-то спецы, — отвѣтилъ Гуро.

Бывшій капитанъ генеральнаго штаба Васильевъ представился Махно, какъ начальникъ штаба дивизіи и попросилъ разрѣшенія представить остальныхъ товарищей по работѣ.

— Катай — махнулъ рукой Батько.

Свирѣпо сдвинувъ брови, слушалъ Махно, какъ Васильевъ представлялъ ему начальниковъ оперативнаго, развѣдывательнаго, артиллерійскаго, инженернаго, административнаго и другихъ отдѣловъ и отдѣленій будущаго штаба.

Послѣ представленія Махно поблагодарилъ всѣхъ за желаніе съ нимъ работать и тутъ же отправилъ спецовъ обратно въ сарай подъ арестъ, предложивъ остаться только Васильеву и начальнику артиллерійскаго отдѣла. Съ ними онъ занялся, главнымъ образомъ вопросами о сосредоточеніи артиллерійскаго огня по опорнымъ пунктамъ противника. Знанія Васильева и его умѣніе дѣлать необходимыя практическія указанія Махновскимъ артиллеристамъ на послѣдовавшей послѣ доклада практической стрѣльбѣ, рѣшили участь Васильева; онъ навсегда остался начальникомъ штаба Махно, причемъ Махно, зная слабую сторону Васильева держалъ его въ неизмѣнно полупьяномъ состояніи, что поручено было Кійко.

Остальные чины штаба, послѣ недѣльнаго ареста, были пѣшкомъ отправлены въ Симферополь съ приказомъ больше никогда не возвращаться.

Всѣ должности въ штабѣ были распредѣлены между ближайшими помощниками Махно, причемъ онъ сформировалъ свой штабъ не по штату штаба дивизіи, а по штату штаба арміи, назначивъ предсѣдателемъ воен. рев. совѣта арміи анархиста Волина.

При помощи Васильева, пользуясь его объясненіями, по даннымъ Дыбенко приказамъ, Махно усидчиво принялся за изученіе администраціи красной арміи — и въ этомъ отношеніи достигъ многаго. Въ то же время Волинъ энергично заработалъ по организаціи штаба, поставивъ агитаціонную и развѣдывательную части на должную высоту.

VII. Махно и Григорьевъ.

Разгромъ Екатеринослава не прошелъ безслѣдно для махновцевъ: его богатая добыча привела къ полной бездѣятельности махновскую армію. Правда, махновцы по инерціи могли еще занять часть Азовскаго побережья, гдѣ имъ не оказывалось почти никакого сопротивленія, но перешагнуть черезъ Акмонайскій рубежъ, обороняемый ген. Шиллингомъ — имъ было не по силамъ. Махновцы, встрѣчая

со стороны добровольцевъ организованный отпоръ, послѣ нѣкоторыхъ безуспѣшныхъ попытокъ, оставили Шиллинга въ покоѣ и занялись ликвидаціей екатеринославской добычи.

Не тѣмъ, чѣмъ раньше, сталъ и Махно: онъ съ головой окунулся въ радости семейной жизни, мечталъ о хуторѣ и собственномъ хозяйствѣ, о томъ, что пора бросить атаманство и сѣсть на землю. Объ этомъ онъ не разъ велъ бесѣды со своими приближенными, восхваляя передъ ними радости семейной жизни.

Помощники Махно, какъ и рядовые махновцы, позабывъ обо всемъ предавались безудержной, безшабашной жизни.

Безъ конца лилось вино, гремѣла музыка. Столица Махновской республики Гуляй Поле, переименованная въ честь братьки въ «Махноградъ», переполненная тысячными толпами празднично гуляющаго народа — напоминала крикливую, пеструю ярмарку.

Въ толпѣ сновали неизвѣстно откуда появившіеся темные дѣльцы, которые скупали за безцѣнокъ драгоцѣнности и старались придумать для махновцевъ все новыя и новыя удовольствія.

Открывались картежные притоны, гдѣ проигрывались колоссальныя суммы, рестораны и кафе, парфюмерные магазины и парикмахерскія, появились портные «изъ Варшавы» и сапожники; махновцы дѣлали маникюръ, щеголяли невѣроятными прическами надъ которыми ломали головы доморощенные «Жаны изъ Парижа», выливали на щегольскіе френчи флаконы духовъ.

Деньги и драгоцѣнности пускались по вѣтру, какъ пухъ. Махновцы не знали счета деньгамъ и не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ махновцы прогуляли, пропили всю екатеринославскую добычу. Постепенно, предусмотрительные дѣльцы стали покидать махновскую столицу, закрывая магазины и кафе. Угаръ проходилъ. Наступали сѣрые, унылые будни.

Къ этому времени и Махно сталъ уставать отъ радостей семейной жизни. Мечты о собственномъ хуторѣ потускнѣли. Махно все больше и больше начали раздражать тѣ похвалы, которыя расточались совѣтской прессой атаману Григорьеву.

«Григорьевъ взялъ Херсонъ»... «Григорьевъ взялъ Одессу»... «Григорьевъ побѣдилъ Антанту»...

Имя Григорьева пользовалось огромной популярностью. Григорьевъ — революціонный герой. Махно видѣлъ, что на совѣтскомъ небѣ взошла новая яркая звѣзда, въ лучахъ которой меркнетъ его слава.

Махновцы, разгруженные отъ екатеринославской добычи, не желающіе идти на простой, случайный грабежъ, все назойливѣй и нетерпѣливѣй указывали Махно на Григорьева и даже промежъ себя поговаривали о томъ, что пора идти къ новому атаману...

Передъ Махно сталъ вопросъ: чѣмъ и какъ удовлетворить непомѣрно разросшіеся аппетиты своей шайки. Нуженъ былъ какой-то выходъ, иначе отъ него уйдетъ къ

опасному конкуренту все, что есть лучшаго въ шайкѣ. И Махно задумалъ коварный планъ: спровоцировать Григорьева на совмѣстное выступленіе противъ совѣтской власти.

Этимъ Махно достигалъ двоякой цѣли — уничтожалъ соперника и завладѣвалъ его богатой одесской добычей, о которой день и ночь бредили махновцы...

И вотъ Махно посылаетъ къ Григорьеву своихъ «дипломатовъ» — Козельскаго и Колесниченко, съ которыми передаетъ атаману свой братскій привѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ порицаніе за отступничество отъ «подлинныхъ завѣтовъ революціи».

Махновскіе «дипломаты», встрѣченные съ торжественной помпой «дворомъ» Григорьева, съ успѣхомъ выполнили возложенную на нихъ миссію. Они легко сговорились съ легкомысленнымъ Григорьевымъ, который и самъ, не разъ, до пріѣзда Махновской делегаціи задумывался надъ тѣмъ, что ему пора разойтись съ большевиками, которые не оцѣнили его заслугъ передъ революціей и, по распоряженію какого-то актера Дембровскаго, выгнали его изъ Одессы.

Во время перваго свиданія съ Махновской делегаціей Григорьевъ колебался дать опредѣленный отвѣтъ: онъ не сказалъ — ни да, ни нѣтъ. Но по возвращеніи изъ штаба 3-й совѣтской арміи, куда его вызывали для служебныхъ объясненій, Григорьевъ рѣшилъ стать на скользкій путь, на который его толкнулъ Махно. Въ штабѣ арміи Григорьеву объявили, что онъ всего лишь начальникъ 44 совѣтской, украинской, стрѣлковой дивизіи, чѣмъ было чувствительно задѣто честолюбіе Григорьева, который мечталъ о постѣ чуть ли не главнокомандующаго войсками на Украинѣ.

Вслѣдствіе этого, онъ, по возвращеніи въ свой штабъ, передалъ «дипломатамъ» Махно согласіе на выступленіе противъ совѣтской власти.

Махно торжествовалъ и, заручившись согласіемъ Григорьева, сталъ рыть ему яму.

Началась подготовка къ совмѣстному выступленію: разрабатывался общій оперативный планъ, Григорьевъ развилъ среди населенія дѣятельную агитацію и открыто заявлялъ, что онъ скоро примется за уничтоженіе ненавистныхъ народу коммунистовъ.

Большевики, догадываясь о заговорѣ Григорьева и Махно, но ничего опредѣленнаго не зная, наканунѣ выступленія вызвали Махно для переговоровъ, причемъ послѣдній конечно поклялся въ вѣрности Москвѣ, а на другой день, 4 мая, Григорьевъ, расчитывая на Махно, открыто выступилъ противъ большевиковъ подъ лозунгомъ: — «Власть совѣтамъ, но безъ коммунистовъ».

Выступленіе Григорьева не на шутку встревожило совѣтское командованіе на Украинѣ. Силы возставшихъ не только количественно, но и качественно превосходили силы большевиковъ. Симпатіи населенія, которому Григорьевъ передалъ часть мануфактуры изъ числа захваченной имъ въ одесскомъ порту, также были всецѣло на сторонѣ возставшихъ. Одна-

ко, въ самомъ началѣ выступленія, Григорьевъ допустилъ непоправимую ошибку. Эта-то ошибка и спасла большевиковъ отъ гибели.

Григорьевъ приказалъ своему начальнику штаба Тютюнику (впослѣдствіи много нашумѣвшему петлюровскому атаману) наступать съ большимъ отрядомъ въ сторону Харькова и Кіева. Тютюникъ послѣ демонстрацій въ сторону этихъ городовъ, предалъ Григорьева. Онъ повернулъ на Каменецъ-Подольскъ и навсегда перешелъ на сторону Петлюры.

Вмѣсто того, чтобы ударить по беззащитной Одессѣ, гдѣ кромѣ штаба арміи съ ротой китайцевъ и двухъ бронепоѣздовъ ничего не было, Григорьевъ, соблазненный обѣщаніями Махно о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Крыма и у Екатеринослава, уклонился къ Елисаветграду, гдѣ и произвелъ еврейскій погромъ. Григорьеву слѣдовало бы быть активнымъ и повести стремительныя атаки на растерявшихся большевиковъ; но онъ пропустилъ нѣсколько дней и это рѣшило его судьбу.

За это время совѣтское командованіе быстро оправилось отъ предательскаго выступленія, вырвало иниціативу изъ рукъ Григорьева и съ бронепоѣздами, которыхъ у Григорьева не было, а также съ помощью махновской вольницы, перешло въ рѣшительное наступленіе.

Возлѣ Елисаветграда, а затѣмъ подъ Лозовой, Григорьевъ потерпѣлъ жестокія пораженія и потерялъ все, что вывезъ изъ Одессы.

Однако Махно неудовольствовался доставшейся ему Григорьевской добычей, ему нужна была смерть Григорьева.

Снова Козельскій у Григорьева. Снова коварный «дипломатъ», отрицая участіе махновцевъ въ разгромѣ Григорьева, уговариваетъ его встрѣтиться, чтобы разработать планъ дальнѣйшей борьбы съ коммунистами.

Потерявшій голову Григорьевъ снова попался въ разставленныя сѣти. Махно устроилъ въ сараѣ митингъ, на которомъ Лященко предательски убилъ Григорьева.

Махно торжествовалъ полную побѣду.

Въ то время, какъ шла борьба Григорьева съ большевиками, началось осторожное продвиженіе добровольцевъ въ Донецкій Бассейнъ и завязались кровопролитные упорные бои, которые, какъ извѣстно, привели къ тому, что большевики были вытѣснены изъ Донецкаго Бассейна и попятились къ Москвѣ...

Неблагопріятно для большевиковъ складывалась обстановка и на Керченскомъ полуостровѣ. Красная армія не смогла перешагнуть черезъ Акмонайскій рубежъ. Надежды на возстанія въ Керчи и въ другихъ мѣстахъ не оправдались: возстаніе быстро и рѣшительно подавилъ энергичный генералъ Ходаковскій, который, смѣнивъ раненаго въ грудь генерала Шиллинга,съ отрядомъ въ 3500 человѣкъ взялъ Ѳеодосію и, послѣ ряда боевъ, заставилъ большевиковъ быстро покатиться на сѣверъ.

Дивизіи Махно было поручено занять Маріупольскій фронтъ. Махновцы, влившись въ большевистскій фронтъ, быстро разложили сосѣднія дисциплинированныя и, въ общемъ довольно стойкія, совѣтскія войска. Генералъ Май-Маевскій медленно подвигался впередъ и махновцы, встрѣчая организованный отпоръ, а въ особенности при появленіи танковъ, бѣжали съ фронта, увлекая съ собой и совѣтскія войска. Южный фронтъ большевиковъ зашатался. Началось стремительное наступленіе добровольческой кавалеріи. Красная армія покатилась на Орелъ.

Въ это время Махно продолжалъ вести съ совѣтской властью такую же двойственную и коварную игру, какую велъ съ Григорьевымъ и на всѣ требованія Москвы подтянуться, онъ, ведя явно противосовѣтскую агитацію въ деревняхъ, отвѣчалъ все болѣе и болѣе непріемлемыми требованіями.

Первымъ понялъ въ чемъ дѣло — Троцкій, который, удаливъ главковерха Антонова-Овсѣенко, продолжавшаго поддерживать Махно, сталъ расформировать украинскую армію и вливать ея составъ въ обще-русскую.

Главнокомандующаго Вацетиса, который не могъ справиться съ разразившейся катастрофой, смѣнилъ ген. штаба полковникъ Каменевъ, которому, впослѣдствіи, суждено было закончить благопріятно для совѣтовъ борьбу на всѣхъ бѣлыхъ фронтахъ...

Троцкій изъ Харькова потребовалъ, чтобы Махно лично явился къ нему, но хитрый Махно послалъ для переговоровъ делегацію. Тогда Троцкій приказалъ разстрѣлять депутацію, а Махно и Волина объявилъ внѣ закона, какъ измѣнниковъ рабоче-крестьянской власти.

Такъ кончилась служба Махно у большевиковъ.

VIII. Махно Петлюровецъ.

Разрывъ съ совѣтской властью Махно предвидѣлъ еще задолго до посылки къ Троцкому депутаціи.

На это указываетъ предательское для коммунистовъ отступленіе махновской дивизіи на сѣверо-западъ въ сторону Волочиска, тогда какъ по общему плану отступленіе предусматривалось за Донецкій Бассейнъ въ сторону Харькова.

Это подтверждается также и работой махновскихъ агентовъ по дискредитированію совѣтской власти, что, конечно, не могло быть секретомъ для большевиковъ.

Въ первыхъ числахъ августа 1919 года, махновская армія, значительно уменьшившаяся численно за время тяжелыхъ боевъ съ добровольцами и обременная значительнымъ числомъ раненыхъ, достигла линіи петлюровскаго фронта: Калинковичи—Казатинъ.

Махно немедленно приступилъ къ переговорамъ съ петлюровскимъ командованіемъ о сдачѣ на попеченіе украинскаго краснаго креста раненыхъ махновцевъ, которыхъ онъ, вопреки обычаю, не смогъ вслѣдствіе быстроты отступленія, сдать на попеченіе крестьянъ.

Переговоры вскорѣ увѣнчались успѣхомъ, хотя и безъ санкціи Петлюры, пожелавшаго, очевидно, сохранить въ отношеніи Махно свободу дѣйствій на случай удачныхъ переговоровъ съ Деникинымъ, которые въ то время, подъ шумокъ уже велъ этотъ пресловутый «головной атаманъ».

Въ результатѣ переговоровъ отъ Махно были приняты не только всѣ раненые, но и самому Махно, съ остатками его арміи было предложено занять возлѣ Умани отдѣльный участокъ на петлюровскомъ фронтѣ. Махно, занявъ участокъ фронта, попалъ въ совершенно родственную для его махновцевъ обстановку.

Всѣ эти «курени смерти», разные «черно-красно-сѣро шлычники» и другіе, съ не менѣе эффектными названіями полки, составлявшіе какъ бы гвардію петлюровскихъ войскъ, по существу были худшимъ видомъ партизанъ, не останавливающихся передъ любымъ видомъ насилія, и понятно, что вольница Махно, съ ея полнымъ отрицаніемъ даже признаковъ дисциплины, которая въ петлюровскихъ войскахъ все же существовала хотя бы въ отношеніи дѣленія чиновъ арміи на казаковъ и старшинъ (офицеровъ), привлекла къ себѣ всѣ ихъ симпатіи и скоро началось дезертирство петлюровцевъ къ махновцамъ, значительно пополнившее составъ махновской арміи.

Въ то время на петлюровскомъ фронтѣ было полное боевое затишье. Мимо фронта тянулись безчисленные обозы отступавшихъ изъ Крыма и Одесскаго района совѣтскихъ войскъ, перегруженныхъ многочисленными семьями коммунистовъ изъ оставленныхъ районовъ, а добровольцы были еще далеко.

Эти колонны обозовъ, съ разсыпанными среди нихъ мелкими единицами войскъ, деморализованныхъ быстро разразившейся военной катастрофой, лишенныхъ возможности разсосаться среди мѣстнаго населенія изъ-за общей ненависти, были заняты одной лишь мыслью, какъ можно скорѣе достигнуть линіи Черниговъ—Брянскъ и тѣмъ спасти себя отъ окончательнаго разгрома.

Эти-то обозы большевиковъ и привлекли все вниманіе петлюровцевъ.

Петлюровцы, а съ ними и Махно, не удаляясь слишкомъ далеко отъ линіи своего фронта, ежедневными короткими ударами наносили проходившимъ большевикамъ чувствительные удары, отбивая лошадей и обозы со всевозможными грузами.

Особенно свирѣпо усердствовали махновцы, производя колоссальные разгромы колоннъ большевиковъ, часть которыхъ еще такъ недавно они сами составляли.

Въ результатѣ, Махно быстро пополнилъ всю матеріальную часть арміи, въ особенности лошадей, въ которыхъ онъ тогда нуждался, а также и увеличилъ численный составъ арміи за счетъ плѣнныхъ красноармейцевъ и петлюровцевъ.

Вотъ тутъ-то Махно и пригодились приказы, полученные имъ отъ Дыбенко въ Симферополѣ.

Махно лихорадочно началъ работу по реорганизаціи своей арміи, не задѣвая своихъ свободолюбивыхъ махновцевъ ломкой нравившагося имъ внѣшняго порядка.

Между тѣмъ, для совѣтской власти событія принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ. Деникинъ занялъ Курскъ и подходилъ къ Орлу.

Казалось, революція кончена и настали послѣдніе дни большевизма.

Но, углубляясь на Украину въ поискахъ сочувствія у населенія, привыкшаго владѣть собственной, а не общинной землей, стремясь использовать живыя силы этого населенія и получить хлѣбъ, — Деникинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не посчитался съ пронесшимся по всему этому обширному краю вихремъ національнаго подъема, принявшимъ во многихъ случаяхъ нездоровую окраску крайняго шовинизма.

Разсматривая все украинское движеніе, лишь какъ кабинетно-надуманное изобрѣтеніе кучки интеллигентовъ зарубежнаго происхожденія, Деникинъ допустилъ открытое столкновеніе съ петлюровцами въ первый же день занятія Кіева изъ-за поднятія флага надъ зданіемъ городской думы.

Это столкновеніе привело впослѣдствіи къ образованію новаго фронта, потребовавшаго оттяжки значительныхъ силъ за счетъ главнаго и, кромѣ того, у арміи съ этого момента оказался неустойчивый, часто враждебный ей тылъ.

Не повторяя здѣсь, ставшихъ уже общеизвѣстными, обстоятельствъ, приведшихъ въ конечномъ результатѣ къ разгрому деникинскаго движенія, укажу лишь кратко на то, что слишкомъ длительное оставленіе деревень и селъ безъ государственной власти, создавало на мѣстахъ чистѣйшую анархію, доходившую до кошмарныхъ размѣровъ отъ произвола военныхъ властей, среди которыхъ нашли себѣ мѣсто авантюристы всѣхъ оттѣнковъ.

Эти ошибки скоро привели къ полнѣйшему расхожденію, а затѣмъ и открытому выступленію крестьянскихъ массъ противъ Деникина, власть котораго въ началѣ онѣ принимали восторженно, съ чисто дѣтской надеждой, что самъ Деникинъ, безъ ихъ усилій и жертвъ, принесетъ всѣмъ миръ, землю и порядокъ.

Итакъ вскорѣ начались ожесточенные и кровопролитные бои между добровольцами и махновцами, причемъ впервые махновцы познакомились съ дѣйствіемъ новаго орудія гражданской войны — бронепоѣздами и съ установленной на нихъ мощной тяжелой артиллеріей.

Махновцы, вообще, не выносили дѣйствія артиллеріи, а огонь съ быстро и притомъ совершенно неожиданно появля-

ющихся бронепоѣздовъ, заставлялъ ихъ разбѣгаться куда глаза глядятъ.

Махно это видѣлъ и упорно началъ искать выхода изъ тяжелаго положенія, грозившаго ему гибелью.

Слѣдуетъ еще добавить, что Махно слабо владѣетъ украинскимъ языкомъ, а «ридна мова», на которой пришлось тогда ему и его махновцамъ изъясняться, все больше и больше наводила его на мрачныя мысли и вопросы, чѣмъ все это для него кончится?

Махно совершенно ясно видѣлъ, что среди украинцевъ ему не то что первой, но даже и послѣдней скрипки играть не придется и онъ рѣшилъ измѣнить Петлюрѣ, какъ раньше измѣнилъ Григорьеву, а затѣмъ совѣтской власти.

Между прочимъ 18 августа 1919 года, на разсвѣтѣ, при производствѣ смѣлой развѣдки былъ опознанъ и убитъ, одѣтый въ кубанскую бурку и шапку, родной братъ Махно — Григорій Махно.

Долго послѣ смерти брата вымещалъ Махно свою ярость надъ тяжело ранеными офицерами, попадавшими лишь въ такомъ состояніи въ его руки, такъ какъ каждый строевой офицеръ предпочиталъ смерть махновскому плѣну.

Махно въ то время не зналъ пощады для офицеровъ и для его палача Кійко было достаточно работы по устройству кровавыхъ поминокъ по брату своего батьки.

IX. Махно въ тылу Деникина.

Къ осени 1919 года Махно окончательно усвоилъ преподанные черезъ Дыбенко уроки Троцкаго и успѣлъ примѣнить ихъ на практикѣ.

Оставляя безъ вниманія внѣшній видъ своей недисциплинированной арміи, онъ, путемъ упорной и энергичной работы, почти незамѣтно, успѣлъ реорганизовать ее такъ, что армія уже не была той шайкой грабителей, какой по существу являлась, а представляла собою кадры для подлинно народной партизанской арміи, а въ борьбѣ со своими противниками Махно началъ примѣнять и новую тактику.

Махно рѣшилъ, что необходимо дѣйствовать не только быстро, но главное, производить операціи вдали отъ желѣзныхъ дорогъ или, какъ онъ опредѣлялъ, «перенести борьбу съ рельсъ на проселки, въ лѣса и поля»...

Свою пѣхоту онъ посадилъ на четырехколесныя легкія тачанки, съ установленными на нихъ пулеметами и, имѣя прекрасный конскій составъ, перебрасывалъ ѣздящую на тачанкахъ пѣхоту съ поразительной быстротой то въ одинъ, то въ другой участокъ боя, появляясь преимущественно тамъ, гдѣ его меньше всего ждали.

Кавалерію Махно вообще берегъ и употреблялъ ее для нападеній на подвергшіеся крушенію воинскіе желѣзнодорожные эшелоны или для преслѣдованія убѣгавшихъ въ паникѣ войскъ противника.

Не ждали Махно и въ тылу у Деникина, войска котораго побѣдоносно двигались по московскимъ дорогамъ.

Въ то время, когда Мамонтовъ возвращался на отдыхъ со своего знаменитаго рейда по совѣтскимъ тыламъ, Махно со своей летучей арміей совершилъ неожиданный рейдъ по тыламъ Деникина. Бросивъ Петлюру, стремительнымъ натискомъ уничтоживъ бывшій противъ него Симферопольскій полкъ, онъ сталъ появляться тамъ, гдѣ его никто не ждалъ, неся съ собой панику и смерть, и спутывая всѣ карты Деникина.

Махно у Полтавы, Кременчуга, Константинограда, Кривого Рога...

Въ первыхъ числахъ сентября онъ занялъ Александровскъ, отрѣзавъ Крымъ отъ центра. По пути Махно распускалъ собранныя по мобилизаціи пополненія для арміи Деникина; часть изъ нихъ добровольно переходила къ нему.

Махно идетъ дальше, — онъ занимаетъ Орѣховъ, Пологи, Токмакъ, Бердянскъ, Маріуполь и смѣло подвигается къ Таганрогу, гдѣ была расположена ставка Деникина.

Нужно было видѣть, что творилось въ эти «махновскіе дни» въ тылу Добровольческой арміи.

Военныя и гражданскія власти растерялись настолько, что никто и не думалъ о сопротивленіи.

При одномъ извѣстіи о приближеніи Махно добровольческія власти бросали все и въ паникѣ бѣжали въ направленіи Ростова и Харькова.

Это былъ небывалый, не имѣвшій примѣра въ исторіи разгромъ тыла, который по своимъ послѣдствіямъ не можетъ быть даже сравниваемъ съ рейдомъ Мамонтова.

На сотни верстъ, съ большимъ трудомъ налаженная гражданская и административная жизнь въ городахъ и отчасти въ селахъ была окончательно сметена. Уничтожены и сожжены огромные склады снаряженія и продовольствія для арміи. Нарушены пути сообщенія и распущены запасные.

Крестьянская масса съ этого момента открыто стала не только въ оппозицію къ власти Деникина, но и перешла къ вооруженной съ нимъ борьбѣ.

Не оцѣнивая въ должной мѣрѣ махновскаго движенія генералъ Деникинъ лишь кратко приказывалъ генералу Слащеву: «Чтобы я больше не слышалъ имени Махно».

Противъ Махно былъ двинутъ корпусъ Слащева, почти весь конный корпусъ Шкуро и всѣ запасныя части, которыми въ то время располагало главнокомандованіе.

Однимъ словомъ для «ликвидаціи» Махно были сняты съ фронта быть можетъ лучшія части добровольцевъ, но ликвидировать Махно имъ такъ и не удалось, несмотря на

то, что конница Шкуро въ первые же 10 дней столкновеній съ Махно потеряла до 50% лошадей.

Упорство Деникина, смотрѣвшаго на Махно, какъ на эпизодъ, изъ-за котораго не можетъ быть задержано наступленіе добровольцевъ на Москву, погубило его армію и спасло совѣтскую власть, находившуюся тогда въ критическомъ положеніи.

Къ дѣйствіямъ Махно, какъ совѣтская, такъ и Деникинская печать, относились какъ къ совершенно случайному эпизоду, который для однихъ облегчилъ, а для другихъ затруднилъ борьбу, — эпизоду, который не игралъ чисто военной роли въ борьбѣ совѣтовъ съ Деникинымъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, эти дѣйствія по своимъ послѣдствіямъ имѣли несомнѣнно рѣшающее значеніе на исходъ всей борьбы бѣлыхъ армій съ совѣтской властью.

Мнѣ пришлось пѣшкомъ пройти отъ Александровска, послѣ нападенія на него Махно, до Чаплино и наглядно убѣдиться, какъ въ исключительномъ вліяніи Махно на крестьянскія массы такъ и въ невѣроятной растерянности властей, которая предшествовала движенію Махно.

Къ утру той ночи, когда Махно неожиданно напалъ на Александровскъ, я прошелъ около 20 верстъ. Попадавшіяся на пути станціи и полустанки были уже брошены и только поздно утромъ, отъ оставшагося телеграфиста мнѣ удалось узнать, что всѣ служащіе вмѣстѣ съ государственной стражей ночью выѣхали въ Орѣховъ.

Оставивъ полотно желѣзной дороги и свернувъ на проселочную дорогу, я видѣлъ, какъ на улицахъ и дворахъ, проходимыхъ мною селъ, собирались толпы крестьянъ, что то горячо обсуждавшихъ и подозрительно меня осматривавшихъ.

Такъ и прошелъ весь день. Вечеромъ въ небольшомъ селѣ меня арестовали и лишь послѣ заявленія, что я учитель и хорошо знаю батько Махно — отпустили.

Почти до самого Чаплино нигдѣ нельзя было встрѣтить никакихъ признаковъ государственной стражи или другихъ представителей власти и даже въ Чаплино, несмотря на наличіе въ особомъ поѣздѣ воинскаго отряда, можно было замѣтить растерянность и нервность среди всѣхъ агентовъ власти, а крестьяне, не стѣсняясь открыто заявляли, что «скоро явится батько Махно и всѣхъ вырѣжетъ»...

Изъ Чаплино вечеромъ я попалъ въ Бердянскъ, который въ ту же ночь былъ занятъ Махно. Еще поздно вечеромъ въ гостиницѣ, гдѣ я остановился, меня увѣряли, что Махно находится гдѣ то далеко, потерпѣлъ пораженіе, что городу ничто не угрожаетъ и что напрасно производили эвакуацію. Мнѣ тогда было не до Махно: измученный продолжительной дорогой, я крѣпко заснулъ, но ночью былъ разбуженъ артиллерійской стрѣльбой. Быстро одѣвшись, я выбѣжалъ на улицу...

По тротуарамъ и мостовой густой толпой неслись военные, срывая на ходу погоны, сбрасывая верхнюю одежду,

бросая винтовки. Въ толпѣ скакали верховые, тяжело громыхали повозки, дребезжали желѣзомъ походныя кухни. Перебѣжавъ съ трудомъ бульваръ и нѣсколько улицъ, я очутился на набережной, гдѣ удалось установить, что стрѣльба велась со стороны кладбища на горѣ и рыбачьяго поселка Лиски. Снаряды рвались надъ портомъ и въ городѣ. Стрѣльба все усиливалась. На набережной стали появляться группы бѣгущихъ военныхъ. Изъ моего убѣжища во дворѣ рыбака отчетливо были видны огни кораблей, стоявшихъ на рейдѣ, верстахъ въ 10 отъ порта. Это были суда, на которыхъ эвакуировались изъ города гражданскія власти и учрежденія — и уже три дня ожидавшія въ морѣ развязки событій. Въ порту дымилъ маленькій катеръ, какъ я узналъ впослѣдствіи «Екатеринославецъ». У входа въ портъ стоялъ броневикъ и велъ усиленную пулеметную стрѣльбу по атакующимъ портъ махновцамъ. По всей территоріи порта рвались безпрерывно снаряды. Скоро махновская артиллерія стала обстрѣливать портъ со стороны города. Катеръ, переполненный военными, торопливо началъ отчаливать отъ пристани. При поворотѣ, катеръ перевернулся и затонулъ. Всѣ бывшіе на катерѣ погибли.

Сопротивленіе добровольцевъ, засѣвшихъ въ порту было отчаянное, но силы были не равны. Часамъ къ 11 утра портъ былъ занятъ махновцами, которые затѣмъ повели наступленіе въ сторону грязелечебницы. Несомнѣнно, участь города и послѣдовавшаго боя, рѣшило организованное Махно выступленіе рыбаковъ Лисокъ, захватившихъ ночью съ тыла артиллерію, установленную на позиціи за кладбищемъ..

Два дня по дворамъ города ходили махновцы, разыскивая офицеровъ и полицейскихъ и тутъ же ихъ разстрѣливая, привлекая для успѣшности розысковъ уличныхъ мальчишекъ, платя за каждаго найденнаго по 100 руб. Обыватели города испуганно попрятались и, кромѣ рыбаковъ изъ Лисокъ, участія въ событіяхъ не принимали... Такъ прошло два дня...

На третій день появился махновскій комендантъ города, на четвертый прибылъ воен. рев. совѣтъ арміи, а еще черезъ день пріѣхалъ на нѣсколько часовъ и самъ Махно со своимъ штабомъ.

Разстрѣлы прекратились, стала выходить газета «Вольный Бердянскъ», а городъ и жители были объявлены вольными. Съ первыхъ же дней «вольный» городъ былъ наводненъ тысячами крестьянскихъ подводъ, на которыя грузилось изъ магазиновъ все, что было, и почти три недѣли на подводахъ вывозились снаряды, патроны, оружіе, снаряженіе, уцѣлѣвшіе при взрывѣ складовъ. Все это везлось крестьянами въ свои деревни.

Необходимо отмѣтить, что всѣ крестьяне считали себя настоящими махновцами, а коренной элементъ махновской арміи они иронически называли — «ракломъ».

Городское населеніе въ большинствѣ относилось къ Махно отрицательно: торговцы жаловались на грабежи и

плохую торговлю; интеллигенція молчаливо осуждала махновскую власть и пряталась отъ нея; рабочіе и ремесленники считали Махно врагомъ совѣтской власти; рыбаки, принимавшіе вначалѣ активное участіе, негодовали на невозможность заниматься рыбной ловлей. Одни портовые рабочіе громко выражали свое удовольствіе, внося въ жизнь города свой пьяный и шумный восторгъ...

Но нетерпимѣе всѣхъ относились къ Махно евреи, хотя никакихъ еврейскихъ погромовъ Махно не устраивалъ, грабя евреевъ на общемъ основаніи, какъ и остальныхъ. Они жаждали замѣны Махно кѣмъ угодно и устроили торжественную встрѣчу возвратившимся впослѣдствіи добровольцамъ.

Въ силу близости района военныхъ дѣйствій подвозъ продуктовъ въ городъ съ первыхъ же дней прекратился. Цѣны на все съѣстное начали достигать невиданныхъ доселѣ размѣровъ пока не появился краткій приказъ коменданта города гласившій: «Батько Махно приказалъ, чтобы и хлѣбъ и продукты въ городѣ были».

Къ вечеру того же дня хлѣба было сколько угодно по цѣнѣ 3 руб. за фунтъ, вмѣсто существовавшей цѣны 5 руб. до махновскаго прихода. Послѣ изданія этого приказа подводы приходили съ продуктами и уходили обратно съ награбленными вещами.

Одна лишь эта мѣра можетъ служить достаточнымъ показателемъ, какъ отношенія крестьянъ къ Махно, такъ и тяжести борьбы добровольцевъ съ Махно, что въ свое время учтено не было...

X. Борьба Махно съ корпусомъ ген. Шкуро и Губернаторомъ Щетининымъ.

Быстро откатившись подъ ударами добровольцевъ отъ Маріуполя къ Волновахѣ, а затѣмъ въ сторону Токмака и Пологъ, Махно 16 октября 1919 г. покинулъ Бердянскъ и, послѣ бомбардировки съ моря с. с. Петровскаго и Новоспасовки, сталъ, хотя и медленно, съ боемъ отступать къ Екатеринославу. Въ районѣ этого многострадальнаго города у Махно завязалась продолжительная борьба со Слащевымъ.

Упорно задерживаясь на линіи Бердянскъ—Чаплино—Синельниково почти всю вторую половину октября, Махно не сумѣлъ учесть силъ, стойкости, а, главное, умѣнья Слащева вести борьбу съ его партизанами. Не могъ Махно предугадать и направленія главнаго удара по своей арміи, ожидая его со стороны Таганрога, а получилъ его со стороны Лозовой.

Не придалъ Махно и должнаго вниманія густой желѣзнодорожной сѣти Донецкаго бассейна, что, однако, не преминуло использовать добровольческое командованіе, втя-

нувъ Махно въ борьбу на рельсы, вѣрнѣе вдоль рельсоваго пути, пока не подошли части корпуса Шкуро, которыя, усилившись бывшей уже тамъ конницей, перешли къ стремительной атакѣ по всему фронту растерявшихся отъ неожиданнаго, энергичнаго нападенія махновцевъ.

Махно пришлось подъ ударами всюду насѣдавшей конницы оставлять четырехугольникъ: Токмакъ—Чаплино—Синельниково—Александровскъ и спѣшно углубляться въ районъ Днѣпровскихъ плавней.

Это десятидневное метаніе изъ сторовы въ сторону, хотя и заставило выдохнуться конныя части Шкуро и загнать почти 50% лошадей, но все же нанесло наибольшій вредъ всей арміи Махно.

Въ этихъ бояхъ погибло много помощниковъ Махно, большая часть кавалеріи подъ командой извѣстнаго Долженко, почти на 75% уменьшилась пѣхота, частью погибшая въ бояхъ, а въ большинствѣ разсосавшаяся по деревнямъ, да и самъ Махно лишь случайно избѣгъ плѣна и казни.

Случилось это когда проливные, холодные дожди, часто смѣшанные съ снѣгомъ, окончательно испортили дороги и даже легкія махновскія тачанки стали вязнуть въ грязи...

Махно, со своимъ штабомъ, конвоемъ и совѣтомъ арміи, размѣщенные болѣе, чѣмъ на трехстахъ тачанкахъ, послѣ тяжелаго ночного перехода, расположился на отдыхъ, кажется, въ с. Ходунцы.

На разсвѣтѣ его окружила 2-я терская казачья дивизія, которая такъ неожиданно, понеслась въ атаку на колонны тачанокъ, что только съ нѣкоторыхъ махновцы успѣли открыть пулеметный огонъ, остановивъ этимъ полный охватъ колонны. Хвостъ колонны, воспользовавшись заминкой, понесся къ лѣсу по еле примѣтной полевой дорожкѣ, а преслѣдовавшіе его терцы наскочили на распустившееся отъ дождей болото, завязли въ немъ, и не могли преслѣдовать убѣгавшихъ махновцевъ.

Все же Терцамъ досталась богатая добыча болѣе 200 тачанокъ съ лошадьми и награбленнымъ добромъ, включая сюда и до 400 женщинъ, служившихъ въ развѣдывательномъ отдѣленіи штаба махновской арміи, досталась имъ и тачанка самого Махно, а въ ней короткая, изъ черной дубленой овчины шуба, съ пришитой надписью на хостѣ — «Батько Махно». — Самъ же Махно, его штабъ и военно-революціонной совѣтъ исчезли...

Съ первыхъ дней появленія махновскихъ отрядовъ въ тылу добровольцевъ, въ борьбу съ ними вступилъ екатеринославскій губернаторъ Щетининъ, въ непосредственномъ подчиненіи котораго находилось нѣсколько отрядовъ, составленныхъ въ большинствѣ случаевъ изъ чиновъ государственной стражи. Вскорѣ, однако, стало яснымъ, что борьба съ махновцами была не подъ силу Щетинину. Его отряды проявляли излишнюю мстительность, раздражая населеніе...

Въ эту операцію пришлось втянуть дивизію ген. Вицентьева, который, какъ офицеръ генеральнаго штаба, не

соглашался съ методами борьбы, проводимыми губернаторомъ Щетининымъ; къ тому же генералъ былъ недоволенъ тѣмъ, что ради какого-то Махно его на неопредѣленное время оторвали отъ работы на фронтѣ. Между губернаторомъ и ген. Вицентьевымъ начались тренія. Вицентьевъ сталъ избѣгать массовыхъ облавъ, провѣрокъ, обысковъ, а это замедляло быстроту дѣйствій карательныхъ отрядовъ и дало возможность махновцамъ отдохнуть и произвести переформированіе.

Въ распоряженіи губернатора находились агенты государственной стражи, которые скрывались въ мѣстахъ операцій Махно и имѣли возможность наблюдать не только ходъ махновскаго движенія, но и знать активныхъ руководителей изъ крестьянской среды. Вотъ эти то агенты, уже не ради личнаго обогащенія, а испытавъ на себѣ и своихъ близкихъ всю безпощадность махновскихъ расправъ, «заработали на совѣсть», рѣшивъ разъ навсегда покончить съ ненавистнымъ имъ Махно.

Благодаря имъ у Щетинина имѣлись точныя данныя о подлинной махновщинѣ. Но Щетининъ, понимая, что удовлетворить крестьянъ въ тогдашнихъ ихъ желаніяхъ, шедшихъ въ разрѣзъ со всѣми государственными интересами, у него не было никакой возможности, остановился на планѣ уничтоженія активнаго и пришлаго махновскаго элемента и, такимъ образомъ, поставивъ крестьянъ передъ наглядным урокомъ возмездія за бунтъ и заставить ихъ, смирясь, подчиниться властямъ.

Положеніе осложнялось еще и тѣмъ, что въ результатѣ операцій кавалеріи Шкуро, почти въ каждомъ селѣ накопились сотни махновцевъ, припятавшихъ оружіе и выжидавшихъ лишь подходящаго случая для того, чтобы пустить его въ дѣло. Наступившіе вскорѣ морозы сковали дороги и превратили ихъ вновь въ проѣзжія, а проникавшіе всюду махновскіе развѣдчики разносили радостныя для нихъ вѣсти, что Махно не далеко и вновь наступаетъ на «кадетъ». Все это не только не располагало ихъ къ примиренію и покорности, но повело къ ряду разрозненыхъ активныхъ выступленій.

Въ силу этого, почти каждое село приходилось попросту завоевывать, а засѣвшихъ тамъ махновцевъ вытѣснять въ плавни и лѣса, что роковымъ образомъ затягивало дѣло, создавая неустойчивость положенія и усиливало силы Махно, давая ему возможность не прекращать борьбы со Слащевымъ.

При назначеніи общей облавы приднѣпровскаго лѣса съ участіемъ двухъ полковъ дивизіи ген. Вицентьева, у Щетинина имѣлись точныя данныя о силахъ махновцевъ, скрывавшихся въ этомъ лѣсу послѣ изгнанія ихъ изъ сосѣднихъ деревень, подъ общей командой Петриченко.

Начатая съ утра облава никакихъ результатовъ не дала и ген. Вицентьевъ, посмѣиваясь надъ точностью свѣдѣній Щетинина, приказалъ по телефону прекратить облаву и полкамъ возвращаться въ мѣста своихъ стоянокъ.

Иначе посмотрѣлъ на дѣло командовавшій особымъ отрядомъ полковникъ К. Потративъ не мало времени на переговоры съ ген. Вицентьевымъ о продолженіи облавы, полковникъ К. рѣшилъ закончить ее силами отряда, находившагося въ его распоряженіи.

Конецъ облавы оказался далеко не такимъ, какимъ представлялъ его ген. Вицентьевъ. Уже черезъ 1½ ч. послѣ ухода полковъ, съ кустарниковъ за опушкой пройденнаго лѣса, началась ружейная стрѣльба, къ которой вскорѣ присоединилась и пулеметная, а затѣмъ, на растянувшійся небольшой отрядъ, кстати сказать, составленный почти изъ однихъ стражниковъ и подростковъ гимназистовъ, махновцы повели атаку. Стражники не растерялись, а встрѣтили атакующихъ интенсивнымъ огнемъ.

Въ самый острый моментъ атаки, когда враждующія стороны раздѣляло разстояніе 30—40 шаговъ, переломъ и исходъ боя рѣшилъ 17 лѣтній гимназистъ, сынъ полковника К., бывшій у него ординарцемъ. Мальчикъ поскакалъ къ обозамъ, собралъ всѣхъ, кто тамъ находился, и, съ организованнымъ такимъ образомъ коннымъ отрядомъ, стремительно обрушился на правый флангъ дрогнувшихъ отъ неожиданности махновцевъ. Во время поддержанные стражники быстро перешли въ атаку. Черезъ 40 минутъ почти все было кончено, кустарники пройдены, а махновцы уничтожены.

Въ суетѣ этой поспѣшной бойни, вблизи полковника К. какой то прапорщикъ, въ кожаной поношенной курткѣ, на которой красовались золотые погоны, подбадривая стражниковъ, требовалъ пулеметъ, изъ котораго продолжалъ вести стрѣльбу стражникъ по засѣвшимъ невдалекѣ махновцамъ, говоря, что онъ самъ перебьетъ этихъ бандитовъ. Полковникъ никакъ не могъ вспомнить, гдѣ онъ видѣлъ этого офицера и какъ онъ попалъ въ его отрядъ, но подъѣхавшій въ это время сынъ полковника громко закричалъ: «Это Петриченко» и вихремъ наскочивъ на прапорщика ударилъ его по головѣ шашкой, а стражникъ въ упоръ выстрѣлилъ въ Петриченко.

Такъ погибъ одинъ изъ главнѣйшихъ боевыхъ помощниковъ Махно при попыткѣ примѣнить свой излюбленный безумно дерзкій пріемъ, заключавшійся въ томъ, что онъ проникалъ въ ряды добровольцевъ переодѣтый офицеромъ и, завладѣвъ пулеметомъ, уничтожалъ на близкой дистанціи добровольцевъ, давая возможность своимъ товарищамъ ворваться въ линію враговъ.

Вечеромъ того же дня, отряду полковника К. пощастливилось захватить еще трехъ видныхъ коренныхъ махновцевъ, которые на слѣдующее утро были повѣшены.

Вскорѣ послѣ этого Щетининъ былъ уволенъ отъ должности Екатеринославскаго губернатора и борьбу съ Махно повелъ исключительно Слащевъ.

XI. Махно и Слащевъ.

Ген. Слащевъ, изгнавъ Махно изъ Екатеринослава, упоенный побѣдой, считалъ вопросъ съ Махно покончennымъ.

Самоувѣренный генералъ сообщилъ объ этомъ въ ставку Деникина и торжественно прибылъ въ Екатеринославъ со всѣмъ своимъ штабомъ. Но оказалось, что побѣдить Махно было не такъ легко. Въ то время, когда по прямому проводу летѣла преждевременная вѣсть о слащевской побѣдѣ, Махно возвратился назадъ и захватилъ станцію, на которой находился поѣздъ Слащева. Кругомъ поднялась обычная въ такихъ случаяхъ паника, Махновцы насѣдали со всѣхъ сторонъ, казалось, что вотъ-вотъ Слащевъ со своимъ штабомъ попадетъ въ плѣнъ, и только личная храбрость молодого генерала спасла положеніе: Слащевъ со своимъ конвоемъ стремительно бросился въ атаку, отбилъ нападеніе и возвратилъ городъ въ свое распоряженіе.

Однако, желѣзнодорожный мостъ черезъ Днѣпръ почти до момента прекращенія борьбы съ Махно, изъ за общаго отступленія, остался какъ бы нейтральной зоной.

Эпизодъ съ неожиданнымъ занятіемъ станціи положилъ начало новой упорной войнѣ Слащева съ Махно. Вначалѣ махновской кампаніи, Слащеву пришлось имѣть дѣло съ большими массами крестьянскихъ полковъ, которые ему и удалось частью уничтожить, а частью заставить разбѣжаться по домамъ. Отсюда — та легкость побѣды въ которую повѣрилъ и генералъ и его штабъ. Послѣ занятія добровольцами Екатеринослава, Махно располагалъ исключительно войсками, составленными изъ основного элемента его арміи, пополненнаго наиболѣе активными и стойкими крестьянами.

Конечно, для Махновцевъ были не по плечу затяжные бои, да еще чуть ли не позиціонные, гдѣ прежде всего требуется устойчивость и дисциплина. Махно это учитывалъ и въ борьбѣ съ Слащевымъ сталъ примѣнять старую тактику, давшую ему столько успѣховъ въ войнѣ со всѣми своими противниками.

На слащевскія войска, которыя привыкли къ открытымъ столкновеніямъ, со всѣхъ сторонъ посыпался цѣлый рядъ мелкихъ, совершенно неожиданныхъ нападеній, которыя безпокоили и нервили добровольцевъ, не знавшихъ откуда ожидать удара. Махно появлялся то тамъ, то здѣсь; сегодня его отряды были въ одномъ мѣстѣ, завтра они появлялись въ другомъ. Ни днемъ, ни ночью не было покоя отъ назойливости махновцевъ, которые совершали свои налеты съ необычайной смѣлостью, какъ бы щеголяя буйной удалью...

Все это привело къ тому, что добровольцы очутились словно въ осажденной крѣпости, причемъ обнаружить осаждавшую армію не было никакой возможности, хотя войска Слащева только и дѣлали, что безпрестанно маневрировали въ разныхъ направленіяхъ въ поискахъ исчезавшихъ, какъ дымъ махновцевъ.

Передъ нападеніемъ на добровольцевъ, Махно говорилъ своимъ:

— Братва! Съ завтрашняго дня надо получать жалованіе.

И на завтра «братва» дѣйствительно получала жалованье изъ кармановъ убиваемыхъ ими офицеровъ. Впрочемъ, мародерство процвѣтало не только среди махновцевъ; ему не были чужды и Слащевцы...

Затяжной характеръ борьбы съ Махно выводилъ изъ себя Слащева, стремившагося какъ можно скорѣе «ликвидировать» Махно, дабы отправиться добывать славу въ направленіи Москвы. Въ то время бѣлые генералы вели споръ о томъ, кому первому войти въ Москву. Однако, борьба затягивалась и, видя это, самолюбивый Слащевъ рѣшилъ нанести Махно «послѣдній» ударъ. Для охвата махновскаго фронта по его настоянію были стянуты всѣ добровольческія части Крыма и Одесскаго района, находившіяся въ распоряженіи генерала Шиллинга.

Само собой разумѣется, что такая операція требовала предварительной подготовки и штабъ занялся детальнымъ обсужденіемъ плана Слащева.

Но махновцы, конечно, не ждали: ихъ нападенія становились все смѣлѣе и смѣлѣе. Слащевъ сначала приходилъ въ ярость: но вскорѣ сталъ восторгаться предпріимчивостью и храбростью махновцевъ.

— Вотъ это я понимаю, — громко восклицалъ генералъ, выслушивая донесенія о нападеніи махновцевъ, — это противникъ, съ которымъ не стыдно драться.

Сперва махновцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ, обыкновенно вѣшали, какъ бандитовъ, потомъ стали разстрѣливать, какъ храбрыхъ солдатъ, и, подъ конецъ, ихъ всѣми способами старались переманить на свою сторону.

По мѣрѣ развитія операцій, у Слащева росъ интересъ къ личности Махно. Онъ не пропускалъ ни одного махновца, чтобы не разспросить его о томъ, видѣлъ ли онъ Махно и кто онъ такой, но узнать что-нибудь положительное о прошломъ Махно изъ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ разсказовъ плѣнныхъ Слащеву не удалось. Это обстоятельство еще больше разжигало его любопытство и у него явилось непреодолимое желаніе видѣть Махно, встрѣтиться съ нимъ и поговорить.

Съ этой цѣлью Слащевъ отправилъ къ Махно своего парламентера, котораго сопровождалъ отпущенный изъ плѣна махновецъ. Посланецъ передалъ батько, что генералъ хочетъ съ нимъ встрѣтиться, на что Махно отвѣтилъ:

— «Видѣться я согласенъ на митингѣ, гдѣ мы и поговоримъ, какъ я раньше говорилъ съ Григорьевымъ.»

Все же страсть Слащева къ махновцамъ отъ этой неудачи не прошла и подъ конецъ операціи у него собралось порядочное число махновцевъ, которыхъ онъ и захватилъ собой въ Крымъ, гдѣ они оправдали возложенныя на нихъ надежды и дѣйствительно отличались какъ храбрые солда-

ты. Въ ноябрѣ 1919 года начался отводъ добровольцевъ отъ Курска; общая стратегическая обстановка измѣнилась и Слащевъ, не закончивъ борьбы съ Махно, ушелъ въ Крымъ.

Несмотря на то, что Крымская операція покрыла Слащева славой, онъ не разъ, вспоминая Махно, говорилъ:

— Моя мечта — стать вторымъ Махно...

XII. Махно и союзъ его съ Врангелемъ.

Знакомство Слащева съ махновцами толкнуло его, въ крайне тяжелыхъ условіяхъ перваго періода крымской эпопеи, искать сближенія съ Махно. Въ то время Слащевъ просто бредилъ атаманами. Первыя попытки не дали положительныхъ результатовъ, но когда къ Махно былъ командированъ полковникъ генеральнаго штаба Л., болѣе извѣстный подъ именемъ атамана Вержбицкаго, дѣло начало налаживаться и ему удалось связаться со штабомъ Махно. Перемѣна отношеній Слащева и настойчивость, которую проявили его агенты въ поискахъ примиренія съ Махно, крайне поражали послѣдняго, тѣмъ болѣе, что ловкій и льстивый Вержбицкій не стѣснялся въ выборѣ выраженій для похвалъ махновскимъ талантамъ и вообще велъ себя крайне дипломатично.

Это настроеніе Махно стремился использовать начальникъ его штаба Васильевъ, который въ обращеніи Слащева увидѣлъ возможность для себя чуть ли не полной реабилитаціи передъ добровольцами. Онъ даже пересталъ пить и самъ лично поѣхалъ къ Вержбицкому.

Встрѣча Васильева и Вержбицкаго состоялась въ с. Н., въ плавняхъ и была чисто пріятельская. Тутъ же на мѣстѣ были улажены всѣ острыя недоразумѣнія, опредѣленъ районъ дѣйствій лично Вержбицкаго, ему были подчинены нѣсколько мелкихъ махновскихъ отрядовъ и даже предоставлено право формировать новые отряды подъ прикрытіемъ имени Махно. Васильевъ пошелъ еще дальше, заявивъ Вержбицкому, что независимо отъ дальнѣйшихъ переговоровъ, съ этого момента отношенія Махно и добровольцевъ необходимо считать, какъ союзныя. Вержбицкій былъ упоенъ успѣхомъ, но съ отъѣздомъ Васильева и прибытіемъ къ Вержбицкому нѣсколькихъ неудачныхъ офицеровъ отъ Слащева, изъ всей этой затѣи, вначалѣ сулившей успѣхъ, ничего не вышло, главнымъ образомъ въ силу того, что Вержбицкій не обладалъ волевыми данными, необходимыми для атамана; не нашлось ихъ и у его помощниковъ.

Необходимо припомнить, что Махно, возвратясь домой изъ каторги, какъ нельзя лучше сумѣлъ использовать то шаткое положеніе власти, которое изъ центровъ передавалось на мѣста.

Осенью 1917 года, вскорѣ по пріѣздѣ, Махно былъ уже предсѣдателемъ волостного Гуляй-Полевского исполкома. Главной обязанностью въ этой должности Махно считалъ провѣрку на ст. Гуляй Поле проходившихъ поѣздовъ, занимаясь при провѣркѣ открытымъ грабежомъ пассажировъ.

При провѣркѣ одного изъ поѣздовъ, въ которомъ подъ видомъ простыхъ пассажировъ оказалось нѣсколько десятковъ переодѣтыхъ офицеровъ, стремившихся на Донъ, Махно неожиданно встрѣтилъ сопротивленіе, и былъ вынужденъ не только спѣшно оставить поѣздъ, но и, въ поискахъ спасенія, бѣжать изъ села.

Изъ этого эпизода раздосадованный Махно создалъ цѣлую исторію, о попыткѣ офицеровъ овладѣть Гуляй Полемъ и отнять всѣ завоеванія революціи.

Въ результатѣ поднятой Махно шумихи, волостной сходъ рѣшилъ организовать для защиты революціи волостное войско, въ составѣ одной роты, подчинивъ ее Махно, какъ предсѣдателю исполкома. Эту роту Махно организовалъ въ два дня и началъ выводить ее цѣликомъ на станцію для провѣрки, вѣрнѣе грабежа, поѣздовъ.

Быть можетъ, первое махновское войско, переутомивъ себя грабежомъ, на этомъ бы и остановилось, но, въ то время, по пути на Донъ, офицерскій отрядъ извѣстнаго впослѣдствіи полковника Дроздовскаго занялъ Бердянскъ и началъ наводить въ городѣ и его окрестностяхъ порядокъ. До Дроздовскаго дошли вѣсти о махновскомъ войскѣ, которое онъ принялъ за большевистское и для уничтоженія его послалъ часть своего отряда въ особомъ поѣздѣ.

Какъ всегда, для встрѣчи прибывающаго поѣзда Махно вывелъ свою роту, но съ подходившаго поѣзда посыпались на роту пули, а когда быстро высадившіеся офицеры открыли пулеметный огонь и повели атаку, махновцы бросились бѣжать куда попало. Дроздовцы почти безъ сопротивленія заняли Гуляй Поле.

Махно, лишившись въ нѣсколько часовъ власти и вынужденный скрываться внѣ Гуляй Поле, успѣлъ собрать оставшихся въ живыхъ людей своей роты и съ ними направилъ всю свою мстительную ярость на офицеровъ. Вскорѣ, послѣ захвата дроздовцами Гуляй Поле, Махно удалось захватить возлѣ Волновахи поѣздъ, въ которомъ онъ уничтожилъ всѣхъ, кто хотя бы приблизительно имѣлъ сходство съ офицерами. Непримиримая ненависть Махно къ офицерамъ оставалась неизмѣнной вплоть до момента, когда Слащеву, черезъ Вержбицкаго, удалось ее поколебать.

Этому то Махно Врангель предложилъ союзъ и дружбу.

— Мои союзники — хоть самъ чертъ, лишь бы онъ былъ съ нами — такъ опредѣлялъ Врангель свое отношеніе къ возможнымъ союзникамъ.

Въ связи съ такимъ опредѣленіемъ въ выборѣ своихъ союзниковъ, вскорѣ измѣнилась и физіономія штаба главнокомандующаго изъ котораго удалились всѣ старые элементы, которые, быть можетъ, были совершенно незамѣнимы въ

войнѣ дисциплинированныхъ войсковыхъ массъ, но врядъ ли могли постигнуть особенности гражданской войны, всѣ ея колебанія и разновидности. Штабъ заполнился молодымъ и энергичнымъ элементомъ, среди котораго было нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба, побывавшихъ въ повстанческихъ отрядахъ, какъ напримѣръ полковникъ Б., пробывшій около четырехъ мѣсяцевъ у атамана Зеленаго.

Эти перемѣны дали много положительнаго въ смыслѣ перемѣнъ формъ веденія борьбы съ большевиками, но въ то же время принесли и рядъ отрицательныхъ результатовъ.

Дѣло въ томъ, что къ началу 1920 г. въ добровольческой арміи окончательно выродилась идея государственнаго розыска, главнымъ образомъ въ органахъ контръ-развѣдки, которые образовали рядъ самостоятельныхъ единицъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе не признававшихъ распоряженій центра. Личный составъ контръ-развѣдокъ въ большинствѣ случаевъ состоялъ изъ весьма сомнительнаго, часто авантюристическаго и даже преступнаго элемента, стремившагося вести совершенно обособленную политику.

Справиться съ этимъ зломъ, а въ особенности въ короткій срокъ, штабъ главнокомандующаго не смогъ. Между тѣмъ, зная сущность дѣла, штабъ поторопился отдать распоряженіе о подчиненіи непосредственно ему, минуя штабы корпусовъ, всѣхъ агентовъ оставщихся за фронтомъ. Это распоряженіе внесло крайнюю путаницу и привело къ тому, что когда къ Слащеву прибыла депутація отъ Махно, изъ состава которой нѣсколько человѣкъ, во главѣ съ молодымъ и энергичнымъ атаманомъ Вдовенко были отправлены въ Севастополь въ штабъ главнокомандующаго, — контръ-развѣдка ген. Кутепова депутацію арестовала и затѣмъ всѣхъ ея членовъ повѣсила на телеграфныхъ столбахъ города Симферополя.

Такой пріемъ депутаціи быстро докатился до Махно и страшно раздражилъ его. Казалось, что все дѣло лопнуло и агентамъ добровольцевъ не избѣжать лютой махновской расправы, но Васильевъ и здѣсь выручилъ, сгладивъ непріятное извѣстіе за счетъ отрицательныхъ сторонъ Вдовенко, у котораго, кстати, оказалось не мало личныхъ враговъ среди махновскихъ приближенныхъ.

Извѣщеніе врангелевской печати, въ самый разгаръ борьбы Врангеля съ совѣтской властью, о заключеніи союза Врангеля съ Махно, могло быть продиктовано только полнымъ непониманіемъ сущности махновщины и отчасти просто увлеченіемъ штаба Врангеля атаманщиной.

Правда махновскія газеты и прокламаціи того времени были наполнены горячими призывами къ крестьянамъ не довѣрять и не помогать коммунистамъ, смѣнившимися послѣ призывами къ открытой борьбѣ съ Москвой, но это были чисто политическіе пріемы, имѣвшіе въ виду больше всего страховку самого Махно на будущее время и сохраненіе налаженныхъ съ крестьянами отношеній и это создавало благопріятныя для Врангеля обстоятельства и дѣлало тылъ

большевиковъ неустойчивымъ, но отсюда до заключенія союза Махно съ Врангелемъ конечно оставалась «дистанція огромнаго размѣра».

Развѣ могъ быть дѣйствительный союзъ Махно съ Врангелемъ при наличіи въ военно революціонномъ совѣтѣ арміи Махно почти всѣхъ анархистовъ Россіи, возглавляемыхъ Волинымъ? Чѣмъ же могъ соблазнить и что могъ вообще предложить анархистамъ Врангель? Свой земельный законъ? Но говорить объ этомъ серьезно съ анархистами само собой разумѣется было бы смѣшно. Своимъ земельнымъ закономъ Врангель хотѣлъ перетянуть на свою сторону крестьянъ, т. е. оторвать ихъ отъ Махно, а крестьянство на 75%, если не больше, до конца борьбы просто не знало о существованіи этого закона и, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ законъ, отказывалось, несмотря на угрозы, вступать въ русскую армію, въ то же время выполняя махновскую мобилизацію въ теченіи нѣсколькихъ часовъ безпрекословно и, главное, безъ всякихъ угрозъ и насилій.

Махно это зналъ и, конечно, учитывалъ по своему.

Правда, для Махно было тогда выгоднымъ и даже необходимымъ затянуть борьбу Врангеля съ большевиками, которые пока оставляли Махно въ покоѣ, хотя и оттиснутымъ въ западномъ направленіи отъ его основной базы, гдѣ какъ разъ происходили самые рѣшительные бои и это стремленіе Махно затянуть борьбу позволило агентамъ Врангеля работать съ Махно.

Нужно знать, что Махно все время имѣлъ не только связь со всѣми атаманами Украины, которые въ большинствѣ случаевъ, послѣ временныхъ пораженій, находили у Махно пріютъ и возможность, оправившись, вновь приниматься за свою работу, но даже къ основному ядру его арміи причисляло себя большое количество мелкихъ атамановъ, которыхъ Махно очень часто использовалъ для достиженія своихъ цѣлей.

На предложенный ему Врангелемъ союзъ, Махно безусловно далъ свое согласіе и дѣйствительно помогалъ Врангелю работой мелкихъ атамановъ, какъ непр. Ященко.

Но это согласіе и этотъ союзъ фактически выливался въ слѣдующую форму: — «пока у большевиковъ есть чрезвычайки, мы съ ними будемъ вести войну, какъ съ контръреволюціонерами. Врангель также противъ чрезвычаекъ и обѣщалъ насъ не трогать.»

Вотъ это заявленіе Махно и послужило версіей считать союзъ его съ Врангелемъ заключеннымъ, но союзъ этотъ былъ чисто «махновскій».

Такой союзъ, если бы онъ въ дѣйствительности существовалъ, далъ бы Врангелю настоящихъ бойцовъ изъ крестьянской среды, несомнѣнно выполнившихъ бы приказъ объ этомъ Махно, а, главное, привелъ бы къ тому, что въ Крыму, да и вездѣ, гдѣ былъ Врангель, не существовали бы зеленые.

Махно понималъ, что удовлетворить въ то время крестьянство не могла ни одна власть, считающая себя государственной, поэтому онъ предпочиталъ показывать видъ о желаніи заключить союзъ съ Врангелемъ и одновременно велъ переговоры съ совѣтской властью о своемъ поступленіи къ ней на службу.

Врангелю онъ передавалъ, что не прочь получить генеральскій чинъ, а коммунистамъ указывалъ на свои заслуги передъ революціей, обѣщая, какъ революціонеръ, сохранить нейтралитетъ до окончанія борьбы большевиковъ съ Врангелемъ, а подъ шумокъ этихъ переговоровъ грабилъ и тѣхъ и другихъ, при чемъ его «братва» получала на этотъ разъ жалованье изъ кармановъ убитыхъ комиссаровъ.

Въ Крыму, у Керчи, въ каменоломняхъ, по всѣмъ деревушкамъ за Еникале, а также отъ Темрюка до Тамани ютились зеленые, и всѣ они считали себя только махновцами и рѣдко коммунистами.

Ядъ махновщины проникъ слишкомъ далеко и справиться съ нимъ было не подъ силу государственной власти.

Союзъ Махно съ Врангелемъ, какъ и переговоры Махно съ большевиками, были только коварной двойственной уловкой. Это былъ чисто махновскій союзъ, какъ раньше съ Григорьевымъ, совѣтской властью и Петлюрой.

Въ союзники, кому бы то ни было, Махно не подходилъ, а его фраза: «Мы еще подурачимъ генераловъ, а съ ними и коммунистовъ» — говорила сама за себя.

XIII. Армія Махно.

Къ концу 1919 г. все, что группировалось вокругъ Махно, носило одно общее названіе: «Армія имени Батько Махно.»

Основное боевое ядро арміи, наиболѣе активное, служащее, какъ бы, кадромъ, изъ котораго потомъ развертывались отряды, пополненные крестьянами, состояло изъ:

1. Личнаго штаба и конвоя Махно, численностью до 300 человѣкъ. Во главѣ конвоя, въ роли коменданта штаба находился бывшій слесарь Кійко, а начальникомъ конвоя состоялъ матросъ Лященко, щеголявшій добытой въ Екатеринославѣ ильковой богатой шубой даже въ лѣтнюю жару;

2. Кавалеріи — 1000 всадниковъ, какъ это опредѣлилъ самъ Махно, подъ командой бывшаго вахмистра Долженко;

3. Пулеметныхъ полковъ, т. е. ѣздящей пѣхоты — 800 тачанокъ съ 1—2 пулеметами на каждой и по 3—4—5 человѣкъ на тачанкѣ, считая и кучера. Въ общемъ до 3500 человѣкъ, подъ общей командой бывшаго матроса Гуро;

4. Артиллеріи — шесть 3-хъ дюймовыхъ полевыхъ орудій съ полной запряжкой и зарядными ящиками. Въ общемъ до 200 человѣкъ, подъ командой бывшаго фейерверкера Зозуля;

5. Комендантскихъ командъ и другихъ вспомогательныхъ частей, передвигающихся также исключительно на тачанкахъ и иногда принимавшихъ участіе и въ бояхъ; въ общемъ до 500 чел.

Постоянныхъ чисто пѣхотныхъ частей, санитарныхъ учрежденій и интендантскихъ обозовъ въ арміи Махно не имѣлось.

Такимъ образомъ, численность постоянныхъ силъ Махно, составленныхъ преимущественно изъ бывшихъ матросовъ военного флота, уголовнаго элемента, дезертировъ изъ красной и бѣлыхъ армій и, лишь въ небольшомъ числѣ, изъ крестьянской молодежи — нужно опредѣлить въ 5000 человѣкъ, не считая состава реввоенсовѣта арміи.

Кромѣ этихъ постоянныхъ частей, имѣлись временныя, въ большинствѣ пѣхотныя части, собираемыя по мобилизаціи изъ крестьянъ. Въ зависимости отъ района, мобилизація давала въ одну ночь 10—15 тысячъ бойцовъ и больше, частью съ артиллеріей и кавалеріей. Эти части состояли исключительно изъ крестьянъ и распредѣлялись по полкамъ, носящимъ названіе селъ, давшихъ контингентъ (Петровскій, Новоспасскій и т. д.).

Численный составъ такихъ полковъ и ихъ вооруженіе было самое разнообразное. Въ большинствѣ случаевъ это были самостоятельные отряды изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Наступательный порывъ мобилизованныхъ частей въ первые дни бывалъ очень великъ, но по мѣрѣ удаленія отъ родныхъ селъ или затяжки военныхъ дѣйствій крестьяне «выдыхались»...

Успѣхъ махновскихъ мобилизацій зависѣлъ отъ того, что во всѣхъ селахъ Таврической, Екатеринославской и южныхъ уѣздовъ Полтавской и Харьковской губерній имѣлись махновскія организаціи, поддерживавшія черезъ особыхъ агентовъ и развѣдчиковъ постоянную связь со штабомъ Махно, который благодаря этому всегда былъ точно информированъ о положеніи на мѣстахъ. Раскрыть эти организаціи при занятіи селъ противникомъ было немыслимо, такъ какъ почти всѣ жители селъ такъ или иначе бывали замѣшаны въ махновскомъ движеніи, а главари держались крайне конспиративно.

Постоянная освѣдомленность о настроеніяхъ крестьянъ, возможность черезъ посредство агентовъ и руководителей на мѣстахъ создавать эти настроенія, позволяли Махно избѣгать ошибокъ съ объявленіемъ мобилизаціи въ неподходящій моментъ и поэтому мобилизаціи всегда проходили съ успѣхомъ.

Тайныя махновскія организаціи скрывали раненыхъ въ бояхъ, развѣдчиковъ, облегчали всякія административныя и хозяйственныя заботы, наконецъ, онѣ прятали оружіе до тяжелыхъ пушекъ и танковъ включительно, выдавали это оружіе мобилизованнымъ, словомъ, служили тѣмъ надежнымъ тыломъ, въ которомъ нуждается каждая армія, а партизанская въ особенности.

Такая организація, доведенная до послѣдней степени гибкости и совершенства опредѣляла и характеръ тактическихъ дѣйствій Махно. Имѣя основной кадръ арміи изъ людей, терять которымъ нечего, посаженныхъ на лошадей (кавалерія) или тачанкахъ, Махно совершалъ въ одну ночь переходы въ 50—60 и болѣе верстъ. На остановкахъ онъ находилъ отдыхъ, кормъ для людей и лошадей. Слѣдуетъ отмѣтить, что расчеты за все забранное у сельскаго населенія Махно немедленно производилъ деньгами или товарами съ большей щедростью, нежели его противники, которые, впрочемъ, старались ничего не платить крестьянамъ. Эти расчеты помимо другихъ причинъ, приводили къ тому, что крестьяне радовались появленію махновскихъ отрядовъ. Такимъ образомъ Махно, достигнувъ за полъ перехода пункта, намѣченнаго для нападенія, располагалъ собранными по секретной мобилизаціи свѣжими боевыми частями. Внезапная и быстрая атака почти всегда приводила къ успѣху. Отъ неожиданности нападенія противникъ терялся и отступалъ въ паническомъ бѣгствѣ.

При захватѣ крупныхъ пунктовъ грабежу подвергалось все, что только возможно вывезти на крестьянскихъ подводахъ. Часть награбленнаго, преимущественно легковѣсныя цѣнности, оставались въ распоряженіи Махно, а большая часть, товары, снаряженіе противника и проч. увозились мобилизованными крестьянами по своимъ селамъ. Послѣ этого грабежа, задача мобилизованныхъ крестьянъ, если противникъ не успѣвалъ организовать сопротивленія, считалась законченной и крестьяне возвращались къ своей повседневной жизни.

Къ этому необходимо добавить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Махно прибѣгалъ къ устройству внутреннихъ выступленій въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ по его даннымъ онъ могъ бы встрѣтить стойкое сопротивленіе, какъ напримѣръ въ Бердянскѣ, гдѣ ему удалось организовать выступленіе рыбаковъ предмѣстья Лисокъ, захватившихъ съ тыла артиллерію, что дало Махно возможность обойти со стороны моря весьма сильную естественную позицію добровольцевъ. При вторичномъ занятіи Екатеринослава, Махно перевезъ винтовки и пулеметы подъ продуктами крестьянъ, якобы ѣхавшихъ въ городъ на базаръ.

Дѣленіе арміи, на постоянный и временный составъ, отражалось на внѣшнемъ и бытовомъ укладѣ арміи.

Неизмѣнными и постоянными спутниками основного ядра арміи были, грабежъ, пьянство, буйство... Рядомъ съ пулеметами на тачанкахъ, прикрытыхъ дорогими коврами, помѣщались бочки съ виномъ и самогономъ. Видѣть махновцевъ въ трезвомъ состояніи было трудно. Махновцы самовольно, партіями снимались съ позиціи, являлись въ ближайшій городъ, заѣзжали въ любой дворъ и открывали невѣроятный, дикій кутежъ, привлекая участвовать въ немъ всѣхъ, кто подворачивался подъ руку, открывая тутъ же во дворѣ или на улицѣ, ради своего развлеченія пулеметную стрѣльбу.

Ни одинъ дворъ или домъ не былъ гарантированъ отъ подобнаго налета, а это вызывало озлобленіе. Махновцы не признавали надъ собой никакой власти и ни съ чѣмъ не считались. Вѣчно пьяные, покрытые паразитами, страдая накожными и другими болѣзнями, разнося всюду заразу, они безпомощно гибли, но на ихъ мѣсто спѣшили попасть тѣ, для которыхъ единственнымъ идеаломъ была праздная и пьяная жизнь.

Именно этотъ элементъ наводилъ ужасъ на все городское населеніе, а изъ деревень ихъ часто выпроваживали пулеметнымъ и даже артиллерійскимъ огнемъ...

Основное ядро махновской арміи крестьяне иначе и не называли, какъ ироническимъ «ракло» и только себя считали настоящими махновцами. Кадровыхъ махновцевъ можно было опредѣлить по ихъ шутовскимъ, чисто маскараднымъ запорожскимъ костюмамъ, гдѣ цвѣтные дамскіе чулки съ трусиками уживались рядомъ съ богатыми шубами.

Крестьянскіе же полки по внѣшнему виду ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ. Правда, крестьяне тоже выпивали, но это не были махновскіе кутежи и, наконецъ, ихъ, повидимому, никогда не оставляли хозяйственныя заботы, а также исходъ борьбы, которая велась на ихъ родныхъ поляхъ.

Симпатіи крестьянъ были на сторонѣ Махно и если съ кореннымъ махновцемъ можно было вести любой разговоръ съ самой злой критикой Махно, то за одинъ неодобрительный отзывъ о Махно при крестьянинѣ-махновцѣ можно было ждать смерти. Крестьяне не смѣшивали Махно съ его вольницей и терпѣли послѣднюю лишь въ силу необходимости и часто самосудомъ расправлялись о наиболѣе надоѣвшими и буйными махновцами.

Фактически въ городахъ, занятыхъ Махно, власть проводилась черезъ комендантовъ города, но они не имѣли достаточной силы, чтобы воспрепятствовать буйству и грабежу «кадровыхъ» махновцевъ. Коменданты выдавали пропуски для передвиженій жителей въ районѣ, занятомъ Махно, они же арестовали и судили.

Въ Бердянскѣ мнѣ пришлось наблюдать картину махновскаго суда. На площадкѣ, противъ комендатуры собралось человѣкъ 80—100 махновцевъ и толпы любопытныхъ На скамейку поднялся комендантъ города, молодой матросъ и объявилъ:

— Братва! мой помощникъ Кушниръ сегодня ночью произвелъ самочинный обыскъ и ограбилъ вотъ эту штуку — онъ показалъ золотой портсигаръ. — Что ему за это полагается?

Изъ толпы 2—3 голоса не громко крикнули:

— Разстрѣлять...

Это подхватили остальные махновцы, какъ очевидно привычное рѣшеніе.

Комендантъ, удовлетворенный голосованіемъ приговора, махнулъ рукой, спрыгнулъ со скамейки, и тутъ же изъ револьвера застрѣлилъ Кушнира.

Народный судъ кончился, а махновцы, только что оравшіе: «разстрѣлять», довольно громко заявляли: «ишь, сволочи не подѣлили»; комендантъ же, опустивъ портсигаръ въ карманъ брюкъ, не спѣша отправился выполнять свои обязанности.

Такъ въ жизни махновской арміи уживаются крестьяне-собственники, а рядомъ уголовная безудержная вольница, которую почему то всѣ и считаютъ идейными анархистами.

XIV. Махно и анархисты.

Самъ Махно, какъ и всѣ его организаціи, на время борьбы считались подчиненными исключительно военно-революціонному совѣту арміи. Но это было на бумагѣ, на дѣлѣ же руководящую роль въ боевыхъ операціяхъ арміи игралъ личный штабъ Махно, во главѣ котораго находился всегда пьяный Васильевъ, такъ какъ у махновцевъ существовало глубокое убѣжденіе, что Васильевъ проявлялъ свои воинскіе таланты лишь въ минуты полнаго опьяненія, а потому напаиваніе Васильева поощрялось всѣми, начиная съ самого Махно.

Въ совѣтѣ Махно засѣдалъ весьма рѣдко, удовлетворяясь докладами Волина на дому. Махно предпочиталъ находиться на передовыхъ позиціяхъ, часто принимая непосредственное участіе въ бояхъ, вызывая восхищеніе «братвы» артистической стрѣльбой изъ пулемета. Это было съ одной стороны потребностью самой натуры Махно, а съ другой — вызывалось и необходимостью личнаго примѣра для его недисциплинированныхъ войскъ.

Постоянныя заявленія анархиста Волина въ рѣчахъ на митингахъ и въ газетахъ, что лично Махно никакой власти не имѣетъ и является лишь простымъ исполнителемъ указаній коллегіи военно-революціоннаго совѣта, необходимо разсматривать не болѣе, какъ чисто дипломатическую уступку слишкомъ прямолинейнымъ взглядамъ, находившихся въ этомъ совѣтѣ анархистовъ.

На самомъ дѣлѣ Махно, черезъ Волина, проводилъ въ жизнь все, что только находилъ необходимымъ, вплоть до печатанія денежныхъ знаковъ.

Дѣйствительная власть Махно, а не мнимое подчиненіе его совѣту, была настолько всеобъемлюща, съ чисто диктаторскими замашками, что двойственность власти никакихъ треній или вредныхъ для дѣла разногласій между Махно и военно-революціоннымъ совѣтомъ не вызывала.

Во время затишья или временнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, Махно не мѣшалъ совѣту дѣлать все, что только ему вздумается, предпочитая заполнять свободное время игрой въ карты, кутежами и женщинами.

Оффиціально въ компетенцію военно-революціоннаго совѣта арміи Махно входили: оперативная, административная, развѣдывательная, агитаціонная, культурно-просвѣтительная и другія части и кромѣ того, совѣту принадлежало право созыва съѣздовъ крестьянъ, устройства конгрессовъ и митинговъ.

Совѣтъ издавалъ газеты, изъ которыхъ двѣ постоянныя: «Извѣстія военно-революціоннаго совѣта арміи имени Батько Махно» и «Набатъ» — партійный органъ анархистовъ.

Наконецъ совѣтъ руководилъ грабежомъ и распредѣленіемъ по деревнямъ награбленнаго, а также рѣшалъ всѣ вопросы объ активныхъ выступленіяхъ арміи.

Предсѣдателемъ военно-революціоннаго совѣта былъ извѣстный анархистъ Волинъ, а членами представители различныхъ соціалистическихъ и анархистскихъ партій, сбѣжавшихся сюда чуть ли не со всей Россіи, большинство коихъ производило впечатлѣніе опредѣленныхъ авантюристовъ.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ отдѣловъ военно-революціоннаго совѣта идеально были поставлены развѣдывательный, большая часть секретныхъ агентовъ въ которомъ были женщины, и агитаціонный, для цѣлей котораго были использованы почти всѣ сельскіе учителя.

Постоянный составъ совѣта доходилъ до 200 человѣкъ, но составъ его находился въ безпрерывномъ движеніи и трудно поддавался учету. Во всякомъ случаѣ общій составъ его можно опредѣлить не менѣе, въ 2000 человѣкъ, считая и многочисленныхъ подвижныхъ агентовъ.

Политическое credo военно-революціоннаго совѣта, раздѣляемое молчаливымъ согласіемъ Махно, сводилось къ слѣдующему: коммунистическая партія и все московское правительство считались контръ-революціонерами, захватившими власть обманомъ и ведущими соціальную революцію по ложному пути къ гибели.

Идеаломъ махновцевъ, подлежащимъ немедленному проведенію въ жизнь, являлись совѣты, но построенные безъ признаковъ какой бы то ни было власти (очевидно политической), вѣдающіе чисто экономическими вопросами. Союзъ такихъ экономическихъ совѣтовъ является верховнымъ органомъ въ жизни интернаціональнаго человѣчества. Продолженіе революціи въ Россіи и возможная революція на западѣ Европы, признавалась только подъ знакомъ синдикализма, а не соціализма.

На митингахъ Волинъ и другіе анархисты всегда подчеркивали, что они непосредственно связаны съ анархическими группами запада.

Слишкомъ длительное участіе въ жизни махновской арміи активныхъ анархистовъ и тяготѣніе къ нимъ Махно, привело къ тому, что анархисты вліяли на всѣ дѣла арміи. Вліяніе же бывшихъ въ военно-революціонномъ совѣтѣ соціалистовъ было ничтожно.

Но врядъ ли махновская вольница могла впитать въ себя анархическія идеи. Волинъ не разъ сознавался, правда не-

годуя, что проводимая имъ идеологія дальше членовъ совѣта и то только нѣкоторыхъ, слабо воспринимается.

«Братва» шла за Махно не потому, что увѣровала въ идеалы Волина, а въ силу того, что ей была по вкусу полная приключеній, буйная и пьяная жизнь.

Волинъ былъ, несомнѣнно, самой яркой фигурой среди махновскихъ политическихъ «дѣятелей».

Отвлеченный теоретикъ, онъ направлялъ свою энергію на полемику съ Троцкимъ и буквально всѣ номера махновскихъ газетъ пестрѣли нѣсколькими статьями, подписанными Волинымъ, неизмѣнно заканчивавшимися признаніемъ Троцкаго внѣ закона. Несомнѣнно, въ этомъ сказывалась больная натура Волина.

Лѣтъ пятидесяти, преждевременно состарившійся и посѣдѣвшій, средняго роста, съ безпокойнымъ взглядомъ, направленнымъ куда-то вдаль, Волинъ производилъ своей растрепанной фигурой, мало знакомой съ водой, щеткой и гребнемъ, впечатлѣніе человѣка только что выскочившаго изъ дома умалишенныхъ.

Преображался Волинъ лишь въ минуты, когда произносилъ свои блестящія рѣчи, довольно удачно лавируя среди зловѣщей махновской дѣйствительности, такъ какъ крестьяне, совершенно не понимая и мало интересуясь идеями, проповѣдуемыми Волинымъ, довольствовались своей упрощенной идеологіей, смыслъ которой сводился только къ возможности избавиться отъ властей, осмѣлившихся требовать отъ нихъ выполненія государственныхъ повинностей, а также къ грабежу городовъ, называемыхъ ими «возвратомъ всего того, что городскіе пауки повытянули у нихъ за прежніе годы».

Попытки военно-революціоннаго совѣта, дать работу своему культурно-просвѣтительному отдѣлу, послѣ первыхъ же шаговъ, повели къ тому, что отдѣлъ разъ навсегда отказался отъ мысли посылать своихъ членовъ къ крестьянамъ для прямой работы, совершенно правильно полагая, что въ крестьянской средѣ подобная работа обречена на полный провалъ.

Вообще на крестьянскій бытъ анархисты имѣли очень мало вліянія и крестьяне, какъ и раньше, несмотря на махновскія мобилизаціи, участіе въ бояхъ и грабежѣ и анархическую агитацію, какъ только возвращались къ себѣ въ село, сразу же обращались въ ярыхъ собственниковъ-кулаковъ и начинали ходить въ церковь.

Да и самъ Махно, какъ это ни покажется страннымъ, повидимому въ угоду крестьянамъ, не разъ во время Богослуженій заходилъ въ церковь, ничуть не считаясь съ авторитетными осужденіями такихъ поступковъ Волинымъ.

Заключеніе.

Послѣ захвата Крыма и окончанія борьбы съ Врангелемъ, совѣтская власть, несомнѣнно, поставила себѣ задачей полную ликвидацію Махно, переговоры съ которымъ о его подчиненіи совѣтамъ ни къ чему не привели, несмотря на его указанія большевистскимъ делегатамъ, что онъ, какъ подлинный революціонеръ, держался нейтрально во время борьбы коммунистовъ съ Врангелемъ.

Такія объясненія, не удовлетворяя руководителей совѣтской власти по существу, затягивали активное выступленіе Махно и отсрочивали начало военныхъ дѣйствій противъ него коммунистовъ, что по условіямъ крайне суровой зимы 1920-21 г. являлось для обѣихъ сторонъ необходимымъ, но въ руки совѣтскаго командованія попали точныя данныя о мѣстонахожденіи самаго Махно и его отрядовъ.

Съ наступленіемъ весны 1921 года, Махно не замедлилъ перейти къ своимъ излюбленнымъ короткимъ налетамъ. Передъ совѣтской властью вставалъ грозный вопросъ о срывѣ всего продналога на Украинѣ. Медлить дальше съ ликвидаціей Махно было невозможно и Фрунзе получилъ приказъ ликвидировать Махно. Съ этого времени надъ Махно повисла грозная и ничѣмъ уже не предотвратимая гибель.

Фрунзе дальновидно и планомѣрно хотѣлъ затянуть на шеѣ Махно веревку, стараясь постепенно оттѣснить его въ сторону Донецкаго Бассейна, но Махно, разгадавъ его намѣреніе, бросилъ свой родной районъ и быстро перенесся къ Антонову въ Воронежскую губернію, затѣмъ въ Орловскую, но здѣсь онъ успѣха уже не имѣлъ и ему пришлось быстро перебросится черезъ Харьковскую губернію, въ Херсонскую. Къ концу лѣта 1921 года, постепенными маневрами своей многочисленной кавалеріи, Фрунзе прижалъ Махно къ Днѣстру, къ румынской границѣ.

Лично Махно удалось, хотя и легко раненымъ, перейти границу и скрыться у румынъ, но за то въ Бутырки въ Москвѣ попалъ почти въ полномъ составѣ военно-революціонный совѣтъ его арміи во главѣ съ самимъ Волинымъ, который даже изъ тюрьмы продолжаетъ кричать о контръ-революціонности коммунистической партіи.

У румынъ Махно нашелъ часть своихъ военныхъ помощниковъ, перебравшихся туда ранѣе. Ловкій Козельскій, не жалѣя колоссальныхъ средствъ, заблаговременно вывезенныхъ въ Бессарабію, съумѣлъ безопасно и удобно устроить своего батьку, обойдя всѣ непріятности, которымъ подвергаются интернированные румынами русскіе. Рана Махно давно залечена, но тяжелыя переживанія не сломили безпокойной, жаждущей вѣчныхъ приключеній натуры Махно и румыны имѣли въ своихъ рукахъ довольно непріятное для совѣтовъ орудіе.

На митингахъ и въ особенности въ пьяномъ видѣ у Махно очень часто вырывались словечки и фразы, которыя

никакъ не подходятъ подъ обычный для него типъ рѣчей, выдержанныхъ все-же въ анархическомъ духѣ.

На одномъ изъ митинговъ, отвѣчая на заданный вопросъ, Махно сказалъ:

— Въ Россіи возможна или монархія или анархія, но послѣдняя долго не продержится.

Часто Махно говорилъ и о памятникѣ разбойнику Ермаку Тимофѣевичу, почему то не упоминая ни о Пугачевѣ, ни о Стенькѣ Разинѣ.

Страннымъ кажется и его показное стремленіе держаться особнякомъ отъ своихъ идейныхъ руководителей анархистовъ, не говоря уже о соціалистахъ, коихъ онъ вообще называлъ полу-кадетами, а «кадетъ» по махновской терминологіи было чуть ли не самое страшное слово, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, къ кому оно относилось непосредственно.

Въ средѣ наиболѣе близкихъ къ Махно людей, съ которыми онъ держалъ себя откровенно, не было ни одного анархиста и вообще партійныхъ работниковъ.

Возможно, что и въ этомъ случаѣ Махно слѣдуетъ своей потребности быть вездѣ первымъ, попросту не терпя вблизи себя людей, могущихъ чѣмъ-либо выдѣлиться передъ нимъ но несомнѣнно то, что у Махно слишкомъ многогранная жестокая и коварная душа, не знающая ни въ чемъ удержу.

Его исключительное знаніе крестьянскаго быта и самыхъ сокровенныхъ желаній крестьянъ, его несомнѣнная личная храбрость, рѣшимость и умѣнье проводить довольно сложныя военныя операціи, огромная энергія и организаторскія способности — вотъ причины успѣха Махно.

Однако надо имѣть въ виду, что основа этого успѣха сводилась къ тому, что Махно имѣлъ возможность черезъ своихъ агентовъ узнавать о настроеніяхъ крестьянскихъ массъ и немедленно реагировать на нихъ отдачей соотвѣтствующихъ духу этихъ настроеній приказовъ. Но создавать эти настроенія Махно не можетъ; онъ не вождь — онъ умѣетъ лишь плыть по теченію.

Несомнѣнно, что настроенія крестьянства не устойчивы и во всякомъ случаѣ теперь рѣзко измѣнились и это заставляетъ меня признать, что исторія махновщины закончена, а для самаго Махно остается лишь роль простого бандита, какимъ онъ по существу всегда и былъ.

Е. Н. Шелькинъ.

Самоубійство монархій.

Императоры

Вильгельмъ II и Николай II.

(Продолженіе.)*)

Глава III.

Императоръ Николай II.

Императоръ Николай вступилъ на прародительскій престолъ при условіяхъ несравненно болѣе благопріятныхъ, чѣмъ его державный отецъ.

При воцареніи Александра III, Россія была раздираема революціоннымъ движеніемъ, при полной апатіи большинства общественныхъ круговъ. Отецъ его былъ злодѣйски умерщвленъ. Армія была дезорганизована и флотъ, въ сущности, не существовалъ. Александръ III передалъ своему преемнику Россію успокоенную внутри и грозную извнѣ. Армія была реорганизована и флотъ возсозданъ. По вышеизложеннымъ соображеніямъ, Царь-Миротворецъ, въ силу самихъ обстоятельствъ, для достиженія этихъ результатовъ, принужденъ былъ придерживаться политики реакціонной. Иная картина обрисовывалась передъ Николаемъ Вторымъ. Успокоенная страна жаждала либеральныхъ реформъ, продолженія великодушныхъ начинаній Императора Освободителя и съ надеждою взирала на молодого Государя. Это направленіе выразилось въ вѣрноподданѣйшихъ адресахъ, повергенныхъ къ его стопамъ большинствомъ земствъ и общественныхъ организацій тотчасъ же по его восшествіи на престолъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ въ адресѣ Твер-

*) См. Т. II.

ского земства, прямо упоминалось о настоятельности введенія въ Россіи народнаго представительства.

Николай II не оправдалъ надеждъ своего народа. Принимая представителей Тверского земства, онъ заявилъ о своемъ твердомъ намѣреніи продолжать политику своего отца, назвавъ «безсмысленными мечтаніями» пожеланія означенныхъ представителей. Произведенное этимъ выступленіемъ впечатлѣніе, было въ высшей степени неблагопріятно и отразилось сразу же на популярности молодого монарха.

Безпристрастному наблюдателю было ясно, что Николай II будетъ не въ силахъ провести свои намѣренія на практикѣ, — продолжать реакціонную политику своего державнаго родителя. Во-первыхъ — измѣнилась самая обстановка, а во-вторыхъ, извѣстно было, что молодой Государь не обладалъ той желѣзной волей, которая была отличительной чертой характера его великаго предшественника. Николай II былъ полнѣйшимъ антиподомъ своего отца. Насколько послѣдній былъ прямодушенъ и непоколебимъ въ разъ принятыхъ имъ рѣшеніяхъ, настолько молодой царь былъ мягокъ, безволенъ и измѣнчивъ. Еще смолоду онъ привыкъ подчиняться безпрекословно волѣ своего родителя и находился подъ чисто женскимъ вліяніемъ своей матери. Самый выборъ его воспитателя, генерала Даниловича, былъ крайне неудачнымъ. Даниловичъ отличался слабохарактерностью, ханжествомъ и чрезмѣрной подозрительностью. Онъ говорилъ своему августѣйшему воспитаннику: «помните, Ваше Высочество, что каждый изъ вашихъ приближенныхъ преслѣдуетъ прежде всего свою личную пользу». Неудивительно поэтому, что Николай II со временемъ самъ сдѣлался скрытнымъ и подозрительнымъ по отношенію даже къ наиболѣе близкимъ ему лицамъ.

Такимъ образомъ, богато одаренный природой, несравненно образованнѣе и, пожалуй, даже умнѣе своего отца, хотя и лишенный его послѣдовательности и здраваго смысла, Николай II, подъ вліяніемъ окружавшей его молодые годы обстановки, пріобрѣлъ въ концѣ концовъ, такіе недостатки, которые стали впослѣдствіи пагубными для него и для Россіи.

На приближенныхъ и представлявшихся ему лицъ, Императоръ Николай производилъ чарующее впечатлѣніе. Онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ угадывать слабыя стороны человѣческой души и мастерски играть на нихъ. Вильгельмъ II не разъ испыталъ на себѣ его обаяніе. Государь буквально гипнотизировалъ своихъ собесѣдниковъ. Необыкновенно воспитанный, естественно привѣтливый, онъ проявлялъ, какъ будто неподдѣльный интересъ ко всякому слову послѣднихъ, соглашаясь по обыкновенію съ мнѣніями каждаго, или, вѣрнѣе говоря, послѣдняго изъ принимаемыхъ имъ лицъ. Обладая колоссальной памятью, свойственной, впрочемъ, всѣмъ представителямъ династіи Романовыхъ, онъ входилъ при этомъ въ частную жизнь каждаго изъ своихъ собесѣдниковъ, вспоминалъ самые незначительные инциден-

ты, завладѣвая, такимъ образомъ, окончательно ихъ симпатіями.

Будучи Самодержцемъ въ душѣ, онъ по самой своей природѣ, не въ силахъ былъ стать таковымъ на практикѣ. Отчасти по своему слабоволію, отчасти же по врожденной чрезмѣрной деликатности, онъ не находилъ даже достаточной смѣлости лично отрѣшать отъ должности того или иного, возбудившаго его неудовольствіе, государственнаго дѣятеля. Наоборотъ, вполнѣ рѣшивши отстранить какого-нибудь сановника, онъ обыкновенно оказывалъ ему особое благоволеніе.

Нерѣдко, однако, возвратившись послѣ аудіенціи очарованнымъ пріемомъ монарха, тотъ или иной министръ уже въ тотъ же день получалъ извѣстіе о своей отставкѣ.

Такъ напримѣръ случилось съ графомъ Витте, отставка по прошенію его была отклонена Государемъ, а затѣмъ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, внезапно рѣшена. Также неожиданно назначенъ былъ на его мѣсто Директоръ Государственнаго Банка Плеске, вопреки обычаю, безъ вѣдома Витте и предварительнаго съ нимъ соглашенія.

Иногда, во избѣжаніе тяжелыхъ объясненій, Николай II увольнялъ своихъ министровъ по телеграфу. Такъ случилось въ 1897 году съ И. Л. Горемыкинымъ, узнавшимъ о своемъ увольненіи отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, возвращаясь изъ заграничнаго отпуска въ Вержболово, отъ начальника этой станціи.

Въ своихъ отношеніяхъ къ родственникамъ, Государь проявлялъ ту-же свойственную ему слабохарактерность и поэтому, въ его царствованіе, Великіе Князья, выражаясь тривіально, окончательно распустились. Правда, вспоминая иногда своего отца и стараясь подражать его твердости, Николай II прибѣгалъ по отношенію къ нимъ къ крутымъ мѣрамъ. Но не на долго, — доброта его брала вскорѣ верхъ надъ минутной рѣшительностью. Подобная снисходительность привела къ крайне печальнымъ результатамъ. Распущенность нравовъ среди членовъ Императорской фамиліи росла и достигла небывалыхъ дотолѣ размѣровъ. Другіе Великіе Князья опустились до положенія постоянныхъ посѣтителей ресторановъ и кафе-шантановъ, открыто показываясь съ дамами полусвѣта. Государь зналъ объ этомъ, но смотрѣлъ на все сквозь пальцы. Мало того, въ первую половину его царствованія, нѣкоторые Великіе Князья занимали отвѣтственныя должности, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Александръ Михайловичъ, принесли Россіи не мало вреда.

Со своими министрами, Николай II придерживался принципа, «Divide et impera». Въ кабинетѣ графа Витте министромъ внутреннихъ дѣлъ мы видѣли П. Н. Дурново, всячески и не безъ успѣха интриговавшаго противъ предсѣдателя Совѣта. П. А. Столыпинъ былъ принужденъ взять министромъ финансовъ В. Н. Коковцева, съ которымъ онъ кореннымъ образомъ расходился во мнѣніяхъ. Самъ И. Л. Горемыкинъ,

пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ монарха, и тотъ не былъ свободенъ въ выборѣ своихъ сотрудниковъ и вынужденъ былъ терпѣть въ своемъ кабинетѣ министра юстиціи И. Г. Щегловитова, министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакова и военнаго министра Сухомлинова, съ нимъ не считавшихся и зачастую шедшихъ въ разрѣзъ съ предначертаніями престарѣлаго ихъ предсѣдателя. Послѣдствіемъ такой императорской тактики являлись непрекращавшіяся за все время царствованія Николая II интриги и тренія среди министровъ и прочихъ ближайшихъ его сотрудниковъ.

По природѣ своей Государь отличался скрытностью, которую онъ доводилъ иногда до ребячества. Адмиралъ Н. Н. Ломенъ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующій мелкій, но весьма характерный эпизодъ.

Царская семья находилась въ Ливадіи, прибывъ въ Крымъ въ сентябрѣ и намѣреваясь прожить тамъ всего нѣсколько недѣль. Тѣмъ не менѣе наступилъ уже декабрь, а о возвращеніи въ Царское Село не было и рѣчи. Приближались Рождественскіе праздники и министръ Двора графъ Фредериксъ очутился въ довольно затруднительномъ положеніи. Дѣло въ томъ, что въ обычаяхъ царской семьи было раздавать на елку приближеннымъ лицамъ болѣе или менѣе цѣнные подарки, поставляемые по большей части придворнымъ ювелиромъ Фаберже. Министръ не зналъ, какъ поступить. Выписывать ли подарки, или нѣтъ. Онъ пробовалъ заговорить съ Государемъ о времени возвращенія двора въ столицу, но постоянно получалъ уклончивые отвѣты и рѣшился просить Н. Н Ломена помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Адмиралъ переговорилъ съ Императрицей, которая обѣщала эму выяснить вопросъ. Нѣсколько дней сустя, встрѣтя Ломена, Государь говоритъ ему: «Дорогой Николай Николаевичъ, вы сдѣлались ужасно любопытнымъ. Вы хотите знать когда мы отсюда уѣдемъ, а я вотъ вамъ и не скажу.» Такъ онъ и поступилъ. Дворъ остался въ Крыму на праздники и Фредериксу пришлось въ послѣднюю минуту спѣшно закупать въ Ялтѣ подарки для царской свиты, не считаясь уже съ ихъ достоинствомъ.

Такимъ же былъ Николай II и въ общеніи со своими ближайшими сотрудниками. Министры, по большей части, не могли отдать себѣ яснаго отчета объ его истинныхъ намѣреніяхъ. Къ тому же Императоръ склоненъ былъ мѣнять свои рѣшенія и зачастую даже чуть ли не одновременно отдавалъ приказанія діаметрально-противуположныя. Такъ, напр., согласившись съ графомъ Витте по вопросу о Портъ-Артурѣ, въ смыслѣ сохраненія этого порта за Китаемъ, онъ одновременно отдалъ приказаніе графу Кассини, тогдашнему посланнику нашему въ Китаѣ, вступить въ немедленные переговоры съ Ли-Хунъ-Чангомъ объ его уступкѣ Россіи.

Въ 1906 году большинство министерства высказалось противъ роспуска Государственной Думы. Николай II согласился съ этимъ рѣшеніемъ, а въ тотъ-же день отдалъ при-

казаніе противуположное, уступая И. Л. Горемыкину и П. А. Столыпину, ратовавшимъ за роспускъ.

Покойный Государь не обладалъ даромъ пріобрѣтать себѣ популярность среди своего народа, отчасти по врожденной скромности и нѣкоторой застѣнчивости, отчасти и по своему полному равнодушію. Мнѣ вспоминается такой случай. Осенью 1916 года Николай II отправился на яхтѣ морского министра «Нева» на торжество спуска одного изъ крейсеровъ Балтійскаго флота на верфяхъ Балтійскаго или Франко-Русскаго завода близъ Петербурга, въ сопровожденіи представителей союзныхъ державъ. Въ ожиданіи возвращенія Государя, на Англійской набережной собрались воспитанницы Патріотическаго института и отъ 200 до 300 раненыхъ изъ близъ лежащихъ лазаретовъ. Императоръ встрѣченъ былъ восторженными криками «ура». Я наблюдалъ за нимъ съ балкона одного изъ домовъ на набережной. Государь, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ командиромъ порта, закурилъ папиросу и, отвѣчая легкимъ поклономъ на шумныя привѣтствія, сѣлъ въ свой автомобиль и уѣхалъ. Произведенное впечатлѣніе было удручающимъ. Я невольно подумалъ, что не такъ бы поступилъ, при той же обстановкѣ, Императоръ Вильгельмъ.

При объявленіи войны, трехсотъ-тысячная патріотически настроенная толпа, съ хоругвями и портретами Государя, восторженно привѣтствовала своего монарха. Въ этотъ историческій моментъ исчезли всѣ распри и вся Россія сплотилась вокругъ своего Царя. Императоръ Николай II не съумѣлъ использовать этого народнаго порыва и, три года спустя, Россія сравнительно равнодушно отнеслась къ его отреченію отъ Престола.

Обстоятельства сложились бы, весьма возможно, иначе, ежели-бы онъ встрѣтилъ, въ лицѣ своей супруги, не только вѣрную подругу жизни и прекрасную мать своихъ дѣтей, но Императрицу, которая поняла бы Русскій Народъ и сознавая недостатки своего державнаго супруга, старалась бы сглаживать ихъ вредныя для Россіи послѣдствія. Но судьба, бывшая построянно Государю Николаю II-му мачехой, сулила иначе. Безспорно умная и властная, Императрица Александра Федоровна подобнаго благотворнаго вліянія на своего супруга не оказала. Страдая крайнимъ мистицизмомъ, будучи сама недовѣрчивой къ окружающимъ, она еще болѣе усилила въ Царѣ ту подозрительность, ту скрытность, которыя внушалъ ему его воспитатель генералъ Даниловичъ. Кромѣ того Императрица, при всей врожденной ея гордости, не учитывала въ достаточной мѣрѣ своего высокаго призванія стоять во главѣ 150-ти милліонаго народа и слишкомъ ушла въ частную жизнь супруги и матери. Общественная молва приписывала ей серьезное вліяніе въ управленіи государствомъ. Слухи эти преувеличены, такъ какъ лишь въ послѣдніе годы Императрица начала вмѣшиваться въ дѣла и притомъ почти исключительно въ назначенія. Она буквально обожала Государя, безъ памяти любила своихъ дѣтей и

во многомъ виновна въ своей и ихъ гибели. По своему она любила и Россію, но она Россіи не знала и, обратно, Русскій народъ не зналъ своей Царицы. Непопулярность ея росла со дня на день и всякія, самыя невѣроятныя на нее клеветы, принимались народомъ за чистую монету, отражаясь и на популярности ея супруга. Безгранично любимый ею единственный сынъ, Цесаревичъ Алексѣй, хотя и достигшій уже отроческаго возраста, предоставленъ былъ присмотру гофъ-лектрисы Шнейдеръ, французу Жильяру и матросу Деревенькѣ. Между тѣмъ, въ одинаковомъ возрастѣ Императоръ Александръ II уже имѣлъ при себѣ извѣстнаго Жуковскаго, а покойный братъ Александра III, цесаревичъ Николай — глубокообразованнаго, энергичнаго графа Строганова.

Царская семья жила въ замкнутомъ кругу нѣсколькихъ приближенныхъ, выборъ которыхъ Императрицей по большей части не былъ удачнымъ. Къ числу ихъ принадлежала и знаменитая А. А. Вырубова, которой, помимо черногорскихъ Великихъ Княгинь, (т. наз. «Черныхъ дамъ») — Императрица обязана была знакомствомъ своимъ съ Распутинымъ. Отмѣчу еще генерала Воейкова, карьериста чистѣйшей воды, пользовавшагося сомнительной въ моральномъ и другихъ отношеніяхъ репутаціей.

Надъ всемъ Императорскимъ Дворомъ виталъ духъ мистицизма, какой-то чисто болѣзненной религіозности, унаслѣдованной Государыней отъ ея покойной родительницы. Одинъ храмъ воздвигался за другимъ, канонизировались новые святые, открывались новыя мощи. Императрица по часамъ стояла въ молитвѣ, либо въ своей молельнѣ, либо въ особомъ уединенномъ притворѣ вновь построеннаго въ Царскомъ Селѣ Ѳеодоровскаго собора, въ полу-тьмѣ, среди излюбленной ею мистической обстановки. Но и горячія молитвы не удовлетворяли ея душевной экзальтаціи. Императрица стала искать чего то сверхестественнаго, проникновенія въ невидимый міръ. И, конечно, настроеніемъ этимъ не замедлили воспользоваться нѣкоторые приближенные, изъ которыхъ одни сами искренно раздѣляли это болѣзненное настроеніе, другіе же использовали таковое для своихъ личныхъ цѣлей. Ко вторымъ слѣдуетъ отнести вышепомянутыхъ двухъ Черногорскихъ княженъ, супругъ Великихъ Князей Николая и Петра Николаевичей, къ первымъ — А. А. Вырубову.

И вотъ, постепенно, Царскосельскій дворецъ сдѣлался пріютомъ всевозможныхъ кликушъ и шарлатановъ. Вначалѣ тамъ орудовалъ нѣкій французъ Филиппъ, вызывавшій напр. тѣнь Императора Александра III, диктовавшаго якобы свою державную волю своему сыну, конечно, при прямомъ участіи тѣхъ или иныхъ, заинтересованныхъ въ этой мистификаціи лицъ. Такимъ образомъ проводилась зачастую отставка нежелательная этимъ лицамъ министра и замѣна его государственнымъ дѣятелемъ, для нихъ болѣе удачнымъ. Видя, что дѣло съ Филиппомъ заходитъ слишкомъ далеко

и предвидя тяжелыя послѣдствія этой траги-комедіи, преданный Николаю II дворцовый комендантъ, генералъ-адъютантъ Гессе призвалъ завѣдующаго нашей заграничной полиціей П. И. Рачковскаго и приказалъ ему собрать въ Парижѣ свѣдѣнія объ этомъ опасномъ авантюристѣ. Оказалось, что онъ былъ простымъ мошенникомъ, сидѣвшимъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ во Франціи за незаконную врачебную практику. Генералъ Гессе въ точности доложилъ объ этомъ Государю и Филиппъ былъ высланъ изъ Россіи. Но вслѣдъ за тѣмъ, какъ самъ Гессе, такъ и Рачковскій, поплатились своими мѣстями за ихъ непрошенное вмѣшательство въ интимную жизнь царскосельскаго дворца.

Филиппа замѣнилъ цѣлый рядъ новыхъ шарлатановъ и «божьихъ людей», покуда на царскосельскомъ горизонтѣ не взошла новая, болѣе яркая звѣзда. Появился печальной памяти «старецъ Григорій Распутинъ». Біографія этого тобольскаго крестьянина, занявшаго въ Россіи совершенно небывалое положеніе, а равно и обстоятельства его трагической смерти стали уже общественнымъ достояніемъ. Я поэтому на нихъ не стану останавливаться. Ограничусь лишь моими впечатлѣніями, вынесенными мною изъ личнаго съ нимъ свиданія, и разсказами близкихъ ему лицъ.

Задавшись мыслью интервьюировать старца для «Биржевыхъ Вѣдомостей», сотрудникомъ которыхъ я въ то время состоялъ, я обратился къ сестрѣ княгини Палѣй, госпожѣ Головиной, о близости которой къ Распутину мнѣ было извѣстно. Затѣя моя стоила ей однако не мало труда. Старецъ избѣгалъ журналистовъ и боялся ихъ. Но, въ концѣ концовъ, Головина все-таки устоила мнѣ свиданіе съ нимъ.

Я вынесъ двоякое впечатлѣніе: во первыхъ, что Распутинъ несомнѣнно мужикъ умный и хитрый, какъ говорится себѣ на умѣ», а во вторыхъ, что его пресловутое вліяніе — результатъ дворцовыхъ и иныхъ интригъ со стороны лицъ, желавшихъ использовать старца для своихъ честолюбивыхъ или корыстныхъ цѣлей. Правда, я удостовѣрился на основаніи его словъ, что онъ дѣйствительно, интимно вхожъ въ царскую семью. Онъ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, что Государь, «Николай», какъ онъ выражался, еще наканунѣ лично «наливалъ ему чай съ малиновымъ вареніемъ». Я зналъ, что Императрица видитъ въ немъ нѣчто вродѣ ангела хранителя своего сына и молельца за царскую семью. Профессоръ Сиротининъ, лейбъ-медикъ Высочайшаго Двора, передавалъ мнѣ много и объ его необычайныхъ гипнотизерскихъ способностяхъ, о томъ, какъ онъ напр. заговаривалъ кровотеченія Наслѣдника послѣ тщетныхъ усилій царскихъ врачей. Мнѣ извѣстно было также, что Государь, на всѣ просьбы нѣкоторыхъ изъ преданныхъ ему государственныхъ дѣятелей удалить Распутина, отвѣчалъ отказомъ, прибавляя «я предпочитаю одного Распутина десяти истерическимъ припадкамъ Императрицы».

И, тѣмъ не менѣе, я остаюсь при глубокомъ убѣжденіи, что вліяніе Распутина создано было не имъ самимъ, не цар-

ской семьей, а исключительно интригами и честолюбіемъ нѣкоторыхъ, окружавшихъ Царскій Престолъ, лицъ. Несомнѣнно однако, что вліяніе разрасталось и, мало того, стало настолько серьезнымъ, что нерѣдко затрагивало самые существенные государственные интересы. Я не вѣрю, чтобы самъ Распутинъ извлекалъ изъ этого своего вліянія существенную матеріальную пользу. Насколько мнѣ извѣстно, онъ довольствовался самыми ничтожными подношеніями, вродѣ бутылки мадеры и нѣжинской наливки или шелкомъ на рубаху. Но его именемъ ворочались серьезныя суммы, раздавались хлѣбныя мѣста и цѣнныя концессіи, не только нашимъ, но и иностраннымъ предпринимателямъ. Такъ напр. извѣстная англійская фирма Виккерса во многомъ обязана была своими заказами близости представителя своего П. И. Палинскаго къ г-жѣ К. и къ Распутину. Пользовавшійся особой популярностью въ бытность свою губернаторомъ въ Москвѣ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генералъ Джунковскій былъ отставленъ отъ должности исключительно потому, что онъ позволилъ себѣ, въ одномъ изъ своихъ рапортовъ представить описаніе скандала, учиненнаго Распутинымъ въ Москвѣ.

Два раза положеніе Распутина подвергалось серьезной опасности, а именно когда противъ него ополчился его прежній покровитель епископъ Гермогенъ и когда одинъ изъ безчисленныхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ Николая Второго, А. Н. Хвостовъ вздумалъ насильственнымъ образомъ изъять его изъ обращенія. Но Распутинъ вышелъ побѣдителемъ въ обоихъ этихъ случаяхъ. Гермогенъ былъ отправленъ на покой, а Хвостовъ отставленъ отъ должности, преданный своимъ товарищемъ С. П. Бѣлецкимъ, ставшимъ поэтому лицомъ близкимъ къ Императрицѣ, увѣренной въ томъ, что отъ благополучія Распутина зависѣло будто-бы здоровье Цесаревича.

Я самъ лично имѣлъ возможность убѣдиться въ силѣ распутинскаго вліянія. Въ 1916 году я состоялъ, членомъ совѣта Русско-Французскаго Банка, служащіе котораго, какъ, впрочемъ и въ большинствѣ міровыхъ банковъ, принадлежали къ избранному племени. Какъ-то разъ одна изъ нихъ, еврейка, по имени Винтеръ, попалась въ какой-то мелкой хлѣбной спекуляціи и подлежала высылкѣ изъ столицы. Зная о знакомствѣ моемъ съ тогдашнимъ градоначальникомъ, княземъ Н. А. Оболенскимъ, управляющій банкомъ просилъ меня походатайствовать объ отмѣнѣ этого распоряженія. Но князь рѣшительно отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ. «Скорѣе у меня на головѣ выростутъ волосы, чѣмъ я оставлю эту жидовку въ Петербургѣ» — сказалъ онъ мнѣ, указывая на свою лысину. Винтеръ была въ полномъ отчаяніи и умоляла меня помочь ей. Я посовѣтовалъ ей обратиться къ Распутину, что она и сдѣлала. «Старецъ» вручилъ ей записку на имя предсѣдателя Совѣта Министровъ Б. В. Штюрмера, въ которой текстуально значилось «Дорогой мой, исполни просьбу этой женщины, чѣмъ обяжешь

твоего благожелателя Григорія Новыхъ» (настоящее имя Распутина). Штюрмеръ принялъ ее крайне любезно и направилъ къ Оболенскому и, въ концѣ концовъ, г-жа Винтеръ преспокойно осталась въ столицѣ. Вскорѣ мнѣ пришлось быть сосѣдомъ Оболенскаго на обѣдѣ, данномъ въ ресторанѣ Контана чинами Правительства и представителями Думы и Государственнаго Совѣта французскимъ депутатамъ Вивіани и Альберу Тома, по случаю 25-тилѣтія франко-русскаго союза. Я сталъ смотрѣть на княжескую лысину и на его вопросъ, почему я такъ интересуюсь его головой, отвѣтилъ, что я хочу убѣдиться, «не растутъ ли у него волосы». Князь не особенно, по моему, оцѣнилъ мою шутку.

Сами Великіе Князья не безъ ужаса слѣдили за возрастающимъ вліяніемъ царскосельскаго старца. Они письменно изложили царю свои опасенія. Но на ихъ вѣрноподданнѣйшее заявленіе послѣдовала лаконическая царская резолюція: «я запрещаю кому-бы то ни было вмѣшиваться въ мою частную жизнь» и главный авторъ записки, Великій Князь Николай Михайловичъ, былъ удаленъ въ одно изъ своихъ имѣній, безъ права въѣзда въ столицу впредь до новаго распоряженія.

Распутинская эра длилась безъ малаго цѣлыхъ шесть лѣтъ. Его вліянію обязаны были, между прочимъ, своими мѣстами митрополитъ петроградскій Питиримъ и Архіепископъ Варнава, человѣкъ лишенный самаго примитивнаго образованія. Исключительно благодаря его поддержкѣ оставался такъ долго оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода Б. В. Саблеръ и утратилъ царское благорасположеніе В. Н. Коковцевъ, отказавшійся принять мстительнаго старца. Распутину же были обязаны своими назначеніями Б. В. Штюмеръ — предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и А. Д. Протопоповъ — министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Говорятъ, будто бы Распутинъ совѣтовалъ Государю заключить съ Германіей сепаратный миръ. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи его смѣшивали съ его пріятелемъ С. П. Бѣлецкимъ. По моимъ свѣдѣніямъ, старецъ высказывался противъ войны, но все же совѣтывалъ вести ее до конца. Онъ, какъ будто обладалъ нѣкоторой долей ясновидѣнія, заявляя: «если я погибну, то за мной погибнутъ и Романовы». И дѣйствительно, черезъ два мѣсяца послѣ его трагической смерти произошла революція и рухнулъ трехсотлѣтній престолъ Романовской династіи. Конечно, Распутинъ былъ лишь звеномъ въ цѣпи неудачно сложившихся для нашей родины историческихъ событій въ царствованіе Императора Николая Второго. Несомнѣнно однако, что и старецъ сыгралъ въ дѣлѣ нашей внутренней разрухи далеко не второстепенную роль.

Главной же основой несчастій, постигшихъ Россію, было то обстоятельство, что покойный Царь-Мученикъ не созданъ былъ для короны, особенно въ тревожныя, переживаемыя Россіей и всей Европой времена. Вся его, хотя и богато одаренная, натура не соотвѣтствовала его высокому призва-

нію. Онъ былъ человѣкомъ прекраснымъ, искренно добрымъ и крайне благожелательнымъ, хотя и не безъ примѣси присущаго большинству членовъ его династіи нѣкотораго коварства, отличнимъ мужемъ и отцомъ, примѣрнымъ «гвардіи полковникомъ». Но онъ не былъ царемъ и въ этомъ трагедія всей его жизни. Онъ считалъ себя «отмѣченнымъ несчастіемъ» и, къ справедливому ужасу И. Л. Горемыкина, признавался ему въ этомъ. Погубило его, главнымъ образомъ, его безволіе, открывавшее благодарное поле для интригъ приближенныхъ. И выходило такъ, что искренно желая добра — онъ создавалъ зло, безгранично любя Россію -- онъ велъ нашу родину къ вѣрной гибели.

Послѣ мученической его кончины, замѣтно стремленіе окружить его имя ореоломъ великаго монарха. Пусть тѣ, которые это дѣлаютъ, оглянутся въ недавнее прошлое. Они придутъ, можетъ быть, къ сознанію, что сами они, злоупотребляя своимъ положеніемъ, не мало способствовали паденію обаянія Русскаго Царя. И было бы много правильнѣе, если-бы господа эти, сознавъ свою глубокую вину передъ родиной и Царемъ, ежедневно били себя въ грудь, повторяя «mea culpa, mea maxima culpa» . . . Своими запоздалыми славословіями они не измѣнятъ приговора, который вынесетъ несчастному, многострадальному Императору Николаю Второму безпристрастная исторія . . .

Глава IV.

Внѣшняя политика Императора Николая II. Личныя отношенія къ Императору Вильгельму II.

Кончина Александра III была большимъ облегченіемъ для Императора германскаго. Кайзеръ расправилъ свои крылья и былъ увѣренъ, что онъ, безъ особаго труда, будетъ играть роль покровителя и ментора его слабовольнаго преемника. Но германскій монархъ не учитывалъ непостоянства и слабохарактерности Русскаго Царя и глухого и мелочнаго соперничества обѣихъ Императрицъ.

Первое свиданіе монарховъ состоялось въ Бреславлѣ въ 1896 году и окончилось полнѣйшей неудачей. За нѣсколько дней до него, въ Германіи появились фотографическіе снимки обоихъ Императоровъ. Кайзеръ, изображенный чуть ли не головой выше нашего Царя, покровительственно обнималъ послѣдняго. Государь былъ возмущенъ и приказалъ посольству, скупивъ всѣ эти снимки, изъять ихъ изъ обращенія. Уже такое начало не предвѣщало ничего добраго. На парадѣ въ Бреславлѣ Государь появился въ прусскомъ мундирѣ Баденборнскаго гусарскаго, своего имени, полка, съ лентою прусскаго ордена Чернаго Орла. Вильгельмъ же Второй, согласно обычаю, тоже былъ въ прусскомъ мундирѣ, но не

счелъ нужнымъ возложить на себя ленту ордена св. Андрея Первозваннаго. Къ тому же, при объѣздѣ войскъ, онъ постоянно пришпоривалъ свою лошадь, стараясь быть впереди своего высокаго гостя. Государь, замѣтивъ эту игру, сталъ подражать ему и, въ концѣ концовъ, оба Императора, чуть ли не рысью, закончили объѣздъ. Врожденная антипатія Царя къ своему германскому сосѣду, внушенная ему вначалѣ его матерью и затѣмъ женой, послѣ такихъ пріемовъ еще болѣе усилилась.

Годъ спустя, Императоръ Николай II отправился въ Дармштадтъ кружнымъ путемъ, намѣренно избѣгая Берлинъ. Надѣявшійся на новое свиданіе Вильгельмъ II былъ внѣ себя. Онъ горько жаловался на Государя, находившемуся въ то время проѣздомъ въ Берлинѣ Великому Князю Михаилу Николаевичу. Послѣ обѣда во дворцѣ въ честь послѣдняго, германскій Императоръ отозвалъ въ сторону управлявшаго посольствомъ (въ отсутствіе графа Остенъ-Сакена), совѣтника графа П. К. Палена, повторилъ и ему свои сѣтованія на Государя и постоянно, все болѣе возбуждаясь, кончилъ тѣмъ, что воскликнулъ: «Ники становится буквально невозможнымъ. Онъ куритъ папиросы и цѣлыми днями играетъ въ Дармштадтѣ въ лаунъ-теннисъ. Такъ нельзя управлять государствомъ».

Графъ Паленъ точно передалъ свою бесѣду съ Императоромъ Вильгельмомъ сопровождавшему Государя министру иностранныхъ дѣлъ, графу М. Н. Муравьеву, который со своей стороны, доложилъ обо всемъ Царю. Въ результатѣ Паленъ впалъ въ немилость, а взаимныя отношенія между Императорами еще болѣе ухудшились. Однако, вскорѣ, Кайзеръ вѣроятно понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своей бесѣдѣ съ Паленомъ. Онъ тотчасъ же поѣхалъ въ Дармштадтъ, гдѣ всячески старался угодить Государю и Императрицѣ, не забывая при этомъ даже ея брата, Великаго Герцога, къ которому онъ относился обыкновенно очень небрежно. Со своей стороны, Государь, какъ бы позабылъ о недавнемъ прошломъ, былъ со своей стороны къ нему въ высшей степени предупредителенъ и отношенія между обоими монархами приняли, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны, вполнѣ дружескій характеръ. Тѣмъ не менѣе, осенью 1898 года Государь при своемъ новомъ посѣщеніи Дармштадта снова объѣхалъ Берлинъ. Но на этотъ разъ, германскій Императоръ настоялъ на своемъ требованіи отвѣтнаго визита и Государю пришлось на обратномъ пути въ Россію, остановиться на одинъ день въ Потсдамѣ. Это свиданіе было еще неудачнѣе Бреславскаго, главной виновницей чего, въ этомъ случаѣ, являлась Императрица Александра Ѳеодоровна.

Недѣли за двѣ до свиданія, оберъ-гофмейстерина княгиня М. М. Голицына письменно, отъ имени Государыни запросила графиню М. И. Остенъ-Сакенъ будетъ ли германскій дворъ при свиданіи соблюдать наложенный при нашемъ дворѣ, по поводу кончины Великаго Князя Георгія Алексан-

дровича, трауръ. Вопросъ этотъ былъ довольно страннымъ. Нашъ дворъ, дѣйствительно, носилъ еще трауръ, но чисто фамильнаго характера, а слѣдовательно отнюдь не обязательный для двора германскаго. Тѣмъ не менѣе, графиня Остенъ-Сакенъ написала по этому предмету оберъ-гофмейстеринѣ германской Императрицы, графинѣ Брокдорфъ. Послѣдовавшій отвѣтъ былъ весьма выразительный: «имѣя удовольствіе принимать у себя русскую Царицу, Императрица Августа Викторія облечется въ лучшіе свои наряды».

Послѣдовало второе письмо княгини Голицыной: «Императрица Александра Ѳеодоровна изъявила желаніе, чтобы дамы нашего посольства появились при пріемѣ въ глубокомъ траурѣ».

Въ отвѣтъ на это письмо графиня Остенъ-Сакенъ почтительно замѣтила, что, согласно вѣками установленному обычаю, члены посольства, по вопросу о траурѣ, за исключеніемъ случаевъ траура національнаго, слѣдуютъ распоряженіямъ того двора, при которомъ они аккредитованы.

Въ третьемъ письмѣ княгиня Голицына извѣщала, что Государынѣ благоугодно было повелѣть, чтобы дамы посольства появились при свиданіи Императоровъ въ открытыхъ, но черныхъ платьяхъ. Брилліанты и самоцвѣтные камни исключались. Допускался лишь жемчугъ.

И вотъ парадный обѣдъ въ честь царской четы представилъ довольно своеобразную картину. Германская Императрица появилась въ платьи ярко-желтаго цвѣта, съ наслѣдственной прусской діадемой изъ брилліантовъ и рубиновъ на головѣ, рѣзко отличаясь отъ нашей Государыни, прибывшей къ обѣду въ черномъ, обшитомъ крепомъ траурномъ платьи, при ниткѣ жемчуговъ на шеѣ. Посольскія же дамы выдѣлялись подобно чернильнымъ пятнамъ среди яркихъ туалетовъ, приглашенныхъ къ высочайшему столу дамъ берлинскаго общества.

Обѣдъ прошелъ довольно мрачно. Обыкновенно веселый и рѣчистый Императоръ Вильгельмъ ограничился молчаливымъ поднятіемъ бокала за здравіе своихъ высокихъ гостей.

Отъѣздъ назначенъ былъ къ 10 часамъ того-же вечера и, согласно обычаю, посольство и свита обоихъ Императоровъ предшествовала имъ на станціи желѣзной дороги. Къ моему немалому удивленію, Государыня прибыла въ сопровожденіи оберъ-гофмейстерины графини Брокдорфъ. Императрица германская блистала своимъ отсутствіемъ, отговорившись, какъ я узналъ впослѣдствіи, необходимостью переодѣться для пріема пріѣзжавшаго въ Потсдамъ въ тотъ-же вечеръ наслѣднаго Принца Шведскаго. За Государыней прибыли и оба монарха. Нашъ Государь былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Я стоялъ вблизи нашего посла и слышалъ, какъ Императоръ Николай взволнованно сказалъ ему: «какая дерзость! Отправить Императрицу на станцію съ какой-то «Брокдорфшей». Что за неслыханная дерзость».

Все вышеизложенное можетъ, на первый взглядъ, показаться крайне маловажнымъ и не могущимъ отразиться на нашихъ государственныхъ интересахъ. Такъ оно, безспорно должно было-бы быть. На самомъ-же дѣлѣ подобные, незначительные инциденты оказывали несомнѣнное вліяніе на ходъ нашей и германской внѣшней политики, тѣмъ болѣе, что стоявшіе во главѣ таковой у насъ и въ Берлинѣ графъ М. Н. Муравьевъ и князь Бюловъ болѣе озабочены были сохраненіемъ своихъ портфелей, чѣмъ государственной пользой. Вмѣсто того, чтобы стараться сглаживать шероховатости между обоими монархами, оба министра, въ своемъ стремленіи уловить хотя бы преходящее ихъ настроеніе, лишь подливали масло въ огонь и усиливали ихъ взаимную антипатію. Государь же считалъ себя оскорбленымъ въ своемъ достоинствѣ, какъ въ Бреславлѣ, такъ и въ Потсдамѣ и всячески сталъ стараться отплатить Императору Вильгельму за его и его супруги, якобы преднамѣренную, безтактность.

Германскій Императоръ произвелъ себя въ генералъ-фельдмаршалы. Тотчасъ же Императоръ Францъ Іосифъ отрядилъ одного изъ эрцгерцоговъ въ Берлинъ для поднесенія Императору Вильгельму фельдмаршальскаго жезла австро-венгерской арміи. Такъ какъ германскій Императоръ числился и въ нашей арміи въ чинѣ полнаго генерала, казалось логичнымъ, чтобы ему пожаловано было и русское фельдмаршальское званіе. И дѣйствительно, нашему военному агенту въ Берлинѣ, князю Енгалычеву было поручено преподнести германскому Императору русскіе «фельдмаршальскіе погоны». Фельдмаршальскій же жезлъ, не безъ намѣренія былъ позабытъ. Конечно Кайзеръ не скрылъ своего возмущенія. Онъ прибылъ въ наше посольство и заявилъ графу Остенъ-Сакену: «Не можете ли объяснить мнѣ, дорогой графъ, какимъ положеніемъ я пользуюсь въ вашей арміи. Я генералъ съ фельдмаршальскими погонами и, слѣдовательно, какъ будто бы фельдмаршалъ, — но безъ жезла».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя жезлъ былъ врученъ и притомъ даже усыпанный брилліантами. Непріятное же впечатлѣніе было тѣмъ не менѣе произведено.

Другой случай. Императоръ Вильгельмъ состоялъ шефомъ двухъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ. Неоднократно онъ изъявлялъ желаніе получить шефство одного изъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ, предпочтительнѣе гусарскаго. Какъ и графъ Остенъ-Сакенъ, такъ и князь Енгалычевъ не разъ доносили въ Петербургъ объ этомъ пожеланіи. И, дѣйствительно, Государь назначилъ Кайзера шефомъ Нарвскаго гусарскаго, но въ то время драгунскаго полка, награжденнаго серебрянными георгіевскими трубами — «За взятіе Берлина» (въ Семи-лѣтнюю войну). Вильгельмъ II, конечно, узналъ объ этомъ фактѣ и по достоинству оцѣнилъ этотъ новый уколъ его самолюбію. Тѣмъ не менѣе понявъ ложность своей, по отношенію къ нашему Государю, тактики, онъ

измѣнилъ таковую и старался, доходя иногда почти до заискиванія, добиться благорасположенія нашей царской четы, надѣясь съ избыткомъ отыграться въ политическомъ отношеніи.

Расчетъ Императора Вильгельма оказался правильнымъ Дипломатія наша въ этой его игрѣ, почти постоянно оставалась въ проигрышѣ. Вся наша германская политика строилась неправильно. Провидѣніе дало намъ въ политической игрѣ нашей съ Германіей полныя руки козырей, въ формѣ непримиримаго антагонизма, существовавшаго между Германіей и Англіей. Опираясь на нашъ союзъ съ Франціей, намъ надлежало лишь эксплуатировать этотъ антагонизмъ слѣдуя примѣру князя Бисмарка, столь геніально использовавшаго въ свое время наше соперничество съ Великобританіей. Однако вся наша внѣшняя политика стала отражать характеръ Николая II и все болѣе получать отпечатокъ нерѣшительности и непослѣдовательности. Государь, вначалѣ своего царствованія, всякими мелочами послѣдовательно раздражалъ своего германскаго сосѣда, нанося цѣлый рядъ уколовъ его болѣзненному самолюбію и, въ то-же время, постоянно уступалъ ему въ вопросахъ первостепенной важности. Со временемъ картина измѣняется, но опять-таки не въ пользу нашихъ жизненныхъ интересовъ.

Упорство Вильгельма II одерживаетъ верхъ и мы доходимъ до того, что, при свиданіи монарховъ въ финляндскихъ шхерахъ въ 1909 году, мы заключаемъ съ Германіей соглашеніе, явно противорѣчащее нашимъ обязательствамъ къ союзной намъ Франціи. Соглашеніе это было тогда по просту вырвано Императоромъ Вильгельмомъ у нашего, не въ мѣру деликатнаго, Государя. Преднамѣренно свиданію былъ приданъ чисто семейный характеръ. Государь, отвѣчая этому желанію Кайзера, прибылъ въ шхеры, не пригласивъ сопутствовать ему ни министра иностранныхъ дѣлъ, графа В. Н. Ламсдорфа, ни иного представителя нашей дипломатіи.

Конечно Императоръ Вильгельмъ использовалъ это обстоятельство и, выражаясь тривіально, «подсунулъ» Государю въ удобную минуту, вышеуказанное соглашеніе. Застигнутый врасплохъ, по своему мягкому характеру не способный къ сопротивленію, Николай II подписалъ все то, что требовалъ отъ него Вильгельмъ II, попросивъ морскаго министра адмирала Бирилева, контрассигновать его подпись. Впослѣдствіи, благодаря настояніямъ графа Ламсдорфа, договоръ этотъ былъ признанъ недѣйствительнымъ. Но, конечно, за дипломатіей нашей, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Парижѣ, лишній разъ установилась репутація недобросовѣстности, причемъ въ частности, отношенія наши къ Германіи отнюдь не улучшились.

Наоборотъ, многимъ изъ нашихъ болѣе дальновидныхъ государственныхъ дѣятелей стало яснымъ, что при подобной неустойчивости нашей внѣшней политики, мы несомнѣнно дойдемъ до разрыва съ Германіей. Къ числу ихъ принад-

лежали графъ С. Ю. Витте и графъ Н. Д. Остенъ-Сакенъ, но голоса ихъ были подобны гласу вопіющаго въ пустынѣ. Къ тому же первый былъ въ явной опалѣ, а на долю второго выпадала, главнымъ образомъ, неблагодарная обязанность сглаживать постоянныя тренія между сосѣдними монархами.

Какъ-то разъ уже въ разгарѣ войны, С. Ю. Витте задалъ мнѣ такой вопросъ: «какъ вы думаете, если бы я былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при графѣ Остенъ-Сакенѣ въ Берлинѣ, отважилась бы Германія прикрыть своимъ щитомъ Австро-Венгрію въ Сербскомъ вопросѣ?»

Зная, какимъ престижемъ пользовался Витте въ Берлинѣ, я, по совѣсти, отвѣтилъ отрицательно. Мнѣ извѣстно было, что когда возникъ, невыгодный для нашихъ интересовъ въ Турціи, германскій проэктъ желѣзнодорожнаго Багдадскаго пути, мы были исключительно обязаны вліянію Витте и ловкости Остенъ-Сакена тому, что добились французскаго и нашего финансоваго соучастія въ этомъ проэктѣ, чѣмъ послѣднему приданъ былъ характеръ международный. Послѣ же утери графомъ Витте его вліянія въ Петербургѣ и когда графъ Остенъ-Сакенъ хилый и усталый, сталъ лишь тѣнью прежняго крупнаго нашего дипломата, С. Д. Сазоновъ въ томъ же вопросѣ, дошелъ до того, что обязалъ насъ договоромъ съ Германіей, взять на себя на наши средства, проведеніе соединительной желѣзнодорожной вѣтки между Багдадомъ и Тегераномъ.

Когда стало выявляться, что наши боевыя силы достигаютъ нежелательнаго для Германіи развитія, Вильгельмъ занялся пріисканіемъ способовъ къ ихъ парализованію. Наивѣрнѣйшимъ средствомъ являлось, конечно, втянуть Россію въ войну, въ которой Германія не была-бы замѣшана. Осложненія наши на Востокѣ приходились, конечно, весьма кстати германскому Императору.

Подробности разрыва нашего съ Японіей бросаютъ яркій свѣтъ на нашу политику времени царствованія Императора Николая II. Отношенія наши къ Японіи изъ дружественныхъ сдѣлались натянутыми со времени возникновенія акціонерной компаніи для эксплуатаціи богатыхъ корейскихъ лѣсовъ. Компанія эта во главѣ своей имѣла новаго любимца Государя, статсъ-секретаря Безобразова, съумѣвшаго внушить ему желательность для Россіи «мирнаго проникновенія» въ Корею. За нѣсколько мѣсяцевъ до начала войны, въ Петербургъ прибылъ князь Ито, членъ Японскаго Верховнаго Совѣта (Тепро), убѣжденный сторонникъ русско-японской дружбы. Заручившись поддержкой графа Витте и графа Ламсдорфа, Ито сталъ напрягать всѣ усилія, дабы отклонить насъ отъ усвоенной нами въ Корейскомъ вопросѣ политики. Онъ откровенно давалъ понять, что въ случаѣ неудачи, ему прійдется пойти на соглашеніе съ Великобританіей. Со своей стороны, графъ Ламсдорфъ поднесъ Государю обширный мемуаръ, въ которомъ онъ настаивалъ на ликвидаціи Безобразовскаго общества, указывая на опасныя

для насъ и крайне нежелательныя осложненія съ Имперіей Восходящаго Солнца. Однако мемуаръ этотъ высочайшаго одобренія не удостоился. Безобразовъ и Ко. оказались сильнѣе отвѣтственнаго руководителя нашей внѣшней политики и князю Ито пришлось безрезультатно покинуть Петербургъ.

По пути въ Лондонъ, онъ остановился въ Берлинѣ, гдѣ посѣтилъ нашего посла. Онъ просилъ графа Остенъ-Сакена еще разъ попытаться остановить наше правительство на столь опасномъ избранномъ имъ пути, обязавшись отложить свой отъѣздъ въ Лондонъ на два дня. Посолъ въ точности исполнилъ его порученіе, но отвѣта не послѣдовало и князь Ито, грустно и тревожно настроенный, отправился въ Англію, гдѣ и было вскорѣ заключено англо-японское соглашеніе. «Адмиралъ Атлантическаго океана» могъ справедливо торжествовать. Россія, по легкомыслію ея власть имущихъ, вступала на скользкій путь дальневосточныхъ осложненій.

Когда въ воздухѣ запахло войной, Императоръ Вильгельмъ поспѣшилъ въ наше посольство съ заявленіемъ, что несмотря на нейтралитетъ Германіи, мы вполнѣ можемъ разсчитывать на ея поддержку.

— «Я буду охранять вашу западную границу» — прибавилъ Императоръ, что вызвало ѣдкую замѣтку графа Витте: — «Отъ кого? Отъ себя самаго?»

Однако нельзя не отдать справедливости Кайзеру: онъ, несравненно болѣе союзной намъ Франціи, не стѣснялся всячески проявлять намъ свои симпатіи, чѣмъ возбудилъ даже нѣкоторую подозрительность въ Токіо, но симпатіи эти въ концѣ концовъ обошлись намъ однако не дешево: мы заплатили за нихъ цѣною крайне невыгоднаго для насъ торговаго договора, который мы заключили съ Германіей въ 1904 году и который на долгіе годы тяжело отразился на нашей промышленности и на нашемъ лѣсномъ хозяйствѣ.

И, какъ оно не странно, несмотря на всю хитрость своей политики по отношенію къ намъ, Императоръ Вильгельмъ не покидалъ своей завѣтной мечты, тѣми или иными способами устроить союзъ Россіи и Германіи.

Какъ то разъ Кайзеръ пріѣхалъ въ посольство, снова за что-то обиженный на Государя и, по своему обыкновенію, отъ горькихъ упрековъ перешелъ почти къ угрозамъ.

— «Ники забываетъ, что у меня въ рукахъ тройственный союзъ» — воскликнулъ онъ.

— «Ваше Величество, отдаетъ ли себѣ отчетъ въ томъ, что такое въ сущности этотъ пресловутый союзъ?» — спокойно возразилъ графъ Остенъ-Сакенъ. — «Это союзъ силы со слабостью и ничтожествомъ».

«Повторите», — сказалъ Императоръ. И когда графъ исполнилъ его приказаніе, Вильгельмъ II подошелъ къ нему и глядя ему прямо въ глаза, сказалъ: «А что вы скажете о союзѣ двухъ силъ?»

Намекъ былъ вполнѣ ясенъ...

— «Какъ жаль», — говорилъ мнѣ впослѣдствіи посолъ, — «что ни на Петербургъ, ни на Берлинъ положиться нельзя. Какую можно было-бы разыграть славную игру».

До соглашенія нашего съ Англіей по персидскимъ дѣламъ, несмотря на союзъ нашъ съ Франціей, нашей дипломатіи удавалось все же сохранять съ Германіей болѣе или менѣе корректныя добрососѣдскія отношенія. Благодаря ловкости нашихъ пословъ, графовъ Шувалова и Остен-Сакенъ, Императоръ Вильгельмъ не только примирился съ франко-русскимъ союзомъ, но сталъ усматривать въ немъ нѣчто вродѣ узды для французскихъ реваншистовъ. Соглашеніе же наше съ Англіей измѣнило это настроеніе германскаго монарха. Онъ сталъ подозрителенъ и все ближе сходился съ Вѣной. Что же касается до насъ самихъ, то это соглашеніе, которымъ такъ гордился А. П. Извольскій, принесло намъ конечно больше вреда, чѣмъ пользы.

Несомнѣнно, что до его заключенія, мы находились въ Персіи въ глухомъ соперничествѣ съ Англіей. Но, уже по одному нашему географическому положенію, мы обыкновенно безъ особаго труда справлялись съ возникавшими изъ-за этого соперничества осложненіями и сохраняли свое преобладающее вліяніе въ Странѣ Шаховъ. Наше соглашеніе съ Англіей, раздѣлявшее Персію на двѣ зоны вліянія съ нейтральной полосой, включавшей Тегеранъ, подкосило нашъ престижъ въ глазахъ Персидскаго народа и подало, кромѣ того, поводъ Германіи, со своей стороны, вмѣшаться въ персидскія дѣла. Проэктъ А. П. Извольскаго, получилъ царскую санкцію безъ предварительнаго серьезнаго и разносторонняго обсужденія его послѣдствій и едва ли, подписывая соглашеніе, Царь Николай II отдавалъ себѣ отчетъ, что онъ, однимъ росчеркомъ пера, кладетъ крестъ на традиціонную политику своихъ предшественниковъ.

Послѣ русско-японской войны и разгрома нашего флота, былъ поставленъ на очередь вопросъ о возсозданіи нашей морской мощи. Нѣкій Захаровъ, грекъ по происхожденію, но французскій гражданинъ, несмѣтно богатый, совладѣлецъ англійской міровой судостроительной фирмы Виккерсъ и Ко, недавно пожалованный Англійскимъ королемъ баронетомъ, представилъ проэктъ наискорѣйшаго возсозданія нашего боевого флота. Онъ предлагалъ образовать синдикатъ главнѣйшихъ французскихъ и англійскихъ судостроительныхъ заводовъ, которые обязались бы построить намъ значительное количество морскихъ боевыхъ единицъ въ восьмилѣтній срокъ. Необходимые кредиты отпускались синдикатомъ англо-французскихъ банковъ срокомъ на 50 лѣтъ изъ 5% годовыхъ. Во главѣ предпріятія намѣчался Г. Лубэ, бывшій президентъ Французской Республики, самая личность котораго уже служила залогомъ серьезности Захаровскаго проэкта; Государь изъявилъ свое принципіальное согласіе и Захарову былъ пожалованъ русскій орденъ. Было рѣшено, что Царь встрѣтится съ Лубэ во время поѣздки своей во Францію. Но вскорѣ, дабы не раздражить президента Фаль-

ера, косо смотрѣвшаго на своего предшественника, планъ этотъ былъ измѣненъ. Рѣшено было, что Государь приметъ Лубэ въ Кожѣ при своемъ посѣщеніи англійскаго двора. Но, и на сей разъ свиданіе не состоялось. Государь успѣлъ измѣнить свой взглядъ подъ вліяніемъ напора нашихъ судостроительныхъ фирмъ, которыя заручившись «Новымъ Временемъ» и развернувши національный флагъ, повели энергичную интригу противъ, безъ сомнѣнія, выгоднаго Захарьинскаго проэкта. Въ итогѣ — Россія на долгіе годы лишена была своего морскаго могущества и такъ и не создала боевого флота.

Въ послѣдніе годы царствованія Николая Второго, болѣе не существовало заграничнаго на него вліянія, т. е. вліянія его зарубежныхъ родственниковъ. Оно окончательно перешло въ руки его супруги.

Въ началѣ же Государь склоненъ былъ прислушиваться къ голосу своихъ дармштадскихъ и кобургскихъ родственниковъ, а также и къ совѣтамъ своей бабки, энергичной, умной Королевы Датской Луизы. Но всѣ эти вліянія нельзя назвать особенно полезными. Въ Кобургѣ и Дармштадтѣ Императора Вильгельма не любили и, конечно вели свою линію иногда высмѣивая Кайзера и этимъ вліяя на впечатлительность нашего молодого Государя. Королева Луиза, со своей стороны, ненавидѣла нѣмцевъ за отторженіе отъ Даніи Шлезвига и Голштиніи въ 1864 году и также не симпатизировала Вильгельму II. Но когда она скончалась, послѣдній тотчасъ-же прибылъ въ наше посольство съ выраженіемъ своего соболѣзнованія.

— «Позвольте представить Вашему Высокопревосходительству выраженіе моего соболѣзнованія по случаю кончины матери вашей Императрицы» — сказалъ онъ. Но не удержался и тутъ-же прибавилъ: «разъ я покончилъ съ оффиціальной стороной моего визита, вы, вѣдь дорогой графъ, не потребуете отъ меня крокодиловыхъ слезъ.»

Глава V.

Министры иностранныхъ дѣлъ Императора Николая II.

За двадцать три года своего царствованія Императоръ Николай Второй назначилъ слѣдующихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ:

1. Н. К. Гирса — 1894—1895 г.,
2. Князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго — 1895—1897 г.,
3. Графа М. Н. Муравьева — 1897—1901 г.,
4. Графа В. Н. Ламсдорфа — 1901—1906 г.,
5. А. П. Извольскаго — 1906—1909 г.,
6. С. Д. Сазонова — 1909—1916 г.,
7. Б. В. Штюрмера — 1916—1917 г.,
8. Н. Н. Покровскаго — 1917 по 28 февр. того-же года.

Къ этому списку слѣдуетъ прибавить Н. П. Шишкина и А. А. Нератова, которымъ приходилось управлять Министерствомъ: первому — послѣ внезапной кончины князя Лобанова и до назначенія графа Муравьева, а второму — за время годовой болѣзни С. Д. Сазонова. Столь частыя перемѣны руководителей нашей внѣшней политики не слѣдуетъ отнюдь приписывать измѣненіямъ нашего политическаго курса. Вызывались онѣ либо смертью министра (князя Лобанова-Ростовскаго) либо придворными интригами и соображеніями чисто личнаго характера.

Н. К. Гирсъ имѣлъ за собою продолжительную и серьезную дипломатическую карьеру. Онъ былъ, между прочимъ, товарищемъ министра во время канцлерства князя А. М. Горчакова. Послѣ кончины послѣдняго, послѣдовавшей въ 1883 году, Императоръ Александръ III назначилъ его министромъ и работалъ съ нимъ въ теченіи всего своего четырнадцатилѣтняго царствованія. Такимъ образомъ, Николай II получилъ Н. К. Гирса, такъ сказать, по наслѣдству отъ отца.

Министръ этотъ принадлежалъ всецѣло къ старой школѣ дипломатовъ 19-го столѣтія и воспитанъ былъ въ принципахъ Нессельроде и Горчакова. Онъ прекрасно владѣлъ перомъ и того-же требовалъ отъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ Н. К. Гирсъ отражалъ всецѣло политическую программу Императора Александра Второго. Политическій катехизисъ его сводился преимущественно къ союзу трехъ Императоровъ. Онъ восторгался княземъ Меттернихомъ и поклонялся князю Бисмарку, гордясь своей къ нему близостью. Воспринимая наше сближеніе съ Франціей, онъ слѣдовалъ волѣ своего монарха, но въ душѣ своей былъ противъ этой политической комбинаціи и придерживался прежней, испытанной дипломатической колеи. Всѣ свои усилія онъ направлялъ исключительно къ избѣжанію какихъ-бы то ни было осложненій.

Какъ я замѣтилъ уже выше, Оффенбаховское — «pas de scandal dans mon beau chateau» — стало главной основой дѣятельности нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, его альфой и омегой. Было бы однако совершенно ошибочнымъ считать Н. К. Гирса величной незначительной. Онъ былъ несравненно умнѣе многихъ изъ своихъ преемниковъ и составлявшаяся объ немъ молва никоимъ образомъ дѣйствительности не соотвѣтствовала. Въ бытность мою секретаремъ нашего берлинскаго посольства, я имѣлъ возможность ознакомиться съ перепиской нашихъ пословъ въ Германіи съ тѣмъ или инымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и, въ этой перепискѣ, Н. К. Гирсъ нерѣдко проявлялъ себя истиннымъ государственнымъ дѣятелемъ. Многимъ изъ его преемниковъ слѣдовало бы поподробнѣе ознакомиться съ высказанными престарѣлымъ дипломатомъ мыслями. Конечно, при такомъ самодержцѣ, какимъ былъ Александръ III, министръ долженъ былъ, по большей части, довольствоваться скромною ролью его секретаря, простого исполнителя его

велѣній. Тѣмъ не менѣе онъ съумѣлъ вселить къ себѣ довѣріе и уваженіе своего монарха. Что же касается до внутренняго управленія ввѣреннаго ему министерства, Н. К. Гирсъ слѣпо слѣдовалъ по стопамъ князя Горчакова. Воспитательная система нашей дипломатической молодежи отнюдь не соотвѣтствовала духу времени и карьеры дѣлались не по способностямъ, а по капризу начальства или интригамъ высокопоставленныхъ покровителей.

Отъ дипломата требовалось прежде всего основательное знаніе французскаго языка. Такъ называемый «дипломатическій экзаменъ» былъ, въ сущности, фарсомъ, а отнюдь не серьезнымъ испытаніемъ познаній будущихъ нашихъ Меттерниховъ и Талейрановъ. Экзаменовали посѣдѣвшіе на службѣ директора департаментовъ, по большей части сами успѣвшіе позабыть все то, чему ихъ учили въ молодости

Экзаменаціонная программа выглядѣла довольно внушительно. Въ ней значились исторія, географія, статистика, политическая экономія и международное право. Но дѣло въ томъ, что весь этотъ экзаменъ, для поступленія въ министерство, серьезной роли не игралъ. Заранѣе было условлено, кого изъ молодыхъ людей принять и кого провалить. Неудивительно поэтому, что въ число нашихъ дипломатовъ попадали совершенные неучи и, наоборотъ, священныя двери министерства захлопывались передъ молодыми людьми дѣйствительно способными. Все сводилось къ интригѣ. Слово той или иной Великой Княгини въ дѣлѣ поступленія въ министерство играло несравненно болѣе рѣшительную роль, чѣмъ какія угодно дарованія.

«Святой Святыхъ» министерства считалась канцелярія. Н. К. Гирсъ называлъ ее «моя гвардія». Я имѣлъ счастье пройти черезъ нее и потому прекрасно знаю, чего она, на самомъ дѣлѣ, стоила. Вся работа состояла исключительно въ шифрованіи и перепискѣ бумагъ (въ мое время пишущія машинки еще введены не были) и горе тому секретарю канцеляріи, который возымѣлъ бы мысль, на основаніи проходящихъ чрезъ его руки документовъ, изучить тотъ или иной вопросъ. Онъ неминуемо попадалъ подъ подозрѣніе своего начальства. Напримѣръ помню, какъ я самъ былъ настолько неосторожнымъ, что принялся за изученіе запутаннаго въ то время (въ 1885 году) болгарскаго вопроса. Начальство сразу стало глядѣть на меня косо и болгарскія дѣла мнѣ болѣе не передавались. Другой разъ, мнѣ пришлось разбирать шифрованную телеграмму. До извѣстнаго мѣста все шло прекрасно, но дальше что-то выходило не такъ. Я обратился къ тогдашнему вице-директору, князю В. С. Оболенскому, который, просмотрѣвъ мою работу, сказалъ мнѣ текстуально: «Я все понимаю, а если вы не понимаете, то это такъ и должно быть. Помните, молодой человѣкъ, что дѣйствительно хорошій секретарь не долженъ ничего понимать».

Прибавлю, что этотъ великій педагогъ закончилъ свою блестящую карьеру товарищемъ министра и членомъ Госу-

дарственнаго Совѣта, неоднократно, за отсутствіемъ министра, управляя нашимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ.

Неудивительно, что, пройдя такую своеобразную школу, молодые люди назначались за границу чистыми неучами, вполнѣ неподготовленными къ предстоявшей имъ дѣятельности. Дальнѣйшая ихъ карьера также слѣдовала тому же шаблону. Въ посольства попадали либо любимцы министра и его ближайшихъ сотрудниковъ, либо тѣ, за которыхъ хлопотали вліятельные родственники. Остальные простые смертные принуждены были довольствоваться миссіями и лишь немногимъ изъ нихъ удавалось выдвинуться и добиться, со временемъ, серьезныхъ самостоятельныхъ назначеній.

А. П. Извольскій попытался измѣнить всѣ эти безобразія. Онъ сталъ требовать для поступленія въ министерство диплома объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія. Но нововведеніе это продолжалось не долго и все пошло по старому. Болѣе того: при Извольскомъ интрига царствовала болѣе чѣмъ когда-либо.

Князь Лобановъ-Ростовскій отличался своей твердостью, но и тотъ не могъ справиться съ нездоровой атмосферой своего вѣдомства и принужденъ былъ съ нею считаться. Назначая меня секретаремъ посольства въ Берлинъ, онъ сказалъ мнѣ: — «Не говорите никому о вашемъ назначеніи до появленія приказа, а то мнѣ могутъ помѣшать».

Въ послѣдніе годы своего министерства, Н. К. Гирсъ, опасаясь конкуренціи, окружилъ себя, по большей части, ничтожествами, что въ значительной мѣрѣ осложняло задачу его преемника, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.

Послѣдній былъ полнѣйшей противоположностью своего предшественника, характера смѣлаго и рѣшительнаго. Онъ прошелъ серьезную дипломатическую школу, занимая отвѣтственные посты посла въ Константинополѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ. На послѣднемъ мѣстѣ онъ пробылъ слишкомъ 17 лѣтъ. Министромъ онъ былъ назначенъ въ преклонномъ возрастѣ. Ему было въ то время уже 75 лѣтъ, но онъ былъ еще вполнѣ бодрымъ и умственно свѣжимъ. Въ его карьерѣ, когда онъ тридцати съ небольшимъ лѣтъ, занималъ постъ посланника въ Турціи, въ царствованіе Александра II, случился перерывъ. Онъ влюбился въ жену секретаря французской миссіи и уѣхалъ съ ней, не испрашивая отпуска, въ Россію. Произошелъ скандалъ и князь Лобановъ-Ростовскій былъ отчисленъ отъ занимаемой имъ должности. Говорятъ, что бывшій въ то время канцлеромъ князь Горчаковъ, большой поклонникъ красивыхъ женщинъ, поинтересовался портретомъ «причины Лобановскихъ несчастій». Взглянувъ на него, Горчаковъ воскликнулъ: «неужели онъ не нашелъ ничего лучшаго». Нѣкоторое время спустя князь Алексѣй Борисовичъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и оставался въ этой должности до своего назначенія при Александрѣ III, посломъ въ Константинополь.

Князь Лобановъ не былъ сторонникомъ русско-германскаго сближенія. Его первоначальный политическій планъ состоялъ въ союзѣ Россіи и Франціи съ Австро-Венгріей съ цѣлью парализовать возраставшее могущество Имперіи Гогенцоллерновъ. Къ тому же онъ питалъ лично къ Императору Вильгельму глубокую антипатію. До своего появленія во главѣ нашего дипломатическаго вѣдомства онъ былъ назначенъ посломъ въ Берлинъ на мѣсто графа П. А. Шувалова, получившаго постъ Варшавскаго генералъ-губернатора. Назначеніе его въ Берлинъ произвело удручающее впечатлѣніе въ германскихъ политическихъ кругахъ. Но князь не успѣлъ даже занять посольскаго мѣста въ нѣмецкой столицѣ, такъ какъ послѣ кончины Гирса, онъ тотчасъ же отозванъ былъ въ Петербургъ, что еще болѣе усилило берлинскую подозрительность. Въ германскихъ политическихъ кругахъ выдающіяся дипломатическія способности новаго министра были въ точности извѣстны, также точно, какъ извѣстно было вліяніе, которымъ онъ пользовался въ Константинополѣ, Вѣнѣ и Парижѣ.

Прежде всего, князь Лобановъ сосредоточилъ свою дѣятельность на возстановленіи нормальныхъ условій на Балканскомъ полуостровѣ. Князь Фердинандъ Кобургскій все еще занималъ неопредѣленное положеніе, не будучи признанъ великими державами, за исключеніемъ Австро-Венгріи. Признаніе его болгарскимъ княземъ сдѣлалось очереднымъ вопросомъ европейской дипломатіи, но князь Лобановъ настаивалъ, чтобы первые шаги для его признанія Императорскимъ Правительствомъ были сдѣланы имъ самимъ. Съ этою цѣлью онъ использовалъ С. С. Татищева, бывшаго дипломата и автора исторіи Императоровъ Александра II и Александра III. Татищевъ отправился въ Маріенбадъ, гдѣ пребывалъ въ то время Фердинандъ. Послѣ свиданія съ нимъ, болгарскій князь написалъ Императору Николаю II прочувствованное письмо, обязуясь перекрестить наслѣдника Бориса въ Православную вѣру и вести политику сообразную съ предначертаніями Государя. Въ отвѣтъ на это письмо Императоръ Николай II призналъ Фердинанда законнымъ болгарскимъ княземъ и согласился быть воспріемникомъ его старшаго сына. Въ этомъ вопросѣ Россія одержала полную дипломатическую побѣду, такъ какъ Германія, несмотря на союзъ съ Австро-Венгріей, всецѣло стала на нашу сторону.

Подъ вліяніемъ князя Лобанова, Государь началъ свою европейскую поѣздку съ Вѣны, а не съ Берлина, якобы оказывая вниманіе престарѣлому возрасту Императора Франца Іосифа и можно съ увѣренностью предположить, что, если бы князю Лобанову дано было сопровождать Государя въ Бреславль, свиданіе это получило бы иную окраску. Но, на наше несчастье, министръ внезапно скончался на обратномъ пути изъ Вѣны въ Россію. Узнавъ объ его смерти, Императрица Александра Ѳеодоровна залилась горькими слезами — лучшее доказательство тому, что Государыня, знав-

шая объ антипатіи князя къ Вильгельму II, вовсе не питала тѣхъ германофильскихъ чувствъ, которыя приписывало ей наше общественное мнѣніе.

Внезапная кончина князя Лобанова поставила Государя въ крайне тяжелое положеніе. Чрезъ нѣсколько дней, ему приходилось встрѣтиться съ Императоромъ Вильгельмомъ въ Бреславлѣ, выборъ же преемника министру былъ далеко не легокъ. Было рѣшено, что Государя будетъ сопровождать товарищъ министра Н. П. Шишкинъ. Прибывъ въ Бреславль и увидя меня на станціи желѣзной дороги, послѣдній подбѣжалъ ко мнѣ, воскликнувъ: «ради Бога, Евгеній Николаевичъ, не покидайте меня. Я вѣдь ровно ничего не знаю. Я тутъ какъ потерянный». Таковъ былъ новый руководитель нашей внѣшней политики.

Конечно, какъ Императоръ Вильгельмъ, такъ и лица, его сопровождавшія, оказывали Н. П. Шишкину особое вниманіе и онъ еще болѣе потерялъ всякое равновѣсіе.

— «Знаете, графъ», — говорилъ онъ Остенъ-Сакену, — «меня желаютъ видѣть министромъ и въ Парижѣ и въ Берлинѣ». На это графъ замѣтилъ мнѣ: — «Еще бы, всѣмъ имъ удобно имѣть такого господина во главѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ».

Однако, Н. П. Шишкинъ министромъ назначенъ не былъ. Князя Лобанова замѣнилъ графъ М. Н. Муравьевъ. Новый министръ провелъ долгіе годы въ Парижѣ и Берлинѣ, занимая мѣста перваго секретаря и совѣтника нашихъ посольствъ во Франціи и Германіи. Затѣмъ онъ былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ, откуда и получилъ свое новое высокое назначеніе.

Муравьевъ слылъ человѣкомъ неглупымъ отъ природы, но полнѣйшимъ неучемъ, ограничившимся такъ называемымъ «домашнимъ» образованіемъ. Роясь въ архивахъ посольства въ Берлинѣ, я нашелъ въ нихъ всего одно его письмо на французскомъ языкѣ и то переполненное грамматическими ошибками. Отличительною чертою его характера была безграничная самоувѣренность, которою онъ прикрывалъ недостатокъ своихъ познаній.

Проѣздомъ изъ Копенгагена въ Петербургъ, графъ Муравьевъ остановился на нѣсколько часовъ въ Берлинѣ. Я никогда не забуду, какъ онъ былъ счастливъ своимъ новымъ назначеніемъ. Каждаго изъ чиновъ посольства, онъ спрашивалъ о ихъ пожеланіяхъ, обѣщая исполнить ихъ по вступленіи въ свои новыя обязанности. Конечно, по пріѣздѣ, онъ позабылъ о своихъ благихъ намѣреніяхъ. Посолъ далъ въ честь его обѣдъ, на который приглашены были канцлеръ князь Гогенлоэ, статсъ-секретарь фонъ Бюловъ и др. Къ несчастью, багажъ министра затерялся въ пути и онъ принужденъ былъ появиться къ обѣду въ дорожномъ костюмѣ, что его, однако, отнюдь не смутило и не мѣшало ему, въ бесѣдѣ, при всемъ своемъ незнаніи политическаго положенія, затрагивать вопросы первенствующей важности.

Понятно, что въ Берлинѣ были вначалѣ довольны его назначеніемъ. Новаго министра прекрасно знали въ германской столицѣ и уже собирались использовать его слабыя стороны. Императоръ Вильгельмъ одинъ не раздѣлялъ этого настроенія. Дѣло въ томъ, что въ бытность свою въ Берлинѣ, Муравьевъ неустанно выставлялъ себя поклонникомъ молодого Императора, который подарилъ ему свой портретъ, съ крайне благосклонной, собственноручной надписью. Но впослѣдствіи, Кайзеръ узналъ, что тотъ-же обласканный имъ дипломатъ, желая понравиться Датскому Двору, иногда поднималъ его тамъ на смѣхъ. Императоръ принялъ это къ свѣдѣнію и болѣе не довѣрялъ Муравьеву, несмотря на любезности, которыя онъ ему не переставалъ оказывать.

Графъ М. Н. Муравьевъ государственнымъ дѣятелемъ, въ собственномъ смыслѣ слова, никогда не былъ. Будучи человѣкомъ необразованнымъ, самоувѣреннымъ и легкомысленнымъ, онъ, главнымъ образомъ, озабоченъ былъ понравиться при Дворѣ и тѣмъ самымъ удержаться у власти. Я уже имѣлъ случай упомянуть о томъ невѣроятномъ легкомыслiи, съ которымъ имъ рѣшались вопросы государственнаго значенія, какъ напримѣръ вопросъ Кіао-Чаоскій. Но онъ, дѣйствительно, съумѣлъ войти въ довѣріе Императрицы Александры Ѳеодоровны, играя съ царскими дѣтьми и схватывать то или иное настроеніе Государя, чѣмъ и мастерски пользовался для укрѣпленія своего положенія. За время его управленія министерствомъ, русско-германскія отношенія или, вѣрнѣе, личныя отношенія обоихъ монарховъ, стали натянутыми и во многомъ въ этомъ отношеніи вина падаетъ на него. Сознавая свою неопытность, графъ Муравьевъ взялъ себѣ въ товарищи графа В. Н. Ламсдорфа — этотъ «живой архивъ», какъ его называли въ министерствѣ. Ламсдорфъ писалъ донесенія, а Муравьевъ выдавалъ ихъ за свои, удивляя Государя своими познаніями.

При нерѣшительности и измѣнчивости Царя, легко себѣ представить, во что вылилась наша внѣшняя политика за время управленія Муравьевымъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Настоящіе государственные дѣятели со страхомъ слѣдили за разрухой въ этомъ хозяйствѣ и всячески старались удалить его отъ дѣлъ. По всѣмъ имѣющимся даннымъ имъ бы это и удалось, но графъ Муравьевъ внезапно скончался и тѣмъ избѣжалъ своего паденія. Въ Петербургскихъ салонахъ говорили, будто-бы онъ покончилъ самоубійствомъ. Я лично этому не вѣрю. Онъ былъ слишкомъ жизнерадостнымъ и былъ, кромѣ того увѣренъ, что благодаря благорасположенію къ нему Императрицы, въ случаѣ отставки, посольское мѣсто будетъ ему обезпечено. Мнѣ скорѣе кажется, что министръ скончался отъ своего невоздержаннаго образа жизни. Несмотря на свои годы — ему было далеко за 50 лѣтъ — онъ не отказывалъ себѣ ни въ прекрасномъ полѣ, ни въ винѣ. Вѣроятнѣе, что онъ скончался отъ удара.

Его замѣнилъ графъ В. Н. Ламсдорфъ, во всѣхъ отношеніяхъ рѣзко отличавшійся отъ своего предшественника. За время царствованія Николая Второго стало традиціоннымъ, чтобы наши министры иностранныхъ дѣлъ отнюдь не походили другъ на друга. Естественно, что отъ этого страдала вся наша внѣшняя политика, неустойчивость и непослѣдовательность которой въ высшей степени затрудняла дѣятельность нашихъ заграничныхъ представителей.

Графъ В. Н. Ламсдорфъ былъ несравненно образованнѣе и опытнѣе своего предшественника, но у него былъ крупный недостатокъ для министра иностранныхъ дѣлъ: до своего назначенія онъ ни разу, даже въ качествѣ обыкновеннаго путешественника, не былъ за границей. Графъ Муравьевъ былъ женолюбцемъ и, выражаясь тривіально, «ни въ Бога, ни въ чорта не вѣрилъ». Графъ же Ламсдорфъ, наоборотъ, былъ глубоко набожнымъ, даже не безъ примѣси нѣкотораго ханженства. Прекрасный полъ не игралъ въ его жизни никакой роли и за нимъ утвердилась поэтому репутація человѣка съ противоестественными наклонностями. Не берусь судить насколько слухи эти отвѣчали дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ графъ Ламсдорфъ, со своей стороны, самъ давалъ поводъ къ ихъ распространенію.

Будучи назначенъ министромъ, графъ, въ числѣ состоящихъ при своей канцеляріи, засталъ нѣкоего Савинскаго, занимавшаго скромный постъ третьяго секретаря. Красивый и ловкій онъ съумѣлъ войти въ довѣріе своего начальника и послѣдній, отправляясь въ Крымъ, гдѣ въ то время пребывала царская семья, взялъ его съ собою. Савинскій вернулся камеръ-юнкеромъ и вторымъ секретаремъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже былъ назначенъ первымъ секретаремъ и, вскорѣ затѣмъ, вице-директоромъ и директоромъ канцеляріи. Кромѣ того, графъ Ламсдорфъ принялся хлопотать объ его назначеніи церемоніймейстеромъ Высочайшаго Двора, но встрѣтилъ отпоръ со стороны оберъ-церемоніймейстера графа Гендрикова. Министръ счелъ себя обиженнымъ въ лицѣ своего любимца и подалъ въ отставку, такъ что Государю, дорожившему имъ въ то время, пришлось отвѣтить его желанію и уговорить графа Гендрикова, также подававшаго въ отставку, не противиться болѣе назначенію Савинскаго. Впослѣдствіи Савинскій былъ посланникомъ въ Швеціи, а потомъ въ Болгаріи.

Кстати замѣтить: въ обоихъ случаяхъ выборъ Государя оказался неудачнымъ. Въ министерствѣ графъ Ламсдорфъ пользовался широкой популярностью. Его прекрасно изучили и цѣнили его врожденную привѣтливость и доброту. Онъ былъ секретаремъ, младшимъ совѣтникомъ и вице-директоромъ канцеляріи при князѣ Горчаковѣ, директоромъ канцеляріи и старшимъ совѣтникомъ при Н. К. Гирсѣ и князѣ Лобановѣ и, наконецъ, товарищемъ министра при графѣ Муравьевѣ. При немъ установился въ министерствѣ чисто отеческій режимъ. Графъ Ламсдорфъ, быть можетъ, и сознавалъ въ душѣ, что онъ окруженъ ничтожествами, но по своей

добротѣ, не желалъ портить карьеры своимъ подчиненнымъ, связаннымъ съ нимъ долголѣтней совмѣстной службой.

Будучи поклонникомъ политики князя Горчакова и Н. К. Гирса, но вмѣстѣ съ тѣмъ связанный нашими союзными отношеніями къ Франціи, графъ Ламсдорфъ, тѣмъ не менѣе, напрягалъ всѣ усилія, чтобы сохранить наши добрососѣдскія отношенія и съ Германіей, что ему до извѣстной степени удалось, т. к., за время управленія имъ министерствомъ, отношенія эти замѣтно улучшились. Ухудшеніе же послѣдовало лишь послѣ упомянутаго мною выше неудавшагося Бьеркскаго соглашенія. Но въ немъ министръ былъ неповиненъ и, надо отдать ему справедливость, онъ проявилъ несвойственную ему энергію и настойчивость, дабы добиться аннулированія этого, постыднаго для нашей чести, договора.

Старанія графа Ламсдорфа предотвратить нашъ разрывъ съ Японіей общеизвѣстны. Въ своихъ усиліяхъ министръ былъ всецѣло поддержанъ графомъ Витте, но работа обоихъ государственныхъ дѣятелей оказалась безплодной. Министръ не ограничивался устными докладами. Онъ представилъ Государю обширный мемуаръ, (впослѣдствіи опубликованный В. Л. Бурцевымъ) въ которомъ онъ проявилъ несомнѣнную прозорливость, предупреждая монарха о пагубныхъ для Россіи послѣдствіяхъ надвигавшагося столкновенія нашего съ Японіей. Одновременно, Ламсдорфъ, предвидя свой неуспѣхъ представилъ Царю и свою просьбу объ отставкѣ. Николай Второй отказался ее принять, благодарилъ министра за его вѣрноподданнѣйшія чувства, но все же поступилъ согласно желаніямъ Безобразовской клики. Говорятъ, будтобы, во всемъ этомъ дѣлѣ, графъ Ламсдорфъ слѣдовалъ указаніямъ графа Витте. Но, такъ или иначе, въ своихъ взглядахъ на дальне-восточную проблему, покойный министръ проявилъ себя крупнымъ государственнымъ дѣятелемъ и глубокимъ патріотомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ впалъ въ немилость и вскорѣ затѣмъ скончался.

Замѣстителемъ его назначенъ былъ А. П. Извольскій.

Новый министръ прошелъ серьезную дипломатическую школу. Онъ послѣдовательно занималъ секретарскія мѣста при консульствѣ въ Филиппополѣ и при миссіяхъ въ Бухарестѣ, Вашингтонѣ и Копенгагенѣ, былъ затѣмъ неоффиціальнымъ агентомъ при Ватиканѣ, гдѣ провелъ возобновленіе, прерванныхъ въ продолженіи многихъ лѣтъ сношеній нашихъ съ Папою. Будучи назначенъ первымъ представителемъ Россіи при Св. Престолѣ, онъ получилъ званіе посланника и, въ качествѣ такового, прошелъ черезъ наши миссіи въ Бѣлградѣ, Токіо, Мюнхенѣ и Копенгагенѣ. Товарищи его, еще въ бытность его въ Имп. Александровскомъ Лицеѣ, въ которомъ онъ окончилъ курсъ наукъ съ золотой медалью, пророчили ему портфель министра иностранныхъ дѣлъ.

Въ высшей степени способный, не лишенный чисто государственнаго ума, Извольскій насчитывалъ два крупныхъ

недостатка — безграничное честолюбіе и, до крайности доведенный, снобизмъ. Сдѣлать карьеру и блистать въ высшихъ общественныхъ кругахъ (иныхъ онъ не признавалъ) — такова была вся жизненная задача, къ достиженію которой онъ допускалъ всѣ пути.

Въ бытность свою въ Бухарестѣ онъ дрался на дуэли съ румынскимъ офицеромъ по фамиліи Лаптевымъ. — „Un diplomate qui se bat est comme un soldat qui ne se bat pas" — сказалъ какъ-то Горчаковъ. Изрѣченіе это вошло въ кодексъ нашихъ дипломатическихъ обычаевъ и Извольскому грозила чуть ли не отставка, но онъ самый фактъ дуэли съумѣлъ повернуть въ свою пользу. Хотя, на самомъ дѣлѣ, причиной дуэли послужила какая-то женская интрига, молодой дипломатъ далъ понять кому надлежало, что онъ защищалъ будтобы честь своего монарха. Ему повѣрили и онъ не только не впалъ въ немилость, но получилъ званіе камеръ-юнкера и переведенъ былъ первымъ секретаремъ въ Вашингтонъ, гдѣ онъ вскорѣ занялъ прекрасное положеніе въ американскихъ салонахъ. Пріятели Извольскаго были увѣрены, что онъ воспользуется своимъ положеніемъ въ Штатахъ, чтобы жениться на дочери одного изъ американскихъ милліардеровъ. Но будущій министръ предпочелъ вступить въ бракъ съ небогатой дочерью графа Толя, нашего посланника въ Копенгагенѣ, куда незадолго до того, онъ былъ переведенъ изъ Вашингтона. А. П. Извольскій зналъ, что семья его будущаго тестя пользовалась особымъ расположеніемъ Императора Александра III и Императрицы Маріи Ѳеодоровны. И дѣйствительно, Государь былъ посаженнымъ отцомъ его невѣсты, а Извольскій былъ пожалованъ камергеромъ.

Молодая чета провела медовый мѣсяцъ въ Италіи. Постоянно занятый мыслью о карьерѣ, Извольскій, изучивъ положеніе въ Римѣ, послалъ въ министерство обширный, блестяще написанный мемуаръ о желательности для нашихъ интересовъ возстановленія нашихъ сношеній съ Ватиканомъ и о способахъ достигнуть этого результата. Мемуаръ удостоился Высочайшаго одобренія и Извольскій былъ посланъ въ Римъ въ качествѣ негласнаго агента, а вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ министромъ резидентомъ при Св. Престолѣ. Таково было начало его блестящей карьеры.

Снобизмъ Извольскаго едва ли не превышалъ его честолюбія. Громкое имя имѣло для него чарующее впечатлѣніе. Ничуть не отличаясь привлекательной наружностью, онъ былъ увѣренъ въ своей неотразимости и, что касается дипломатической тонкости, кое-какъ соглашался уступить первое мѣсто Бисмарку, при непремѣнномъ условіи признанія второго мѣста за нимъ самимъ. Про его феноменальный снобизмъ ходило не мало анекдотовъ. Такъ напр., мнѣ передавали слѣдующій эпизодъ изъ его пребыванія въ Парижѣ, куда онъ былъ назначенъ послѣ того, какъ покинулъ министерскій постъ.

А. П. Извольскій не выносилъ Парижскую буржуазію и принимать въ посольствѣ ея представителей, въ томъ числѣ

и министровъ, было для него настоящей пыткой. Онъ отдавалъ явное предпочтеніе лицамъ титулованнымъ и, только по обязанности, снисходилъ до простыхъ смертныхъ, изъ которыхъ состояло Правительство Третьей Республики.

Аристидъ Бріанъ, до своего назначенія премьеромъ занимавшій должность министра юстиціи, зналъ эту слабость Извольскаго и поэтому, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, постоянно отказывался отъ приглашеній въ наше посольство.

Послѣ своего назначенія Министромъ Президентомъ, онъ уже не счелъ возможнымъ уклоняться и явился на даваемый посломъ нашимъ раутъ. М. К. Извольская встрѣтила его словами: «Кажется вамъ, г. Бріанъ, не доставляетъ особеннаго удовольствія бывать у насъ». На что Бріанъ, улыбаясь, будто-бы, отвѣтилъ: «ровно столько же сколько вамъ, когда вы мнѣ посылали ваше любезное приглашеніе.»

Въ другой разъ, пригласивши на одинъ изъ своихъ пріемовъ въ посольство всѣхъ членовъ правительства, сенаторовъ и депутатовъ — т. е. всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ въ душѣ считалъ «шушерой», Извольскій вспомнилъ о Герцогѣ Вандомскомъ, находившемся въ то время въ Парижѣ. Ему крайне желательно было его присутствіе въ посольствѣ, но, не зная, насколько герцогу, какъ члену Орлеанской династіи, удобно будетъ встрѣтиться съ представителями республиканской Франціи, Извольскій рѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ англійскому послу.

Между обоими дипломатами произошла слѣдующая характерная бесѣда:

— «Я-бы очень желалъ пригласить герцога Вандомскаго на мой пріемъ» — говоритъ Александръ Петровичъ.

— «Что-же, приглашайте» — возражаетъ сэръ Ф. Берти.

— «А какъ бы вы поступили на моемъ мѣстѣ?» — настаиваетъ Извольскій.

— «Я-бы его не пригласилъ» — говоритъ англичанинъ.

— «Зачѣмъ же вы совѣтуете мнѣ его приглашать» — не безъ изумленія спрашиваетъ нашъ посолъ.

— «А потому, что васъ это забавляетъ, а меня ничуть» — спокойно возражаетъ сэръ Фрэнсисъ.

Подобнаго рода анекдоты разносились по парижскимъ салонамъ и несомнѣнно вредно отзывались на престижѣ посла, несмотря на всеобщее признаніе его выдающихся дипломатическихъ способностей. Мало того, слабыя струны Извольскаго — его феноменальное самомнѣніе и невѣроятный снобизмъ — дѣлались общественнымъ достояніемъ и служили иностраннымъ дипломатамъ трамплиномъ для проведенія ихъ замысловъ, въ ущербъ нашимъ, иногда существеннымъ, интересамъ. Въ полной мѣрѣ воспользовался ими Австро-Венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Эренталь при разрѣшеніи Боснійскаго вопроса.

Въ сентябрѣ 1908 г. А. П. Извольскій, отвѣчая приглашенію австрійскаго посла въ Петербургѣ графа Берхтольда, прибылъ въ его историческій замокъ Бухлау въ Богеміи, куда, со своей стороны, отправился и графъ Эренталь.

Оказанный нашему министру пріемъ отличался особою роскошью. Зная слабости А. П. Извольскаго, Берхтольдъ собралъ въ своемъ замкѣ цѣлый сонмъ наиболѣе изящныхъ представительницъ вѣнскаго и парижскаго высшаго общества. Охоты, пиры и концерты слѣдовали одинъ за другимъ и, въ этой-то волшебной обстановкѣ, разрѣшались вопросы первостепеннаго значенія, такіе вопросы, которые, по справедливости, считаются прелюдіей міровой войны.

А. П. Извольскій пробылъ въ Бухлау три дня, съ 19 по 22 сентября н. ст.; 23 сентября онъ охотился у своего пріятеля князя Виндищица въ Верхней Австріи, а 25-го прибылъ на свою виллу въ Тегернзе, въ Баваріи, гдѣ онъ встрѣтился со мною, т. к. и я, со своей стороны, проводилъ лѣто на моей виллѣ въ томъ же Тегернзе. Мы встрѣтились случайно на прогулкѣ; А. П. подошелъ ко мнѣ, прося навѣстить его на слѣдующій день. — «Мнѣ необходимо переговорить съ вами по очень серьезному вопросу» — прибавилъ онъ. Въ это время я состоялъ Парижскимъ корреспондентомъ «Новаго Времени» и, само собой разумѣется, я поспѣшилъ послѣдовать его приглашенію.

А. П. Извольскій повѣдалъ мнѣ, что во время пребыванія его въ Бухлау, графъ Эренталь заговорилъ съ нимъ о возможной анексіи Босніи и Герцеговины. Австрійскій дипломатъ заявилъ ему, что онъ, лично, противъ подобной анексіи, которую онъ считаетъ опасной авантюрой, могущей повлечь за собою самыя серьезныя осложненія. Но, весьма вѣроятно, что на предстоящемъ съѣздѣ делегацій въ Будапештѣ, вопросъ этотъ все-таки будетъ поднятъ и, быть можетъ, разрѣшенъ даже въ положительномъ смыслѣ народными представителями, преисполненными, (какъ текстуально выразился Эренталь), желаніемъ «озарить розовымъ свѣтомъ закатъ дней ихъ маститаго монарха.»

Въ завершеніе, австро-венгерскій министръ просилъ А. П. Извольскаго высказать ему свои возрѣнія по этому вопросу. Послѣдній, какъ онъ мнѣ передалъ, отвѣтилъ ему: — «Конечно, поднятіе этого вопроса крайне нежелательно. Но войны изъ него мы не объявимъ, а потребуемъ соотвѣтствующихъ компенсацій».

Затѣмъ министръ сообщилъ Эренталю характеръ нашихъ требованій, а именно: признаніе болгарской независимости, земельныя уступки въ пользу Черногоріи, выходъ Сербіи къ Адріатическому морю и разрѣшеніе вопроса о проливахъ въ желательномъ для Россіи смыслѣ. Графъ Эренталь поспѣшилъ въ принципѣ согласиться съ программой нашего министра. Главное имъ было достигнуто: онъ узналъ, что Россія изъ-за анексіи къ военнымъ репрессивнымъ мѣрамъ не прибѣгнетъ и что, поэтому, руки у него развязаны.

Я не скрылъ отъ А. П. моихъ опасеній, выразивъ сомнѣніе, не слишкомъ ли откровенно онъ раскрылъ свои карты передъ извѣстнымъ своей ловкостью австрійскимъ собесѣдникомъ.

— Имѣй я за собою реальную силу, я-бы, конечно, протестовалъ, — возразилъ онъ. — Протестъ же, не опирающійся на армію и флотъ, привелъ бы насъ лишь къ полному дипломатическому пораженію, чего я желаю избѣжать.

Министръ заключилъ свою со мной бесѣду просьбой отправить въ «Новое Время» телеграмму съ цѣлью «подготовить» русское общественное мнѣніе къ возможности боснійской анексіи.

— Наврядъ-ли я могу исполнить ваше желаніе, — возразилъ я. — Если бы я ссылался въ столь неожиданномъ сообщеніи на бесѣду «съ государственнымъ дѣятелемъ въ Тегернзе» то было бы слишкомъ ясно, что я подъ этимъ подразумѣваю именно васъ, чего вы покуда, насколько я васъ понялъ, желали бы избѣжать. Съ другой стороны, извѣстіе столь первостепенной важности безъ указанія мною источника моихъ свѣдѣній, по всѣмъ вѣроятіямъ, напечатано не будетъ.

Я предложилъ министру воспользоваться Русскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ, на что министръ согласился и просилъ меня составить текстъ телеграммы. На слѣдующій день А. П. Извольскій собственноручно сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія и я послалъ означенную телеграмму при письмѣ на имя второго секретаря нашего посольства въ Берлинѣ, фанъ-деръ Флита, для передачи представителю Россійскаго Телеграфнаго Агентства Маркову, сообщивъ ему довѣрительно объ источникѣ моихъ свѣдѣній. Телеграмма эта появилась въ русской печати и облетѣла немедленно газеты всего свѣта. Въ Петербургѣ она произвела впечатлѣніе разорвавшейся бомбы и подала поводъ къ ожесточенной кампаніи противъ Эренталя и нашего министра.

27-го сентября я вновь посѣтилъ А. П. Извольскаго. Я спросилъ его, заручился ли онъ мнѣніемъ прочихъ европейскихъ кабинетовъ. Извольскій отвѣчалъ, что онъ вполнѣ увѣренъ въ поддержкѣ Рима, Парижа и Лондона. Что-же касается до Берлина, то германская дипломатія, сказалъ онъ, несомнѣнно будетъ идти рука объ руку съ австрійской, а, слѣдовательно, съ графомъ Эренталемъ, съ которымъ онъ уже успѣлъ вступить въ соглашеніе въ Бухлау.

Конечно, министръ не замедлилъ доложить Государю о своихъ переговорахъ и планахъ и просилъ высочайшаго разрѣшенія лично посѣтить главные европейскіе центры для окончательнаго разрѣшенія анексіоннаго вопроса. Государь соизволилъ отвѣтить согласіемъ и 29-го сентября А. П. Извольскій отправился въ путь.

Первымъ этапомъ его былъ Пьемонтскій замокъ Ракониджи близъ Турина, въ которомъ пребывала въ то время итальянская королевская чета. Министра сопровождала его супруга. Король и королева приняли Извольскихъ въ высшей степени радушно. Министру былъ пожалованъ высшій орденъ Маврикія и Лазаря, а М. К. Извольская была

обласкана королевой. Польщенный пріемомъ и вполнѣ довольный своими переговорами, Извольскій отправился въ Парижъ, куда и прибылъ перваго октября 1908 года.

Принимая его въ тотъ же день, министръ иностранныхъ дѣлъ Стефанъ Пишонъ не скрылъ отъ него, что, согласно полученнымъ имъ отъ французскихъ представителей на Балканахъ сообщеніямъ, анексія Босніи и Герцоговины въ принципѣ уже рѣшена и что ей будетъ предшествовать провозглашеніе независимости Болгаріи съ Царемъ Фердинандомъ во главѣ. Извольскій отнесся скептически къ этимъ извѣстіямъ, несмотря на всецѣло ихъ подтверждавшую телеграмму посланника нашего въ Софіи Д. К. Сементовскаго-Курило. Министръ не допускалъ, чтобы его, столь тонкаго дипломата, такъ грубо обошелъ какой то графъ Эренталь.

Однако, вечеромъ того же дня, онъ получилъ новую телеграмму отъ Сементовскаго, извѣщавшую его о предстоящемъ уже на слѣдующій день провозглашеніи Фердинанда Царемъ Болгарскимъ, что было подтверждено и нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, къ которому за свѣдѣніями министръ обратился. Посолъ прибавлялъ, что вслѣдъ за этимъ провозглашеніемъ послѣдуетъ и указъ объ анексіи Босніи и Герцоговины. Такъ оно и случилось. Второго октября Фердинандъ объявилъ себя независимымъ Царемъ Болгарскимъ, а 4-го октября обнародованъ былъ вышеупомянутый указъ.

Стало яснымъ, что ловкій графъ Эренталь по просту обманулъ Извольскаго и, что, когда онъ, повидимому совершенно откровенно бесѣдовалъ съ нимъ въ Бухлау, въ рукахъ австрійскаго дипломата уже находилось готовое соглашеніе съ Болгарскимъ княземъ. Конечно, если бы Извольскій не заявилъ ему, что анексія ни въ коемъ случаѣ не вызоветъ съ нашей стороны объявленія войны, Эренталь не рѣшился бы дѣйствовать столь рѣшительно, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ увѣренъ въ поддержкѣ со стороны Германіи, въ то время къ войнѣ не подготовленной. Но нашъ министръ упростилъ ему его игру и своей откровенностью развязалъ ему руки. Кромѣ того, вывѣдавъ отъ него въ чемъ заключаются наши требованія о компенсаціяхъ, Эренталь послѣшилъ самъ забѣжать впередъ и повелъ свое дѣло такъ, что Болгарія получала свою независимость не изъ нашихъ, а изъ австрійскихъ рукъ.

Что-же касается прочихъ нашихъ требованій, то Эренталь передавалъ ихъ на обсужденіе заинтересованныхъ европейскихъ кабинетовъ и, пользуясь допущенной Извольскимъ проволочкой времени, сталъ интриговать противъ ихъ проведенія на практикѣ.

Не скрывая своего глубокаго возмущенія вѣроломствомъ австрійскаго дипломата, А. П. Извольскій рѣшилъ тѣмъ не менѣе продолжать свои переговоры. Парижскій кабинетъ обѣщалъ ему свою посильную поддержку, но въ Лондонѣ его ожидало полное разочарованіе. Ему было заявлено, что напримѣръ для рѣшенія вопроса о проливахъ, необходимо

время для подготовленія англійскаго общественнаго мнѣнія, что было равносильно вѣжливому отказу.

Изъ Лондона министръ отправился въ Берлинъ, предварительно запросивъ графа Остенъ-Сакена о днѣ и часѣ, въ который Императору Вильгельму благоугодно будетъ его принять. Я уже упоминалъ о томъ, что Кайзеръ не чувствовалъ къ нашему министру особыхъ симпатій, и, конечно, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы больно уколоть его самолюбіе, тѣмъ болѣе, что ему былъ извѣстенъ неуспѣхъ Извольскаго въ Лондонѣ и это еще болѣе облегчало его задачу. Въ своемъ отвѣтѣ нашему послу, князь Бюловъ увѣдомлялъ его, что Императоръ приметъ министра послѣ празднествъ въ честь бракосочетанія его сына Августа Вильгельма и Извольскому пришлось дожидаться цѣлую недѣлю въ Баденъ-Баденѣ окончанія этихъ празднествъ. Едва-ли бы германскій Императоръ позволилъ себѣ такъ поступать съ россійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ во времена Императора Александра III...

Я былъ въ это время въ Берлинѣ и, благодаря моимъ стариннымъ связямъ, прекрасно былъ освѣдомленъ объ истинномъ настроеніи германскихъ политическихъ круговъ. Мнѣ было извѣстно, что до войны нѣмцы никоимъ образомъ не довели-бы, но склонны были, использовать смѣлое Эренталевское выступленіе и растерянность нашей дипломатіи, чтобы принять мѣры къ нанесенію Россіи дипломатическаго пораженія.

Наканунѣ пріѣзда Извольскаго, помянутый мною выше Штейнъ, редакторъ «Франкфуртской газеты», человѣкъ близкій Бюлову, сообщилъ мнѣ, что Кайзеръ будетъ избѣгать вступать съ нашимъ министромъ въ политическій разговоръ, о чемъ я не замедлилъ сообщить ему. Извольскій отнесся къ моимъ свѣдѣніямъ недовѣрчиво. Между тѣмъ они полностью оправдались: за завтракомъ въ честь Извольскаго во дворцѣ, Императоръ говорилъ съ нимъ на всевозможныя темы, но тщательно уклонялся отъ темъ политическихъ.

Послѣ параднаго обѣда въ посольствѣ, когда до отхода поѣзда оставалось не болѣе часу, князь Бюловъ заговорилъ наконецъ съ нимъ объ анексіи и ея послѣдствіяхъ. По вопросу о компенсаціяхъ, канцлеръ заявилъ, что вопросъ этотъ для Германіи является второстепеннымъ и, въ концѣ концовъ, посовѣтовалъ нашему министру вступить въ переговоры по поводу анексіи съ Вѣной. Пораженіе бѣднаго Извольскаго сдѣлалось полнымъ.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ засталъ направленную противъ него печатную кампанію въ полномъ разгарѣ. Скрѣпя сердце, онъ попробовалъ было вступить въ переговоры съ ненавистнымъ ему Эренталемъ. Но послѣдніе затянулись и, въ концѣ концовъ, въ началѣ марта 1909 года, къ нему явился германскій посолъ графъ Пурталесъ съ совѣтомъ, напоминавшимъ по формѣ своей ультиматумъ: окончить переговоры простымъ признаніемъ совершившагося факта анексіи безъ какихъ бы то ни было ком-

пенсацій. Извольскій принужденъ былъ согласиться, что равносильно было его паденію. Его погубили его самомнѣніе и снобизмъ. Но, приблизительно, лишь годъ спустя, онъ подалъ въ отставку и былъ назначенъ посломъ въ Парижъ.

Основываясь исключительно на плачевной роли, разыгранной министромъ въ Боснійскомъ кризисѣ, несправедливо было бы судить обо всей его дѣятельности. А. П. Извольскій, несмотря на крупные свои недостатки, имѣлъ много задатковъ недюжиннаго дѣятеля. Наслѣдство, полученное имъ послѣ русско-японской войны, было крайне тяжелое. Германія явно играла двойную роль и ему приходилось искать политическихъ комбинацій для парализованія этой игры. Его считаютъ однимъ, если не главнымъ, изъ дѣятелей, приведшихъ Европу къ міровой войнѣ. Быть можетъ, что уязвленный въ своемъ безграничномъ самолюбіи австро-германской дипломатіей, онъ натягивалъ струну и зашелъ слишкомъ далеко.

Говорятъ, между прочимъ, что подписывая свое согласіе на анексію, онъ сказалъ, будто бы австро-венгерскому послу: «Анексія будетъ гробомъ Габсбургской монархіи».

Но на мой взглядъ, войны едва ли можно было избѣжать послѣ анексіи бывшей ея прелюдіей, почему я и позволилъ себѣ такъ подробно остановиться на этомъ вопросѣ. Всѣ послѣдовавшія событія вытекали изъ этого, противнаго всѣмъ существовавшимъ договорамъ, «австрійскаго грабежа». Извольскій же имѣлъ всѣ шансы что-бы избѣжать дипломатическаго пораженія. Ему надлежало, послѣ Бухлауской бесѣды, не разыгрывая роли знатнаго путешественника, вернуться въ Петроградъ и разослать оттуда, переговоривъ съ Государемъ, всѣмъ представителямъ нашимъ за границей циркулярную ноту съ заявленіемъ, что, разъ Австро-Венгрія нарушаетъ Берлинскій договоръ, послѣдній болѣе не обязателенъ и для насъ. Въ такомъ случаѣ, мы бы заняли позицію неприступную, а, буде вопросъ былъ бы перенесенъ на обсужденіе державъ, мы, благодаря нашимъ союзамъ и соглашеніямъ, могли бы разсчитывать на извѣстное большинство голосовъ. Съ другой стороны, если министръ настаивалъ на своей заграничной поѣздкѣ, ему слѣдовало начать ее съ Берлина и искать благопріятнаго намъ разрѣшенія вопроса въ поддержкѣ Императора Вильгельма при посредствѣ вліятельнаго въ германской столицѣ графа Остенъ-Сакена. Но, повторяю, министра погубило его безграничное самомнѣніе. Его прельщали дешевые лавры въ Раконіджи, онъ хотѣлъ о д и н ъ, безъ всякой посторонней поддержки, разрѣшить вопросъ о проливахъ, ему снился титулъ «князя Босфорскаго», которымъ его, шутя, окрестили въ Петербургскихъ салонахъ...

За свою самонадѣянность онъ поплатился портфелемъ, Россія же — цѣпью осложненій, приведшихъ, въ концѣ концовъ, нашу несчастную родину къ міровой войнѣ и революціи.

Уязвленный въ своемъ самолюбіи австро-венгерской дипломатіей, озлобленный на Германію, которую онъ обвинялъ въ своемъ пораженіи въ боснійскомъ вопросѣ, А. П. Извольскій прибылъ въ Парижъ въ самомъ враждебномъ къ Центральнымъ Имперіямъ настроеніи. Когда возгорѣлся міровой пожаръ, онъ гордо воскликнулъ: «это *моя* война». Впослѣдствіи онъ раскаялся въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Посѣтивъ бывшаго посла нашего въ Вашингтонѣ барона Р. Р. Розена въ его помѣщеніи въ СПБ. Яхтъ-клубѣ, послѣ революціи, на замѣчаніе послѣдняго: «хорошихъ вы дѣлъ надѣлали...» — Извольскій залился слезами. Но отъ слезъ его Россіи стало не легче. Имена Извольскаго и его преемника Сазонова останутся роковыми въ исторіи нашей многострадальной родины...

Глава VI.

С. Д. Сазоновъ.

Гонимый своими недоброжелателями и подвергаясь ожесточеннымъ нападкамъ со стороны отечественной печати, А. П. Извольскій выбралъ себѣ въ товарищи С. Д. Сазонова, въ надеждѣ укрѣпить свое положеніе поддержкою всемогущаго въ то время П. А. Столыпина, зятя Сазонова по его супругѣ, рожденной Нейдгардтъ. Надежды эти не оправдались. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Извольскій былъ назначенъ посломъ въ Парижъ и въ обязанности министра иностранныхъ дѣлъ вступилъ С. Д. Сазоновъ.

Дипломатическій багажъ новаго министра былъ крайне несложный. Послѣ трехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ канцеляріи министерства, онъ былъ вторымъ секретаремъ нашего посольства въ Лондонѣ, затѣмъ секретаремъ при Ватиканѣ, когда миссіей при Св. Отцѣ управлялъ Извольскій. Оттуда онъ былъ вновь переведенъ въ Лондонъ въ качествѣ совѣтника и, наконецъ, назначенъ министромъ-резидентомъ при Ватиканѣ. Въ Римѣ онъ женился на Аннѣ Борисовнѣ Нейдгардтъ, сестрѣ Ольги Борисовны Столыпиной, что и положило главное основаніе его дальнѣйшей карьерѣ.

Я прекрасно зналъ С. Д. Сазонова, проведя съ нимъ болѣе года въ канцеляріи министерства. Мы были въ одно и то же время назначены камергерами Высочайшаго Двора и оба присутствовали въ Москвѣ при посѣщеніи царской четой Первопрестольной Столицы, въ мартѣ 1899 года.

Будучи безспорно неглупымъ, Сазоновъ уступалъ однако въ значительной степени по уму и дарованіямъ своему предшественнику. Главнымъ недостаткомъ его было полное отсутствіе опытности, которую онъ и не могъ пріобрѣсти витая исключительно между Римомъ и Лондономъ. Въ началѣ своей новой дѣятельности онъ отличался скромностью и слѣдовалъ совѣтамъ своего зятя, П. А. Столыпина. Но

впослѣдствіи онъ оперился, сталъ упрямымъ и возомнилъ себя великимъ государственнымъ дѣятелемъ. Ему въ особенности вскружили голову его успѣхи въ Думѣ. Кадетская партія желая, конечно, его использовать, создала ему репутацію либерала и крупнаго дѣятеля, ловкости котораго, Россія, будто-бы, исключительно обязана была вступленіемъ Англіи и Италіи въ анти-германскую коалицію. Каждый разъ, когда Сазоновъ появлялся на Думской трибунѣ, его встрѣчалъ громъ рукоплесканій лѣвыхъ партій и онъ окончательно потерялъ голову. Онъ пересталъ считаться съ мнѣніемъ наиболѣе опытныхъ и выдающихся нашихъ заграничныхъ представителей. Посолъ нашъ въ Константинополѣ, престарѣлый, умный А. Зиновьевъ говорилъ мнѣ: «Я совсѣмъ не вижу больше господина Сазонова. Да оно и ни къ чему, — вѣдь онъ болѣе не разговариваетъ: онъ декретируетъ».

Но, какъ оно ни странно, министръ, не ставя ни во что мнѣніе нашихъ собственныхъ представителей, съ особой легкостью подпадалъ подъ вліяніе представителей иностранныхъ и думскихъ дѣятелей.

Англійскій посолъ, сэръ Джорджъ Бьюкэненъ и П. Н. Милюковъ сдѣлались главными его вдохновителями. По отношенію къ Англіи онъ слѣдовалъ по стопамъ Извольскаго, но, принужденный считаться съ Германіей, заключалъ съ этой державой крайне невыгодныя для насъ соглашенія, вродѣ помянутаго выше договора по Персидскимъ дѣламъ.

Его неопытность и несчастная самоувѣренность съ особеннымъ блескомъ отразились на его балканской политикѣ.

Въ апрѣлѣ 1912 года, Сербія и Болгарія заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ, получившій санкцію нашей дипломатіи; цѣль этого союза, направленнаго явно противъ Турціи, ясна была даже непосвященному въ закулисныя стороны дипломатической игры.

Въ это время мнѣ пришлось быть въ Бѣлградѣ и Софіи въ качествѣ корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей», куда я перешелъ изъ «Новаго Времени». Изъ моихъ бесѣдъ съ королевичемъ Александромъ Сербскимъ, Н. П. Пашичемъ, особенно же изъ моихъ разговоровъ съ нашимъ посланникомъ въ Бѣлградѣ, Н. Г. Гартвигомъ, наиболѣе освѣдомленнымъ балканскимъ дипломатомъ — я убѣдился, что Сербія и Черногорія наканунѣ выступленія противъ Греціи и что въ Софіи только ждутъ сербскаго сигнала, дабы послѣдовать ихъ примѣру.

Замѣчу, что, за время пребыванія моего въ Софіи, убѣжденіе мое еще болѣе окрѣпло. Я послалъ поэтому 24 іюля 1912 года въ «Биржевыя Вѣдомости» телеграмму, въ которой я утверждалъ, что война въ принципѣ рѣшена и что военныя дѣйствія начнутся не позже перваго октября, что, какъ извѣстно, и случилось: второго октября 1912 года послѣдовалъ первый выстрѣлъ со стороны Черногоріи. Я не ставлю себѣ моего предвидѣнія обстоятельствъ въ особенную заслугу. Дѣло въ томъ, что зять мой, Д. К. Сементовскій былъ

нѣсколько лѣтъ посланникомъ въ Софіи, пользуясь исключительнымъ вліяніемъ при Царѣ Фердинандѣ и всеобщимъ уваженіемъ болгарскихъ политическихъ круговъ. Поэтому и я, со своей стороны, былъ интимно вхожъ къ Болгарскому Царю, котораго я, впрочемъ, зналъ еще раньше, въ бытность мою въ Мюнхенѣ и Берлинѣ. Вполнѣ понятно, что, по пріѣздѣ въ Софію, я поспѣшилъ расписаться во дворцѣ. Не прошло двухъ часовъ, какъ ко мнѣ явился директоръ особой царской канцеляріи Добровичъ, правая рука царя, поздравить меня отъ имени послѣдняго съ пріѣздомъ. Добровичъ прибавилъ, что Царь Фердинандъ непремѣнно желаетъ меня видѣть и приказалъ поэтому спросить меня, какъ долго я намѣренъ пробыть въ Софіи. Зная слабыя струны болгарскаго царя я отвѣчалъ:

— «Прошу васъ передать Его Величеству, что для того, чтобы имѣть честь быть принятымъ имъ, я готовъ провести въ Софіи недѣли, мѣсяцы, а, буде потребуется — и умереть въ Болгаріи»...

Черезъ нѣсколько дней, Добровичъ вновь посѣтилъ меня. Онъ передалъ мнѣ, что царь приметъ меня въ самые ближайшіе дни, при условіи, чтобы бесѣда моя съ нимъ не сдѣлалась достояніемъ печати. Когда я высказалъ Добровичу мое глубокое разочарованіе, послѣдній, въ концѣ концовъ, согласился на напечатаніе предстоящей бесѣды въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», но съ тѣмъ, чтобы статья моя прошла черезъ его цензуру.

Царь Фердинандъ принялъ меня совершенно запросто, въ присутствіи лишь царицы Элеоноры. Пріемъ отличался крайнимъ радушіемъ. Царь вспоминалъ наши прежнія встрѣчи въ Мюнхенѣ, Байрейтѣ и Берлинѣ, упомянулъ особенно тепло о покойномъ князѣ Лобановѣ, разспрашивалъ о Государѣ и о графѣ Остенъ-Сакенѣ, говорилъ о наукахъ, поэзіи и музыкѣ, словомъ затрагивалъ самыя разнообразныя темы, тщательно избѣгая однако наиболѣе меня интересовавшую — о современномъ политическомъ положеніи. И только въ концѣ нашей двухчасовой бесѣды, когда я уже откланивался, Фердинандъ спросилъ меня: «Вы вѣдь сюда пріѣхали прямо изъ Бѣлграда? Каковы ваши тамошнія впечатлѣнія?»

Я отвѣчалъ, что взоры сербовъ направлены на Софійскій дворецъ. — «Въ Бѣлградѣ», — прибавилъ я, — «достаточно поговорить съ княжичемъ Александромъ, Пашичемъ и Гартвигомъ, чтобы дать себѣ ясный отчетъ о положеніи. Въ Софіи же — дѣло обстоитъ иначе. Я бесѣдовалъ по меньшей мѣрѣ съ дюжиной болгарскихъ политическихъ дѣятелей, но они всѣ различнаго мнѣнія и я отъ этихъ бесѣдъ освѣдомленнѣе не сдѣлался».

Фердинандъ улыбнулся и обратился къ королевѣ: «Вы слышите, Madame», — сказалъ онъ, — «что говоритъ баронъ. Да, вы правы, съ моими болгарами дѣло дѣлать не легко».

Несмотря на всю сдержанность царя, я тѣмъ не менѣе вынесъ изъ моей съ нимъ бесѣды полное убѣжденіе, что и въ Софіи война дѣло рѣшенное.

Во время появленія моей телеграммы въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», С. Д. Сазонова въ Петроградѣ не было. Онъ объѣзжалъ нѣкоторыя европейскія столицы. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что безъ его разрѣшенія, балканскія государства объявлять войну Турціи не рискнутъ. Такъ напримѣръ на вопросъ посла нашего въ Берлинѣ С. Н. Свербеева, Сазоновъ отвѣчалъ: «они не посмѣютъ» ‹Ils n'oseront jamais›. Узнавши же нѣсколько дней спустя, что война объявлена, онъ воскликнулъ: «они проскользнули у меня между рукъ» ‹Ils m'ont échappé›. — Подробности эти мнѣ передалъ С. Н. Свербеевъ.

По возвращеніи Сазонова въ Петроградъ, я случайно встрѣтился съ нимъ на станціи желѣзной дороги въ Царскомъ Селѣ. Министръ пригласилъ меня въ свое купэ.

— Откуда вы почерпнули ваши свѣдѣнія — неожиданно спросилъ онъ меня.

— Вы очень удивитесь, Сергѣй Дмитріевичъ, — возразилъ я, — если я вамъ откровенно признаюсь, что свѣдѣнія мои я получилъ изъ тѣхъ же источниковъ, которыми пользовались и вы. Вся разница въ томъ, что вы довѣряли Неклюдову (преемнику Сементовскаго въ Софіи), такъ какъ его донесенія отвѣчали вашимъ пожеланіямъ, я-же вполнѣ довѣрился опытности Гартвига.

Надо, однако, отдать нѣкоторую справедливость С. Д. Сазонову: онъ съумѣлъ локализировать войну и предотвратить всеобщій пожаръ въ Европѣ.

Опираясь на союзъ съ Франціей онъ принудилъ Вѣнскій Кабинетъ признать: 1. безучастность европейскихъ великихъ державъ къ войнѣ и 2. отсутствіе территоріальныхъ ограниченій въ способахъ веденія войны заинтересованными въ ней государствами. ‹Désinteressement en non limitation du théatre de la guerre.›

Австро-Венгрія обязалась, сверхъ того, очистить Санджакъ, занятый ею со времени боснійской анексіи, что позволяло сербамъ соединить свои боевыя силы съ черногорскими. Ясно было, что какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Вѣнѣ убѣждены были въ разгромѣ Турціей балканскихъ союзниковъ. Но когда случилось обратное и когда побѣдоносныя сербскія войска появились на Адріатическомъ побережьи, въ Вѣнѣ забили тревогу. Графъ Берхтольдъ немедленно предложилъ созвать европейскую конференцію для обсужденія создавшагося положенія и Сазоновъ имѣлъ неосторожность согласиться на предложеніе австро-венгерскаго министра. Это было его крупной ошибкой въ длинной вереницѣ его послѣдующихъ промаховъ. Конференція состоялась въ Лондонѣ и рѣшено было: 1. принудить черногорцевъ очистить Скутари, занятый ими съ боя, 2. создать независимое Албанское княжество съ нѣмецкимъ княземъ Видомъ во главѣ и 3. заставить сербовъ покинуть Адріатическое побережье.

Получилось слѣдующее положеніе: сербы отошли отъ Адріатики и заняли часть Македоніи. Въ Болгаріи обвинили

сербовъ въ измѣнѣ союзникамъ и въ 1913 году разгорѣлась, къ немалому удовлетворенію австро-венгерской дипломатіи, вторая братоубійственная балканская война.

Престарѣлый предсѣдатель Совѣта Министровъ, И. Л. Горемыкинъ, открыто осуждалъ политику Сазонова въ этомъ вопросѣ.

— Зачѣмъ только понадобилось ему ѣхать въ Лондонъ, — говорилъ онъ. — Если-бъ я былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и имѣлъ бы въ моихъ рукахъ довоенный договоръ нашъ съ Австріей, я бы на конференцію никогда не согласился. Я-бы попросту заявилъ европейскимъ дипломатамъ, въ частности графу Берхтольду: «Господа, не мѣшайте славянамъ и туркамъ рѣзать другъ друга. А когда это занятіе имъ наконецъ надоѣстъ и они заключатъ миръ, тогда и только тогда наступитъ моментъ созвать конференцію и повергнуть условія этого мира на обсужденіе Европы.»

Я позволилъ себѣ спросить Ивана Логиновича, сообщалъ ли онъ свои взгляды Государю. Премьеръ отвѣчалъ отрицательно. «Рѣшеніе вопросовъ внѣшней политики не входитъ въ область моихъ обязанностей» — прибавилъ онъ.

Со своей стороны критиковалъ С. Д. Сазонова и графъ Витте. Но какъ Горемыкинъ, по своей чрезмѣрной корректности, такъ и Витте, вслѣдствіе потери имъ вліянія при Дворѣ — создавшихся условій не измѣнили. Государь согласился съ Сазоновымъ, который, такимъ образомъ, остался хозяиномъ положенія и сразу же дѣлалъ вторую, еще болѣе грубую и пагубную для международнаго престижа Россіи, ошибку. Въ стремленіи предотвратить братоубійственную войну, онъ уговорилъ Государя лично вмѣшаться въ сербоболгарскую распрю. Послѣдовала Высочайшая телеграмма на имя Короля Сербскаго и Царя Болгарскаго. Но къ практическимъ результатамъ она не привела, а только нанесла чувствительный ударъ престижу Русскаго Царя въ славянскомъ мірѣ и Европѣ.

Вторая Балканская война окончилась въ началѣ 1914 года Бухарестскимъ миромъ. Извѣстный французскій историкъ, мой пріятель Шерадамъ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «Панъ-германизмъ безъ маски» (Le complot pangermanique démasqué) находитъ Бухарестскій мирный договоръ вполнѣ удачнымъ. Позволю себѣ не раздѣлять мнѣнія почтеннаго историка. На мой взглядъ, трактатъ этотъ не удовлетворилъ ни одной изъ договаривавшихся сторонъ. Сербія не получила желательнаго выхода къ Адріатическому морю. Греція не удовлетворена была своими Македонскими пріобрѣтеніями, Румынія — оскорблена пріостановкой побѣднаго шествія ея войскъ на Софію. Болгарія лишилась всѣхъ своихъ недавнихъ пріобрѣтеній и обвиняла нашу дипломатію во вмѣшательствѣ Румыніи въ войну.

Бухарестскій миръ былъ всецѣло созданіемъ Сазонова. Онъ, повидимому, видѣлъ въ немъ лишь желательную передышку. Между тѣмъ, при помощи Франціи и Англіи, вполнѣ возможно было установить на Балканскомъ полуостровѣ

болѣе прочныя условія. Въ нашихъ рукахъ имѣлись для этого крупные козыри, т. к. Англія и Франція, не будучи прямо заинтересованными въ Балканскомъ дѣлѣ, передали ихъ иниціативу русскому министру. Натолкнувшись на сопротивленіе Болгаріи въ своихъ усиліяхъ мирнаго разрѣшенія сербо-болгарской распри, Сазоновъ имѣлъ очевидно ввиду замѣнить Болгарію, которая до тѣхъ поръ считалась въ сферѣ нашего вліянія на Балканахъ, Румыніей и, увлекаясь своей мыслью, допустилъ расчлененіе Болгаріи, что повлекло впослѣдствіи весьма печальныя для насъ послѣдствія въ міровой войнѣ.

Перваго іюня 1914 года Государь посѣтилъ Короля Карла Румынскаго въ Констанцѣ. Мнѣ пришлось присутствовать при этомъ свиданіи, опять же въ качествѣ представителя «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Я уже ранѣе былъ знакомъ и поддерживалъ хорошія отношенія со многими румынскими государственными дѣятелями, какъ напр. Ал. Маргиломаномъ, Филипеску, Такеіонеску, княземъ М. Кантакузеномъ и др. Отъ нихъ я узналъ, что Король Карлъ обязался не возобновлять военной конвенціи, заключенной имъ въ свое время съ монархіей Габсбурговъ, вслѣдствіе чего послѣдняя утрачивала на Балканахъ цѣннаго союзника, котораго впрочемъ австрійской дипломатіи удалось съ успѣхомъ замѣнить впослѣдствіи Болгаріей.

Изъ Констанцы я отправился въ Бухарестъ, а оттуда въ Будапештъ и въ Вѣну. Въ Венгерской столицѣ я видѣлся съ премьеромъ графомъ Тиссой, графомъ Бадени, извѣстнымъ руссофиломъ мечтавшимъ о союзѣ съ нами, графомъ Аппони и другими венгерскими государственными дѣятелями, а въ Вѣнѣ посѣтилъ моего стараго сослуживца графа Форгача, бывшаго въ то время австро-венгерскимъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ.

Изъ всѣхъ этихъ бесѣдъ я вынесъ убѣжденіе, что какъ въ Будапештѣ, такъ и въ Вѣнѣ господствуетъ крайнее озлобленіе противъ Сербіи и что австро-венгерская дипломатія не преминетъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы «проучить» опасную для монархіи Габсбурговъ сосѣдку... Поэтому, узнавъ на возвратномъ пути, 28 іюня 1914 г., объ убійствѣ Эрцгерцога Фердинанда и его супруги въ Сараево, я былъ убѣжденъ, что Европѣ несомнѣнно предстоятъ серьезныя осложненія. Но въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ придерживались иного мнѣнія. Такъ, напримѣръ, товарищъ министра А. А. Нератовъ, зная подробности «воинственнаго» свиданія между Императоромъ и покойнымъ Эрцгерцогомъ въ замкѣ послѣдняго Конопиштѣ, выражалъ увѣренность, что, съ кончиной его, въ Европѣ наступитъ эра успокоенія. Весьма вѣроятно, что и С. Д. Сазоновъ, придерживался одинаковаго съ нимъ мнѣнія.

Послѣ объявленія войны, въ Думѣ состоялось торжественное засѣданіе, на которомъ присутствовали представи-

тели союзныхъ и дружественныхъ Россіи державъ. При своемъ появленіи, Сазоновъ былъ встрѣченъ такимъ громомъ рукоплесканій, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ прочесть своей рѣчи. Милюковскіе клакеры прекрасно дѣлали свое дѣло... Сазоновъ же послѣ этой оваціи еще болѣе возмечталъ, вообразилъ себя крупнѣйшимъ дипломатомъ и еще болѣе сталъ считать себя непогрѣшимымъ.

Бѣглый взглядъ на вѣроятный театръ предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій устанавливалъ ту серьезную роль, которая выпадала на долю Сербіи въ міровой войнѣ. Сербія служила какъ-бы барьеромъ между центральными имперіями и Турціей и, съ ея 400 000-ой храброй арміей, являлась серьезной угрозой австро-венгерскому тылу. Кромѣ того, находясь на пути Салоники — Дунай — Россія, Сербія становилась главной транзитной артеріей для доставленія намъ отъ нашихъ союзниковъ недостающаго боевого матеріала. Казалось поэтому, что, усилія нашей дипломатіи, въ первую голову, должны были бы быть направлены на возможное укрѣпленіе сербской позиціи. Для этого надлежало напречь всѣ усилія, дабы во первыхъ, вовлечь въ войну Грецію, а буде возможно и Румынію, во вторыхъ, выяснить позицію Болгаріи и, по меньшей мѣрѣ, обезспечить себѣ ея нейтралитетъ и, наконецъ, въ третьихъ — всѣми средствами способствовать, соединенію сербской арміи съ итальянскими военными контингентами.

Къ несчастію, дипломатія наша не проявила достаточной энергіи ни въ одномъ изъ этихъ вопросовъ. Греція находилась съ Сербіей съ 1913 года въ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ, хотя и направленномъ въ то время какъ-бы исключительно противъ Болгаріи, но который могъ и долженъ былъ бы быть использованнымъ и въ міровой войнѣ. Въ договорѣ опредѣленно значилось, что въ случаѣ нападенія на Сербію третьей державы, Греція обязана была выступить ей на подмогу со всѣми своими сухопутными и морскими силами. Но Король Константинъ, женатый на сестрѣ Императора Вильгельма, руководствовался въ своей политикѣ преимущественно своими родственными связями. Онъ сдѣлался совершеннымъ нѣмцемъ и свой германскій фельдмаршальскій жезлъ цѣнилъ едва-ли не выше скипетра греческаго Короля. Въ своемъ упорствѣ не выступать противъ своихъ берлинскихъ родственниковъ, онъ не признавалъ обязанностей, возложенныхъ на Грецію сербо-греческимъ договоромъ и когда Венизелосъ осмѣлился ему ихъ напомнить, Король уволилъ его, замѣнивъ послушными своей волѣ креатурами.

Принявъ къ свѣдѣнію все вышеизложенное было ясно, что на Короля необходимо было произвести немедленное и серьезное давленіе со стороны союзниковъ. Въ Парижѣ это прекрасно понимали. Но, какъ въ Петроградѣ, такъ и Лондонѣ, династическія соображенія одержали верхъ. Братья Короля работали въ этомъ направленіи — Принцъ Христоферъ — въ Англіи, а Принцъ Николай, женатый на Великой

Княжнѣ Еленѣ Владиміровнѣ — въ Россіи и, какъ сэръ Эдуардъ Грей, такъ и С. Д. Сазоновъ принуждены были подчиняться ихъ вліянію.

Острова Архипелага служили плацдармомъ нашимъ противникамъ и станціей для германскихъ подводныхъ лодокъ. Нѣкій баронъ Шенкъ, германскій представитель въ Аѳинахъ, сталъ центромъ нѣмецкой интриги въ Греціи и наводнялъ Болгарію своими эмиссарами. Кончилось тѣмъ, что Венизелосу пришлось бѣжать изъ Аѳинъ, а находившіеся въ греческой столицѣ французскіе моряки были злодѣйски умерщвлены. И тогда только союзная дипломатія рѣшилась наконецъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Королю пришлось покинуть свою страну, Венизелосъ вернулся и Греція вмѣшалась въ войну на сторонѣ союзниковъ.

Но было уже поздно: Сербія перестала существовать.

Такой-же, по меньшей мѣрѣ странной политики придерживались мы и по отношенію къ Румыніи. Послѣ Бухарестскаго договора, Сербо-Румынскій союзный договоръ 1913 года автоматически прекратилъ свое существованіе. Тѣмъ не менѣе, едва ли приходится доказывать, что жизненные румынскіе интересы клонились въ сторону союзниковъ, а отнюдь не центральныхъ имперій. Входившая въ составъ Венгерскаго Королевства Трансильванія, была почти сплошь населена румынами, жаждавшими возсоединенія съ общимъ отечествомъ. Но, въ началѣ міровой войны, Румынскій престолъ занималъ еще Король Карлъ, тяготѣвшій къ Германіи и Австро-Венгріи. Несмотря на то, что на коронномъ совѣтѣ 2 августа 1914 г. большинство его членовъ высказалось за совмѣстное съ союзниками выступленіе Румыніи, Король объявилъ, что послѣдней своей уступкой онъ считаетъ объявленіе нейтралитета, иначе онъ принужденъ будетъ отречься отъ престола.

Въ это время положеніе въ Румыніи было таково: бывшій предсѣдатель Совѣта Министровъ Карпъ, извѣстный своимъ германофильствомъ, настаивалъ на союзѣ съ центральными имперіями. Александръ Маргиломанъ, также стоявшій нѣкоторое время во главѣ Румынскаго Правительства, совѣтовалъ придерживаться строгаго нейтралитета. Извѣстные государственные дѣятели Таке-Іонеску и Филипеску высказывались за выступленіе на сторонѣ союзниковъ, въ то время какъ глава либераловъ, Братіану велъ двойную игру, хотя извѣстно было, что онъ въ принципѣ солидаренъ съ Таке-Іонеску и Филипеску, но выжидаетъ лишь удобнаго момента, чтобы урвать съ союзниковъ возможно болѣе дорогую цѣну за свое выступленіе. Извѣстно было также, что теперешняя Королева Марія была всецѣло на сторонѣ послѣднихъ. «Строгій» нейтралитетъ Румыніи принялъ довольно курьезный характеръ. На самой границѣ, въ Рени мы содержали флотилію и т. наз. «Экспедицію особаго назначенія» подъ начальствомъ Свиты Е. В. контръ-адмирала Веселкина. Отправляемые нами боевые матеріали для Сербіи безпрепятственно перевозились по Дунаю на глазахъ румын-

скаго рѣчного начальства. Случалось, однако, и обратное: предметы военнаго снаряженія столь же безпрепятственно перевозились чрезъ Румынію изъ Австріи въ Турцію и въ Болгарію, опять таки на глазахъ тѣхъ же любезныхъ румынъ. Германскіе и австрійскіе офицеры сновали между Берлиномъ и Вѣной и Константинополемъ. Они нисколько не стѣсняясь разгуливали даже въ мундирахъ на улицахъ Бухареста, что, впрочемъ, практиковалось и офицерами Веселкинской эскадры. Изъ Румыніи въ Центральныя Имперіи взамѣнъ боевыхъ припасовъ, отправлялись систематически цѣлые поѣзда, нагруженные хлѣбомъ, якобы въ силу условій Австро-Румынскаго договора, заключеннаго послѣ открытія военныхъ дѣйствій, а слѣдовательно и послѣ объявленія Румыніей «строгаго» нейтралитета.

Наша дипломатія неоднократно протестовала противъ подобнаго положенія вещей, но каждый разъ Братіану пускалъ въ ходъ ту или иную оговорку, которой С. Д. Сазоновъ довольствовался. Братіану давалъ напримѣръ понять, что, отпуская съѣстные припасы въ Австрію, онъ заручался доставкой тяжелыхъ орудій и аэроплановъ для своего предстоящаго совмѣстно съ нами выступленія. Что же касается до проѣзда германскихъ и австрійскихъ офицеровъ чрезъ Бухарестъ, то Братіану нагло отрицалъ этотъ фактъ, несмотря на то, что, какъ я уже замѣтилъ, ихъ можно было видѣть чуть ли не ежедневно на улицахъ Румынской столицы. Наконецъ, подъ давленіемъ союзниковъ, Братіану объявилъ, что онъ готовъ къ выступленію, но при условіи единовременнаго выступленія Италіи. Въ подтвержденіе своего категорическаго обѣщанія, онъ отрядилъ въ Петроградъ г. Діаманди, депутата Народнаго Собранія и брата посланника при нашемъ дворѣ. Когда же Италія объявила войну, Братіану вновь уклонился, поставивъ условіемъ румынскаго выступленія соединеніе итальянскихъ военныхъ силъ съ румынскими. Подробности двойной игры румынскаго премьера доходили до меня чрезъ посредство адмирала Веселкина, гостями котораго я и жена моя были въ то время на пароходѣ «Русь», входившемъ въ составъ ввѣренной ему флотиліи. Кромѣ того я часто навѣдывался въ Бухарестъ, проведя въ общемъ въ Румыніи три съ лишнимъ мѣсяца, вплоть до самаго ея выступленія.

Пока дипломатія наша съ С. Д. Сазоновымъ во главѣ внимала голосу сирены — Братіану, военныя операціи шли своимъ чередомъ и разгромъ Сербіи сталъ свершившимся фактомъ. Она пала подъ ударами вдесятеро сильнѣйшаго врага и — подъ ударомъ, нанесеннымъ ей нашей убогой дипломатіей. А между тѣмъ въ рукахъ ея была прекрасная игра. Союзныя силы въ Салоникахъ, подъ начальствомъ ген. Саррайля постоянно возрастали и уже достигли цирфъ свыше 160 000 штыковъ и сабель. Венизелосъ реорганизовывалъ греческую армію въ Салоникахъ. Король Карлъ Румынскій скончался и преемникъ его Фердинандъ былъ, конечно, много сговорчивѣе своего покойнаго

дяди. Кромѣ того, онъ находился подъ вліяніемъ умной и энергичной Королевы Маріи, всецѣло преданной дѣлу союзниковъ. Консерваторы, со смертью Карла Перваго, утратили свое вліяніе, перешедшее къ Таке-Іонеску и къ Филипеску. Одинъ Братіану продолжалъ торговаться и упорно отказывался принимать нашихъ журналистовъ, въ томъ числѣ и меня. Что же касается до Таке-Іонеску, Филипеску и Маргиломана, то я видѣлся съ ними чуть ли не ежедневно, т. к. жена моя и я гостили нѣкоторое время у Филипеску на его виллѣ въ Синайѣ и мы зачастую завтракали запросто у Маргиломана въ его роскошномъ бухарестскомъ дворцѣ.

Послѣдній какъ-то разъ сказалъ мнѣ: «меня многіе обвиняютъ чуть ли не въ измѣнѣ за то, что я высказываюсь за нейтралитетъ. Мои политическіе противники хотятъ присоединенія не только Трансильваніи, но и Баната и Буковины. Нашъ желудокъ не въ состояніи переварить всего этого. Трансильванія гораздо культурнѣе Румыніи и, если мы присоединимъ эту провинцію, то не трансильванцы сдѣлаются румынами, а мы — трансильванцами. Кромѣ того я не вѣрю въ наши военные успѣхи и думаю, что соблюдая нейтралитетъ, мы будемъ болѣе полезны союзникамъ, чѣмъ нашимъ выступленіемъ, которое, боюсь, окончится нашимъ пораженіемъ».

Нельзя не признать, что А. Маргиломанъ оказался болѣе прозорливымъ союзной и, въ частности, нашей дипломатіи, представители которой въ Бухарестѣ отнюдь не находились на высотѣ своей задачи.

Нашимъ посланникомъ состоялъ С. А. Поклевскій-Козелъ, бывшій любимецъ Эдуарда VII, человѣкъ безспорно весьма не глупый, но поставленный въ довольно щекотливое положеніе вслѣдствіе столкновенія со своимъ первымъ секретаремъ Б. А. Арсеньевымъ. Арсеньевъ отправился съ личными объясненіями въ Петроградъ. Онъ имѣлъ серьезныя связи при дворѣ и Государь высказался въ его пользу. Но Сазоновъ, который еще по Лондону поддерживалъ съ Поклевскимъ дружескія сношенія, поспѣшилъ вызвать послѣдняго, дабы обшими силами уладить дѣло. Такъ оно и случилось: Арсеньевъ былъ отставленъ отъ должности, а Поклевскій вернулся въ Бухарестъ. Но Сазоновъ посовѣтовалъ ему, для возстановленія поколебленнаго къ нему Высочайшаго довѣрія, пустить въ ходъ всѣ пружины, чтобы во что-бы то ни стало добиться румынскаго выступленія. Зная, что рѣшающее слово принадлежитъ Братіану, Поклевскій постепенно сталъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ послѣдняго. Изъ за него, главнымъ образомъ, онъ поссорился съ адмираломъ Веселкинымъ, не довѣрявшимъ Братіану. Представительство наше въ Бухарестѣ раздвоилось. Веселкинъ и Поклевскій стали отправлять въ Петроградъ разнорѣчивыя донесенія, отъ чего русское дѣло въ Румыніи отнюдь не выигрывало.

Французскій посланникъ Блондель находился въ почти-что аналогичныхъ съ Поклевскимъ условіяхъ. Онъ зани-

малъ свое мѣсто уже слишкомъ 2 года и дочь его была замужемъ за Силистрійскимъ губернаторомъ. Онъ зналъ, что въ Парижѣ, въ принципѣ отозваніе его рѣшено, но надѣялся, что ему удастся удержаться въ случаѣ румынскаго выступленія. Понятно поэтому, что онъ во всемъ шелъ рука объ руку съ Поклевскимъ.

Англійскій посланникъ сэръ Г. Берклей не имѣлъ никакого вліянія и слѣпо слѣдовалъ за этими обоими дипломатами. Кстати замѣтить, что день его начинался съ «виски съ содою» и кончался въ клубѣ за бутылкой шампанскаго...

Таковы были иностранные партнеры Братіану въ его дипломатической игрѣ... Какъ то разъ, за завтракомъ у Поклевскаго, я возымѣлъ смѣлость критиковать послѣдняго. Надо было видѣть возмущеніе хозяина и гостей его Блонделя и Берклея. Между тѣмъ румынскій премьеръ былъ партнеромъ довольно серьезнымъ. Настоящій византіецъ, коварный и самовлюбленный, мечтающій о памятникѣ, который затмилъ бы тотъ, который воздвигнутъ въ Бухарестѣ его отцу, онъ умѣло размѣстилъ своихъ друзей по посольствамъ и назначилъ своего родственника, генерала Ильеско, полное ничтожество, начальникомъ генеральнаго штаба, ставъ такимъ образомъ чуть ли не диктаторомъ въ странѣ. Братіану, однако, переучитывалъ или вѣрнѣе не хотѣлъ учитывать истинныхъ боевыхъ силъ Румыніи. Онъ не могъ не знать того, что зналъ напр. я, простой смертный, а именно, что румынская армія, могущая дѣйствительно быть доведенной до 500 000 человѣкъ, располагаетъ снарядами всего на два мѣсяца и страдаетъ полнымъ отсутствіемъ тяжелой артиллеріи и воздушнаго флота. У Братіану была одна главная мысль: получить съ союзниковъ наивысшую плату за свое вмѣшательство въ войну. Онъ выговаривалъ уступку Трансильваніи, Баната и Буковины, намекалъ и на Бессарабію, но не заботился заручиться достаточною военной поддержкой.

За свою бытность въ Петроградѣ зимою 1916 года, бывшій военный министръ, покойный пріятель мой Г. Филипеску, прекрасно освѣдомленный объ истинномъ состояніи румынской арміи, настаивалъ на русскомъ вспомогательномъ корпусѣ въ 250 000 штыковъ и сабель при условіи, конечно, соотвѣтственнаго уменьшенія румынскихъ требованій. Но Братіану, гипнотизированный исключительно своей алчностью объявилъ, что Румынія удовольствуется поддержкой трехъ нашихъ дивизій. Кромѣ того, несмотря на очевидность, что Румыніи надлежало обратить главныя силы противъ Болгаріи, опираясь на нашъ вспомогательный отрядъ и на армію Саррайля, дабы, въ первую голову парализовать болгарскую армію, ограничившись оставленіемъ незначительныхъ силъ для защиты почти неприступныхъ карпатскихъ горныхъ проходовъ — генералъ Иліеску, желая вѣроятно угодить своему вліятельному родственнику, мечтавшему о занятіи Трансильваніи, перебросилъ главныя силы за Карпаты, оставивъ противъ болгаръ на Дунаѣ одну 9-ю дивизію въ Туртукаѣ, а въ Добруджѣ — небольшой отрядъ,

входившій въ составъ нашего вспомогательнаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Зайончковскаго. Я не разъ пробовалъ заговаривать объ опасныхъ послѣдствіяхъ этого необдуманнаго плана военныхъ дѣйствій, но не встрѣтилъ сочувствія ни со стороны Поклевскаго, ни со стороны нашего военнаго агента, генеральнаго штаба полковника Татаринова. Иначе отнесся къ моимъ опасеніямъ М. М. Веселкинъ. По его просьбѣ я письменно изложилъ мои соображенія и докладъ мой былъ посланъ Веселкинимъ генералу Брусилову и, черезъ адмирала Непенина, въ Царскую Ставку.

Помимо вышеизложенныхъ соображеній, я доказывалъ, что черезъ 2-3 мѣсяца, снаряженіе румынской арміи всецѣло ляжетъ на насъ, причемъ, располагая исключительно Мурманскимъ и Сибирскимъ желѣзнодорожными путями, мы фактически будемъ не въ состояніи помочь Румыніи въ доставленіи необходимыхъ ей боевыхъ матеріаловъ. Для рѣшенія этой задачи, необходимо — утверждалъ я — прежде всего обезпечить Румыніи сообщеніе съ Салониками, а потому, прежде всего, попытаться разгромить стоявшую на пути болгарскую армію. Но, вѣроятно, полковникъ Татариновъ, глядѣвшій на дѣло глазами Иліеско отправлялъ донесенія противуположнаго характера и голосъ мой оказался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вскорѣ, однако, событія доказали правоту моихъ взглядовъ. Румынскія главныя силы перешли черезъ Карпаты и разсѣяли слабые австрійскіе разъѣзды. Въ Бухарестѣ шумно праздновали побѣду. Газеты писали: «что такое наши войска? Люди? Нѣтъ, это не люди, а орлы».

Но, углубляясь въ Трансильванію, румынская армія попала въ западню, подстроенную ей фельдмаршаломъ Фалькенгеймомъ и «орлы» полетѣли обратно черезъ Карпаты съ такой быстротой, что отдали безъ выстрѣла всѣ неприступные горные проходы.

Тѣмъ временемъ болгары, неожиданнымъ нападеніемъ на Туртукай (командующій южной румынской арміей еще наканунѣ мирно игралъ въ карты въ Бухарестскомъ клубѣ) разгромили 9-ю дивизію, а затѣмъ разбили и незначительный отрядъ генерала Зайончковскаго, принудивъ его къ поспѣшному отступленію за Дунай. Въ какіе-нибудь 10 дней Румынія фактически перестала существовать и австро-германскія войска побѣдоносно вступили въ Бухарестъ. Вина такого быстраго разгрома падаетъ, конечно, въ первую голову, на самонадѣяннаго Братіано и генерала Иліеско, какъ автора плана военныхъ операцій, но затѣмъ и на нашу дипломатію въ лицѣ Поклевскаго и Сазонова, а равно, не менѣе и на нашъ генеральный штабъ, которому планъ Ильеско не могъ не быть извѣстенъ, и который допустилъ его осуществленіе вопреки самому примитивному, здравому смыслу.

Еще менѣе удачно дѣйствовала наша дипломатія по отношенію къ Болгаріи. Сазоновъ — подъ вліяніемъ слабыхъ, но пользовавшихся его особыми симпатіями, предста-

вителей нашихъ въ Софіи, А. В. Неклюдова и А. Н. Савинскаго, далъ себя обойти ловкому болгарскому Царю; между тѣмъ игра послѣдняго была довольно ясна. Германскіе офицеры переполняли Софію. Изъ Германіи и Австріи шли непрерывно цѣлые поѣзда, нагруженные тяжелыми орудіями, воздухоплавательными парками и прочимъ боевымъ матеріаломъ. Но Царь Фердинандъ продолжалъ увѣрять, что онъ не нарушитъ объявленнаго Болгаріей нейтралитета и этого для нашей недальновидной дипломатіи было достаточно. Тщетно наши славянофильскія общества, къ которымъ принадлежалъ и я, въ качествѣ члена совѣта Общества Славянской Взаимности, старались обратить вниманіе господъ у Пѣвческаго моста на ихъ непростительную слѣпоту.

Но С. Д. Сазоновъ продолжалъ свою политику. По вопросамъ внѣшней политики, особенно же по вопросу болгарскому, министръ тщательно прислушивался къ голосу П. Н. Милюкова, этого трагическаго для судебъ Россіи человѣка.

Недѣли за двѣ до выступленія Болгаріи, у меня завтракалъ М. И. Спалайковичъ, бывшій въ то время сербскимъ посланникомъ въ Петроградѣ. Онъ повѣдалъ мнѣ, что онъ наканунѣ получилъ отъ сербскаго премьера Н. Б. Пашича положительныя свѣдѣнія о предстоящемъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ открытіи военныхъ дѣйствій со стороны Болгаріи. Пашичъ предписывалъ посланнику довести эти свѣдѣнія до нашего министра. Онъ предлагалъ тотчасъ-же, не дожидаясь болгарскаго выступленія, немедленно атаковать болгарскую армію и, разгромивъ ее, занять Софію и низложить Царя Фердинанда, въ которомъ престарѣлый премьеръ вполнѣ основательно усматривалъ единственнаго опаснаго врага Россіи и Сербіи на Балканахъ. Пашичъ прибавлялъ, что онъ ручается за успѣхъ. С. Д. Сазоновъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. Когда же сербскій посланникъ позволилъ себѣ настаивать, приводя неоспоримые доводы въ защиту плана Пашича, министръ окончательно вышелъ изъ себя. Произошла крайне бурная сцена и, въ заключеніе, С. Д. Сазоновъ пригрозилъ Спалайковичу выслать его изъ Россіи, если Пашичъ посмѣетъ, вопреки его, Сазонова, волѣ, привести свой планъ въ исполненіе. Спалайковичъ, со слезами на глазахъ, разсказывалъ мнѣ подробности этого объясненія. — «Погибла моя дорогая Сербія» — не переставалъ онъ восклицать.

Я спросилъ его, отчего онъ не попробуетъ переговорить съ бывшимъ въ то время предсѣдателемъ совѣта министровъ И. Л. Горемыкинымъ. Спалайковичъ возразилъ мнѣ, что онъ, съ радостью посѣтилъ бы премьера, но не рѣшается на этотъ шагъ, не будучи съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ. Я предложилъ свое посредничество и тотчасъ-же протелефонировалъ Ивану Логиновичу, съ которымъ я уже много лѣтъ былъ коротко знакомъ.

Премьеръ предложилъ Спалайковичу безъ промедленія къ нему пріѣхать. Какъ я узналъ впослѣдствіи, И. Л. Горемыкинъ сказалъ ему:

«Охота вамъ была обращаться къ Сазонову; вамъ, сербамъ, надо было дѣйствовать не спрашивая никакого разрѣшенія. Вы бы создали «свершившійся фактъ» — кажется такъ у васъ, дипломатовъ, принято это называть, и дѣло было бы въ шляпѣ».

Инцидентъ этотъ проливаетъ яркій свѣтъ на способы веденія нашей иностранной политики въ царствованіе Императора Николая II. Премьеръ говорилъ одно, а министръ иностранныхъ дѣлъ — діаметрально противуположное, что отнюдь не мѣшало, однако, обоимъ преспокойно занимать свои мѣста.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, Болгарія напала на Сербію и сербская армія, окруженная болгарами и австронѣмцами, несмотря на упорное сопротивленіе, была раздавлена и начала свое историческое отступленіе къ Адріатическому морю. И когда геройскіе остатки этой арміи, съ семидесятичетырехлѣтнимъ старцемъ Королемъ во главѣ, вышли наконецъ къ Адріатическому побережью, голодные, холодные и покрытые лохмотьями, они узнали, что выступленіе Италіи выторговано было С. Д. Сазоновымъ уступкой коренныхъ славянскихъ земель, а запоздалое выступленіе Румыніи — уступкой населеннаго преимущественно сербами Баната...

С. Д. Сазоновъ не можетъ гордиться своей балканской политикой: онъ былъ обойденъ Царемъ Болгарскимъ, опоздалъ въ Греціи, сталъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Братіано въ Румыніи и, въ итогѣ, загубилъ Сербію. Какъ-то разъ издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей», С. М. Проппперъ, близорукій поклонникъ Сазонова, замѣтилъ мнѣ: «Вотъ вы постоянно критикуете Сазонова. А по моему такого министра не было и не будетъ».

На что я возразилъ: «Что такого не было — это неточно: бывали у насъ министры хуже Сазонова. Но что такого не будетъ — позволяю себѣ надѣяться».

Не имѣя дарованія своего предшественника, С. Д. Сазоновъ не уступалъ ему въ самомнѣніи. А. П. Извольскій велъ Россію къ войнѣ изъ-за своего оскорбленнаго самолюбія, С. Д. Сазоновъ — по своей политической недальновидности. Оригинально, что онъ палъ не вслѣдствіе своихъ грубыхъ ошибокъ по вопросамъ нашей внѣшней политики; С. Д. Сазоновъ навлекъ на себя царскую немилость изъ-за представленнаго имъ, непонравившгося Государю, мемуара по польскимъ дѣламъ...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Александръ Лясковскій.

М. Е. Салтыковъ въ ссылкѣ.

I.

Ссылка М. Е. Салтыкова въ Вятку.

Приближается столѣтіе со дня рожденія Михаила Евграфовича Салтыкова. О жизни и дѣятельности его въ русской литературѣ писали, въ свое время, довольно много, но все-же этого «многаго» слишкомъ мало для такой крупной личности, какимъ былъ Салтыковъ. Появлялись въ печати открывки изъ воспоминаній его современниковъ и товарищей по литературной работѣ, печатались матеріалы для біографіи, очерки и опыты характеристики его литературной дѣятельности, но все это носило случайный, отрывистый характеръ; сколько-нибудь серьезнаго изслѣдованія его личности мы не имѣемъ; мы не имѣемъ до сихъ поръ даже полной его біографіи. А, между тѣмъ, дѣятельность Мих. Евгр. какъ литературная, такъ служебная и общественная была настолько необыкновенной, настолько многогранно-разнообразной, а жизнь сама по себѣ настолько интересной, что для исторіи, а для исторіи литературы въ особенности, настойчиво требуется наиболѣе полное и всестороннее изслѣдованіе его жизни и дѣятельности.

Особенно мало извѣстна намъ жизнь Салтыкова въ ссылкѣ въ г. Вяткѣ. Кто знаетъ получился-ли бы изъ чиновника министерской канцеляріи Салтыкова тотъ «Салтыковъ-Шедринъ», который занялъ такое почетное мѣсто въ рядахъ русскихъ писателей, если бы судьба не забросила его въ Вятку? Одно несомнѣнно, что именно тамъ, въ подневольной жизни, онъ оттачивалъ свои ядовитыя стрѣлы, противъ существовавшаго до-реформеннаго строя, противъ растлѣннаго и прогнившаго общества, противъ лжи, насилія и несправедливости; именно тамъ онъ собралъ богатый матеріалъ, который претворилъ затѣмъ въ своемъ литературномъ ульѣ въ знаменитые «Губернскіе Очерки», «Господа Голов-

левы», «Помпадуры и Помпадурши» и пр., давшіе ему всемірную извѣстность и поставившіе его въ ряды руководителей литературной школы демократическаго направленія.

Вятскій періодъ его жизни особенно знаменателенъ. Правда, зачатки развитія міросозерцанія Салтыкова надо искать еще въ раннемъ періодѣ его дѣтства, когда на чуткую психику ребенка окружавшія его картины крѣпостной жизни, безправія и насилія надъ личностью дѣйствовали отрицательнымъ образомъ, но процессъ оформленія, закрѣпленія міросозерцанія, несомнѣнно происходилъ въ Вяткѣ и потому окружавшая его здѣсь обстановка представляетъ сугубый интересъ.

На литературное поприще Салтыкову суждено было вступить вначалѣ сороковыхъ годовъ, въ самый горячій періодъ оживленія русской общественной мысли, подъ вліяніемъ происходившихъ на Западѣ событій. Просачивавшіяся къ намъ оттуда соціальныя идеи не могли не оказать вліянія на начинавшаго свою литературную карьеру молодого Салтыкова. Первыя двѣ повѣсти его «Противорѣчія» и «Запутанное Дѣло» написаны были имъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ французскихъ писателей Сенъ-Симона, Луи-Блана, Ж. Занда и др., произведенія которыхъ были тогда въ ходу у насъ и ими увлекался и Салтыковъ.

Особенно рѣзко вліяніе западничества проявилось въ первомъ его произведеніи «Противорѣчія», на которое, почему-то, очень мало обращено было вниманія въ литературѣ и только въ послѣднее время, передъ самой революціей, В. Семевскій въ статьѣ «М. Е. Салтыковъ — петрашевецъ» выдвигаетъ эту повѣсть на подобающее ей мѣсто. «Эта повѣсть» — говоритъ Семевскій — «указываетъ, что начинавшаго писателя волновали весьма серьезные вопросы». Какіе же это вопросы? «О грозной дѣйствительности», «о правѣ на существованіе», «священномъ правѣ, дарованномъ природой», но которое трудно осуществимо для того, у кого нѣтъ «ни своего поля, ни своей хижины», «объ общественномъ неравенствѣ», «о несправедливости при существовавшемъ общественномъ строѣ» и т. д.

«Я самъ согласенъ» — говоритъ Салтыковъ въ «Противорѣчіяхъ» — «что гораздо лучше было бы, если бы — и за завтракомъ — шипучаго, и за обѣдомъ — шипучаго, и за ужиномъ — тоже шипучаго; но въ томъ-то и сила, что такое радостное положеніе вещей является только въ видѣ исключенія, а въ дѣйствительности-то: люди большею частью не только безъ шипучаго, но и безъ хлѣба обѣдаютъ». «Я глубоко созналъ» — говоритъ онъ далѣе — «истину этого положенія и скажите мнѣ — бѣдность, а я невольно слышу за этимъ словомъ неизбѣжный его синонимъ — смерть.»

Вторая повѣсть «Запутанное Дѣло» также проникнута осужденіемъ общественнаго строя въ Россіи, соціальнаго неравенства и сочувствіемъ угнетенному классу.

«Мысль зависти и злобы» — говорится въ докладѣ цензурнаго комитета, дававшаго заключеніе по поводу этой по-

вѣсти — «противъ всѣхъ людей, поставленныхъ въ благопріятное положеніе либо рожденіемъ, либо счастіемъ, постоянно преслѣдуютъ героя повѣсти». Вполнѣ правильно, что героя этой повѣсти Мичулина преслѣдовала мысль подчеркнуть неравенство людей, при которомъ привиллегированные классы могутъ пользоваться всей суммой наслажденій, а большая часть «не только безъ шипучаго, но и безъ хлѣба обѣдаетъ».

Появленіе послѣдней повѣсти Салтыкова совпало съ революціей во Франціи и зачаткомъ революціоннаго движенія въ Германіи. Проводившіяся Салтыковымъ мысли и идеи признаны были цензурнымъ комитетомъ крамольными и опасными для существовавшаго строя. Объ этомъ сдѣланъ былъ докладъ Государю. Салтыковъ по высочайшему повеленію былъ уволенъ изъ канцеляріи военнаго министра и отправленъ на службу въ Вятку подъ особый надзоръ губернатора.

Пробуя свои силы, Салтыковъ, вѣроятно думалъ больше всего о литературной цѣнности своихъ первыхъ произведеній. Случилось же иначе. Въ литературныхъ кругахъ повѣсти его прошли почти незамѣченными, тогда какъ въ правительственныхъ сферахъ онѣ поставлены были на ряду со статьями, гдѣ помѣщались мысли «могущія приготовить у насъ всѣ пагубныя событія, которыми потрясены были западныя государства», «вселить въ отечествѣ правила коммунизма» и т. д.

Такая оцѣнка его произведеній явилась полной неожиданностью для автора, такъ какъ не отвѣчала ни его міровоззрѣніямъ, ни политическимъ убѣжденіямъ.

Съ какимъ душевнымъ состояніемъ встрѣтился Салтыковъ съ новымъ своимъ положеніемъ ссыльнаго? Какъ реагировалъ онъ на постигшее его несчастіе? «Мнѣ ничего не остается болѣе, какъ принять съ должнымъ смиреніемъ наказаніе, меня постигшее» — писалъ онъ съ гауптвахты бывшему своему начальнику по службѣ Н. Н. Анненкову. — «Я могу только будущей моей жизнью доказать, сколь велико мое рвеніе къ престолу и отечеству»...

Эти слова съ подчеркиваніемъ о преданности престолу и отечеству не были случайно вырвавшимися изъ души узника, вслѣдствіе постигшаго его несчастія, они повторялись много разъ и потомъ и не были только словами, а подкрѣплялись и дѣлами. Слова эти были своего рода политическимъ credo молодого Салтыкова, которому онъ былъ вѣренъ въ продолженіи всей своей жизни, оставаясь долгое время на службѣ и совмѣщая въ себѣ и чиновника, и публициста-беллетриста демократическаго направленія. Конечно, онъ преданъ былъ отечеству и любилъ его по своему, не такъ, можетъ быть, какъ приказывало начальство, но любилъ и желалъ ему блага и, несмотря на всѣ препятствія, несмотря на всѣ личныя невыгоды, посвятилъ родинѣ всю свою жизнь и уже никогда не сошелъ съ разъ намѣченнаго пути.

Однако, будучи благонамѣреннымъ и преданнымъ престолу, онъ оказался въ числѣ неблагонамѣренныхъ, въ числѣ политически неблагонадежныхъ и подвергся ссылкѣ. Судьба Салтыкова на долгіе годы переходитъ въ руки знаменитаго III Отдѣленія.

II.

Первые шаги.

28 апрѣля, подъ конвоемъ жандармскаго офицера Рашкевича, Салтыковъ былъ отправленъ изъ Ст. Петербурга въ Вятку и, послѣ 9-дневнаго путешествія на перекладныхъ, 7 мая былъ доставленъ Вятскому губернатору А. И. Середѣ.

Какъ принялъ Салтыкова губернаторъ? Какъ, вообще могли принять молодого человѣка, по высочайшему повелѣнію высланнаго за «обнаруженный вредный образъ мыслей»? — Конечно, съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, сухо. На сопровождавшей Салтыкова бумагѣ губернаторъ положилъ резолюцію, въ которой предлагалъ губернскому правленію зачислить его на службу, а канцеляріи было отдано распоряженіе, съ первой отходящей почтой, донести министру внутреннихъ дѣлъ о благополучномъ доставленіи ссыльнаго.

Первая отходящая почта приходилась, вѣроятно, на 11 мая. Въ этотъ день губернаторской канцеляріей заготовлено было для отсылки министру внутреннихъ дѣлъ донесеніе о прибытіи Салтыкова. Подписывая бумагу, губернаторъ спохватился, что за присланнымъ нужно учредить полицейскій надзоръ, хотя въ предписаніи графа Орлова объ этомъ, въ сущности, не говорилось; тамъ было говорено лишь, что Салтыковъ отправляется на службу въ Вятку, гдѣ онъ долженъ быть подъ надзоромъ губернатора; но губернаторскій и полицейскій надзоръ считался, видимо, синонимомъ и Середа рѣшилъ подвергнуть Салтыкова полицейскому надзору. Отложивъ подписаніе бумаги, онъ, на поляхъ, карандашемъ написалъ: «слѣдуетъ относительно надзора дать предписаніе полицеймейстеру».

При редактированіи приказа объ учрежденіи надзора произошло небольшое недоразумѣніе. Чиновникъ, писавшій бумагу полицеймейстеру, по шаблону, заканчилъ ее такъ: «принявъ Салтыкова въ свое вѣдѣніе учредить надъ нимъ полицейскій надзоръ».

— Куда въ свое вѣдѣніе? — спрашиваетъ Середа, перечеркивая бумагу. — Его велѣно на службу опредѣлить, а не на житье онъ присланъ.

Бумага была переписана; полицеймейстеру, уже безъ «принятія въ свое вѣдѣніе», предписывалось лично имѣть

за Салтыковымъ непосредственный строгій надзоръ и доставлять ежемѣсячно подробныя и вѣрныя свѣдѣнія объ образѣ его жизни и поведеніи.*)

Всѣ положенные по закону обряды были выполнены; новорожденный ссыльный отданъ на попеченіе воспріемницы — Вятской администраціи; дальнѣйшая участь предоставлялась естественному ходу вещей. Салтыковъ былъ не первый: Вятка видѣла уже князей Долгоруковыхъ, князей Четвертинскихъ, графовъ Віельгорскихъ, профессора Шаполинскаго, кандидата правъ московскаго университета А. И. Герцена и много другихъ. Судьба всѣхъ ссыльныхъ чиновниковъ временъ царствованія Николая I, если и не была одинаковой, то съ внѣшней стороны весьма похожей: служба на самой низшей ступени чиновничьей лѣстницы, гнетъ полицейскаго надзора и тоска отъ неопредѣленности положенія — вотъ обстановка, въ которой они жили. Такая же перспектива ожидала и молодого Салтыкова, только что начинавшаго самостоятельную жизнь.

Губернаторъ Середа, оказавшій впослѣдствіи большое вниманіе Салтыкову и не мало сдѣлавшій для облегченія его участи, на первыхъ порахъ, видимо, мало интересовался имъ, ограничившись оффиціальнымъ предложеніемъ губернскому правленію опредѣлить его на службу.

Вице-губернаторомъ въ это время былъ С. А. Костливцевъ, получившій образованіе, также какъ и Салтыковъ, въ Царскосельскомъ лицеѣ. Онъ-то и взялъ подъ свою опеку Михаила Евграфовича. Всѣ вакансіи въ губернскомъ правленіи были заняты и потому Костливцевъ рѣшилъ временно опредѣлить Салтыкова къ себѣ, въ канцелярію присутствія губернскаго правленія; губернаторъ далъ на это свое согласіе и Салтыковъ 3 іюня, спустя почти мѣсяцъ послѣ прибытія въ Вятку, зачисленъ былъ канцелярскимъ чиновникомъ, безъ всякаго содержанія, въ канцелярію присутствія губернскаго правленія. Объ этомъ опредѣленіи ему было объявлено черезъ полицію съ предложеніемъ являться на службу.

Роль простого переписчика бумагъ, да къ тому же безъ всякаго содержанія, конечно, Салтыкова, не удовлетворяла, это отлично понималъ и взявшій его подъ свое покровитель-

---

*) Влад. Кранихфельдъ, «Миръ Божій» 1904 г. іюль. Н. А. Бѣлоголовый «Восп. и статьи» и др. указываютъ, что губернаторъ Середа не вышелъ къ Салтыкову, а отправилъ его полицеймейстеру, который и принялъ С. отъ Рашкевича подъ росписку. Это не отвѣчаетъ дѣйствительности. Бумага, сопровождавшая Салтыкова адресована была лично Середѣ; пакетъ вскрытъ былъ въ день прибытія Салтыкова въ Вятку 7-го мая и тогда-же на бумагѣ положена была Середой приведенная выше резолюція. Объ учрежденіи полицейскаго надзора за Салтыковымъ губернаторъ спохватился лишь черезъ 4 дня, а именно 11 мая и только въ этотъ день написана была соотвѣтствующая бумага полицеймейстеру. 7-го мая Салтыковъ не могъ быть переданъ полицеймейстеру, да и вообще, судя по губернаторской бумагѣ, никакой надобности въ этой передачѣ не было.

ство Костливцевъ, но положеніе Салтыкова, какъ ссыльнаго сильно затрудняло выборъ для него соотвѣтствующей должности.

Скоро, однако, туманъ разсѣялся. Губернаторъ Середа получилъ изъ Петербурга два письма: одно отъ директора хозяйственнаго департамента Н. А. Милютина, и другое, отъ извѣстнаго географа Ханыкова, въ которыхъ оба эти, вліятельныя въ петербургскихъ сферахъ, лица, просили обратить вниманіе на Салтыкова и облегчить его участь.*) Благодаря этому заступничеству отношеніе Середы къ Салтыкову измѣнилось; онъ рѣшилъ перевести его въ свою канцелярію, чтобы скорѣе выдвинуть по службѣ. Какъ разъ въ это время открылась вакансія старшаго чиновника особыхъ порученій и Середа предложилъ эту должность Салтыкову.

12 ноября 1848 года Салтыковъ назначенъ былъ министерствомъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при Вятскомъ губернаторѣ; но Середа, не ожидая отвѣта на свое представленіе, перевелъ уже его въ свою канцелярію и началъ давать всевозможныя порученія. Первымъ было порученіе объ окончаніи разслѣдованія о неправильныхъ поступкахъ непремѣннаго засѣдателя Вятскаго земскаго суда Крылова и секретаря Лукина.

Дѣло это заключалось въ слѣдующемъ. Свадебный кортежъ засѣдателя Крылова раздавилъ мальчика. Лукинъ въ должности стряпчаго производилъ по этому поводу дознаніе. Крылову нужно было какъ-нибудь замять это дѣло и онъ вполнѣ разсчитывалъ на своего сослуживца Лукина, но тотъ оказался, почему-то несговорчивымъ и произвелъ дознаніе со всей безпристрастностью. Крылову предстояли непріятности. Виновникомъ ихъ онъ считалъ исключительно «несговорчиваго» Лукина. На этой почвѣ между засѣдателемъ и секретаремъ начались недоразумѣнія, дрязги и кляузы; доходило даже до драки. Все это породило новое дѣло: о «неправильныхъ поступкахъ» обоихъ чиновниковъ.

Пустое само по себѣ дѣло тянулось четыре года. Оно переходило отъ одного чиновника къ другому. Тотъ оказывался родственникомъ или свойственникомъ, одной изъ сторонъ, «этотъ» благоволилъ одному и немилостивъ былъ къ другому, а тамъ, смотришь, и взятка пошла въ ходъ, если не матеріальная, то «невѣсомая», вродѣ угощенія, или оказанія услуги за услугу; и дѣло лежало безъ движенія. Получивъ въ свои руки переписку, Салтыковъ быстро повелъ разслѣдованіе, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ закончилъ его и представилъ въ губернское правленіе для передачи въ судъ.

Вслѣдъ за этимъ ему передано было еще 6 старыхъ затянувшихся дѣлъ для «безотлагательнаго окончанія слѣдствія»: 1. о злоупотребленіяхъ въ Вятской городской полиціи по заготовленію арестантской одежды; 2. о найденномъ въ рѣкѣ мертвомъ крестьянинѣ Пантелѣевѣ; 3. о растратѣ въ палатѣ уголовнаго суда апелляціонныхъ пошлинныхъ денегъ;

*) См. Н. А. Бѣлоголовый «Воспоминанія и статьи».

4. о сборѣ съ поселянъ Якимовагинской волости денегъ; 5. объ утратѣ въ вятскомъ уѣздномъ судѣ дѣла о раскольническомъ бракѣ кр. Федосимова и, 6. о сборѣ денегъ съ крестьянъ деревни Похомовской Троицкой волости, въ пользу станового пристава Двинянинова.

Къ 1 января 1849 года синодикъ слѣдственныхъ дѣлъ Салтыкова пополнился новыми порученіями. Ему поручено было дознаніе о неприличныхъ поступкахъ губернскаго секретаря Зубарева въ вятскомъ совѣстномъ судѣ; о самовольной отлучкѣ за рѣку Вятку находившагося подъ надзоромъ полиціи корнета Коголкина и о другихъ его поступкахъ; о противозаконныхъ поступкахъ отставного канцеляриста Долгова, выразившихся «въ стѣсненіяхъ, чинимыхъ мѣщ. Урванцову»; дѣло по оглашенію кр. Клековкина на волостного голову Бабинцева» во взятіи съ него назадъ тому 5 лѣтъ 2 рублей серебромъ и скошеніи съ луговъ сѣна, и мн. др.

Уже одни названія этихъ дѣлъ носятъ опредѣленный колоритъ, даютъ довольно ясное представленіе о существовавшихъ въ то время въ глухой провинціи нравахъ, о процвѣтавшемъ взяточничествѣ и казнокрадствѣ и другихъ аморальныхъ и антиобщественныхъ явленіяхъ. Близкое ознакомленіе съ этими дѣлами, наблюденіе и изученіе всѣхъ язвъ провинціальной жизни, дали будущему сатирику богатѣйшій матеріалъ для его литературныхъ произведеній, въ которыхъ необычайно талантливо, съ рѣдкимъ художествомъ нарисована была имъ картина, разлагавшагося и отжившаго свой вѣкъ стараго общества.

> «Брали мы, правда, что брали — кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? да вѣдь и то сказать, лучше что ли денегъ то не брать, да и дѣла не дѣлать? какъ возьмешь то и работать какъ-то сподручнѣе, по ощрительнѣе»...

Съ взяткой сжилось, сроднилось и чиновничество и общество. На взятки чиновники смотрѣли какъ на узаконенную статью дохода, ихъ такъ и называли «доходами». Взяткой питались, ею жили. Безъ взятки въ головѣ чиновника не укладывалось даже самое понятіе о службѣ, а значитъ и о жизни...

Канцелярская волокита, какъ мы уже видѣли изъ дѣла «Крыловъ — Лукинъ», страшно развита была въ учрежденіяхъ, дѣла тянулись цѣлыми годами, а иногда и десятилѣтіями.

По дѣлу о злоупотребленіяхъ въ городской полиціи при заготовкѣ арестантской одежды, перешедшему къ Салтыкову въ октябрѣ 1848 г., еще въ 1846 г. производившимъ до Салтыкова разслѣдованіе чиновникомъ посланъ былъ вятскому казначейству запросъ о томъ: сколько и кому съ 1836 года отпущено было денегъ на одежду и обувь для арестантовъ? За два года казначейство не удосужилось дать

отвѣта; наконецъ, уже Салтыковымъ былъ полученъ отвѣтъ, въ которомъ казначейство сообщало, что «по ограниченности канцеляріи оно не имѣетъ возможности доставить въ скоромъ времени требуемыя свѣдѣнія безъ отвлеченія отъ прямыхъ обязанностей, а потому вошло съ запросомъ по этому дѣлу въ казенную палату.»

Салтыковъ энергично взялся за производство разслѣдованій по переданнымъ ему дѣламъ: производилъ допросы, дѣлалъ очныя ставки, собиралъ нужныя свѣдѣнія и справки отъ учрежденій, при этомъ не давалъ залеживаться перепискѣ, а когда его напоминанія не помогали, писалъ губернатору, доводилъ до его свѣдѣнія о тѣхъ препятствіяхъ, которыя не позволяли ему закончить слѣдствіе. Эти толкачи несомнѣнно оказывали свое дѣйствіе и дѣла у Салтыкова двигались значительно быстрѣе, чѣмъ у другихъ чиновниковъ, не обладавшихъ достаточной энергіей, а главное одержимыхъ раболѣпствованіемъ, робостью и страхомъ передъ каждымъ высшимъ чиномъ, опасаясь за свою карьеру. Салтыковъ не былъ одержимъ этой болѣзнью, поступалъ смѣло и рѣшительно въ своихъ требованіяхъ, не взирая ни на высокое положеніе, ни на чины тѣхъ лицъ, отъ которыхъ по ходу дѣла ему нужно было получить тѣ или иныя данныя.

Не успѣлъ Мих. Евгр. войти въ роль «слѣдствопроизводителя», какъ онъ себя называлъ, какъ долженъ былъ разстаться съ ней. Въ концѣ января губернаторъ поручилъ ему составленіе годового отчета по управленію губерніей за 1848 г. Годовая отчетность являлась для губернаторовъ событіемъ чрезвычайной важности; тѣмъ болѣе, что одинъ экземпляръ отчета представлялся лично Государю. Для составленія отчета выбирались лучшіе чиновники, которые цѣлыми мѣсяцами просиживали надъ кропотливой работой по систематизаціи собраннаго матеріала и составленію докладовъ о работѣ губернскихъ учрежденій, о состояніи губерній. Изъ года въ годъ отчетъ составлялся по заранѣе выработанному шаблону, доклады писались обычнымъ сухимъ канцелярскимъ языкомъ, съ общимъ стереотипнымъ выводомъ «въ губерніи все обстоитъ благополучно». Иначе отчета никто себѣ не представлялъ.

Совсѣмъ другого характера получился отчетъ изъ подъ пера Салтыкова. Поставивъ крестъ на выработанный десятилѣтіями шаблонъ и трафареты, изгнавъ изъ отчета слова «какъ всегда въ удовлетворительномъ состояніи», «по губерніи все обстоитъ благополучно», новый авторъ отчета не довольствуется перечнемъ событій, не употребляетъ обычныхъ затасканныхъ стереотипныхъ выраженій, не ограничивается общими мѣстами, а даетъ яркую, красочную картину состоянія губерніи, оттѣняя и сгущая краски тамъ, гдѣ это нужно и не для того, чтобы показать, что «все обстоитъ благополучно», а чтобы обратить вниманіе на неблагополучныя мѣста, чтобы подчеркнуть, указать на необходимость принятія правительственныхъ мѣръ противъ существовавшихъ

неправильностей, несправедливостей и несовершенствъ въ губернскомъ механизмѣ. Эта тенденція красною нитью проходитъ по всему отчету.

Впослѣдствіи Салтыковъ три года подрядъ составлялъ годовые отчеты и настолько впиталъ это дѣло въ себя, что, напримѣръ отчетъ за 1850 г. принадлежитъ исключительно ему. Лично имъ составлялись доклады для отчета по такимъ главнымъ вопросамъ, какъ напримѣръ о магистратахъ, городскихъ думахъ и ратушахъ, по устройству доходовъ и расходовъ городовъ, о ярмаркахъ, о купечествѣ и капиталахъ, о состояніи крестьянъ, о повинностяхъ и податяхъ и пр. Доклады, составлявшіеся начальниками отдѣловъ, каждымъ по своему отдѣлу, подвергались подъ перомъ С. измѣненію и переработкѣ. Все что было написано Мих. Евгр., что было имъ измѣнено и исправлено въ другихъ докладахъ, все это было утверждено губернаторомъ. Середа всецѣло довѣрялъ Салтыкову, соглашался съ его доводами и соображеніями и подписывалъ безъ всякаго измѣненія тѣ «виды и предположенія», которыя Салтыковъ излагалъ въ концѣ отчета какъ необходимые для лучшаго административнаго устройства губерніи.

Въ маѣ мѣсяцѣ, уѣзжая по дѣламъ службы въ Петербургъ, Середа взялъ съ собой правителя своей канцеляріи Максимовича; управленіе дѣлами губернаторской канцеляріи поручено было Салтыкову. По возвращеніи Максимовича Салтыковъ вновь перешелъ на выполненіе всевозможнаго рода «отдѣльныхъ» порученій, носившихъ, обычно, или характеръ важности, или спѣшности, или требовавшихъ особаго выбора лица, съ извѣстными качествами.

Въ концѣ 1849 года Салтыковъ буквально былъ заваленъ работой. Ему поручены были: разработка вопроса о присоединеніи къ Вятской губ. Быховской и Ношульской пристаней, черезъ которые лежалъ путь къ Сѣверному морю, и составленіе проекта отдачи въ арендное содержаніе почтовыхъ станцій. Затѣмъ было дано порученіе разработать вопросъ объ изысканіи средствъ къ усиленію приходскихъ училищъ, и цѣлый рядъ другихъ проектовъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей административно хозяйственнаго управленія. Наконецъ, по собственной иниціативѣ онъ возбудилъ вопросъ и составилъ проектъ о постройкѣ гостиныхъ дворовъ въ Вяткѣ, Котельничѣ, Царевосанчурскѣ и др. городахъ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, Салтыкову поручено было составленіе по городамъ инвентарей недвижимыхъ имуществъ, статистическихъ описаній и представленіе соображеній о мѣрахъ къ лучшему устройству общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ. Для выполненія этого порученія въ его распоряженіе переданы были присланные изъ Петербурга два классные топографа. Это порученіе дало Салтыкову матеріальную выгоду; онъ переведенъ былъ въ разрядъ штатныхъ чиновниковъ особыхъ порученій и началъ получать жалованье.

Къ этому времени относится первая поѣздка Салтыкова по губерніи; ему пришлось совершить путешествіе въ самый отдаленный сѣверный уголокъ губерніи, въ заштатный г. Кай Слободского уѣзда; выѣзжалъ онъ туда вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ Костливцевымъ для ревизіи, по предложенію министра юстицій, дѣлопроизводства Кайской городской ратуши.

При обревизованіи дѣлопроизводства ратуши оказалось, что ею разсмотрѣно всего лишь 5 дѣлъ, да и то, по существу своему самыя незначительныя. Городская жизнь была въ полнѣйшемъ застоѣ; Ратуша была мертвымъ учрежденіемъ. а между тѣмъ, съ внѣшней стороны, были всѣ признаки мнимой дѣятельности: производились выборы должностныхъ лицъ, которыя, конечно, ровно ничего не дѣлали, попросту потому, что нечего было дѣлать; числился нѣкоторый штатъ служащихъ, которые занимались лишь своими домашними дѣлами, но на покрытіе расходовъ по содержанію ихъ, съ обывателей взыскивались подати и т. д.

Салтыковъ былъ при этой ревизіи, какъ техническая сила, но лишь только онъ сдѣлался совѣтникомъ губернскаго правленія, какъ сейчасъ же поднялъ вопросъ объ упраздненіи Кайской городской ратуши, какъ совершенно ненужнаго учрежденія, лишь отягощавшаго обывателей, и о сліяніи ея съ Слободскимъ городскимъ магистратомъ.

Такую же точно картину представлялъ и Царевосанчурскій городской магистратъ; тамъ съ 1847 по 1850 г. было разсмотрѣно только 9 дѣлъ; въ отношеніи послѣдняго также поднятъ былъ вопросъ о сліяніи его съ Яранскимъ магистратомъ.

Собирая свѣдѣнія для составленія инвентарей недвижимыхъ имуществъ, а также статистическихъ описаній, Салтыковъ вплотную подошелъ къ хозяйственной жизни городовъ, познакомился со всѣми отрицательными сторонами ея и обнаружилъ при этомъ, конечно, не мало безпорядковъ и злоупотребленій. Городское хозяйство было въ полномъ хаотическомъ состояніи. Объ улучшеніи городскихъ финансовъ положительно никто не думалъ; всю тяжесть налоговъ несло исключительно бѣдное населеніе, такъ какъ владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и привиллегированное сословіе никакими сборами въ пользу городовъ не облагались; принадлежавшія городамъ недвижимыя имущества сдавались въ аренду, но почти никто арендную плату въ городскую кассу не вносилъ. При ревизіи Салтыковымъ Вятской городской думы обнаружено было, между прочимъ, слѣдующее: общество купцовъ на складочный капиталъ пріобрѣло отъ нѣкоего Машковцева каменныя лавки съ такимъ условіемъ, что по выплатѣ изъ арендной платы покупной суммы, лавки должны поступить въ пользу города для усиленія городскихъ доходовъ. Прошло 10 лѣтъ. Общество давно уже выплатило покупную сумму, но все еще продолжало пользоваться доходами отъ лавокъ, не тороплясь передавать ихъ городу; городъ тоже объ этомъ не за-

ботился. Затѣмъ имъ было обнаружено много оброчныхъ статей, которыя находились въ неправильномъ пользованіи у горожанъ и вообще полный хаосъ въ городскомъ хозяйствѣ: принадлежавшіе городу лѣса вырубались и расхищались, городская же дума не принимала никакихъ мѣръ къ охраненію ихъ отъ расхищенія; постройки въ городѣ производились безъ всякаго разрѣшенія, а владѣльцы ихъ никакой платы городу не вносили; вслѣдствіе отсутствія надзора въ самомъ центрѣ города появилось нѣсколько кирпичныхъ заводовъ, построенныхъ безъ всякаго разрѣшенія, съ явнымъ нарушеніемъ строительныхъ правилъ и т. д., и т. д.

Не ожидая окончанія составленія инвентаріевъ, Салтыковъ по обнаруженіи тѣхъ или иныхъ безпорядковъ, писалъ особыя представленія губернатору, прося принять мѣры къ устраненію обнаруженныхъ имъ неправильностей. Такъ, въ частности, по поводу каменныхъ лавокъ въ Вяткѣ онъ предлагалъ передать ихъ немедленно городу, а кирпичные заводы перенести изъ центра города на выгонную землю, такъ какъ мѣсто, гдѣ они находились, по плану города предполагалось подъ застройку домами. Всѣ предлагавшіяся Салтыковымъ мѣры одобрялись губернаторомъ и онъ сейчасъ же дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія.

Все это служитъ доказательствомъ съ какимъ особымъ вниманіемъ Салтыковъ относился къ поручаемой ему работѣ, какъ глубоко интересовался общественными дѣлами и съ какимъ стараніемъ трудился на пользу общества. Середа не могъ не оцѣнить этихъ выдающихся качествъ Салтыкова и искренно ему благоволилъ. Когда подошелъ срокъ представленія къ чинамъ, онъ представилъ его къ награжденію чиномъ коллежскаго ассесора за отличіе, по сокращенному сроку. Въ своемъ представленіи онъ писалъ о Салтыковѣ, что «во все время онъ исполнялъ обязанности съ особымъ усердіемъ и дѣятельностью, при томъ, получивъ отличное воспитаніе, весьма замѣчательныхъ умственныхъ способностей» и т. д.

Производство статистическихъ описаній городовъ требовало многихъ лѣтъ; однако уже въ самомъ началѣ работы Салтыкова въ этой области дали положительные результаты. Въ отчетѣ губернатора за 1850 годъ имѣется слѣдующая оцѣнка трудовъ Салтыкова: «несмотря на то, что упомянутыя выше изслѣдованія (статистическія) и работы не вполнѣ окончены, польза отъ производства ихъ уже довольно ощутительна, ибо, по замѣченнымъ въ городскомъ хозяйствѣ и общественномъ управленіи города Вятки безпорядкамъ и недостаткамъ сдѣланы были многія распоряженія, которыя должны имѣть необходимымъ послѣдствіемъ устраненіе всѣхъ сихъ безпорядковъ. Сверхъ того, чиновникомъ Салтыковымъ, ревизовавшимъ Вятскую городскую думу и обозрѣвавшимъ городское имущество открыты въ городѣ Вяткѣ нѣкоторыя оброчныя статьи, бывшія доселѣ въ неправильномъ пользованіи частныхъ лицъ и окружающихъ се-

леній государственныхъ крестьянъ, о чемъ и требуются отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ нужныя объясненія».

Съ 19 іюня по 3 іюля 1850 года Салтыковъ снова временно исполнялъ должность правителя канцеляріи губернатора и, несмотря на слишкомъ непродолжительный срокъ, всего лишь 15 дней, Середа какъ и въ первомъ случаѣ и тутъ не упустилъ, чтобы опять не изъявить Салтыкову оффиціально особой благодарности «за отличное усердіе и труды, какими сопровождалось управленіе канцеляріей». Этимъ заканчивается дѣятельность Салтыкова въ должности чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ. Должность сама по себѣ второстепенная, незначительная, но и на этой должности Салтыковъ принесъ большую пользу обществу; смѣлыми энергичными шагами онъ проложилъ въ этой провинціальной глуши путь для оздоровленія растлѣннаго взяточничествомъ, прогнившаго до самаго мозга чиновничьяго міра и далъ примѣръ, какъ нужно бороться съ этимъ зломъ и рутиной; онъ внесъ новую освѣжающую струю въ общество и немало способствовалъ улучшенію хозяйственной жизни городовъ. 34

III.

Допросъ по дѣлу «петрашевцевъ».

Вернемся теперь немного назадъ. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ прибытія въ Вятку, когда нравственная рана Салтыкова понемногу начала заживать, она снова была безжалостно растревожена: снова жандармъ, снова вторженіе въ святая святыхъ человѣка, въ его душу, кромѣ того теперь уже формальный допросъ, — допросъ по дѣлу «петрашевцевъ». Раньше Салтыковъ держалъ отвѣтъ за себя, за свои «соціалистическія» убѣжденія, обнаруженныя въ его произведеніяхъ, теперь его пристегнули уже къ цѣлому кружку «крамольныхъ» лицъ, которымъ инкриминировалось страшное преступленіе, «заговоръ противъ существующаго строя». Онъ долженъ былъ говорить не только о себѣ, а о цѣломъ рядѣ лицъ ему знакомыхъ, чувствуя, что отъ его отвѣтовъ, зависитъ можетъ быть, судьба ихъ. При самолюбивомъ и довольно открытомъ характерѣ Салтыкова, положеніе его конечно было очень тяжелымъ. Но перейдемъ къ дѣлу.

Еще въ лицеѣ, пріобщившись къ литературѣ, Салтыковъ естественно стремился къ литературнымъ кругамъ. Онъ былъ страстнымъ поклонникомъ Бѣлинскаго и добивался личнаго знакомства съ нимъ, въ лицеѣ же онъ познакомился и съ Мих. Вас. Петрашевскимъ. Послѣдній, хотя и не былъ сверстникомъ, но видя влеченіе Мих. Евгр. къ литературѣ, охотно завязалъ съ нимъ личное знакомство. По выходѣ Петрашевскаго изъ лицея, Салтыковъ бывалъ

у него на собраніяхъ по пятницамъ. Въ свою очередь, Петрашевскій иногда заѣзжалъ въ лицей къ Салтыкову — въ частности, предлагалъ ему участвовать въ предполагавшемся къ изданію журналѣ и т. д.

Знакомство это продолжалось, однако, не долго и Салтыковъ отошелъ отъ кружка т. н. «петрашевцевъ». Когда возбуждено было противъ нихъ дѣло, Мих. Евгр. былъ уже въ Вяткѣ. Хотя слѣдственной комиссіей, образованной по дѣлу «петрашевцевъ», и было установлено знакомство Салтыкова съ Петрашевскимъ, но въ виду того, что онъ былъ у него на собраніяхъ всего лишь нѣсколько разъ и никакой роли въ кружкѣ не игралъ, онъ отнесенъ былъ къ числу лицъ, не подлежавшихъ привлеченію къ дѣлу. Императоръ Николай Павловичъ, лично наблюдавшій за слѣдствіемъ, не согласился съ этимъ, приказавъ производить слѣдствіе объ всѣхъ лицахъ, имѣвшихъ малѣйшее соприкосновеніе съ замѣшанными въ дѣлѣ лицами, такимъ образомъ и Салтыковъ тоже попалъ въ число этихъ лицъ. О допросѣ его сообщено было въ 3 отдѣленіе, а это послѣднее 30 августа 1849 г. послало требованіе о томъ Вятскому губернатору. Требованіе о допросѣ сопровождалось цѣлымъ рядомъ предосторожностей и особой таинственностью; такъ, пакетъ съ надписью «в. секретно» адресованъ былъ «въ собственныя руки» А. И. Середы; въ бумагѣ говорилось, что показаніе должно быть отобрано безъ предъявленія Салтыкову самой бумаги, а лишь по отдѣльнымъ вопросамъ, которые были въ ней изложены.

Вопросы эти были слѣдующіе:

1. Знаетъ ли онъ Петрашевскаго, вольнослушателя С. Петербургскаго университета Александра Тимофеевича Мадерскаго и секретаря вольнаго экономическаго общества Романа Романовича Штрандмана?

2. Какимъ образомъ съ ними познакомился, посѣщалъ ли ихъ или бывшія у нихъ собранія?

3. Въ какихъ отношеніяхъ состояли онъ и помянутыя лица къ Петрашевскому?

4. Не имѣлъ ли съ ними сужденія о предметахъ политическихъ и въ чемъ оныя заключались?

5. Не предлагалъ ли ему Петрашевскій участвовать въ выписываніи книгъ, касающихся соціальныхъ системъ и

6. Не припомнитъ ли онъ, Салтыковъ, что весною 1846 г., во время посѣщенія имъ Штрандмана, былъ у него разговоръ объ устройствѣ общей библіотеки, причемъ, Петрашевскій разсказывалъ заглавія книгъ и взялся ихъ доставить.

— «Все это» — писалъ шефъ жандармовъ генералъ Дубельтъ — «Салтыковъ обязанъ объяснить съ полной откровенностью, обнаруживъ, если ему извѣстно, всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ Петрашевскаго и подтверждая при томъ каждое указаніе или какой-либо выводъ опредѣленными фактами.»

Пакетъ прибылъ въ Вятку въ отсутствіе Середы; онъ былъ въ это время въ г. Елабугѣ; такъ какъ пакетъ адресо-

ванъ былъ въ «собственныя руки» его немедленно отослали съ нарочнымъ курьеромъ въ Елабугу. Вернувшись въ Вятку губернаторъ поручилъ допросъ Салтыкова ассесору губернскаго правленія Кабалерову. Передавъ ему бумагу Дубельта, Середа и отъ себя сдѣлалъ добавленіе къ инструкціи — учинить допросъ внезапно, совмѣстно съ жандармскимъ офицеромъ. И вотъ, 24 сентября Кабалеровъ и жандармскій полковникъ Андреевъ, въ 6 часовъ вечера «внезапно» явились на квартиру Салтыкова и начали допросъ. На предлагавшіеся постепенно вопросы Салтыковъ собственноручно написалъ слѣдующее объявленіе:

«Изъ поясненныхъ въ вопросныхъ пунктахъ лицъ дѣйствительно зналъ года три или даже четыре тому назадъ Буташевича—Петрашевскаго и Штрандмана; съ Буташевичемъ—Петрашевскимъ я познакомился по тому случаю, что онъ воспитывался въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ почти въ одно время со мной, т. е. онъ былъ въ старшемъ курсѣ, тогда какъ я былъ въ младшемъ; Штрандмана я узналъ, не припомню, у Петрашевскаго или у покойнаго Валеріана Майкова, но никогда коротко не былъ съ нимъ знакомъ и ни онъ у меня, ни я у него не бывалъ. По выходѣ изъ лицея (въ 1844 г.) я бывалъ у Петрашевскаго нерѣдко по пятницамъ, когда у него собиралось человѣкъ по 6-ти, а иногда и семи; изъ числа бывшихъ лицъ помню Валеріана Майкова (нынѣ умершаго) Евгенія Есакова, Николая Данилевскаго, Аполлона Григорьева и Штрандмана. Можетъ быть были и другія лица, но я ихъ въ настоящее время, по совѣсти, не припомню. Мадерскаго я только зналъ по фамиліи, какъ человѣка, жившаго на хлѣбахъ у Петрашевскаго или что-то вродѣ.

Цѣли у этихъ собраній первоначально не было никакой; впослѣдствіи же времени Петрашевскій предложилъ сдѣлать складку, сколько кто можетъ, на выписку книгъ, преимущественно школы Фурье, но изъ насъ нѣкоторые, а въ томъ числѣ Есаковъ, Данилевскій, Майковъ и я, настаивали и настояли на томъ, чтобы библіотека была составлена не изъ однихъ книгъ, касающихся соціальныхъ системъ, но по преимуществу, изъ сочиненій политико-экономистовъ. Впрочемъ, этой библіотекою я вовсе не занимался, и книгъ изъ нея почти никогда не бралъ, за весьма малыми исключеніями, и какія именно книги выписывались не знаю, потому что Петрашевскій, какъ распорядитель, совершенно забралъ деньги къ себѣ и выписывалъ, что хотѣлъ, а по преимуществу ничтожныяыя и по существу и по цѣнѣ своей брошюры вродѣ: «Rotschild roi des juifs» и разныя другія.

Все это вмѣстѣ взятое, и кромѣ того разныя выходки Петрашевскаго, выходки дикія и неумѣстныя, клонившіяся большею частью къ произведенію скандала въ публичныхъ мѣстахъ, а также появленіе въ нашемъ обществѣ новыхъ лицъ, съ которыми я не имѣлъ никакой охоты сблизиться, какъ напр. Благовѣщенскаго, какого то господина въ синихъ очкахъ, произвели мало по-малу охлажденіе въ отношеніяхъ

моихъ къ Петрашевскому, такъ что, съ начала 1846 г. или въ концѣ 1845 г., я совершенно прекратилъ съ нимъ всякое знакомство, и развѣ изрѣдка встрѣчался съ нимъ на улицѣ. Въ одно время со мною перестали ѣздить къ Петрашевскому Есаковъ и Майковъ. Что же касается до Данилевскаго и Григорьева, то первый изъ нихъ около этого времени выѣхалъ изъ Петербурга и прожилъ въ деревнѣ болѣе года, а второго я такъ мало зналъ, что не интересовался знать, что съ нимъ сдѣлалось. Въ собраніяхъ у Петрашевскаго бывали иногда и политическіе разговоры, но они никогда не имѣли другого предмета, кромѣ текущихъ новостей. Особенно демагогическихъ идей не помню, чтобы кто-нибудь высказывалъ, исключая развѣ Петрашевскаго, который дѣлалъ это болѣе по удали и молодечеству, нежели по убѣжденію. Рѣзкость мнѣній Петрашевскаго была одною изъ причинъ моего отдаленія отъ него вмѣстѣ съ Майковымъ и Есаковымъ.

Факта, заключающагося въ 2 пунктѣ вопросовъ не было, да и быть не могло, потому что ни я у Штрандмана, ни онъ у меня никогда не бывали, да и знакомъ я съ нимъ былъ весьма мало. При этомъ же, какъ я выше объяснилъ, съ 1846 г. сношенія мои съ этими господами вовсе прекратились; въ этомъ я имѣю полное убѣжденіе или же память слишкомъ измѣняетъ мнѣ. Повторяю: съ Петрашевскимъ и Штрандманомъ я никогда дружественныхъ отношеній не имѣлъ, а поддерживалъ съ первымъ знакомство ради книгъ, которыя онъ взялся выписывать, а съ 1846 г., видя несчастный выборъ этихъ книгъ, я и эти отношенія прекратилъ, и былъ скорѣе въ непріязни съ нимъ, нежели въ дружбѣ.»

«Все это объясняю совершенно справедливо» — заканчивалъ показаніе Салтыковъ, — «по долгу присяги, сколько могу себѣ припомнить и при томъ вовсе не обдумавъ заранѣе своихъ отвѣтовъ».

Послѣ ухода «гостей» Салтыковъ вспомнилъ еще нѣкоторыя обстоятельства, въ сущности подробныя детали, о своемъ знакомствѣ съ кружкомъ «петрашевцевъ», и на слѣдующій день послалъ Кабалерову дополнительное показаніе, въ которомъ писалъ:

«Припоминая обстоятельства моихъ отношеній къ г. Буташевичу—Петрашевскому, я долженъ повторить сказанное уже мною въ прежнемъ показаніи моемъ, а именно, что они начались во время пребыванія моего въ лицеѣ. Хотя Петрашевскій былъ въ старшемъ курсѣ, а я въ младшемъ, но такъ какъ онъ былъ не любимъ своими товарищами, то большую часть времени проводилъ въ низшихъ классахъ. Началомъ сближенія моего съ Петрашевскимъ были литературныя занятія, къ которымъ въ то время я имѣлъ большую склонность. Отношенія эти продолжались и по выходѣ Петрашевскаго изъ лицея и онъ неоднократно пріѣзжалъ въ Царское Село, вызываясь издавать журналъ и приглашая меня въ сотрудники, чему я тоже всей душой, по молодости, вѣрилъ. Обстоятельство это можетъ подтвердить бывшій

товарищъ мой, служащій нынѣ въ одномъ изъ департаментовъ Правительствующаго Сената Дмитрій Александровичъ Засядко, которому Петрашевскій дѣлалъ подобныя же предложенія. Приглашеніе участвовать въ предполагаемомъ журналѣ дѣлаемо было, сколько могу припомнить, и другому товарищу моему Владиміру Степанову, впослѣдствіи исключенному изъ лицея и опредѣлившемуся въ Дерптскій университетъ. Но, впрочемъ, утвердительно завѣрить этого послѣдняго обстоятельства, по давно прошедшему времени, не могу.

По выходѣ моемъ изъ лицея, та же самая мысль изданія журнала поддерживала мое знакомство съ Петрашевскимъ, для этой цѣли Петрашевскій предложилъ покупать и книги, чтобы составить небольшую энциклопедическую библіотеку. Само собою разумѣется, что будучи въ то время весьма молодъ, (я выпущенъ изъ лицея восемнадцати лѣтъ) я не видѣлъ, да и не могъ видѣть въ изданіи этого журнала иной цѣли, кромѣ удовлетворенія желанію, весьма простительному въ молодости, видѣть свое имя въ печати. Впослѣдствіи, познакомившись съ нѣкоторыми изъ книгъ или точнѣе брошюръ, выписанныхъ Петрашевскимъ и, видя совершенную ихъ безполезность во всѣхъ отношеніяхъ, я съ лицами, поименованными въ прежнемъ моемъ показаніи, настаивали, чтобы выписываемы были книги болѣе серьезнаго и разнообразнаго содержанія. Подробно объяснить заглавій этихъ книгъ, по давности времени не могу, но помню, что имѣя желаніе заниматься политической экономіей и занимаясь пенитенціарною системой, я просилъ, чтобы были выписаны нѣкоторые главнѣйшіе экономисты, а также нѣсколько сочиненій о тюремной системѣ. Не успѣвъ въ этомъ я мало по малу удалился отъ Петрашевскаго и въ началѣ 1846 года прекратилъ всѣ близкія сношенія съ нимъ.

Въ 1846 году, хотя и выписаны были, по желанію моему, два сочиненія, изъ которыхъ одно «Théorie de l'emprisonnement par Ch. Lucas», другое извѣстное сочиненіе «Gustave de Beaumont Le systeme pénitentiare en Amérique», но такъ какъ я уже не былъ въ тотъ годъ вкладчикомъ, то и не пользовался ими, а было у меня сочиненіе Бомона нѣсколько времени, переданное мнѣ бывшимъ студентомъ Плещеевымъ или другимъ кѣмъ не припомню, но, такъ какъ Петрашевскій изъявилъ претензію, что я, не будучи вкладчикомъ, пользуюсь книгами изъ библіотеки, то я и возвратилъ его тогда же по принадлежности. Засимъ мнѣ остается дополнить, что съ 1846 г. былъ у Петрашевскаго не болѣе двухъ или трехъ разъ, и что происходило у него на сборищахъ съ того времени, какъ я пересталъ посѣщать ихъ, не знаю и не интересовался никогда узнавать.»

Закончивъ показаніе Салтыковъ въ концѣ добавилъ нѣсколько словъ по поводу своего изгнанія и своего положенія въ ссылкѣ.

«При семъ осмѣливаюсь сказать» — писалъ онъ — «нѣсколько словъ о собственномъ моемъ положеніи. На-

ходясь полтора года въ изгнаніи и удаленный отъ родныхъ, я, какъ особой милости, прошу въ оправданіе свое разсмотрѣть статью, за которую я наказанъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что въ ней скорѣе будетъ замѣчено направленіе совершенно противное анархическимъ идеямъ, нежели стараніе распространить эти идеи. Постоянный мой скромный образъ жизни, постоянное мое усердіе по службѣ, которое какъ бывшимъ, такъ и настоящимъ моимъ начальствомъ можетъ быть засвидѣтельствовано, достаточно опровергаютъ мысль о разрушительныхъ, будто бы, намѣреніяхъ моихъ. Болѣе же всего непричастность моя подобнымъ намѣреніямъ доказывается постепеннымъ моимъ удаленіемъ съ 1846 г. отъ общества Петрашевскаго. Конечно, у меня были заблужденія, но заблужденія эти были скорѣе результатомъ юношескаго увлеченія и неопытности, нежели обдуманнымъ желаніемъ распространять вредъ, да и при томъ же за нихъ я уже полтора года страдаю изгнаніемъ. Хотя я, по особой милости Государя Императора, переведенъ въ г. Вятку не просто на жительство, а на службу, но я доселѣ не имѣю никакого штатнаго мѣста, да и едва ли могу его имѣть, потому что характеръ сосланнаго по Высочайшему повелѣнію будетъ постоянной преградой къ порученію мнѣ какой-либо сколько нибудь значительной должности. Такимъ образомъ, служебная карьера, на которую я единственно разсчитывалъ, навсегда для меня закрыта.

Всѣ эти обстоятельства и, наконецъ, искреннее мое раскаяніе въ совершенномъ моемъ проступкѣ, осмѣливаюсь повергнуть на милостивое усмотрѣніе правительства.»

IV.

Въ должности совѣтника губернскаго правленія.

Въ іюнѣ 1850 г. открылась вакансія совѣтника губернскаго правленія. Середа, видимо, очень хотѣлъ воспользоваться случаемъ выдвинуть Салтыкова и предоставить эту должность ему, но были и другіе кандидаты, которыхъ обойти было нельзя. Онъ представилъ министру трехъ: старшаго чиновника особыхъ порученій Ціолковскаго, Салтыкова и Нолинскаго земскаго исправника Хрейтовича.

Серьезнымъ конкурентомъ являлся Ціолковскій, такъ какъ онъ былъ старше Салтыкова по службѣ; старшинство же довольно строго соблюдалось. Должность чиновника особыхъ порученій считалось кандидатской, переходной; назначались на эту должность преимущественно оканчивавшіе высшее образованіе впередъ до открытія вакансіи штатнаго мѣста; обойти кандидата при открывшейся вакансіи было крайне неудобно, такъ какъ всѣ почти кандидаты имѣли одинаковыя права. У Ціолковскаго было одно пре-

пятствіе — онъ былъ родственникомъ вице-губернатора Костливцева и это обстоятельство открывало дорогу для Салтыкова. Все же Середой представлены были въ Петербургъ всѣ три кандидата. Салтыковъ былъ вторымъ по порядку. Была, правда, еще не увѣренность въ томъ какъ отнесется Петербургъ къ кандидатурѣ Салтыкова, такъ какъ это было крупное повышеніе и назначеніе на довольно высокій постъ.

Со своей стороны Середа не пожалѣлъ, конечно, красокъ, чтобы дать о Салтыковѣ самую наилучшую аттестацію. Перечисливъ подробно всѣ порученія какія выполнилъ М. Е., охарактеризовавъ его какъ самаго исполнительнаго, самаго дѣятельнаго чиновника, относившагося къ исполненію своихъ обязанностей съ особымъ усердіемъ, Середа писалъ, между прочимъ, что, «получивъ отличное воспитаніе и имѣя весьма замѣчательныя умственныя способности, онъ пріобрѣлъ навыкъ къ дѣлопроизводству и теперь, съ большой пользой для службы, постоянно употребляется для письменныхъ занятій по дѣламъ особой важности».

Въ заключеніе Середа добавилъ, что «опредѣленіе Салкова совѣтникомъ было бы весьма подходящимъ и цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, такъ какъ онъ, въ должности чиновника особыхъ порученій, имѣя дѣла, однородныя съ производившимися въ хозяйственномъ отдѣленіи губернскаго правленія достаточно съ ними ознакомился и болѣе чѣмъ кто-либо, безъ затрудненія и съ пользой для службы могъ бы управлять отдѣленіемъ.»*)

Старанія Середы увѣнчались успѣхомъ. 5 августа состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи Салтыкова совѣтникомъ губернскаго правленія. Второе отдѣленіе губернскаго правленія, переданное въ вѣдѣніе Салтыкова, было самымъ крупнымъ и важнымъ губернскимъ административнымъ аппаратомъ. Здѣсь сосредоточены были дѣла о городскихъ думахъ, магистратахъ и ратушахъ и пр. Общественные выборы, торги всевозможныхъ родовъ, подряды, раскладки городскихъ сборовъ, все это происходило подъ непосредственнымъ контролемъ 2-го отдѣленія; имъ же регулировалось отправленіе крестьянами натуральной дорожной повинности; въ вѣдѣніи же 2-го отдѣленія находились дѣла о раскольникахъ, о тюрьмахъ и тюремныхъ комитетахъ.

Десятью годами раньше въ должности совѣтника 2-го отдѣленія Новгородскаго губернскаго правленія, также въ положеніи ссыльноподнадзорнаго, состоялъ, какъ извѣстно, и А. И. Герценъ.

«Я увѣренъ» — писалъ онъ — «что три четверти людей, которые прочтутъ это не повѣрятъ, а между тѣмъ это сущая правда, что я, какъ совѣтникъ губернскаго правленія, управляющій вторымъ отдѣленіемъ, свидѣтельствовалъ каждые три мѣсяца рапорты полицеймейстера о самомъ себѣ, какъ о человѣкѣ, находившемся подъ полицейскимъ надзо-

*) Д. №-65 Вятскаго Губернскаго Правленія, хранящееся въ Петроградской Академіи Наукъ.

ромъ. Полицеймейстеръ, изъ учтивости, въ графѣ о поведеніи ничего не писалъ, а въ графѣ занятій ставилъ «занимается государственной службой».

Совершенно въ такомъ же положеніи былъ и Салтыковъ. Мало того, онъ произволилъ нѣсколько разслѣдованій о поднадзорныхъ, составлялъ свѣдѣнія о нихъ для годовыхъ отчетовъ и т. д. Такъ 1850 г., бѣжалъ ихъ Вятки состоявшій подъ надзоромъ графъ Потоцкій, который былъ задержанъ въ Воронежѣ. Слѣдствіе объ этомъ, въ виду подкупа Потоцкимъ полицеймейстера, способствовавшаго побѣгу, производилось особой комиссіей, присланной изъ Петербурга. Потоцкій изложилъ объясненіе по поводу своего побѣга въ обширной запискѣ на 20 листахъ на французскомъ языкѣ: пригласили въ качествѣ переводчика преподавателя мѣстной гимназіи, но онъ могъ удѣлить этой работѣ не болѣе двухъ часовъ въ день, довѣрить же записку на домъ преподавателю не рѣшались; единственнымъ «надежнымъ», кому можно было довѣрить записку Потоцкаго, оказался Салтыковъ; она и была ему передана для перевода.

Въ вѣдомостяхъ о поднадзорныхъ, представлявшихся два раза въ годъ Государю, въ графѣ: «о поведеніи» противъ фамиліи «Салтыковъ» всегда оставлалось чистое мѣсто и Середа собственноручно добавлялъ: «въ Вяткѣ состоитъ на службѣ совѣтникомъ губернскаго правленія съ полнымъ окладомъ жалованія. По отличному усердію къ службѣ и хорошему поведенію вполнѣ одобряется.»

Главными вопросами новой кабинетно-административной дѣятельности Салтыкова были вопросы устройства городовъ и регулированіе хозяйственной ихъ жизни. Выполняя въ должности чиновника особыхъ порученій губернаторскія обязаности по обревизованію городскихъ общественныхъ самоуправленій, Салтыковъ въ достаточной мѣрѣ ознакомился съ состояніемъ городовъ и ихъ внутренней жизнью. Полное разстройство въ городскихъ хозяйствахъ, нерадѣніе со стороны выборныхъ должностныхъ лицъ, небрежность, неисполненіе распоряженій высшихъ властей, взяточничество и расхищеніе общественнаго достоянія — вотъ картина, которая рисовалась ему послѣ каждой ревизій. При детальномъ ознакомленіи и изслѣдованіи причинъ столь печальнаго состоянія городовъ, оказывалось, что главный корень зла — въ неудовлетворительности выборныхъ лицъ и полной непригодности ихъ къ управленію городскими хозяйствами. Исполненіе общественныхъ должностей по выборамъ считалось большимъ обремененіемъ; лучшіе люди уклонялись отъ общественныхъ должностей, въ результатѣ на нихъ попадали малограмотные, совершенно несвѣдущіе въ городскихъ хозяйствахъ; такія лица мало интересовались общественными дѣлами и они переходили въ руки какого либо пройдохи секретаришки, часто съ запятнаннымъ прошлымъ. Уже самые выборы производились безъ соблюденія правилъ и законовъ о выборахъ, по домашнему-келейно. Въ выборахъ участвовало далеко не все сословіе;

приговоры составлялись отъ небольшой группы, и выдавались за приговоры всего общества; о кандидатахъ на выборныя должности никакихъ справокъ не наводилось, такъ что, нерѣдко, были случаи, что на общественныхъ должностяхъ оказывались лица опороченныя по суду.

Кассы городовъ, за весьма небольшимъ исключеніемъ пустовали. При самыхъ даже незначительныхъ расходахъ на содержаніе городскихъ самоуправленій получавшихся доходовъ не хватало. Для покрытія дефицита городскія общества прибѣгали къ добровольнымъ раскладкамъ. Налогъ этотъ являлся «самымъ отяготительнымъ и неравномѣрнымъ для городскихъ жителей», такъ какъ раскладка производилась только между лицами, принадлежащими къ городскому сословію: купцами, мѣщанами и цеховыми; дворяне же, чиновники и лица интеллигентныхъ профессій въ добровольномъ самообложеніи не участвовали.

По небрежности и нерадѣнію выборныхъ лицъ, городскія подати взыскивались очень слабо и неаккуратно; ежегодно большая часть повинностей перечислялась въ недоимку; безплодная переписка о взысканіи ея тянулась иногда по нѣсколько лѣтъ; нѣкоторыя изъ недоимокъ насчитывали, напримѣръ, 20-лѣтнюю давность; недоимщики умирали, выходили изъ городского сословія, а недоимка аккуратно, каждое 1-ое января, переписывалась изъ книги въ книгу и, наконецъ, какъ безнадежная, слагалась съ неплательщиковъ. Городскія имущества эксплоатировались небрежно; при отдачѣ ихъ съ торговъ въ оброчное содержаніе или потомственное пользованіе допускались большія злоупотребленія, наносившія колоссальный матеріальный ущербъ городскимъ финансамъ. Сватовство, кумовство, подкупы, угощенія играли большую роль и торги, зачастую, были лишь фикціей.

Чтобы привести хозяйство губерніи въ болѣе или менѣе нормальное состояніе нужно было пресѣчь злоупотребленія, устранить всѣ неправильности и ошибки и вывести городскія самоуправленія на правильный хозяйственно-экономическій путь. Этой работой и занялся Салтыковъ, сѣвъ на кресло совѣтника губернскаго правленія и изъ подъ его административнаго пера цѣлыми серіями начали выходить предписанія, циркуляры, указы, вносившіе коррективы въ дѣйствія и постановленія самоуправленій и регламентировавшіе ихъ на основѣ законности и порядка.

«Соблюденіе городскими обществами всѣхъ формъ, которыя предписаны закономъ» — говорилъ онъ — «служатъ единственнымъ ручательствомъ къ искорененію произвола и злоупотребленій». А потому онъ требовалъ и настаивалъ на точномъ исполненіи всѣхъ законныхъ распоряженій и въ этомъ отношеніи былъ чрезвычайно строгъ и педантиченъ.

Особымъ циркулярнымъ распоряженіемъ всѣмъ городскимъ самоуправленіямъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность, чтобы передъ выборами обязательно составлялись списки кандидатовъ, а до этого собирались свѣдѣнія: не было ли включаемое въ кандидатскій списокъ лицо подъ

судомъ, за что именно и что по суду оказалось, исправляло ли оно общественныя должности, какія и когда именно и т. д.; въ отношеніи самихъ выборовъ строжайше предлагалось производить ихъ только при наличіи не менѣе $^3/_4$ членовъ общества, а избранныя лица допускались къ исправленію должности только послѣ утвержденія ихъ соотвѣтствующей инстанціей. Конечно, требованія эти подкрѣплялись затѣмъ самой внимательной и строгой провѣркой выборныхъ производствъ и неутвержденіемъ тѣхъ выборовъ, которые произведены были съ нарушеніемъ закона и отданныхъ распоряженій и указаній.

На каждой отрасли городского хозяйства, на каждомъ отдѣльномъ фактѣ Салтыковъ останавливался весьма подробно, подвергая его всестороннему изслѣдованію и подробному анализу, стараясь разрѣшить возникавшіе вопросы наиболѣе цѣлесообразно съ наибольшей выгодой для городскихъ хозяйствъ. Такъ, имъ обнаружено было напримѣръ, что нѣкоторые города, составляя своего рода исключеніе, сводили смѣты безъ дифицита и имѣли даже нѣкоторую экономію: образовывался капиталецъ. Явленіе, казалось бы. отрадное и каждый чиновникъ на мѣстѣ Салтыкова констатировалъ бы его съ особымъ удовольствіемъ. Салтыкова же это не удовлетворило и онъ поинтересовался — что съ этимъ капитальцемъ дѣлается, на какія пользы и нужды общественныя онъ употребляется? Оказалось, что, такъ прозванныя «остаточныя» городскія суммы отдавались въ ссуду частнымъ лицамъ подъ векселя; конечно и тутъ было тоже, что и при торгахъ: сватовство и кумовство, а то, можетъ быть просто поближе стоявшіе къ этимъ суммамъ ссужали самихъ себя. Такія операціи Салтыковъ призналъ незаконными и отдалъ распоряженіе, чтобы города «отнюдь не позволяли себѣ отдавать остаточныхъ городскихъ капиталовъ въ ссуду частнымъ лицамъ, а немедленно отсылали ихъ на храненіе въ приказъ общественнаго призрѣнія».

Всматриваясь въ безконечную серію салтыковскихъ распоряженій, въ эту реставрацію городского хозяйства ясно видишь что ни одна, самая незначительная, самая ничтожная отрасль, небольшая частица даже городского хозяйства не оставлена была безъ вниманія. Такъ, имъ поднятъ былъ вопросъ о введеніи торговыхъ депутатовъ для надзора за торговлей, онъ проектировалъ образованіе депутатскихъ собраній для провѣрки правъ на вступленіе въ члены городскихъ обществъ, вносилъ проектъ объ упраздненіи особаго судебнаго управленія для лицъ городского сословія, съ цѣлью облегчить для обывателей отправленіе выборныхъ должностей и сліяніи его съ уѣздными судами, предлагалъ городскимъ магистратамъ озаботиться правильнымъ устройствомъ цеховыхъ управленій и т. д. и т. д.

«Надо надѣяться» — писалъ онъ въ докладѣ своемъ о думахъ, магистратахъ и ратушахъ для годового отчета — «что со временемъ когда всѣ сіи распоряженія примутъ надлежашее дѣйствіе и укоренятся силою обычаевъ, общест-

венное управленіе и городское хозяйство пріобрѣтутъ болѣе правильное устройство».

Первый годъ въ должности совѣтника Салтыковъ провелъ въ кабинетной работѣ, но дальше начались безпрерывные разъѣзды его по обревизованію городскихъ, общественныхъ самоуправленій. Въ теченіи двухъ лѣтъ на почтовыхъ лошадяхъ, по ужаснымъ, ухабистымъ дорогамъ, зимой при морозахъ, доходящихъ въ Вятской губ. до 35—40° онъ исколесилъ губернію вдоль и поперекъ; имъ обревизованы были Нолинскій земскій судъ по спеціальному порученію губернатора, Орловская, Слободская и Сарапульская городскія думы, Сарапульскій городовой магистратъ, Елабужское городское управленіе, Елабужскій земскій судъ, дѣлопроизводство Малмыжскаго городского головы и попутно много другихъ учрежденій.

Ревизіи губернскихъ чиновниковъ всегда производились по установившемуся шаблону. Дѣятельность ревизовавшихся учрежденій, въ большинствѣ случаевъ, оцѣнивалась по количеству разсмотрѣнныхъ дѣлъ, по количеству «входящихъ» и «исходящихъ» бумагъ, а главнымъ образомъ неисполненныхъ. Если число неисполненныхъ бумагъ и неразрѣшенныхъ дѣлъ не велико, если не было со стороны гражданъ, жалобъ, значитъ, все обстояло благополучно, а это благополучіе сопровождалось выраженіемъ благодарности высшаго начальства. Подъ эту «благодарность» умѣли подвести какъ ревизуемыхъ такъ и ревизующихъ.

Ревизія Салтыкова была нѣсколько иной. Онъ совершенно не интересовался ни количествомъ «входящихъ» и «исходящихъ», ни количествомъ разсмотрѣнныхъ и неразсмотрѣнныхъ дѣлъ. На поверхностную, показную сторону онъ обращаетъ мало вниманія, а старается проникнуть въ самое нутро учрежденія, въ сущность его дѣятельности и затрагиваетъ такія стороны, которыми никогда и никто не интересовался.

Записки Салтыкова и доклады по его ревизіямъ представляютъ поэтому колоссальный интересъ. Это не сухой перечень того, что дѣлалъ чиновникъ при ревизіи, какъ онъ осматривалъ дѣлопроизводство и денежныя книги, шнуры къ печати которыхъ, оказались въ цѣлости, а денежныя суммы на лицо. Доклады Салтыкова, это отраженіе всей жизни обревизованнаго учрежденія и яркая картинная характеристика его дѣятельности.

«Нѣтъ злоупотребленій» — пишетъ Мих. Евгр. въ одномъ изъ такихъ своихъ докладовъ — «но нѣтъ и ни малѣйшей заботливости къ сохраненію городскихъ интересовъ».

Далѣе идутъ все тѣ же, уже извѣстныя, картины: недостаточно энергичное взысканіе податей и недоимокъ, халатное и преступно-небрежное неиспользованіе городскихъ имуществъ и т. д.

Несмотря на строжайшія предписанія, устранить неправильности при выборахъ оказалось не такъ то легко; такъ напримѣръ, при ревизіи Слободской городской думы имъ

обнаружено было, что при выборахъ повѣстки, по прежнему, разсылались однимъ только купцамъ, а въ списки избирателей оказались внесенными состоявшіе подъ судомъ: пять купцовъ и 38 мѣщанъ. На послѣднее обстоятельство Салтыковъ обращалъ особенное вниманіе, его не удовлетворялъ, главнымъ образомъ, личный составъ городскихъ самоуправленій, къ оздоровленію котораго принимались рѣшительныя мѣры.

Сдѣлавъ маленькій подсчетъ-статистику, онъ замѣчаетъ, что купцовъ больше на общественныхъ мѣстахъ нежели мѣщанъ и объясняетъ это недостаточнымъ проникновеніемъ въ низшее сословіе идей самоуправленія. Мѣщанское сословіе оставалось пассивнымъ къ выборамъ, а потому и неинтересовалось — посылаютъ ли имъ повѣстки на выборы или нѣтъ. Какъ же помочь этому дѣлу какъ заинтересовать низшіе слои и вовлечь ихъ въ общественную работу? «Чтобы достигнуть возможно большей искренности въ выборахъ» Салтыковъ полагалъ, что «слѣдуетъ принять принудительныя мѣры» для привлеченія мѣщанъ на общественныя должности, чѣмъ взаливать все на купцовъ и безъ того уже не слишкомъ ревностныхъ къ исполненію общественныхъ обязанностей. Но въ чемъ заключалась эта принудительная мѣра, какъ ее представлялъ себѣ Салтыковъ, этого онъ не договорилъ.

Наиболѣе существеннымъ тормозомъ для развитія дѣятельности городскихъ самоуправленій было слабое поступленіе налоговъ, что не позволяло иногда поставить даже какъ слѣдуетъ канцелярское производство; почти во всѣхъ магистратахъ, напримѣръ, за недостаточностью средствъ на содержаніе канцелярій тратилось всего на всего 400 р. въ годъ, сумма весьма ограниченная. Повинности поступали слабо. а цифра въ рубрикѣ «недоимки» все возрастала. Подкапываясь при ревизіи подъ корешекъ этого зла, Салтыковъ раскрылъ весьма любопытный и характерный способъ взысканія недоимки. Такъ какъ населеніе добровольно вносить недоимку или не хотѣло или не могло, то прибѣгали къ принудительнымъ мѣрамъ. Одной изъ радикальнѣйшей и распространенной была посылка военной экзекуціи.

Военная экзекуція состояла въ томъ, что къ недоимщику ставили отрядъ солдатъ, численность котораго зависѣла отъ величины суммы недоимки, предъ до уплаты. Военное начальство соглашалось на посылку экзекуціи только по внесеніи денегъ на всѣ расходы, связанные съ посылкой экзекуціи; городское самоуправленіе вносило эту сумму и зачисляло ее, конечно, въ недоимку тому же недоимщику. Расходъ по посылкѣ экзекуціи былъ очень большой, такъ что въ результатѣ. послѣ экзекуціи, недоимка увеличивалась вдвое, втрое и даже вчетверо противъ прежней.

Это бытовое въ то время явленіе сильно возмутило Салтыкова и онъ поднялъ вопросъ объ отмѣнѣ военныхъ экзекуцій, доказывая всю ихъ безцѣльность и несостоятельность. Началась оживленная междувѣдомственная переписка, такъ

какъ здѣсь затронуто было управленіе государственныхъ имуществъ, которое такимъ же способомъ взыскивало недоимку съ государственныхъ крестьянъ. Губернаторъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Салтыкова о необходимости отмѣны экзекуцій, представилъ дѣло на усмотрѣніе высшаго начальства, гдѣ этотъ вопросъ канулъ въ Лету.

При посѣщеніи городскихъ самоуправленій Салтыковъ всегда сталкивался съ страшнымъ индеферентизмомъ служившихъ по выборамъ. «Очевидно, что всѣ дѣйствія членовъ думы» — писалъ Салтыковъ объ Орловской думѣ въ 1852 г. — «направлены къ тому, чтобы какъ нибудь отбыть время службы, не попавъ подъ отвѣтственность, а не къ тому, чтобы принести пользу». «Кто боленъ, кто въ отпуску» — писалъ онъ о той же думѣ при обревизованіи ея спустя 2 года, въ 1854 году. «Члены думы имѣютъ даже совершенно неясное понятіе о принадлежащихъ городу имуществахъ и объ употребленіи ихъ», — писалъ онъ о Слободской городской думѣ. Незнаніе же гласными думъ законовъ и даже своихъ обязаностей было обычнымъ явленіемъ.

«Что касается головы» — писалъ Салтыковъ въ докладѣ о ревизіи Орловской городской думы — «то хотя онъ и не былъ на лицо во время ревизіи, но по всѣмъ вѣроятіямъ и онъ не большой любитель общественной службы, что усматривается изъ того, что онъ постоянно, четыре мѣсяца въ году находится въ отпуску». «Это бы ничего» — дѣлаетъ помѣтку notabene губернаторъ — «лишь бы остальные восемь мѣсяцевъ хорошо служилъ». Какъ служилъ голова «остальные восемь мѣсяцевъ» мы сейчасъ увидимъ.

Провѣря книгу оброчныхъ статей, принадлежавшихъ городу Орлову, Салтыковъ обнаружилъ, что въ книгу не внесена оброчная статья, находившаяся на Шапкиномъ островѣ. На заданные вопросы гласные думы не могли дать никакихъ свѣдѣній по этому поводу. Салтыковъ рѣшилъ лично осмотрѣть и убѣдиться что это за оброчная статья, которая не даетъ городу никакого дохода и даже не вносится въ книгу. Шапкинъ островъ оказался не аравійской безплодной пустыней, а прекраснымъ сѣнокоснымъ лугомъ. Салтыковъ прибылъ туда въ сопровожденіи понятыхъ, топографа и нѣсколькихъ гласныхъ въ самый разгаръ работы: рабочіе скашивали траву. На вопросъ С. «отъ кого изволятъ работать», косари къ великому изумленію гласныхъ отвѣтили, что работаютъ отъ и для городского головы Булычева. Гласные только пожимали плечами. По докладу Салтыкова началось разслѣдованіе и переписка, которая тянулась десять лѣтъ и тоже канула въ Лету.

Еще въ бытность свою въ лицеѣ, Салтыковъ заинтересовался пенитенціарной системой, знакомился съ литературой по этому вопросу и, повидимому, придавалъ ему большое значеніе. Участвуя въ составленіи списка книгъ для энциклопедической библіотеки, учреждавшейся Петрашевскимъ, онъ включилъ въ этотъ слисокъ, какъ мы видѣли уже изъ его показанія, нѣсколько книгъ по тюремной части. По случай-

ному стеченію обстоятельствъ въ Вяткѣ ему пришлось столкнуться съ этимъ вопросомъ по службѣ: въ его вѣдѣніи, какъ уже сказано было, находились всѣ тюрьмы и этапы губерніи.

Составляя докладъ о тюрьмахъ Салтыковъ нарисовалъ состояніе ихъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, такъ что губернаторъ былъ немного смущенъ и сдѣлалъ notaбene вопросъ: «такъ ли это?» Но оказалось, что все было именно такъ, какъ писалъ Салтыковъ и докладъ былъ приложенъ къ годовому отчету о состояніи губерніи.

По собственной иниціативѣ Салтыковымъ принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ для улучшенія самихъ тюремныхъ помѣщеній. По его настоянію почти во всѣхъ тюрьмахъ, помѣщавшихся въ частныхъ домахъ, произведены были необходимыя перестройки, и сооружены бани; тюремныя помѣщенія обнесены высокими заборами, такъ что получились свободные дворы для прогулокъ, и т. д.

Но еще большее вниманіе было обращено имъ на внутреннюю тюремную жизнь и распорядокъ и внесены весьма существенныя измѣненія и улучшенія быта заключенныхъ. Въ первую очередь обращено было вниманіе на правильное расходованіе кормовыхъ денегъ и питаніе заключенныхъ. Арестантскій котелъ былъ, своего рода, золотымъ дномъ для смотрителей тюремъ; кормили они арестованныхъ чѣмъ хотѣли и какъ хотѣли; если арестованные когда и жаловались на неудовлетвореніе ихъ положеннымъ раціономъ, то высшее начальство, на эти жалобы мало обращало вниманія: обычно принято было считать эти жалобы озорствомъ, а больше желаніемъ мстить смотрителямъ за строгій надзоръ; всѣ такія жалобы прятались подъ сукно. Салтыковъ, зная, что въ жалобахъ арестованныхъ есть большая доля правды, производилъ по нимъ разслѣдованіе и, если жалоба подтверждалась, привлекалъ виновныхъ къ отвѣтственности.

Больше всѣхъ наживались около тюремныхъ хозяйствъ подрядчики и поставщики.

> ...«съ казной дѣло имѣть выгоднѣе всего; она, можно сказать всѣмъ намъ кормилица...»*)

Заготовляя для арестованныхъ одежду, поставляя продовольствіе, они наживали на этомъ, конечно, большія деньги, но если бы еще честнымъ путемъ, а то вѣдь попросту мошенничали.

> «Намеднись вонъ я полушубки въ казну ставилъ, только развѣ что кислятиной отъ нихъ пахнетъ, а по прочему и званія то полушубка нѣтъ — тѣсто тѣстомъ; поди-ка я съ такими полушубками не токмо что къ торговцу хорошему, а на рынокъ — на смѣхъ бы подняли. Ну, а въ казнѣ все сойдетъ...»*)

*) «Губернскіе Очерки».

И сходило. Подмажутъ гдѣ надо — и плохая одежда, и бѣлье и недоброкачественные продукты, все сходило. Салтыковъ знакомъ былъ уже съ этими комбинаціями по бывшимъ у него въ производствѣ дѣламъ и потому зналъ какой дорожкой пойти, чтобы найти средство для борьбы съ этимъ зломъ. Заключеніе всѣхъ договоровъ на подряды и поставки разнаго рода предметовъ и продовольствія для тюремъ онъ взялъ лично на себя. Но здѣсь не ограничивался лишь подписаніемъ контрактовъ съ подрядчиками, а, какъ хорошій хозяинъ, самъ вникалъ во всѣ подробности поставокъ: самъ по возможности приступствовалъ при пріемкѣ и удостовѣрялся въ ихъ доброкачественности, вызывалъ къ себѣ подрядчиковъ и дѣлалъ имъ строгія внушенія за пропущенный ли срокъ, за неточность ли выполненія поставки и т. д., словомъ, всѣхъ подрядчиковъ прибралъ къ своимъ рукамъ и взялъ подъ свое покровительство все хозяйство тюремъ.

Забота объ облегченіи заключенныхъ лежала на обязанности «Попечительнаго о тюрьмахъ комитета», но это отчасти офиціальное, отчасти филантропическое учрежденіе дѣйствовало очень слабо, въ губернскій комитетъ входили лица больше изъ-за почета, чѣмъ для работы. Учрежденіе это было новое, члены его не могли еще усвоить цѣлей и задачъ своей дѣятельности и потому комитетъ былъ малодѣятельнымъ. Вступивъ въ члены комитета Салтыковъ оживилъ его работу и настоялъ на открытіи такихъ же уѣздныхъ комитетовъ. Пользу онъ приносилъ здѣсь огромную. Какъ членъ комитета, будучи знакомъ во всѣхъ подробностяхъ съ бытомъ тюремъ и положеніемъ заключенныхъ, онъ вносилъ всевозможнаго рода проекты къ облегченію участи заключенныхъ; въ качествѣ совѣтника губернскаго правленія, онъ оказывалъ содѣйствіе для проведенія въ жизнь тѣхъ постановленій, которыя выносились попечительнымъ комитетомъ.

Наконецъ, много иниціативы, труда и энергіи Салтыковъ положилъ въ дѣлѣ устройства въ Вяткѣ смирительнаго и рабочаго домовъ. Въ 1845 году изданы были дополнительныя правила къ уставу о содержащихся подъ стражей, которыя вводили нѣкоторыя измѣненія въ тюремную систему и предусматривали, между прочимъ устройство разнаго типа тюремъ исправительнаго значенія. Распоряженіе объ устройствѣ въ Вяткѣ рабочаго и смирительнаго домовъ совпало съ назначеніемъ Салтыкова совѣтникомъ губернскаго правленія, а потому естественно ему пришлось принять большое участіе и въ этомъ дѣлѣ. По распоряженію изъ Петербурга въ Вяткѣ образовался особый комитетъ, который долженъ былъ заняться разработкой плана устройства здѣсь смирительнаго и рабочаго домовъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. По обыкновенію къ комитету прилѣпились люди мало способные къ творческой работѣ, въ надеждѣ лишь на полученіе какой либо награды, а еще меньше свѣдущіе въ этомъ новомъ дѣлѣ. Салтыковъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который имѣлъ уже достаточную эрудицію въ

области тюремной системы; на него и взвалили всю тяжесть работы.

Войдя въ комитетъ въ качествѣ члена, дѣлопроизводителя дѣлъ, онъ являлся главнымъ руководителемъ работъ комитета. При составленіи плана устройства смирительнаго и рабочаго домовъ преслѣдовалась главная цѣль достигнуть полнаго изолированія арестованныхъ различныхъ половъ, возрастовъ и нравственности. Какъ исправительная мѣра вводилось обязательство физическаго труда въ видѣ производства кустарныхъ издѣлій, которыя могли бы имѣть сбытъ на мѣстномъ рынкѣ и арестованные быстро получали бы вознагражденіе за свой трудъ, что улучшило бы ихъ питаніе. Всѣ эти соображенія указаны были архитектору, составлявшему планъ постройки. Сооруженный въ Вяткѣ по плану. разработанному при самомъ живомъ участіи Салтыкова, рабочій и смирительный домъ и до настоящаго времени существуетъ подъ новымъ названіемъ, кажется, «Исправительный домъ».

Среди многочисленныхъ докладовъ, которые Салтыкову приходилось составлять по порученію губернатора для годовыхъ отчетовъ, имъ были написаны два доклада по крестьянскому вопросу: «о состояніи крестьянъ всѣхъ вѣдомствъ» и «о повинностяхъ и податяхъ».

Въ первомъ докладѣ обычнаго Салтыкова, грознаго «обличителя», подкапывающагося «подъ корешокъ», анализирующаго и освѣщающаго взятый вопросъ во всей его полнотѣ, требующаго реформъ и преобразованій, не было. Былъ обычный Салтыковъ — чиновникъ, писавшій по приказанію, по выработанному шаблону, передававшій не свои, а чужія мысли администраторъ. Докладъ написанъ сухимъ официальнымъ языкомъ, общими фразами, а потому вышелъ мало интереснымъ, совершенно не похожимъ на другіе салтыковскіе доклады. Такъ и чувствуется, что писалъ онъ его по принужденію, не охотно, «съ цѣлью» отмахнуться, отдѣлаться...

Въ докладѣ этомъ на первомъ мѣстѣ по благосостоянію поставлены крестьяне Удѣльнаго Вѣдомства. Явленіе это Салтыковъ объяснилъ тѣмъ, что удѣльныя имѣнія расположены въ наиболѣе плодородныхъ южныхъ уѣздахъ губерніи Яранскомъ и Сарапульскомъ и лишь крестьяне Елабужскаго уѣзда жили сравнительно бѣднѣе, такъ какъ среди нихъ ощущался недостатокъ въ землѣ. На второмъ мѣстѣ были государственные крестьяне. Положеніе ихъ разсматривалось также довольно удовлетворительнымъ и это приписывалось заботливой рукѣ мѣстнаго Управленія Государственныхъ Имуществъ. И лишь состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ хотя и очень немного было въ Вятской губ., выставлялось въ неудовлетворительномъ видѣ; среди этихъ послѣднихъ онъ выдѣлилъ крестьянъ помѣщиковъ: Дурново въ Яранскомъ уѣздѣ, Де-Бособра — въ Малмыжскомъ и Тевкелева — въ Елабужскомъ, сравнительно передъ другими, находившихся въ лучшемъ положеніи.

Попутно Салтыковъ обратилъ въ своемъ докладѣ вниманіе на наблюдавшееся развитіе среди крестьянъ разныхъ пороковъ, которые вреднымъ образомъ отражались на ихъ матеріальномъ состояніи. Пороками этими были пьянство и ябедничество. Пьянство поглощало послѣдніе мужицкіе гроши, ябедничество втягивало въ суды и отнимало иногда массу драгоцѣннаго времени.

Къ искорененію пьянства, сильно вкоренившагося среди крестьянства и «подрывавшаго его матеріальное благосостояніе» не принималось почти никакихъ мѣръ. Управленіе государственныхъ имуществъ пробовало примѣнять карательныя мѣры и отдавать имущество расточительныхъ въ опеку; но эта мѣра не давала никакихъ результатовъ и пьянство продолжало процвѣтать. Салтыковъ сталъ также на точку зрѣнія необходимости примѣненія карательныхъ мѣръ.

«Весьма важное вліяніе можетъ имѣть на нравственность крестьянъ» — писалъ онъ — «предоставленное обществомъ право отдавать въ рекруты безъ зачета, замѣченныхъ въ дурномъ поведеніи и ссылать въ Сибирь на поселеніе тѣхъ изъ нихъ, которые опорочены по суду».

Врядъ ли можно было признать эту мѣру цѣлесообразной. Уже одно то, что общество не пользовалось предоставленнымъ ему правомъ отдавать въ рекруты и ссылать въ Сибирь доказываетъ, что она не могла дать никакихъ результатовъ. Меньше всего можно было ожидать одобренія этой мѣры отъ Салтыкова, такъ какъ это явилось полнымъ противорѣчіемъ общимъ его взглядамъ на способы борьбы съ антиобщественными и аморальными явленіями.

Еще болѣе парадоксальное мнѣніе было имъ высказано по вопросу о борьбѣ съ ябедничествомъ. «Что же касается до страсти къ ябедамъ» — писалъ Салтыковъ — «то, хотя съ одной стороны порокъ этотъ много способствуетъ къ умноженію и безъ того уже значительнаго числа дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ Вятской губ., но съ другой стороны фактъ этотъ доказываетъ и то, что крестьяне имѣютъ довѣріе къ лицамъ, на которыхъ возложены обязанности управленія».

Во второмъ докладѣ: о повинностяхъ и податяхъ, также много общихъ и сухихъ мѣстъ. — Коснувшись недоимокъ С. указывалъ, что болѣе всего недоимокъ числилось на государственныхъ крестьянахъ Слободского уѣзда, но взысканіе шло не успѣшно не потому что крестьяне не хотѣли платить, а по несостоятельности къ платежу самихъ заводчиковъ; въ общемъ же по всей губерніи — говорилось въ докладѣ — взысканіе податей производилось успѣшно. Въ вопросѣ о подводной повинности С. указалъ на замѣченную имъ ненормальность — разницу сбора, который въ разныхъ обществахъ колобался отъ 25 до 40 к. съ души.

Лишь въ части, касающейся дорожной повинности. Салтыковъ говорилъ немного смѣлѣе и докладъ свой развилъ нѣсколько шире, вѣроятно потому, что замѣченные имъ де-

фекты, осложнявшіе эту повинность происходили не столько вслѣдствіе общаго положенія, сколько благодаря отсутствію распорядительности со стороны мѣстныхъ властей.

«Совѣтники другихъ отдѣленій» — вспоминалъ А. И. Герценъ о своемъ новгородскомъ совѣтничествѣ — «были закаленные старые писцы, дослужившіеся десятками лѣтъ до совѣтничества, жили одной службой т. е. взятками. Когда они поняли, что я не буду участвовать ни въ дѣлежѣ общихъ доходовъ, ни самъ грабить, они стали на меня смотрѣть, какъ на непрошеннаго гостя и опаснаго свидѣтеля.»

И въ этомъ отношеніи Салтыковъ былъ въ такомъ же положенія, какъ и А. И. Герценъ. Взятка царствовала тогда съ верху до низу, ею заражены были буквально всѣ, начиная съ самаго мелкаго приказнаго, и кончая губернаторомъ. Помня свагельское ученіе, что «всякъ даръ совершенъ и всякое даяніе благо» чиновники брали деньгами, подношеніями брали натурой, а то и просто угощеніемъ. Уѣздные чиновники обирали горожанъ и мужиковъ, губернскіе — обирали уѣздныхъ чиновниковъ, такъ и шло кругообращеніе взяточничества.

> «Губернія наша дальняя, дворянства этого нѣтъ, ну и жили мы тутъ, какъ у Христа за пазухой: съѣздишь бывало, въ годъ разъ, въ губернскій городъ, поклонишься чѣмъ Богъ послалъ благодѣтелямъ, и знать больше ничего не хочешь. Этого и не бывало, чтобъ подъ судъ попасть, или ревизія тамъ какая нибудь, какъ нынче — все шло себѣ какъ по маслу...»*)

Особенно «хлѣбнымъ» считалось 2-е отдѣленіе губернскаго правленія дававшее предшественникамъ Салтыкова большіе доходы, такъ какъ здѣсь сосредоточены были казенныя поставки, ну, а подрячики не жалѣли, конечно, денегъ на взятки, которыя съ лихвой покрывались «надбавочными» цѣнами.

> «...Такъ вотъ изволите ли видѣть, съ казной потому намъ дѣло имѣть естественнѣе, что тутъ, можно сказать, риску совсѣмъ не бываетъ. Въ срокъ ли, не въ срокъ ли выставишь, — казна все мнетъ. Конечно — съ, тутъ не безъ расходовъ, да за то и цѣны совсѣмъ другія, не супротивъ обыкновенныхъ-съ...»**)

Салтыковъ, отличаясь необыкновенной честностью конечно, ни въ какія сдѣлки съ поставщиками не входилъ.

---

*) «Губернскіе Очерки».
**) Ibid.

«... Одного только не могу я достичь — говоритъ онъ въ «Губ. Оч.» — это ловкости въ переговорахъ съ заводчиками, подрядчиками и пр., на счетъ надбавочныхъ копѣечекъ. Не то, чтобы я осуждалъ эти копѣечки — кто знаетъ, можетъ быть и онѣ нужны въ высшихъ видахъ! — но какъ-то не достаетъ у меня смѣлости, нѣтъ той практической развязности, которая необходима для подобнаго рода переговоровъ...»

Товарищи по службѣ косились на Мих. Евг., а многіе считали его просто «чудакомъ», «выскочкой» и продолжали свое дѣло. Много лѣтъ спустя, когда Салтыкова въ Вяткѣ уже не было, быв. Орловскій голова А. В. Изергинъ разсказывалъ о слѣдующей продѣлкѣ чиновниковъ Вятскаго губернскаго правленія «спекульнувшихъ» на честности С.

Передъ Рождествомъ къ нему, Изергину пріѣхали два чиновника губернскаго правленія. Передъ отъѣздомъ гости намекнули, что не худо бы послать совѣтнику Салтыкову ведерко вина (тенерифу), такъ какъ до свѣдѣнія, яко-бы С. дошло, что лучшій тенерифъ волится въ запасѣ у Орловскаго головы. Конечно Изергинъ съ радостью вручилъ чиновникамъ боченокъ вина. Весной онъ по торговымъ дѣламъ былъ въ Архангельскѣ и снова запасся хорошимъ виномъ и, отправляясь въ Вятку, приготовилъ для совѣтника уже анкерокъ (3 ведра) тенерифу. Явившись къ Салтыкову и окончивъ разговоръ о дѣлахъ Изергинъ просилъ «приказать» получить привезенный имъ, любимый совѣтникомъ, тенерифъ.

— Какой тенерифъ? Что вы вздумали? Какіе чиновники? — вскричалъ въ изумленіи Салтыковъ.

Дѣло разъяснилось: оказывается, чиновники, зная, что Салтыковъ не беретъ взятокъ, устроили этотъ маленькій шантажъ. *)

(Окончаніе слѣдуетъ.)

---

*) См. «Рус. Стар.» 1890 г. Іюнь А. Н. Кузнецовъ, «Эпизодъ изъ пребыванія С. въ Вяткѣ».

Театральныя воспоминанія.

В. Ф. Коммисаржевская.

На постоянное жительство въ Петербургъ я переѣхалъ въ девяностомъ году, то есть спустя два года, по окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ. Въ Петербургѣ у меня никого не было ни знакомыхъ, ни близкихъ людей, ни родственниковъ, за исключеніемъ г-жи Хр., моей сводной сестры и крестной матери, но и ту я почти совершенно не зналъ. Сестра была замужемъ за извѣстнымъ въ то время популярнымъ врачемъ Хр. Я быстро сошелся съ семьей Хр., полюбилъ ихъ и вскорѣ сталъ у нихъ бывать чуть ли не каждый день. Это были милые, славные люди.

У нихъ собиралось общество, необычайно, до смѣшного разнообразное, какое-то случайное. Молодые студенты и врачи, молодые люди, начинающіе дѣлать карьеру на разныхъ поприщахъ, почтенные люди, — профессора, генералы, дамы, барышни, какой-то полицеймейстеръ въ отставкѣ, аптекарь, желтый кирасиръ, чиновники и пр.

Въ числѣ этихъ лицъ бывала дочь генерала Гуро, которая впослѣдствіи пріобрѣла себѣ большое имя, какъ поэтесса (она умерла въ молодыхъ годахъ), художникъ Цириготти, извѣстный беллетристъ князь Дмитрій Голицынъ-Муравлинъ, юный правовѣдъ Василій Павловичъ Шеинъ и пр.

Между прочимъ долженъ упомянуть, что В. П. Шеинъ, бывшій товарищъ предсѣдателя Государственной Думы, нынѣ архимандритъ Сергій, приговоренный къ разстрѣлу.

Хр. были очень дружны съ Ф. Коммисаржевскимъ, извѣстнымъ опернымъ пѣвцомъ. Если я не ошибаюсь, въ тѣ года онъ жилъ въ Италіи, а старшая его дочь Вѣра жила въ Петербургѣ. Хр. ее очень любили, зная еще съ дѣтства.

Вѣра Федоровна часто заходила къ Хр. и тамъ я съ ней и познакомился. Большого общества она избѣгала и старалась попасть къ Хр. въ тѣ часы, когда у нихъ не было гостей. Вѣра Федоровна только что пережила большую семейную драму. Разошлась со своимъ мужемъ, из-

вѣстнымъ художникомъ графомъ Муравьевымъ и всецѣло посвятила себя служенію театру.

На меня она произвела впечатлѣніе очень болѣзненной женщины. Маленькая, худенькая, до нельзя хрупкая. Всегда куталась въ большой, теплый платокъ, словно ей постоянно было холодно. Почти всегда грустная, задумчивая, молчаливая.

Когда послѣ обѣда у Хр. всѣ гости садились въ столовой за карточные столы, В. Ф. уходила со старухой Хр. или въ гостинную или въ будуаръ, садилась рядомъ съ сестрой на диванъ и ласково къ ней прижималась. Какъ-будто она хотѣла успокоиться и согрѣться.

Не знаю, что въ это время переживала Вѣра Федоровна. Была ли вообще въ ея характерѣ такая молчаливая грусть или на ней сильно отразилась семейная исторія — сказать не могу, я въ то время былъ непростительно молодъ и не научился еще наблюдать за людьми. Впослѣдствіи Вѣра Федоровна мнѣ казалась инымъ человѣкомъ. Вообще въ то время она мало съ кѣмъ говорила, не любила сидѣть съ гостями Хр., а уходила въ другія комнаты.

Мнѣ все-же изрѣдка удавалось бесѣдовать съ Вѣрой Федоровной. Говорили о театрѣ, она разсказывала мнѣ тогда о своихъ урокахъ у В. Н. Давыдова, и восхищалась имъ. Говоря о театрѣ, Вѣра Федоровна оживала и только тогда я видѣлъ на ея лицѣ улыбку. Работала она очень много. Къ сожалѣнію наши бесѣды имѣли лишь случайный характеръ. Я любилъ театръ въ то время только «платонически» и не думалъ, что впослѣдствіи онъ станетъ для меня моей жизнью. Вскорѣ Вѣра Федоровна уѣхала въ провинцію и я только о ней узнавалъ изъ коротенькихъ писемъ, которыя она часто посылала Хр. Постепенно она стала завоевывать себѣ имя.

Прошло нѣсколько лѣтъ. О Коммисаржевской много писали и говорили. И вотъ однажды она пріѣхала гастролировать въ Петербургъ. Играла лѣтомъ въ Озеркахъ. Я поѣхалъ посмотрѣть ее въ «Ольгѣ Ранцевой».

Очень хотѣлось повидать Вѣру Федоровну лично, но я не рѣшился, — боялся, что она меня забыла. Боялся безпокоить артистку во время спектакля. И только встрѣтивъ въ саду моего пріятеля актера Илькова, просилъ передать Вѣрѣ Федоровнѣ мой привѣтъ.

Спектакли съ участіемъ Коммисаржевской шли съ громаднымъ успѣхомъ. Несмотря на то, что лѣтомъ Петербургъ на половину вымиралъ, театръ всегда былъ полонъ и всѣ газеты были полны восторженными рецензіями о ея игрѣ. Такая слава Коммисаржевской докатилась до Александринскаго театра и Коммисаржевскую пригласили вступить въ число артистокъ Императорскихъ театровъ.

Коммисаржевская отказалась. Она объяснила свой отказъ тѣмъ, что прежде чѣмъ выступить на сценѣ Александринскаго театра, она хочетъ къ этому подготовиться и поработать на провинціальныхъ сценахъ.

Отвѣтъ классическій. Сколько въ этомъ отвѣтѣ было вложено глубокаго уваженія и любви къ искусству. И какъ назидателенъ этотъ отвѣтъ для многихъ артистокъ.

Но черезъ нѣсколько лѣтъ, когда опять настойчиво просили Вѣру Федоровну войти въ труппу Александринскаго театра, она согласилась.

Выступила она блестяще, но развернуться во всю мощь ея дарованія она не могла: узкія рамки чиновнаго театра и интриги, дѣлали свое дѣло.

Много толковъ вызвало появленіе ее въ «Фаустѣ», въ роли Маргариты. Не вся печать отнеслась къ ней сочувственно и злыя стрѣлы, направленныя въ нее, попали и въ публику. Раздавалось завистливое, безсмысленное шипѣніе. Въ этой атмосферѣ Вѣра Федоровна не могла долго ужиться. Ея талантъ требовалъ безконечной шири. И тогда на ея горизонтѣ появился Мейерхольдъ и Вѣра Федоровна открыла свой театръ.

Въ это время я съ Коммисаржевской встрѣчался очень рѣдко. Она была занята съ утра до утра. Изрѣдка, урывками, мимоходомъ она забѣгала къ Хр. на Сергіевскую улицу, что-то торопливо говорила, тотчасъ вскакивала съ мѣста и уходила. За то самъ Хр. навѣщалъ ее чуть ли не каждый день. Онъ лѣчилъ ее и, возвращаясь домой, говорилъ съ неподдѣльнымъ горемъ: — «Она губитъ себя. Она быстро сгоритъ. Такъ жить нельзя. Она не спитъ, не отдыхаетъ...»

Я помню, какой переполохъ былъ у Хр., когда узнали, что Вѣра Федоровна, дѣлая себѣ подкожное вспрыскиваніе (мышьякомъ), сломала иглу и та осталась въ тѣлѣ. Этотъ кончикъ иглы такъ, кажется, и не удалось извлечь.

Иногда Вѣра Федоровна заходила къ Хр. по воскресеніямъ въ 4 часа дня, во время ихъ обѣда.

Сама не ѣла. Садилась сбоку, рядомъ съ сестрой и «трещала».

Вѣра Федоровна, дѣйствительно, сгорала. Она быстро постарѣла. У нея на лицѣ появились мелкія морщинки. Блѣдное лицо. Глаза какіе-то уставшіе, потухшіе. Но послѣ первыхъ обыденныхъ вопросовъ о здоровьи, когда Вѣра Федоровна переходила на тему о театрѣ, ея лицо неожиданно вспыхивало. Она вся преображалась. Исчезали морщинки, появлялся румянецъ и глаза горѣли молодымъ свѣтлимъ блескомъ. Это былъ другой человѣкъ. Она казалась молодой и сильной...

Въ то время и въ газетахъ, и въ обществѣ говорили, что Мейерхольдъ повелъ Коммисаржевскую по ложному пути, что Коммисаржевская должна держаться старыхъ завѣтовъ театра, что «всякая декаденщина» только убиваетъ ея талантъ.

И какъ блеснула Коммисаржевская, когда выступила въ «Сестрѣ Беатрисѣ». Она поборола всѣ партіи, она помирилась со всѣми своими врагами. Но Коммисаржевская

не бросала своего прежняго репертуара и ея «Безприданница» дѣлила ея славу до самой высшей точки.

Взять хотя бы одинъ ея голосъ. Такого голоса я не слыхалъ въ своей жизни ни у одной артистки... Даже благодаря одному звуку ея голоса, становились понятными всѣ ея переживанія. Такъ этотъ голосъ былъ глубокъ, близокъ и онъ такъ умѣло задѣвалъ самые тонкіе нервы зрителя.

Хр. умеръ. Сестра наравнѣ со всѣми была разорена. Жила она въ крохотной квартиркѣ. Нуждалась, голодала и хворала. Радовалась каждой щепочкѣ, которую ей приносили для самовара. Съ трудомъ и большимъ горемъ она доживала свои дни. Я ее навѣщалъ. Какъ-то засидѣлся. Вспоминали прошлое, хорошіе дни. Заговорили о Коммисаржевской.

Сестра достала изъ шкатулки небольшой свертокъ писемъ, открытокъ, любительскихъ карточекъ. Это были письма Вѣры Федоровны. Я съ жадностью сталъ ихъ перебирать.

Собственно писемъ въ связкѣ не оказалось. Были только коротенькія записочки и открытки въ два, три слова. Коммисаржевская большихъ писемъ писать не любила. Сообщала о себѣ, о здоровьи, о томъ, куда ѣдетъ. Большинство писемъ и открытокъ было послано изъ-за границы. Но какой почеркъ. Почти дѣтскій. Неровный, карявый, съ нелѣпыми буквами, какими-то трепещущими, торопливыми.

И на любительскихъ снимкахъ и скороспѣлыхъ открыткахъ Вѣра Федоровна выходила куда-то торопящейся. Какъ будто она понимала, что судьба дала ей очень короткую жизнь и потому она вѣчно, какъ вступила на сцену, торопилась.

И мы, клонясь надъ столомъ и разсматривая портреты Коммисаржевской, то вмѣстѣ вспоминали ее, то молча, по отдѣльности.

Хр. тихо сказала: «Какъ ее любили».

М. Г. Савина.

Съ Марьей Гавриловной Савиной я познакомился на дѣловой почвѣ. Волей не волей приходится сказать нѣсколько словъ о себѣ.

А. С. Суворинъ открылъ при своемъ театрѣ конкурсъ драматическихъ произведеній. Въ числѣ членовъ жюри состояла Марья Гавриловна.

Тайно отъ всѣхъ, даже близкихъ мнѣ людей, я послалъ на этотъ конкурсъ свою пьесу.

Я часто встрѣчался съ О., который хорошо зналъ Марью Гавриловну и Суворина, и однажды, въ частномъ разговорѣ со мною сказалъ, что члены жюри конкурса обратили вниманіе на одну пьесу, которой предполагается дать первую

премію. Въ особенности отъ пьесы пришла въ восторгъ Савина, такъ какъ для нея въ пьесѣ есть выигрышная роль. Савина хотѣла бы узнать имя автора и просить его разрѣшенія снять пьесу съ конкурса и поставить ее на сценѣ Александринскаго театра. И О. назвалъ мою пьесу. Я былъ ошеломленъ. Послѣ долгаго раздумья я сказалъ О. о томъ, что это пьесу написалъ я. Посовѣтовались и рѣшили сказать объ этомъ Савиной и Суворину.

Суворинъ поморщился. Очень рѣзко отозвался о своей труппѣ. Говорилъ, что моя пьеса очень выиграетъ на сценѣ Александринскаго театра, но...

— Я этому не особенно довѣряю. Савина можетъ взять вашу пьесу и не поставить. Снимайте съ конкурса... Одно вамъ скажу въ утѣшеніе: если Александринка не поставитъ, дайте пьесу мнѣ обратно. Я ее поставлю тотчасъ.

Слова Суворина оказались пророческими... О. сообщилъ Савиной мое имя и она назначила мнѣ часъ, когда къ ней явиться.

Въ то время она жила на Фонтанкѣ, около Аничкова моста и еще не была замужемъ за А. Г. Молчановымъ.

О, какъ билось у меня сердце, когда я стоялъ у дверей Савиной. И я много пережилъ, прежде чѣмъ нажалъ кнопку звонка. Марья Гавриловна меня ждала.

Мнѣ говорили, что Савина стара, что у нея ужасный цвѣтъ лица, что она «безумно» красится и пр. Ничего подобнаго. Ей въ то время было уже, какъ говорили, за пятьдесятъ, но я видѣлъ интересную женщину, полную силъ и жизни. Она говорила нѣсколько гнусаво, нараспѣвъ и надо было видѣть ее въ это время. На чистомъ, немного смугломъ лицѣ отражалась изумительная мимика. Каждое слово, каждая фраза чувствовалась въ самыхъ **тончайшихъ** движеніяхъ ея лица. Насмѣшка, злой уколъ, довольная улыбка... все это мелькало передо мной. Я не видѣлъ только оттѣнковъ грусти. Впрочемъ это исключалось изъ нашего разговора, такъ какъ намъ обоимъ было... почти что весело.

Савина присматривалась ко мнѣ и улыбалась надъ моимъ смущеніемъ и молодостью.

— Я хочу, чтобы вамъ было двадцать три года. Пусть такъ и будетъ.

Я поцѣловалъ у Марьи Гавриловны руку.

Меня многіе предупрежлали, когда я говорилъ, что увижусь съ Савиной, что она очень безсердечно-рѣзка. И я этого боялся. Говорили, что одинъ авторъ, отнеся ей пьесу, пришелъ за отвѣтомъ. Савина вышла къ нему, бросила ему чуть ли не въ лицо пьесу и отвѣтила: — «Вотъ мой отвѣтъ».

Вообще о Марьѣ Гавриловнѣ создалось не мало легендъ. Всѣ эти предварительные разговоры дѣйствовали на меня удручающе. Но, какъ только Савина вышла ко мнѣ, я тотчасъ понялъ, что могу быть вполнѣ спокойнымъ. Она была изысканно, очаровательно мила. Я любовался

ея лицомъ. Глаза... о, какіе глаза, съ чуть замѣтнымъ миндалевиднымъ разрѣзомъ. Живые, молодые глаза...

Я посмотрѣлъ на стѣну, гдѣ висѣлъ ея портретъ, нарисованный маслянными красками. Портретъ уже давняго времени. Почти дѣвическій румянецъ на щекахъ. Этотъ слегка пергаментный, смуглый оттѣнокъ кожи какъ будто пріобрѣтенъ ею впослѣдствіи, но глаза... тѣ-же, что и теперь, спустя много лѣтъ, они не постарѣли. Это были живые, молодые глаза, но правда — добрыми ихъ было назвать нельзя.

Мы почти тотчасъ заговорили о пьесѣ. Обо мнѣ Марья Гавриловна не спросила ни слова: кто я, откуда пришелъ... Ей было все равно. И это было хорошо...

Я жадно впивался въ каждое ея слово... И... что я слышу. Марья Гавриловна сразу, съ первой фразы начала бранить пьесу. Разбирала ее по косточкамъ, указывала на такіе промахи, что отъ пьесы ровно ничего не осталось. Я уныло опустилъ голову. Руки свѣсились, какъ плети и я былъ близокъ къ обмороку. Савина посмотрѣла на мою печальную фигуру и кислое лицо. Громко разсмѣялась.

— Ну какой вы еще юнецъ... Да развѣ, если бы была плоха пьеса, я взялась бы ее играть. Я эту пьесу ставлю осенью. Сейчасъ почти конецъ сезона и вамъ это не выгодно. Но что она пойдетъ осенью, даю вамъ въ томъ мое честное слово...

Я ожилъ. Снова заговорила о пьесѣ, то хвалила ее, то, не стѣсняясь, ругала.

— Знаете что, Марья Гавриловна, рѣшилъ я сказать почти передъ уходомъ, я провелъ у васъ болѣе двухъ часовъ и за это время я успѣлъ сотни разъ похудѣть и снова поправляться. Худѣлъ съ горя, толстѣлъ съ дадости.

Эта фраза очень понравилась Марьѣ Гавриловнѣ. Она мнѣ протянула руку для поцѣлуя и сказала, что ей необходимо видѣться со мной, какъ можно чаще.

И правда, Савина то и дѣло присылала мнѣ записочки съ просьбой прійти и поговорить. Обыкновенно писала она на очень твердой, какъ картонъ, бумагѣ, исписанной тонкимъ, ровнымъ, изящнымъ почеркомъ, почти каллиграфическимъ. Буквы сильно растянуты. Полная противоположность записочкамъ Коммисаржевской. Когда я приходилъ въ указанные Марьей Гавриловной часы, она говорила своей горничной: Никого не принимать.

Почти тотчасъ, когда мы усаживались въ гостинной, начинался дѣловой разговоръ. Говорили о всѣхъ деталяхъ постановки. Кто будетъ ставить пьесу. Какъ распредѣлить роли. Обязательно должны участвовать Потоцкая, Давыдовъ и Варламовъ, которымъ она посовѣтовала сдѣлать визиты.

Говорили о самой пьесѣ, о характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, объ эпохѣ, костюмахъ. Оказалось, что Марья Гавриловна уже была въ нѣсколькихъ магазинахъ и присмотрѣла себѣ матеріи для платьевъ.

— А главное дѣло кружева. Кружева должны играть большую роль.

Какъ-то я встрѣтился съ А. С. Суворинымъ. Онъ спросилъ о пьесѣ. Нахмурился и сказалъ: — Помяните мое слово: не будетъ Савина играть въ вашей пьесѣ. Побоится выступить въ роли старухи.

Былъ я у В. Н. Давыдова. Прочелъ пьесу внимательно. Согласился участвовать.

— Вотъ благодѣяніе ваша пьеса Савиной, пора уже ей выступать въ роли пожилой женщины...

Я получилъ согласіе всѣхъ намѣченныхъ Савиной исполнителей. Зналъ объ этомъ и директоръ Императорскихъ театровъ кн. Волконскій, только что занявшій этотъ постъ. Пьеса была включена въ репертуаръ будущаго сезона и даже мнѣ, по настоянію Савиной, былъ выданъ авансъ въ размѣрѣ первой преміи конкурса.

Однажды Савина сообщила мнѣ необычайную для меня новость. Кн. Волконскій доложилъ Государю, на его вопросъ, какія пьесы будутъ поставлены послѣ Пасхи, что въ дирекціи имѣется новая, очень интересная пьеса, которую предположено поставить осенью. Государь пожелалъ, чтобы это пьеса (моя) была поставлена тотчасъ послѣ Пасхи.

Когда нашъ дѣловой разговоръ кончался, мы говорили о театрѣ вообще и объ актерахъ.

Я не скажу, чтобы Марья Гавриловна хорошо отзывалась объ артистахъ. Если она кого и хвалила, то все-же не могла удержаться отъ своего колкаго и ѣдкаго словечка. Иной разъ они были очень мѣткія и тонкія, но иной разъ и злыя.

Одинъ хорошо мнѣ знакомый артистъ Д. пожелалъ дебютировать на сценѣ Александринскаго театра. Я справился о немъ.

— Онъ хочетъ дебютировать въ «Идіотѣ». Зачѣмъ. Въ нашей труппѣ и безъ него уже есть три «идіота».

Я невольно улыбнулся. Марья Гавриловна, какъ будто даже немного обидѣлась.

— Я такъ плоско не острю, — замѣтила она.

Про В. Ф. Коммисаржевскую она говорила не иначе, какъ: — «Эта дѣвушка съ арфой.»

Вообще Савина очень недолюбливала Коммисаржевскую.

— Она набираетъ себѣ много ролей. Но это ничего, это даже хорошо для начала. Въ колоніальныхъ магазинахъ обыкновенно вновь поступающимъ мальчишкамъ разрѣшаютъ ѣсть сласти безъ контроля, сколько онъ хочетъ. Мальчишка сразу объѣстся, а потомъ уже на сладкое и не смотритъ. Такъ и эта дѣвица съ арфой...

Про Лидію Борисовну Яворскую она мнѣ сказала еще рѣзче и... пикантнѣе.

— Яворская... Она хотѣла передъ публикой перескочить черезъ заборъ... И перескочила ... Но только своимъ шлейфомъ задѣла за гвоздь на заборѣ...

Заговорили про однаго извѣстнаго капельмейстера — иностранца.

— Эту націю, къ которой онъ принадлежитъ я раздѣляю на двѣ части. Одни изъ нихъ подлецы, другіе мерзавцы. Но нашъ капельмейстеръ является рѣдкимъ исключеніемъ изъ всѣхъ, такъ какъ онъ и то и другое.

Говорила Марья Гавриловна спокойно, безъ раздраженія, растягивая слова и только на ея лицѣ мелькала еле замѣтная, ядовитая улыбочка.

Но бывали случаи когда Марья Гавриловна и волновалась. Она не могла спокойно говорить объ одной артисткѣ, которую выкопали чуть-ли не въ Сербіи, привезли въ Петербургъ прямо на Александринскую сцену и стали обучать ее правильному русскому произношенію.

— Когда она сюда пріѣхала, я ей отдала собственныя свои подушки... а теперь она мнѣ строитъ пакости.

Въ чемъ состояли эти «пакости» я не зналъ.

Марья Гавриловна не чужда была и трогательнаго вниманія къ близкимъ ей людямъ. Когда у О. родился ребенокъ, она послала ему корзину цвѣтовъ.

Изъ Одессы Марья Гавриловна прислала мнѣ нѣсколько писемъ очень интересныхъ и обстоятельныхъ по поводу постановки моей пьесы. Одинъ знакомый мнѣ разсказывалъ, что ѣхалъ въ поѣздѣ съ Савиной и видѣлъ, что она держала въ своихъ рукахъ мою пьесу и учила роль.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Марья Гавриловна тотчасъ позвала меня. Я обратилъ невольно вниманіе на то, что и тутъ она не могла обойтись безъ позы. Я сидѣлъ въ гостиной. Ждалъ. Черезъ минуту Савина вышла. На ходу вслухъ читала рецензію о ея гастроляхъ въ Одессѣ и, не отрываясь отъ газеты, протянула мнѣ руку для поцѣлуя:

«Савина насъ очаровала своей игрой»...

На Пасхѣ была назначена считка пьесы. Я получилъ оффиціальное приглашеніе читать. Но утромъ, какъ только мнѣ надо было идти въ театръ, я получилъ экстренное письмо отъ П. П. Гнѣдича, что считка отмѣняется... Государь неожиданно уѣхалъ въ Ливадію.

Лѣтомъ Савина жила за границей и я по-прежнему получалъ отъ нея письма...

Когда она вернулась осенью, я былъ у нея только одинъ разъ, спросилъ, когда начнутся репетиціи.

— Обратитесь къ Гнѣдичу, онъ тормозитъ.

Гнѣдичъ мнѣ сказалъ, что все зависитъ отъ новаго директора театровъ Теляковскаго. Теляковскій сказалъ, что все зависитъ отъ Марьи Гавриловны Савиной.

Я пишу свои воспоминанія только о Савиной и потому не буду говорить о всей трагедіи, которая разыгралась съ моей пьесой. Виновника я не могъ найти. Я заплутался между Савиной, Теляковскимъ и Гнѣдичемъ. Каждый ссылался другъ на друга, а Гнѣдичъ все время обнадеживалъ меня, что моя пьеса вскорѣ пойдетъ.

Савина больше записочекъ мнѣ не присылала и я самъ не хотѣлъ къ ней идти. Въ послѣдній разъ, когда я у нея былъ, она мнѣ говорила даже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:

— Я сама пострадала. Я накупила много матерій, а онѣ теперь никуда.

— Позвольте мнѣ у васъ ихъ купить, — предложилъ я.

— А вамъ зачѣмъ?

— Жена сноситъ.

— Я надѣюсь, что она у васъ не такая старуха, какъ я.

Прошелъ годъ, другой, третій... Я боялся взять пьесу обратно, въ надеждѣ, что въ концѣ концовъ она пойдетъ. Но когда прошло... восемь лѣтъ, я пришелъ въ полное уныніе. Всѣ мнѣ говорили, что Савина сама тормозила постановку моей пьесы изъ-за боязни выступить въ роли старой женщины.

Восемъ лѣтъ!

Я написалъ Савиной письмо. Отвѣтила очень уклончиво. Тогда я, потерявъ голову, рѣшился въ отвѣтномъ письмѣ напомнить ей о ея честномъ словѣ. Наша ссора въ письмахъ имѣла очень рѣзкій характеръ. Тогда я написалъ Суворину, напомнивъ ему обѣщаніе поставить мою пьесу въ тотъ-же мѣсяцъ, какъ возьму ее изъ Александринскаго театра. Суворинъ отвѣтилъ мнѣ черезъ часъ. И свое слово сдержалъ. Отложилъ постановку новой пьесы и приступилъ къ моей. Эта исторія попала въ печать и я въ интервью сказалъ:

— Думаю, что З. В. Хомская будетъ лучшей исполнительницей заглавной роли въ моей пьесѣ.

М. Г. Савина, какъ мнѣ передавали, жестоко обидѣлась и, когда однажды мы встрѣтились на одной лекціи, то даже не поклонилась. Между тѣмъ я оставался большимъ поклонникомъ ея таланта. Я не пропускалъ ни одной новой пьесы, въ которой участвовала Савина. Упомяну здѣсь только о двухъ пьесахъ, характерныхъ для Савиной. Готовилась къ постановкѣ пьеса Лугового и говорили, что Савина была сильно настроена противъ пьесы и автора. Будто бы даже Савину заставили играть въ этой пьесѣ. (Названія пьесы, я, къ сожалѣнію, не помню.)

Я пошелъ на премьеру. Въ первомъ актѣ Савина по роли должна была сказать длинную фразу, по правдѣ сказать, очень неудачную: чрезвычайно длинную, витіеватую и чисто книжную. Передъ тѣмъ, какъ произнести эту фразу, Савина сдѣлала паузу и потомъ, подготовивъ тѣмъ публику, сказала свою фразу, но такъ, словно она поднимала возъ на гору. Сказала и тяжело вздохнула. Конечно пьеса провалилась.

Другой разъ Савина выступила въ пьесѣ А. М. Федорова, я былъ пораженъ. Первые три акта Савина бѣгала по сценѣ, простоволосая, невзрачная, съ мисочкой въ рукахъ и готовила обѣдъ и ѣду для больного. Поминутно ему носила эту ѣду. Безцвѣтная роль. Почему Савина ее взяла себѣ... Скучно. Не интересно...

Но вотъ къ больному пріѣзжаетъ жена. И эта дама съ кострюлечкой вдругъ захотѣла пріодѣться, съ тѣмъ, чтобы больной обратилъ на нее вниманіе. Одѣлась аляповато, въ желтую кофточку, безвкусно, мѣщански. И больной ея не замѣтилъ...

Моментъ... Савина выходитъ отъ больного. Спускается въ садъ. Сдѣлала два шага... опустилась на ступеньки и... заплакала.

Трудно было представить себѣ болѣе геніальную игру. Буквально плакалъ весь театръ. Сознаюсь, плакалъ и я...

О, если-бы Марья Гавриловна знала, что я сидѣлъ въ театрѣ, смотрѣлъ на нее и восхищался ея игрой.

Кого сильно мучила наша ссора, это Анатолія Евграфовича Молчанова, мужа Савиной. Я былъ съ Молчановымъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, и онъ почти каждый разъ говорилъ мнѣ, что Марья Гавриловна тутъ не виновата. Что противъ моей пьесы возставалъ всего болѣе П. П. Гнѣдичъ, который написалъ для Савиной «Холоповъ», гдѣ Марья Гавриловна должна впервые выступить въ роли старухи. Хотя весь вопросъ былъ ликвидированъ, но все-же при имени Савиной у меня больно сжималось сердце.

Но все-же неожиданный случай свелъ меня съ Марьей Гавриловной. У А. Е. Молчанова было назначено на дому засѣданіе театральнаго общества, на которое я лично получилъ приглашеніе. Я былъ глубоко увѣренъ, что на это засѣданіе Марья Гавриловна не спустится изъ комнатъ.

Насъ собралось человѣкъ пятнадцать. Сходились всѣ въ столовой и, пока не начиналось засѣданіе, всѣ стояли группами и бесѣдовали между собой.

Вдругъ вошла Савина. Она всѣхъ мелькомъ осмотрѣла и, здороваясь со всѣми на ходу, прошла въ глубь комнаты. Потомъ повернулась и направилась къ той группѣ, гдѣ стоялъ я. Передъ тѣмъ, какъ поздороваться со мной, сдѣлала маленькую паузу. Остановилась... и тихо протянула руку.

— Однако, вы сильно измѣнились, — замѣтила она мнѣ съ улыбкой.

— Марья Гавриловна, — отвѣтилъ я, — все кругомъ васъ мѣняется и только одна вы остаетесь прежней Марьей Гавриловной.

Савина подняла на меня глаза, что-то въ нихъ блеснуло злое, вопросительное. Хотѣла узнать, что скрывалось подъ моей фразой. Вся эта сцена прошла въ одинъ мигъ...

На засѣданіи Савина сидѣла, какъ разъ противъ меня и я чувствовалъ на себѣ ея проницательный взглядъ. Это была наша послѣдняя встрѣча. Когда я узналъ о смерти Савиной, я не хотѣлъ... я не могъ вѣрить. Я шелъ въ толпѣ за гробомъ Савиной и въ полномъ смыслѣ слова страдалъ.

Молчанова я изрѣдка навѣщалъ. Было тяжело на него смотрѣть. Онъ водилъ меня по всему дому, указывалъ мнѣ, гдѣ Савина любила сидѣть (это мѣсто на диванѣ было огорожено ленточкой), гдѣ учила роли, показалъ ея уборную

— точную копію съ уборной въ Александринскомъ театрѣ, гдѣ Савина умерла... Показывалъ ея портреты, каждую вещичку, которую та любила, подарки, разсказывалъ исторіи той или иной вещи и пр. Въ той комнатѣ, гдѣ Савина скончалась, Молчановъ ходилъ на цыпочкахъ и говорилъ шопотомъ.

Молчановъ всецѣло посвятилъ себя служенію памяти Савиной. Изъ ея писемъ, портретовъ, рецензій о ея игрѣ и прочихъ источниковъ и документовъ, онъ составлялъ большую, въ нѣсколько томовъ, монографію о Савиной.

— И вы... и вы должны дать статью о ней... свои воспоминанія. Тогда вы докажете, что больше не сердитесь на нее.

И онъ показывалъ мнѣ письма, въ которыхъ упоминались или моя пьеса или мое имя.

Нѣчто странное творилось съ Молчановымъ. Онъ говорилъ мнѣ, что «чувствуетъ» въ домѣ присутствіе Савиной, что онъ даже говоритъ съ ней... Говорить же онъ могъ только о ней... Вспоминая о ней, онъ не разъ утиралъ слезы, но потомъ вдругъ какъ-то встряхивался и шепталъ:

— Ей теперь хорошо... Ей очень хорошо. И я уже не скучаю о ней. Впрочемъ и она меня не забываетъ... Она часто приходитъ ко мнѣ. Идемте на ея могилу...

Съ большимъ трудомъ удалось Молчанову отстоять свой домъ отъ большевиковъ. Онъ пожертвовалъ этотъ домъ государству, какъ музей. Большевики отвели Молчанову въ его домѣ комнату для прислуги и онъ, считаясь чуть ли не сторожемъ при музеѣ Савиной, жилъ голодая въ своей комнатенкѣ.

Тучный, изнѣженный и избалованный милліонеръ не выдержалъ долго этой жизни. Захворалъ и его отправили въ больницу. Онъ уже совсѣмъ потерялъ разсудокъ, все время разговаривалъ съ Савиной и умеръ нищій, обиженный, страдающій отъ мысли, что имъ не закончена полностью монографія о Савиной. Онъ предполагалъ выпустить три тома, вышелъ же только первый.

Молчановъ оставилъ завѣщаніе похоронить его рядомъ съ Савиной. И желаніе его было исполнено К. К. Витарскимъ. У Молчанова были спрятаны золотые, что-то около 300 руб. и это дало возможность уложить его тѣло въ свинцовый гробъ и положить рядомъ съ Савиной.

Къ счастью музей охраняется и понынѣ и, можетъ быть, память о Савиной не заглохнетъ. Повымерли люди, но остались реликвіи.

Вспоминая Савину увѣренно скажемъ:

— Да. Савину публика цѣнила.

В. А. Миронова.

Знакомство съ В. Ф. Коммисаржевской у меня было мимолетное, случайное. Встрѣча съ Савиной является эпизодомъ изъ моей жизни. Знакомство мое съ В. А. Мироновой уже было болѣе прочнымъ, близкимъ, почти дружескимъ.

Вращаясь въ артистической средѣ мнѣ, конечно, часто приходилось слышать отзывы и характеристики о тѣхъ или другихъ артисткахъ и артистахъ, и долженъ сознаться, что отзывы о Мироновой, какъ о человѣкѣ, были весьма отрицательные.

Какъ артистка Миронова стояла очень высоко, но завоевала она себѣ это положеніе съ большимъ трудомъ. Мнѣ передавали, что, когда она, послѣ окончанія театральнаго училища, поступила въ труппу Корша съ окладомъ въ 200 рублей въ мѣсяцъ, то для нея эта марка считалась необыкновенной. Ее звали не иначе какъ бездарностью и будто-бы Коршъ отъ себя предлагалъ давать 200 руб. въ мѣсяцъ тому, кто возьметъ ее въ свою труппу.

Миронова поступила въ труппу Суворина, въ Малый театръ. Создать себѣ имя въ Маломъ театрѣ была задачей не легкой.

На «Театръ Суворина» смотрѣли косо, такъ какъ и самъ А. С. Суворинъ и его театръ не пользовались блестящей репутаціей. Говорили, что театръ Суворина посѣщаютъ исключительно офицеры и гостиннодворцы, и служилъ онъ исключительно для сѣрой массы, такъ какъ не отвѣчалъ высокимъ художественнымъ заданіямъ. Конечно, петербуржцы знали, что такое мнѣніе о Маломъ театрѣ создала лѣвая печать, но это мнѣніе перекинулось въ провинцію и считалось прочнымъ.

Я не берусь возстановлять репутацію Малаго театра. Небольшая книжка о десятилѣтіи этого театра ясно доказываетъ, что сдѣлалъ Малый театръ и сколько онъ выдвинулъ большихъ талантовъ.

Правда, въ исторіи Малаго театра было не мало промаховъ и очень существенныхъ, благодаря отчасти хозяйскому капризу самого Суворина и его любимцевъ, вродѣ пресловутаго Глаголина, но все-же достоинства театра далеко покрывали эти промахи.

И вотъ при такихъ условіяхъ дѣлала карьеру Валентина Алексѣевна Миронова.

Сперва заговорили о ней очень сдержанно. Она завоевывала себѣ положеніе медленно, шагъ за шагомъ. Но потомъ, послѣ выступленій въ «Сафо» и «Собака садовника», Миронова сразу стала въ число артистокъ первой величины. Но на гастроли въ провинцію и даже въ Москву Миронова никогда не ѣздила, за исключеніемъ того года, который былъ предпослѣднимъ въ ея жизни.

Какъ о человѣкѣ, о Мироновой говорили, въ особенности въ артистической средѣ, очень не лестно. Она была и горда, и зла, и скупа, и груба.

На актрисъ и актеровъ она смотрѣла свысока, не сближалась съ ними, третировала ихъ, не замѣчала. Съ молодыми и даже старыми авторами Миронова будто-бы настолько не стѣснялась, что даже требовала отъ нихъ передѣлки пьесъ, какъ она хотѣла и при постановкахъ пьесъ дѣлала все, что хотѣла.

Долгое время у меня не было случая съ ней познакомиться и я только видѣлъ ее со сцены и искренне восторгался ея дарованіемъ.

По почину Самойловой, покойной жены Павла Васильевича, въ началѣ войны создался союзъ «Артистъ — солдату». Я былъ приглашенъ въ этотъ союзъ и сталъ работать въ немъ съ большой энергіей. Приглашены къ общей работѣ были всѣ артисты Петербурга и на это приглашеніе откликнулись многіе видные артисты.

Явилась Валентина Алексѣевна. Увидѣла, что мы работаемъ очень дружно и вошла въ нашу работу. Здѣсь я и познакомился съ ней.

Миронова любила говорить и говорила очень много, говорила интересно, съ подъемомъ, часто не въ мѣру увлекаясь. Она всегда являлась въ своей красной вязаной кофточкѣ, приносила собранныя ею деньги и кружки для сборовъ пожертвованій и разсказывала о всѣхъ своихъ перепетіяхъ.

Миронова не стѣснялась никакой работой. То она считала деньги, высыпанныя изъ кружекъ (безумно утомительное занятіе), то сортировала подарки солдатамъ и задѣлывала небольшіе тюки. Для этого была выработана особая система: каждый занималъ мѣсто за столомъ, раскладывалъ большой цвѣтной платокъ и, тоже по системѣ, вкладывалъ въ него заготовленныя вещи: бѣлье, рукавицы, носки, табакъ, спички, карандашъ и бумагу, бублики, леденцы, сахаръ и пр., потомъ это все заворачивалось въ платокъ, закалывалось англійскими булавками и пакетъ летѣлъ, черезъ головы работающихъ, въ руки пріемщиковъ. Такихъ пакетовъ было сдѣлано въ нѣсколько дней десять тысячъ штукъ.

Я былъ очень увлеченъ работой и мало говорилъ съ Мироновой. Только слушалъ ея безконечные разсказы.

Здѣсь мнѣ опять приходится сказать нѣсколько словъ о себѣ. Въ это время я какъ разъ закончилъ свою пьесу «Вѣра Мирцева» и передалъ ее «для прочтенія» Евт. Карпову — режисеру Малаго театра.

Однажды Миронова, работая въ нашемъ союзѣ, случайно очутилась рядомъ съ моей женой. Стала говорить о театрѣ и мимоходомъ сказала:

— Я въ отчаяніи. Въ апрѣлѣ назначенъ мой бенефисъ и я еще не остановилась ни на одной пьесѣ. Старыя мнѣ не хочется ставить, а новыя... ихъ у меня перебывало не мало — сплошная дрянь.

— А вы не читали «Вѣры Мирцевой»?

— Нѣтъ, это что за пьеса? Кого?

— Моего мужа.

Оказалось, что Миронова, хотя и здоровалась со мной, но не знала моей фамиліи, то есть не знала, кто я.

— Эта пьеса у Карпова.

Вотъ это точная передача разговора между Мироновой и моей женой. Больше о пьесѣ и обо мнѣ не было сказано ни слова.

Черезъ нѣсколько дней я въ антрактѣ зашелъ къ Евтихію Павловичу въ его режиссерскую. Заговорили о моей пьесѣ. Карповъ ее прочелъ. Добавлю къ этому, что я съ Евтихіемъ Павловичемъ былъ очень давно знакомъ, т. е. еще въ тѣ времена, когда онъ режиссировалъ въ маленькомъ театрѣ для рабочихъ за Невской заставой, гдѣ труппа состояла исключительно изъ любителей. Съ тѣхъ поръ у насъ сохранились близкія и теплыя отношенія. Карповъ развелъ руками.

— Ну, батенька... написали вы пьесочку...

— А что?

— Да никудашную. Во первыхъ вы списали ее почти... безцеремонно съ пьесы Филиппи «Громкое дѣло». У васъ даже есть подзаголовокъ «Уголовное дѣло».

— Я не знаю «Громкаго дѣла» Филиппи, не читалъ этой пьесы и слышалъ о Филиппи, какъ о самомъ шаблонномъ нѣмецкомъ драмодѣлѣ.

Я сталъ защищаться противъ такой клеветы. Доказывалъ Карпову, что тема моей пьесы взята изъ Петербургской жизни, упрекнулъ Карпова въ томъ, что для него самая мелкая иностранная пьеса кажется лучше самой лучшей русской и даже намекнулъ Карпову о хамскомъ подобострастіи ко всему иностранному. Въ результатѣ мы не на шутку поругались.

— А все-же ваша пьеса никуда не годится.

Выходя отъ Карпова сильно взбѣшенный, я столкнулся съ однимъ актеромъ.

— А васъ ищетъ Миронова. Идите скорѣе. Скоро начнется актъ.

Прошли черезъ сцену на другую сторону театра и поднялись къ уборной Мироновой. Услыхавъ мое имя она тотчасъ впустила меня. Я вошелъ одинъ. Миронова стояла передъ туалетнымъ столикомъ и заканчивала гримъ. Не повернулась ко мнѣ, а только протянула руку.

— Я ставлю вашу пьесу въ свой бенефисъ, 9 апрѣля. Сейчасъ же объ этомъ передайте Карпову. Больше ни слова.

Я опять прошелъ къ Евтихію Павловичу. Онъ что-то писалъ. Поднялъ голову и удивленно посмотрѣлъ на меня. Я точно повторилъ слова Мироновой.

— Хорошо, — отвѣтилъ Карповъ.

Началась работа. Я читалъ пьесу труппѣ, но Миронова на чтеніе не пришла.

— Это очень нехорошій признакъ, когда я бываю на чтеніи.

Въ тотъ-же вечеръ Валентина Алексѣевна позвонила ко мнѣ по телефону и попросила зайти къ ней. Съ этихъ поръ я сталъ бывать у Мироновой чуть-ли не каждый вечеръ, зачастую даже послѣ спектакля. Если я не приходилъ къ ней, то она вела со мной бесѣды по телефону. Также работала она, когда на слѣдующій годъ была поставлена и другая моя пьеса.

Я уже лягу спать. Ночь. Звонокъ телефона. Я зналъ, что это Миронова и, подходя къ телефонному столику, забиралъ съ собой папиросы и спички. Разговоры велись буквально часами. Устанетъ рука держать трубку, чуть не до крови растереблю ухо и слушаю... слушаю...

Мы прочитывали каждую строчку изъ пьесы, обсуждали ее, спорили и соглашались. Много и подробно говорили о распредѣленіи ролей. Когда я посовѣтовалъ, чтобы одну роль передать артисткѣ Р., Миронова удивилась.

— А развѣ такая есть у насъ.

— Позвольте... Она уже два года служитъ въ Маломъ театрѣ. Даже играла съ вами.

— Не знаю.

Это меня непріятно поразило. Но ко мнѣ, какъ къ автору, она относилась весьма «бережливо» и осторожно. Передъ тѣмъ, какъ попросить меня измѣнить какую-нибудь фразу, она долго извинялась и разсказывала, какъ она сама переработала «Татьяну Рѣпину», поставила ее въ новой редакціи и Суворинъ былъ ей только благодаренъ. Ея поправки были вполнѣ ничтожны и пріемлемы и потому я охотно шелъ на всѣ уступки.

Работала Валентина Алексѣевна исключительно по ночамъ. Почему — я скажу ниже.

Меня поражала ея работа. Кропотливая, точная, часто придавая значеніе тому, что мнѣ казалось мелочью, Миронова придавала большое значеніе и подолгу останавливалась на самой тонкой детали. Я присутствовалъ на всѣхъ репетиціяхъ, но, зная хорошо тяжелую творческую работу актера, сидѣлъ въ сторонѣ и не дѣлалъ ни одного замѣчанія.

Евгр. Карповъ отнесся къ постановкѣ моей пьесы небрежно, часто на репетиціяхъ чуть-ли на засыпалъ и только изрѣдка хитро посматривалъ на сцену. Когда Миронова не была довольна той или иной сценой, она обращалась ко мнѣ. Часто указывала другимъ артистамъ, какъ надо вести сцену и дѣлала замѣчанія.

Къ артистамъ и артисткамъ Миронова относилась свысока, ругала ихъ, но и они, сидя въ общей комнатѣ, отзывались о Мироновой въ очень рѣзкой формѣ осужденія. На репетиціяхъ Миронова нервничала, кричала и дѣйствительно бывала даже груба. Но не со мной. У насъ уже установились очень милыя, почти дружескія отношенія. Но и въ мой огородъ иногда попадали камешки.

На генеральной репетиціи, не стѣсняясь публики, Миронова выкинула такую штуку. По пьесѣ ей подносили цвѣты. Она ихъ должна нѣжно взять, ласкать и нюхать.

— «О эти дивные цвѣты»...

На репетиціи, понятно, поднесли старые, бумажные. И Миронова прошептала:

— О эти дивные цвѣты... съ пасхальнаго кулича.

Миронова была, какъ большинство артистокъ, крайне мнительна и суевѣрна. Однажды, это было не задолго до ея бенефиса, я прихожу къ ней и дожидаюсь. Увидалъ кустъ сирени. По привычкѣ сталъ искать «пятерку». Въ этотъ моментъ вошла Валентина Алексѣевна. Вдругъ остановилась въ дверяхъ. Поблѣднѣла.

— Вы... вы ищите «пятерку». Да. Вы задумали, будетъ ли имѣть успѣхъ ваша пьеса?

— Да.

— Что вы сдѣлали...

«Пятерки» я не нашелъ. Но на другой день утромъ я отправился въ цвѣточный магазинъ, купилъ тамъ вѣтку сирени съ «пятерками», перевязалъ каждую изъ нихъ шелковинкой и послалъ тотчасъ Мироновой.

Мои визиты къ Мироновой носили чисто дѣловой характеръ, но все-же я постепенно узнавалъ Миронову ближе и невольно ознакомился съ ея частной жизнью.

Иногда часа въ два, три ночи, когда мы сильно уставали, она заказывала экипажъ и мы катались по набережной.

Миронова не спала ночи напролетъ до самого утра. Поэтому на репетиціи она приходила утомленной и раздраженной. Любила между тѣмъ принимать различныя лекарства и давать медицинскіе совѣты. Вечеромъ и ночью, во время нашихъ работъ, Миронова очень часто прерывала и уходила. Оказывается, Миронова не спала ночи изъ-за матери. Та лежала въ параличѣ, прикованная къ постели. Несмотря на то, что у Мироновой было много прислуги, она ни одной изъ нихъ не довѣряла и сама слѣдила за матерью, поминутно ее навѣщая. Засыпала она только къ утру.

Недовѣріе къ «испытаннымъ и вѣрнымъ» прислугамъ впослѣдствіи оправдалось. Во время революціи одна изъ самыхъ преданныхъ горничныхъ обокрала Миронову и на сосѣднемъ рынкѣ (Миронова жила на Бассейной ул. въ домѣ собственниковъ, противъ лютеранской больницы), продавала ея костюмы.

Валентина Алексѣевна на первомъ планѣ въ своей жизни ставила заботу о матери. Для нея она буквально жертвовала собой. Безсонныя ночи сильно подтачивали здоровье Валентины Алексѣевны и тѣ лекарства, которыя она постоянно принимала, можетъ быть помогали на минуту, но въ общемъ сильно разрушали ея организмъ.

Я съ ужасомъ смотрѣлъ на то, что даже внѣшне Валентина Алексѣевна старѣла. У нея показался на щекѣ, постоянно согнутой, старческій выступъ.

Какъ я узналъ впослѣдствіи, уже послѣ смерти Мироновой, что она потихоньку курила. Скрывала это даже отъ своихъ родныхъ. Курила въ форточку или печь, аккуратно уничтожая тотчасъ слѣды своего преступленія. Почему она скрывала, мнѣ это казалось непонятнымъ.

Кромѣ заботъ о матери, Валентина Алексѣевна взяла на себя всецѣло и воспитаніе дѣтей покойной своей сестры, бывшей замужемъ за артистомъ Добровольскимъ: двухъ дѣвочекъ и мальчика.

Ей стоило большихъ хлопотъ усыновить этихъ дѣтей. Валентина Алексѣевна даже обращалась по поводу этого къ Государю.

Миронову упрекали въ томъ, что она держала себя вдали отъ актеровъ и относилась къ нимъ свысока. Этого она не скрывала.

— Просто на просто я не люблю ихъ. Не вѣрю имъ ни одному слову.

На эту тему мы часто говорили и спорили.

Однажды я сидѣлъ у Мироновой въ уборной. Валентина Алексѣевна была чѣмъ то взволнована. Не удержалась и подѣлилась со мной. Одинъ изъ актеровъ, играя въ пьесѣ главную роль, попросилъ у Мироновой перстень надѣть только во время спектакля. Было какъ-то неловко отказать и Миронова дала. Но артистъ послѣ спектакля не возвратилъ перстня, сказавъ, что онъ по разсѣянности его куда-то запряталъ. Въ этотъ моментъ Миронова ждала этого актера.

— Онъ по-просту укралъ этотъ перстень. Вы только послушайте, что онъ будетъ говорить.

Актеръ пришелъ. Длинныя предисловія съ объясненіями въ любви. Высокія слова, ужасъ, его страданія...

— Нѣтъ перстня. Я его положилъ въ карманъ брюкъ, а брюки украли. Боже, что я переживаю. Но даю вамъ честное слово, я вамъ верну такой-же...

Когда актеръ исчезъ, Валентина Алексѣевна повернулась ко мнѣ.

— Ну что скажете...

Что на это отвѣтишь. Было ясно, что актеръ присвоилъ себѣ перстень. Добавлю, между прочимъ, весьма и весьма цѣнный.

Валентина Алексѣевна очень увлекалась покупками всевозможныхъ вещей, вплоть до мебели, на аукціонахъ. Мнѣ казалось, что все ея удовольствіе состояло въ томъ, что она якобы «дешево купила». Это было какое-то самоуслажденіе сказать:

— Этотъ столъ стоитъ по крайней мѣрѣ двѣ тысячи, а я за него дала всего триста рублей.

Часто Валентина Алексѣевна говорила о своей мечтѣ: «бросить сцену». Пугала, что она прослужитъ еще только годъ и затѣмъ откроетъ торговлю.

— Я хочу быть купцомъ.

Чѣмъ именно она хотѣла торговать, она не говорила, но для меня ея мечты были такою ересью, что я не вѣрилъ.

— Даю вамъ слово, что я говорю вполнѣ искренне.

Въ прекрасной квартирѣ Мироновой, дѣйствительно, было много всевозможныхъ вещей — антиковъ. Та комната, гдѣ обыкновенно мы занимались и бесѣдовали была такъ обставлена всевозможными столиками, диванчиками и креслами, что пройтись по ней представляло большія трудности.

Когда я ближе узналъ Миронову, когда я увидѣлъ, сколько заботъ проявляла она къ матери и дѣтямъ сестры, Валентина Алексѣевна представилась мнѣ въ иномъ свѣтѣ. Я думаю, что достаточно этого факта, чтобы сказать о ней, какъ о человѣкѣ въ полномъ смыслѣ прекрасномъ.

Вмѣсто бумажныхъ розъ (съ пасхальнаго кулича) на премьерѣ я послалъ Мироновой настоящіе цвѣты. Въ антрактѣ артистки бросились къ Мироновой и попросили цвѣточекъ. Жаловались мнѣ потомъ:

— Вотъ скупая. Сколько у нея цвѣтовъ и ни одного не дала.

О Мироновой давно сложилось среди актеровъ мнѣніе, что она «скаредъ». И она это какъ-бы на зло подтверждала.

Не знаю, были ли у нея деньги, но драгоцѣнностей и вещей очень рѣдкихъ было у нея въ изобиліи. Благодаря однимъ драгоцѣнностямъ, она была богата.

Лѣтомъ 1917 г., послѣ переворота, Миронова, чуть ли не въ первый разъ въ своей жизни, поѣхала на гастроли въ Москву. Слухи о ея успѣхѣ различны: она говорила, что гастроли прошли великолѣпно, другіе мнѣ разсказывали, что публика посѣщала эти спектакли скупо. Въ это время умерла ея мать.

Когда вступили въ управленіе Россіей большевики, общее разореніе коснулось и Мироновой. Въ ея квартиру вселили матросовъ и красноармейцевъ съ ихъ семьями. Прислуга Мироновой предварительно обворовавъ ее насколько было возможно, разбѣжалась за «добычей».

Миронова дала кому-то изъ завѣдующихъ домомъ нѣсколько вещей изъ оставшихся драгоцѣнностей съ цѣлью продать, но тотъ, слѣдуя новомоднымъ вѣяніямъ, эти вещи присвоилъ себѣ. Подошла нужда. Пришлось ей выступать въ какой-то ничтожной труппѣ въ кафешантанномъ залѣ Паласъ-театра. Это были такіе жалкіе спектакли, что я нарочно не посѣтилъ ни одного спектакля даже тогда, когда шли мои пьесы. Но и тутъ ей не посчастливилось. Ее надули и не заплатили денегъ.

Мнѣ Валентина Алексѣевна съ восторгомъ разсказывала, какъ она нашла коптильню для селедокъ, за Варшавскимъ вокзаломъ. Точно указывала то мѣсто, гдѣ коптили сельди. Надо было отъ вокзала итти вдоль канала, вглубь. Тамъ есть ворота въ большой дворъ. Дворъ очень грязный. Трудно его перейти. За дворомъ коптильня. На веревкахъ висятъ сельди и можно выбирать любую. Свѣжія, вкусныя.

На трамвай попасть было трудно. Впрочемъ, кажется, трамваи въ это время не ходили. И Мироновой приходилось съ тяжестями ходить пѣшкомъ. Какъ-то она не выдержала.

Опустилась на тротуаръ и отъ усталости, отъ безсилья, отъ обиды заплакала. Какой-то господинъ подошелъ къ ней, поразспросилъ и... ушелъ. Что онъ могъ сдѣлать. Чѣмъ могъ онъ помочь. Только сказать слово утѣшенія, но видимо, онъ и самъ не находилъ утѣшенія въ этой жизни.

Изрѣдка Миронова звонила ко мнѣ по телефону. Но разговоры объ искусствѣ, о театрѣ были теперь ни къ чему. Хотя много кричали о новомъ пролетарскомъ искусствѣ, но урчанье въ голодныхъ желудкахъ заглушало высокопарныя рѣчи. Мы говорили о томъ, какъ питаться.

Ужасъ жизни смѣнился кошмаромъ.

Шло медленно вымираніе тѣхъ, на трупахъ которыхъ должно было вырости новое пролетарское искусство.

Миронова долго не звонила ко мнѣ.

Я сидѣлъ вечеромъ въ гостинной, закутанный отъ холода въ разное тряпье, какъ вдругъ телефонъ затрещалъ:

— Сегодня утромъ Миронова скончалась.

Не повѣрилъ. Не могъ себѣ сразу представить, что Валентина Алексѣевна умерла. Бывало, что она не звонила ко мнѣ недѣлями, но этому я не придавалъ значенія.

Исторія ея смерти была такова. Одинъ изъ матросовъ, который былъ вселенъ въ квартиру Валентины Алексѣевны, хворалъ оспой и находился на излеченіи въ больницѣ. Для матросовъ настали райскія времена. Работы у нихъ никакой не было и эти праздные люди пользовались жизнью во всю. Они были сыты, роскошно одѣты, всѣ руки ихъ были усѣяны драгоцѣнностями и всюду и вездѣ они пользовались особымъ почетомъ. И въ эти лучшіе для нихъ дни лежать въ больницѣ. Сидѣть на больничной голодной пищѣ.

Конечно, оспенный матросъ тоже захотѣлъ «погулять» съ перстнями на рукахъ. Онъ раньше времени выписался изъ больницы и направился въ свою квартиру. Ему на его звонокъ отперла Валентина Алексѣевна. Но ей, какъ больному, измученному человѣку, достаточно было дотронуться до ручки двери, за которую брался оспенный матросъ, чтобы заразиться оспой. Это вскорѣ сказалось. Валентина Алексѣевна захворала жестоко. Она лежала въ клиникѣ въ самой тяжелой формѣ оспы. Ее остригли наголо. Лицо было сплошь покрыто гнойными ранами. Боли были ужасающія. И въ самыхъ невѣроятныхъ мученьяхъ, Валентина Алексѣевна скончалась.

О ея смерти ничего не было почти сказано. Жалкій театральный критикъ Носковъ, сотрудникъ совѣтскихъ газетъ, написалъ нѣсколько словъ о Мироновой, но и то не особенно лестныхъ. Надо было хвалить пролетарскихъ дѣятелей сцены, а похвалить или сказать доброе слово объ артисткѣ, хотя и большого маштаба, но нѣкогда служившей въ театрѣ Суворина, — этимъ полу-почтенный критикъ могъ не угодить новымъ строителямъ нашей родины.

На похоронахъ Валентины Алексѣевны почти никого не было. Одни не знали о ея смерти, другимъ было трудно итти на кладбище, третьи побоялись оспы, а четвертые... въ это время были заняты другими дѣлами.

У гроба было не болѣе восьми человѣкъ.

Тѣло было запаяно въ свинцовомъ гробу...

Мнѣ хотѣлось спасти имущество Мироновой, оставшееся отъ разоренія и, главнымъ образомъ, ея архивъ. Сестра Мироновой согласилась этотъ архивъ передать въ театральный музей при союзѣ драматическихъ и музыкальныхъ писателей.

Я нѣсколько разъ былъ въ бывшей квартирѣ Валентины Алексѣевны. Болѣе мелкія вещи были сложены въ чуланчикъ. Въ сущности говоря это былъ «скарбъ». Все цѣнное ушло куда-то очень далеко. Видимо по карманамъ новыхъ людей. Въ разоренныхъ комнатахъ ходили какія-то «гражданки» съ дѣтьми. На роскошномъ столѣ стояли горшки и миски, лежала всякая дрянь и грязь.

Мальчишка, слушая нашъ разговоръ, лѣниво ковырялъ отверткой бронзовыя инкрустаціи на ребрахъ стола. На полу валялся въ видѣ змѣйки бронзовый бордюръ, отломанный отъ стола.

На полу лужи. Чуть ли не совѣтскій супъ пролили. Я не узналъ комнатъ Валентины Алексѣевны, тѣхъ комнатъ, гдѣ мы такъ недавно работали для искусства.

Тотъ трудъ оказался не нужнымъ. На глазахъ росло новое поколѣніе, которое смѣнило насъ.

Этотъ мальчишка, облупливающій столъ — не рѣдкость. Столъ пойдетъ въ печь, а тепло отъ печки дастъ мальчишкѣ возможность вырости въ новаго человѣка «обновленной Россіи».

Несмотря на бумаги, которыя я предъявилъ власть имущимъ, мнѣ чулана не отперли, хотя тамъ лежали только лишь пьесы и письма Мироновой и я думаю, что вмѣсто музея это все пошло на топку печей.

И бумага грѣетъ.

Имя Валентины Алексѣевны ушло въ вѣчность. Всѣ документы о ея жизни и ея выступленіяхъ на сценѣ исчезли, многіе люди, знавшіе ее хорошо, теперь, «сомкнули уста».

Я счастливъ, что могъ о ней сказать хоть нѣсколько словъ.

О, какъ я любилъ Валентину Алексѣевну, и какъ человѣка, и какъ артистку!

Взрывъ бомбы на параходѣ „Ріонъ“.

(Актъ разслѣдованія особой комиссіи при главнокомандующемъ вооруженными силами на Югѣ Россіи.)

Вступленіе въ концѣ марта (по старому стилю) 1919 г. большевистскихъ (коммунистическихъ) войскъ Россійской совѣтской республики въ предѣлы Крыма вызвало сильную панику среди жителей, опасавшихся обычныхъ звѣрствъ краснаго террора и ужасовъ гражданской войны, а потому началась спѣшная эвакуація части гражданскаго населенія и учрежденій краевого правительства. Въ городѣ Севастополѣ, утромъ 29 марта, мѣстный большевистскій революціонный комитетъ издалъ и распространилъ прокламаціи, въ которыхъ приглашалъ рабочихъ прекратить работы по эвакуаціи и воспрепятствовать выходу судовъ въ море.

Въ тотъ же день на Севастопольскомъ рейдѣ грузился бѣженцами и должностными лицами съ ихъ семьями большой трехтрубный пароходъ, учебное судно «Ріонъ», водоизмѣщеніемъ около 13 000—14 000 тоннъ, принадлежавшій ранѣе Добровольному флоту подъ названіемъ «Смоленскъ». Корабль по состоянію своихъ котловъ и машинъ былъ лишенъ возможности самостоятельнаго движенія, не имѣлъ электрическаго освѣщенія, дѣйствовавшихъ водопровода и помпъ.

Всѣ палубы и обширныя пассажирскія помѣщенія были переполнены нѣсколькими тысячами людей съ ихъ имуществомъ, причемъ въ публикѣ все время передавались тревожные слухи о томъ, что большевики не выпустятъ въ море «Ріонъ», что съ пароходомъ можетъ случиться несчастіе и что его ждутъ «великія испытанія».

Въ 6 часовъ 40 минутъ вечера въ эмигрантскомъ помѣщеніи на второй палубѣ, близъ трюма № 4, раздался оглушительный взрывъ снаряда, причемъ черезъ стеклянный люкъ трюма вырвался снопъ пламени съ дымомъ, имѣвшимъ запахъ пироксилина, и посыпался дождь разбитыхъ стеколъ. Силою взрыва на верхней палубѣ были изломаны части укрѣпительныхъ кронштейновъ и головки паровыхъ тумбъ двухъ погрузочныхъ лебедокъ, тѣла которыхъ рухнули внизъ. Внутри помѣщенія стальные листы водонепроницаемой переборки, толщиной въ 8 миллиметровъ, были выпучены и раздвинуты, а заклепки въ соединеніяхъ вырваны, крѣпленія наугольнаго желѣза изломаны, деревянная бортовая обшивка расщеплена, внутреннія деревянныя застекленныя перегородки снесены со своихъ мѣстъ и частью разрушены. Стальная дверь переборки, вѣсомъ въ 18 пудовъ, была сорвана съ двухъ своихъ петель и отброшена въ сосѣднее помѣщеніе, гдѣ задержалась у вентиляціонной трубы на разстояніи 21 фута отъ мѣста своего прикрѣпленія.

Хотя главная разрушительная сила газовъ направилась по пути наименьшаго сопротивленія наружу, черезъ широкое отверстіе трюмнаго люка, и начавшійся пожаръ былъ быстро потушенъ энергичными мѣрами судовой администраціи, тѣмъ не менѣе отъ взрыва снаряда пострадало болѣе 100 человѣкъ.

Разслѣдованіемъ отмѣчено 21 убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и 83 раненыхъ, изъ числа которыхъ 52 были помѣщены на французское госпитальное судно «La Navarre», причемъ среди нихъ оказалось 24 мужчинъ, 13 женщинъ и 15 дѣтей въ возрастѣ отъ 4 до 12 лѣтъ. Большинство раненій было причинено въ верхнюю часть тѣла, — въ голову, шею, грудь и руки, нерѣдко съ поврежденіемъ костей, иногда съ ожогами отъ газовъ. Многіе получили поврежденія отъ осколковъ стекла, причемъ у одного мальчика было обнаружено на головѣ до сорока такихъ раненій.

По заключенію экспертовъ, взрывчатый приборъ представлялъ собою аппаратъ, сдѣланный изъ мѣди или латуни, снаряженный какимъ-либо бризантнымъ веществомъ и начиненный пулями неизвѣстнаго металла. Приборъ въ моментъ взрыва былъ расположенъ около водонепроницаемой переборки, отдѣлявшей эмигрантскую камеру отъ сосѣдняго пассажирскаго помѣщенія, на второй полкѣ желѣзной коечной сѣтки, на высотѣ 2 футовъ отъ пола.

Вліяніе этого взрыва на жизнеспособность корабля, не повлекшее за собою поврежденій какихъ-либо существенныхъ его частей, было, по мнѣнію экспертовъ, весьма незначительнымъ.

Происшедшій взрывъ подтвердилъ основательность тревожныхъ ожиданій пассажировъ и явился источникомъ новыхъ волненій и страховъ. Въ жуткой темнотѣ громаднаго многоэтажнаго парохода, съ узкими проходами, корридорами и кабинами, тѣсно жались испуганные люди, ожидая каждую минуту новаго, еще болѣе страшнаго взрыва.

Въ 11 часовъ 40 минутъ вечера, въ средней части корабля, на второй палубѣ, между второй и третьей трубами, въ правомъ корридорѣ каютъ 1-го класса, два гимназиста почувствовали запахъ гари, о чемъ сообщили проходившему офицеру Маркову. Въ этомъ мѣстѣ было обнаружено 6 бомбъ, соединенныхъ между собою шнуромъ, съ патрономъ и недогорѣвшимъ фитилемъ длиною въ четверть аршина. Бомбы были завернуты въ газетную бумагу и положены въ самомъ углу совершенно темнаго корридора, близъ каюты № 17.

Взрывъ въ этой части корабля, въ виду замкнутости помѣщенія, обилія сухихъ деревянныхъ частей, узости корридоровъ, близости угольныхъ ямъ, а также бездѣйствія машинъ, водопровода и освѣщенія, — грозилъ чрезвычайной силой разрушительнаго дѣйствія снаряда, большимъ пожаромъ и громадной паникой. Всѣ прилегавшія помѣщенія 1-го класса были заняты почти исключительно женщинами и дѣтьми.

По заключенію экспертовъ, при этомъ второмъ взрывѣ могли пострадать паровой трубопроводъ, часть котловъ и экономайзеровъ.

Въ теченіи дня и вечера удалось задержать на пароходѣ матросовъ бывшей команды парохода «Ріонъ» Дыкмана, Маховскаго и Логинова, которые явились, якобы, за полученіемъ причитавшагося имъ содержанія по службѣ и которые были заподозрѣны въ соучастіи во взрывѣ. Допросомъ этихъ лицъ установлено, что два другихъ матроса того-же корабля, Акуловъ и Вержбицкій, вошли въ сношеніе съ мѣстной большевистской организаціей въ Севастополѣ и получили отъ нея взрывчатыя вещества для взрыва парохода «Ріонъ».

Когда ночью, по обнаруженіи новыхъ бомбъ, было приказано Дыкману бросить ихъ съ баржи въ воду, — Дыкманъ, предполагая, очевидно, что бомбы ударныя, метнулъ ихъ на палубу подъ ноги офицеру Маркову и производившему дознаніе чиновнику Полетика, — а самъ стремительно, внизъ головой, нырнулъ въ воду, гдѣ и былъ убитъ.

При обыскѣ, произведенномъ въ четыре часа утра 30 марта въ городѣ Севастополѣ на Георгіевской улицѣ, въ домѣ № 10, въ квартирѣ Акулова и Вержбицкаго, послѣднихъ тамъ не оказалось, и былъ задержанъ лишь квартирохозяинъ Ларіоновъ съ женой, а въ общемъ сараѣ жильцовъ были найдены три электрическихъ прибора для адскихъ машинъ. На допросѣ Ларіоновъ заявилъ, что зналъ о готовившихся Акуловымъ и Вержбицкимъ на пароходѣ «Ріонъ» взрывахъ двухъ адскихъ машинъ въ 7 часовъ вечера и въ 12 часовъ ночи. Жена Ларіонова подтвердила, что 29 марта Акуловъ и Вержбицкій въ нетрезвомъ видѣ на минной пристани въ четыре часа дня говорили ей, что сегодня они подорвутъ «Ріонъ». Ларіонова предупреждала о томъ Маховскаго, совѣтуя ему не задерживаться на пароходѣ, такъ какъ тамъ приготовленъ буржуямъ «гостинецъ».

При производствѣ на пароходѣ розысковъ при помощи полицейской собаки-ищейки, послѣдняя, обнюхавъ бумагу, въ которую были завернуты найденныя въ корридорѣ 1-го класса бомбы, пробѣжала по лѣстницѣ въ каютъ-компанію, затѣмъ по верхней палубѣ, по лѣстницѣ внизъ и дошла до канцеляріи эвакуировавшагося судебно-уголовнаго отдѣленія, гдѣ бросилась прямо на Логинова. Когда ему указали на поразительный фактъ его опознанія, Логиновъ заявилъ: «Меня наказываетъ Богъ и собака», но все-же отрицалъ свою виновность во взрывѣ.

Разслѣдованіемъ установлено, что Ларіоновъ являлся однимъ изъ активныхъ большевистскихъ работниковъ, ѣздилъ въ Москву и командовалъ отрядомъ матросовъ во время борьбы съ казаками генерала Каледина.

При попыткѣ къ бѣгству съ корабля «Ріонъ» Маховскій, Ларіоновъ и Логиновъ были убиты.

Составленъ 19 апрѣля 1919 года въ городѣ Екатеринодарѣ.

Петръ Конашевичъ-Сагайдачный.

Къ 300-й годовщинѣ смерти.

20-го апрѣля с. г. исполнилось 300 лѣтъ со дня смерти Петра Конашевича-Сагайдачнаго, одного изъ наиболѣе выдающихся предшественниковъ Богдана Хмѣльницкаго въ дѣлѣ организаціи Запорожскаго казачества.

Петръ Конашевичъ происходитъ изъ украинской шляхетской семьи, жившей въ Самборщинѣ (В. Галиція). Получивъ хорошее по тому времени образованіе въ Острожской школѣ, онъ «оказачился» и уже въ первые годы XVII вѣка сталъ играть довольно видную роль въ рядахъ украинскаго казачества.

Морскіе походы противъ турокъ, предпринятые запорожцами подъ предводительствомъ Конашевича-Сагайдачнаго во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка, обратили на себя вниманіе всего міра. Походы на Трапезундъ и Синопъ въ 1614 году, походъ на Царьградъ въ 1615 году и на Каафу въ 1616 году покрыли имя Сагайдачнаго неувядаемой славой, но въ то же время заставили польское правительство, владѣвшее тогда Украиной, серьезно встревожиться новымъ ростомъ казачьяго движенія. Напуганное угрозами татарскаго реванша за казачьи походы, правительство это выслало рядъ комиссій для усмиренія «своевольниковъ» (1614, 1617 и 1619 гг). Комиссіи своими постановленіями пытались ограничить численность казачества одной тысячей человѣкъ, подчинить ихъ польской военной администраціи и лишить какого бы то ни было самостоятельнаго общественнаго и военнаго значенія.

Съ этого момента личность Сагайдачнаго начинаетъ рельефнѣе выдѣляться на историческомъ фонѣ. Изъ полулегендарнаго предводителя отважныхъ казачьихъ ватагъ онъ превращается въ реальную политическую фигуру. Въ эпоху высылки польскихъ комиссіи политика Сагайдачнаго сводится, съ одной стороны, къ тому, чтобы избѣгать вооруженныхъ конфликтовъ съ Польшей, съ другой же стороны къ тому, чтобы матеріально и морально усилить и закалить казачье войско.

Результатомъ этой политики явилось увеличеніе численности казачьяго войска до 50 000 человѣкъ. Поляки вы-

нуждены были не только считаться съ этой силой, но и прибѣгать къ ея помощи въ затруднительныхъ случаяхъ. Такъ, въ московской кампаніи 1618 года принимали участіе 20 000 казаковъ, а въ Хотинской кампаніи — 41 520 казаковъ, съ ружьями и на коняхъ. Въ обѣихъ кампаніяхъ казаками предводительствовалъ Сагайдачный; подъ Хотиномъ онъ получилъ и свою смертельную рану.

Современникъ характеризуетъ Сагайдачнаго слѣдующими словами: «это былъ человѣкъ большой отваги, все искавшій опасностей и пренебрегавшій своей жизнью; въ битву онъ шелъ первымъ, а отступалъ послѣднимъ... Въ сдерживаніи казацкаго своеволія онъ былъ такъ суровъ, что за малѣйшую провинность щедро проливалъ ихъ кровь».

Популярность Сагайдачнаго еще при его жизни была чрезвычайно велика. На ряду съ безчисленными народными пѣснями, сложенными о немъ и частью дошедшими до насъ, его прославляли и образованные круги тогдашняго украинскаго общества. Вотъ напримѣръ, въ какихъ словахъ привѣтствовалъ Кіевъ возвращеніе Сагайдачнаго изъ его отчаянно смѣлыхъ черноморскихъ походовъ:

«Се то племя славнаго народа руськаго, изъ сѣмени Яфетова, что воевало греческое царство Чернымъ моремъ и сушею, и се изъ того поколѣнія войско, что при Олегѣ монархѣ руськомъ на своихъ судахъ по морю и по землѣ плавало и Царьградъ штурмовало; это они при Владимирѣ, святомъ монархѣ руськомъ, воевали Грецію, Македонію, Илларію...»

Въ чисто политическихъ вопросахъ Сагайдачный рѣдко возвышалъ свой голосъ. Однако, онъ былъ однимъ изъ первыхъ, выставившихъ и проводившихъ въ жизнь идеалъ украинской независимости. Онъ неизмѣнно добивался для запорожскаго войска права свободной организаціи и даже права самостоятельныхъ сношеній съ чужими государствами.

Особенно замѣчательна дѣятельность Сагайдачнаго въ области религіозно-церковной. Онъ демонстративно со всѣмъ казачьимъ войскомъ записался въ члены кіевскаго церковнаго Братства, поставивъ подъ защиту сабель «низового рыцарства» украинскія національно-религіозныя стремленія. Благодаря этой могущественной защитѣ, явилась возможность возстановить въ Кіевѣ митрополію и семь епископскихъ кафедръ въ другихъ городахъ Украины.

Въ своемъ завѣщаніи Сагайдачный поровну раздѣлилъ свое имущество между церковно-благотворительными учрежденіями Кіева и Львова, давъ тѣмъ едва ли не первый въ украинской исторіи примѣръ сознательнаго отношенія къ идеѣ соборности всѣхъ украинскихъ земель.

На «жалостномъ погребѣ» гетмана триста лѣтъ тому назадъ кіевскіе студенты отдали ему поклонъ трогательными, хотя и неумѣлыми «виршами»:

«З того гетьмана каждый рыцарь нех се учить,
«Якбы ты жъ мѣлъ на свѣтѣ тотъ животъ свой кончить;

«Ото онъ въ вѣрѣ своей святой трвалъ статечне,
«И опчизны своей бронилъ тыжъ менжне,
«И мастностю своей добре шафовалъ...»

Исторія сохранила намъ и портретъ Сагайдачнаго. Находится онъ въ посмертномъ панегирикѣ, изданномъ Касьяномъ Саковичемъ въ Кіевѣ въ 1622 году. Неизвѣстный кіевскій граверъ изобразилъ гетмана верхомъ на конѣ, обращенномъ вправо и неспокойно роющемъ землю правой передней ногой. Самъ гетманъ, обращенный въ три четверти къ зрителю, лѣвой рукой придерживаетъ поводья, а въ правой держитъ булаву. Одежду его составляютъ мѣховой колпакъ съ поднятымъ матерчатымъ верхомъ и длинная въ обхватъ бекеша, застегнутая рядомъ мелкихъ пуговокъ. Сзади съ правой стороны свисаетъ узорчатый сагайдакъ (— лукъ, отсюда и прозвище «Сагайдачный), а изъ-подъ лошади выглядываетъ конецъ кривой сабли. Нога въ высокомъ сапогѣ упирается носкомъ въ стремя. Изъ-подъ сѣдла виднѣется узорчатый чепракъ. На лѣвой сторонѣ рисунка помѣщенъ гербъ «Побогъ» (подкова съ крестикомъ) и начальными буквами имена гетмана. Вверху гравюры, вокругъ головы гетмана бѣжитъ надпись кириллицею въ два ряда: «Петръ Конашевичъ-Сагайдачный гетьманъ войска Е. К. М. Запор.» Миніатюрное лицо гетмана, обусловленное размѣрами гравюры, характеризуется продолговатымъ, слегка орлинымъ носомъ, выдвинутой нижней губой и длинной боярской бородой.

Украинскія организаціи въ В. Галиціи и Польшѣ ознаменовали 300-лѣтіе смерти Сагайдачнаго рядомъ панихидъ, научныхъ засѣданій и докладовъ.

Издательница:
О. Л. Дьякова.

Редакторъ-Издатель:
И. П. Петрушевскій.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 084987038